

Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ

**ЦАРСТВОВАНИЕ
АННЫ ИОАННОВНЫ:
формирование
внутриполитического курса
и судьбы армии
и флота**

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова
Исторический факультет

Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ

**ЦАРСТВОВАНИЕ
АННЫ ИОАННОВНЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
И СУДЬБЫ АРМИИ
И ФЛОТА
1730 — 1735 г.**

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова
Исторический факультет

Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ

**ЦАРСТВОВАНИЕ
АННЫ ИОАННОВНЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
И СУДЬБЫ АРМИИ
И ФЛОТА
1730 — 1735 г.**

Научное издание

Санкт-Петербург
Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
2001

ББК ЕЗ(2)463
УДК [947+957]«17»(092)
П 31

Петрухинцев Н. Н.

П 31 Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730 – 1735 г.: — СПб.: Алетейя, 2001. — 352 с.
ISBN 5-89329-407-6

В монографии дается общий очерк внутриполитического курса начала царствования Анны Иоанновны на широком фоне политической борьбы в обществе, рассматривается влияние этой борьбы и дворцовых интриг на процесс его формирования, характеризуются основные составляющие внутриполитической программы 1730 – 1732 г., воплотившей его. Правительственная политика в отношении армии и флота анализируется в контексте этого курса: показывается механизм ее формирования; выявляются ее инициаторы и основные факторы, влияющие на нее; демонстрируются результаты ее воплощения на практике. Преимущественное внимание уделяется основным комплексам военных преобразований 1730-х г.: созданию новых гвардейских полков и кадетского корпуса; военно-оборонительным мероприятиям на южных границах и связанному с ними расширению ландмилиции; деятельности Военской сухопутной и Военской морской комиссий первой половины 1730-х г., а также трансформации правительственных решений при соприкосновении с практикой (в том числе и под влиянием русско-турецкой войны 1735 – 1739 г.).

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 00-01-16172*

ISBN 5-89329-407-6

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© Петрухинцев Н. Н., 2001 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая четверть XVIII столетия — время между эпохальными реформами Петра и блестящей екатерининской эпохой, лишенное череды ярких событий и не давшее в силу исторических условий плеяды талантливых мемуаристов, которым удалось бы обрисовать его для нас выпукло и зримо, осталось и в историографической традиции своеобразным «безвременьем», в оценке которого до сих пор продолжают сказываться (если не господствовать) штампы, сложившиеся на протяжении XVIII–XIX веков.

Один из таких штампов — стереотип «бироновщины», начавший складываться, очевидно, еще в елизаветинское царствование, возможно, подкрепленный оценкой Екатерины II дела Волынского¹, огрубленный до гротескных черт в исторической беллетристике первой половины XIX в.², широко проник в массовое историческое сознание.

Ближайшим следствием этого является распространенное представление о крайнем субъективизме в формировании внутренней политики в 1730-е гг. и сведение последней к цепи слабо связанных между собой мероприятий, диктовавшихся часто прихотями и произволом фаворитов, стоящих у власти. В немалой степени благодаря этому внутренняя политика аннинского царствования как комплекс взаимосвязанных акций долгое время не изучалась, что объясняет отсутствие научно разработанной ее картины и в настоящее время.

Особенно сильно влияние стереотипа «бироновщины» ощущалось в дореволюционной литературе.

Свободными от него были лишь самые первые оценки отдельных эпизодов царствования Анны Иоанновны, определившиеся еще в XVIII в., в частности, версии событий, связанных с попыткой ограничения самодержавия в 1730 г., данные их участниками — В. Н. Тати-

¹ Завещание императрицы Екатерины II по делу Артемия Волынского // ЧОИДР. 1858. Кн. IV. Отд. V. С. 143–144.

² Наиболее ярким примером служит в данном случае роман Лажечникова «Ледяной дом».

щевым и Феофаном Прокоповичем. Однако их записки, появившиеся почти сразу после событий и не без стремления оправдать собственную позицию в них, стали доступными читателю и оказали свое влияние на последующую историографию в основном уже после публикации их в XIX в.³

В конце XVIII — первой половине XIX в. история аннинского царствования находила свое отражение преимущественно в отдельных статьях и публикациях мемуарных и эпистолярных источников на страницах литературных и историко-публицистических «толстых» журналов⁴.

Эта тенденция в изучении событий 1730-х годов преобладала и во второй половине XIX в.

Рост национального самосознания, вызванный буржуазными реформами 1860-х гг., обусловил первый пик интереса к событиям аннинского царствования, пришедшийся на середину 1850-х — 1870-е гг., «питательной почвой» для которого стал расцвет русской журналистики в этот период. Тогда же оформился и основной круг тем: 1) события 1730 г., рассматриваемые как попытка осуществления идеи дворянского («народного») представительства в верховной власти⁵; 2) феномен «бионовщины»⁶; «дело Волынского»⁷; 3) биографии государственных деятелей и наиболее ярких представителей русской культуры и общественной мысли 1730-х гг. — Остермана, Бирона, Миниха с их окружением; Татищева, Прокоповича и Кантемира⁸. Те же сюжеты были основными в исторической публицистике и в последующем, в 1890-х — 1910-х гг.

³ Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Утро. Лит. сб. — М., 1859. С. 369–379; Прокопович Ф. «О конце Петра II» // Русский архив. 1909. Кн. 1. С. 430–442.

⁴ Фундамент изучения был заложен еще в XVIII веке публикацией как отдельных источников, так и исследований преимущественно в немецкоязычных изданиях Миллера и Бюшинга (Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. — Томск, 1988. С. 195–198; 239–242), причем в некоторых случаях последний являлся и инициатором появления мемуарных свидетельств (Там же. С. 197).

⁵ Щербальский П.К. Вступление на престол императрицы Анны // РВ. 1859. Кн. 1; Карнович Е.П. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1–2.

⁶ Карнович Е.П. Значение бионовщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 10. С. 541–583.

⁷ Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. II. С. 135–170.; Шишкин И.И. А.П. Волынский: Биографический очерк // ОЗ. 1860. Т. 130. С. 89–118, 537–606; Корсаков Д.А. А.П. Волынский: Биографический очерк // Дневная и новая Россия. 1876. Кн. 1. 1877. Кн. 1–3.

⁸ Хмыров М.Д. Обстоятельства, приготовившие опалу Э.И. Бирена, герцога курляндского // Время. 1861. № 1.; Он же: Густав Бирен — брат регента //

В 50-е—70-е годы наибольший интерес вызывала попытка ограничения самодержавия в 1730 году.

На страницах историко-публицистических журналов и в отдельных изданиях, связанных с ними, начал формироваться основной круг мемуарных и документальных источников по этой проблеме⁹, существенно расширенный в работах С. М. Соловьева и Д. А. Корсакова¹⁰, ставших первыми серьезными научными версиями событий 1730 г.

Началось и серьезное изучение внутренней политики Анны Иоанновны, но преимущественно в рамках отдельных ее аспектов и отдельных внутривластных акций, характеристика которых давалась в общих работах, посвященных деятельности наиболее видных представителей русской культуры (труды Н. С. Попова о В. Н. Татищеве¹¹ и И. Чистовича о Феофане Прокоповиче¹²), истории государственных учреждений (А. Д. Градовского об институте

Русский мир. 1862. № 2–3. (В 1865 г. М. Д. Хмыровым была подготовлена статья о Минихе для «Отечественных записок», не напечатанная тогда («Генерал-фельдцейхмейстерство графа Миниха» опубликовано в приложении к изданию «записки фельдмаршала графа Миниха» — СПб., 1874. С. 217–238)); Шубинский С. Граф Андрей Иванович Остерман. 1868–1746: Биографический очерк. — СПб., 1863. Существенная часть работы Карновича «Значение бирюзовщины...» также посвящена личности самого Бирона.

⁹ Татищев В. Н. Произвольное и согласное рассуждение... шляхетства русского о правлении государственном // Утро: Лит. сб. М., 1859. (публикация М. П. Погодина); издание записки Бирона М. Д. Хмыровым (Время. — СПб., 1861. № 1); публикация П. И. Бартевелем «Писем о России в Испанию дука де-Лириа» (См.: ОВ. — СПб., 1869. Кн. 2–3); писем Анны Иоанновны, Бирона и Остермана; списка русского генералитета на 1730 г. (Там же. Кн. 3); публикация К. Н. Бестужевым-Рюминым части документов 1730 г. («кондиций», «проекта общества», свидетельских показаний Василия Степанова о составлении кондиций (без указания авторства), записки Ф. Прокоповича о суде над верховниками) (См.: Памятники новой русской истории. Т. 1. — СПб., 1871. Там же были опубликованы материалы допросов Долгоруких, извлечения из донесений иностранных послов о событиях 1730 г.). В тот же период были изданы по рукописи записки Манштейна (отдельным приложением к «Русской старине» — СПб., 1875) и Миниха (СПб., 1874); «Письма о России леди Рондо» (СПб., 1874); «Замечания на записки Манштейна о России» с приписыванием авторства П. И. Панину (РС. 1879. № 11–12. С. 363–410; 567–616); пояснения и примечания к «Письмам леди Рондо» (РС. 1878. № 2. С. 325–346) — словом, был переиздан на более высоком публикаторском уровне почти весь пласт мемуарной литературы не только о событиях 1730 г., но и обо всем царствовании Анны Иоанновны.

¹⁰ 19-й и 20-й тома «Истории России...» С. М. Соловьева были изданы в 1869 и 1870 гг., через десятилетие вышел в свет труд Д. А. Корсакова «Воспарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880).

¹¹ Попов Н. А. Татищев и его время. — М., 1861.

¹² Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — СПб., 1868.

генерал-прокуроров¹³, сословной¹⁴ и податной¹⁵ политике русского государства в XVIII в.

Первой (и надолго оставшейся единственной) научной работой, давшей связную картину событий 1730–1740 г. в их целостности, были 19 и 20 тома «Истории России» С. М. Соловьева. Впервые внутренняя и внешняя политика царствования Анны Иоанновны подверглись изучению на столь широком массиве архивных материалов. Выявленный С. М. Соловьевым комплекс архивных фондов и дел и до сих пор является основой источниковой базы для исследования внутренней политики того времени.

С. М. Соловьевым были отмечены почти все наиболее значительные события в области внутренней политики: отмена майората в 1731 г.¹⁶; попытки административных реформ¹⁷; манифест 31 декабря 1736 г. о 25-летней службе дворянства, «составивший эпоху в истории русского дворянства в первой половине XVIII века»¹⁸; работа над новым Уложением¹⁹ и так далее.

Однако эти события были скорее обозначены и перечислены, чем систематизированы и осмыслены в какой-то общей концепции внутренней политики. Оценочный материал зачастую теряется в массиве текстов, а сами оценки в большинстве случаев крайне осторожны. Тем не менее Соловьев отметил, что некоторые внутриполитические акции первых лет правления Анны Иоанновны являются ответом на дворянские требования 1730 г.²⁰, уловил попытки правительства продолжить начатое Петром развитие торговли и промышленности²¹. Стремясь выявить причины их неудач, он объяснял их не только ошибочно спланированными и исполненными мероприятиями, но

¹³ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. — СПб., 1866.

¹⁴ Романович-Славатинский А. Д. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. — СПб., 1870; Шапов А. П. Состояние русского духовенства в XVIII столетии // Православный собеседник. Казань, 1862. № 5. С. 16–40; № 6. С. 173–206; Знаменский П. В. Законодательство Петра Великого относительно православного духовенства // Там же. 1863. № № 7, 9. С. 45–77; № 10. С. 125–158; № 12. С. 372–405; его же: Об отношении гражданской власти к русскому духовенству в XVII и XVIII столетиях // Там же. 1865. № 4. С. 290–302.

¹⁵ Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях // Труды комиссии, высочайше утвержденной, для пересмотра системы податей и сборов: Материалы. — СПб., 1862.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. — М., 1963. С. 223–225; 228–230.

¹⁷ Там же. С. 223, 229, 232, 234–235, 239–240.

¹⁸ Там же. С. 468.

¹⁹ Там же. С. 227–228.

²⁰ Там же. С. 223–227.

²¹ Там же. С. 485–489.

и объективными условиями («...для всего этого нужны были капиталы, а их было мало в бедной непромышленной стране...»²²).

Но в целом изложение событий было перенасыщено сведениями о неудачах в исполнении задуманных планов, подкреплявшими уже сформировавшееся ранее одностороннее негативное представление о результатах аннинской внутренней политики, оно усиливалось сведениями о репрессиях и отрицательными оценками Бирона и его окружения, вводимыми Соловьевым в традиционные рамки «бионовщины»²³.

Возможно, реакцией на это стала вышедшая через некоторое время статья Е. П. Карновича²⁴, предпринявшего попытку заново осмыслить феномен «бионовщины».

Отметив крайне недостаточную и фрагментарную изученность царствования Анны Иоанновны и односторонность ее, проявившуюся в акцентировке негативных сторон, Карнович справедливо указал, что правление Анны как бы выпало из общего контекста исторических событий. Предприняв попытку сравнительного анализа аннинского законодательства с политикой предшествующего и последующего периодов, он в конечном счете пришел к выводу, что нет оснований говорить о какой-то особой ступени или этапе во внутренней политике России в 30-е гг. XVIII в., отличавшейся антинациональным характером, что в общем она не разрывала с курсом, типичным для XVIII столетия²⁵. Влияние Бирона, по мнению автора, практически не шло дальше обычного влияния фаворитов, он почти не вмешивался во внутреннюю политику²⁶, и само понятие «бионовщины» является, по сути, историческим мифом, созданным в основном беллетристикой в первой половине XIX века²⁷. Таким образом, в 70-е гг. родилась и новая оценка внутренней политики 1730-х гг., реабилитировавшая Бирона.

Однако базой подобного рода оценок оставалось законодательство, помещенное в ПСЗ, и опубликованные источники мемуарного характера²⁸. Недостаточность круга опубликованных источников

²² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 496.

²³ Там же. С. 259–269.

²⁴ Карнович Е.П. Значение бионовщины...

²⁵ Там же. С. 570, 582.

²⁶ Там же. С. 570–571.

²⁷ Там же. С. 544–545.

²⁸ Уже упомянутая в прим. 10 мемуарная литература; Ягужинский П.И. Записка П. И. Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. 1860. Кн. IV. Отд. 5. С. 269–273; Волынский А.П. «Мнение» 1735 г. // ОЗ. 1860. № 6. С. 593–605; Остерман А.И. Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне. 1740 // Памятники новой русской истории. Т. 3. — СПб., 1873. С. 256–277; Проекты Аннинских времен // Там же. С. 278–287; Записка для памяти А. И. Остермана об управлении Россиею // Архив князя Воронцова. Т. 24. М., 1880. С. 1–5.

существенно снижала возможности исследователей, поэтому настоятельно требовалось его расширение.

1880-е — 1890-е гг. были ознаменованы в первую очередь началом серийных многотомных публикаций документов центральных государственных учреждений и донесений иностранных послов²⁹ и изданием других источников по внутренней политике 1730-х гг.³⁰ Вероятно, первоначально эти издания были вызваны преимущественно интересом к событиям 1730 г., однако действительное их значение оказалось шире: они давали возможность обратиться к широкому кругу проблем внутренней и внешней политики аннинского царствования и рассмотреть их в контексте событий всей послепетровской эпохи. Не случайно, что новый поток работ появился уже после завершения этих публикаций, в 1900-х и 1910-х гг.

В предреволюционный период историческая публицистика постепенно уступает свою ведущую роль в изучении аннинского царствования серьезным научным исследованиям.

Исключением по-прежнему остается сюжет, связанный с попыткой ограничения самодержавия в 1730 г., отраженной в ряде публикаций, вызванных революцией 1905 г.³¹ События 1730 г., рассматриваемые как вариант мирного демократического переворота, произведенного не без инициативы, идущей сверху, импонировали политическим взглядам многих идеологов буржуазных и мелкобуржуазных слоев, поэтому в трактовке темы усиливается акцент, связанный с положительной оценкой инициаторов ограничения само-

²⁹ Журналы, протоколы и указы Верховного Тайного Совета 1726–1730 гг. // Сб. РИО, Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. — СПб., 1886–1898; Бумаги кабинета министров Анны Иоанновны // Сб. РИО. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. — Юрьев, СПб., 1888–1915. К сожалению, не были изданы журналы Сената; лишь отдельные фрагменты журналов 30-х годов, более последовательно изданные с 1740 г., вошли в «Сенатский архив» (Т. 2. — СПб., 1889); Донесения английских послов и посланников при русском дворе // Сб. РИО. Т. 66. — СПб., 1889; Т. 76. — СПб., 1891; Т. 80. — СПб., 1892; Донесения французского поверенного в делах Маньяна // Сб. РИО. Т. 75. — СПб., 1892.

³⁰ Публикации протоколов ВТС и публикации отдельных записок и проектов по вопросам внутренней политики в исторических сборниках и периодике: доклад Сената 1725 г. «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести» // ЧОИДР. 1897. Ч. 4. С. 29–52; Записка Меншикова, Остермана, Макарова от 18 ноября 1726 г. // 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904. — СПб., 1911. С. 45–58; Представление об утеснении народа от подушного сбора (1733) // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. С. 29–38. (Публикация А. Н. Филиппова).

³¹ Переиздание работы П. Н. Милюкова «Верховники и шляхетство». — Ростов-на-Дону, 1905; *Носков Н. Д.* Попытки ограничения самодержавия в XVIII и XIX вв. — СПб., 1906.

державия в среде верховников³². Однако несколько видоизмененная трактовка темы давалась в основном на старом материале, лишь незначительно обновленном новыми публикациями источников в 1900-е гг.³³

В научной литературе по-прежнему изучались преимущественно лишь отдельные аспекты внутренней политики 1730-х годов в исследованиях, охватывающих, как правило, более значительные хронологические периоды. В этих рамках облегчившийся доступ к архивам и усложнение методики исторического исследования позволили перейти к углубленному изучению наиболее значимых внутривнутриполитических мероприятий аннинского времени.

Изменилась и тематика работ: в связи с усилившимся в обществе интересом к социально-экономическим проблемам (обусловленным как распространением марксистских взглядов, так и конкретными потребностями в изучении экономических дисциплин, вызванными развитием капитализма) все большее значение приобретают исследования экономики и финансов русского общества в XVIII в.

В них был собран богатый фактический материал о размерах доходов с таможенных и кабацких сборов, организации взимания последних; охарактеризована попытка правительства упорядочить финансовую систему, ликвидировав группу «канцелярских сборов», лишь обременявших правительственный аппарат во время сбора налогов (А. А. Кизеветтер)³⁴; прослежены основные черты развития денежной системы при Анне Иоанновне³⁵; через анализ нового та-

³² Особенно ощутимо это сказалось в упомянутой работе П. Н. Милюкова, вышедшей первым изданием в 1894 г. под названием «Попытки государственной реформы при воцарении Анны Иоанновны» // В пользу воскресных школ. — М., 1894. Полемика с ней с консервативных позиций ощутима в исследованиях А. С. Алексеева (Алексеев А. С. Легенда об олигархических тенденциях Верховного Тайного совета в царствование Екатерины I. — М., 1896; *Его же*. Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. — М., 1898).

³³ Из новых материалов можно отметить лишь публикацию двух проектов указов марта 1730 г. вместе с переизданием записки Ф. Прокоповича о суде над верховниками, осуществленную Н. В. Голицыным (В статье: Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. № 4. С. 519–543), а также депеш датского посланника Вестфалена Д. А. Корсаковым в «Русской старине» (1909. № 1. С. 193–211; № 2. С. 279–298; № 3. С. 537–554). Почти одновременно были переизданы «Записки дюка Лирийского» и записка Ф. Прокоповича «О конце Петра II» в приложении к ним (См.: РА. 1909. Кн. 1. С. 337–442).

³⁴ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. — М., 1903.

³⁵ *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века // Зап. нумизмат. отд-ния Рус. археолог. об-ва. Вып. 1–2. —

моженного тарифа 1731 г. показаны особенности умеренно-протекционистской таможенной политики аннинского царствования на общем фоне развития таможенной и торгово-промышленной политики XVII–XVIII вв.³⁶ Н. Д. Чечулин в очерке финансовой политики, предваряющем основное содержание его работы о финансах Екатерины II³⁷, проанализировал содержание нового регламента Камер-коллегии 1731 г., пришел к выводу о некотором сужении ее функций по сравнению с петровской и охарактеризовал финансовую политику и структуру бюджета России в 1730-х гг.

Тенденция к изучению экономических процессов повлияла и на экономическую окраску исследований по традиционной тематике, например, в области сословной политики по отношению к церкви³⁸, проявившуюся в работах П. В. Верховского и В. Э. Дэна. Значительная их часть была посвящена развитию землевладения церкви и духовенства а также земельной и податной политике государства по отношению к ним.

Изучение истории центральных и местных административных учреждений тоже испытало на себе подобное влияние, проявившееся наиболее ярко в труде Ю. В. Готье³⁹. Наряду с развитием системы местных органов власти были рассмотрены и изменения в податной политике государства в начале 1730-х гг., оценивавшиеся как заключительный этап частичной контрреформы петровской податной системы. Следует отметить также и монографию М. М. Богословского⁴⁰ как основу для анализа истории местных административных учреждений, позволившую Ю. В. Готье рассмотреть административную политику Анны Иоанновны в широком историческом контексте.

СПб., 1910; Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования Анны Иоанновны и Иоанна III. Вып. 8. — СПб., 1903.

³⁶ *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. — СПб. 1886.

³⁷ *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. — СПб., 1906. Ч. 1.

³⁸ *Верховский П. В.* Вопрос о церковных имениях в 20-х гг. XVIII столетия. — СПб., 1907; Его же: Вопрос о церковных имениях в царствование Анны Иоанновны (1730–1740). СПб., 1908. (Обе работы почти без изменений вошли в кн.: Верховский П. В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и канцелярия экономического правления (15 июля 1726 — 12 мая 1763). — СПб., 1909.); *Дэн В. Э.* Податные элементы среди духовенства России в XVIII в. // *Известия Российской Академии Наук.* — Пг., 1918. Вып. 5. С. 267–293; Вып. 6. С. 413–445; Вып. 7. С. 679–708; Вып. 13. С. 1357–1359.; *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. — Вильна, 1905.

³⁹ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. — М., 1913; Т. 2. М., 1943.

⁴⁰ *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. — М., 1902.

Традиционная тема — история центральных правительственных учреждений — была продолжена в работах А. Н. Филиппова⁴¹ и в ряде трудов и публикаций источников, приуроченных к их юбилеям⁴². А. Н. Филиппов, используя в качестве критерия юридические акты, определявшие компетенцию государственных учреждений, подробно рассмотрел историю Сената и Кабинета министров на протяжении 1730-х годов, попытался выявить эволюцию и выделить этапы в развитии этих учреждений, определявшиеся, по его мнению, их реальным весом в борьбе группировок в обществе. Применительно к середине 1730-х годов он даже несколько переоценил влияние этой борьбы, не имевшей, очевидно, тогда уже серьезного значения.

Введение в научный оборот нового материала, обобщенного в указанных выше работах, и выход в свет многотомных публикаций документов правительственных органов, огромная роль в издании которых принадлежала тому же А. Н. Филиппову, создали условия для появления обобщающих работ по крупным проблемам внутренней политики аннинского царствования.

К сожалению, обе попытки подобных исследований, предпринятые почти одновременно В. Н. Бондаренко и В. Строевым⁴³, оказались в целом неудачными. В. Н. Бондаренко, базировавшийся на опубликованных материалах Кабинета министров, не смог преодолеть проблем, создаваемых бессистемным характером их публикации, и в итоге не сумел создать сколько-нибудь цельной картины и концепции финансовой политики аннинского царствования, ограничившись группировкой материалов по определенным разделам, довольно эклектично сцепив их зачастую несовместимыми оценками С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и А. Н. Филиппова. Заслугой Строева, пошедшего по пути некритического следования концепции Е. П. Карновича, отрицавшего бироновщину как явление, можно считать лишь сведение воедино материалов по истории политиче-

⁴¹ Филиппов А. Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Ч. 1. — Юрьев, 1895. Его же: Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711–1741). — СПб., 1911. (Та же работа вышла в юбилейной серии как ее первый том: История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911. Т. 1. — СПб., 1911). А. Н. Филиппов был также и организатором многотомной публикации бумаг Кабинета министров (См. прим. 30).

⁴² Вышеупомянутая «История Правительствующего Сената за 200 лет»; Мурзанов В. А. Правительствующий Сенат (Господа Сенат). 22 февр. 1711 — 22 февр. 1911: Список сенаторов. — СПб., 1911; 200-летие Кабинета Его императорского величества. 1704–1904. — СПб., 1911.

⁴³ Бондаренко В. Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоановны. — М., 1913; Строев В. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. — М., 1909.

ской борьбы в первый месяц по воцарении Анны Иоанновны и попытку провести выборку касающихся внутренней политики материалов из личной переписки Бирона.

Таким образом, внутренняя политика аннинского царствования оказалась изученной в дореволюционной исторической науке лишь фрагментарно. Цельная ее картина не была создана, а в оценках отдельных мероприятий продолжало сказываться традиционное восприятие через стереотип «бионовщины», приводившее прежде всего к искажению механизмов формирования внутренней политики, что выражалось наиболее зримо в приписывании инициативы основных внутривнутриполитических акций Бирону, Остерману или Миниху. Сложился фундамент источниковой базы для ее изучения, представленный в дореволюционных изданиях достаточно полно выявленными мемуарными материалами и документами центральных правительственных органов, однако в подборе источников для публикации явно не хватало системы, к тому же их было недостаточно для построения обобщенной концепции аннинской внутренней политики.

* * *

Цельная картина внутренней политики 1730-х гг., логики ее формирования и развития не сложилась, к сожалению, и в **советской и постсоветской исторической науке**. Советские историки, до 50-х гг. не занимавшиеся специально исследованием даже отдельных аспектов внутренней политики этого времени, ограничивались переосмыслением, а часто и повторением выводов дореволюционных историков в общих курсах по истории СССР, лишь смещая акценты в обобщающих оценках событий 1725–1762 гг. в сторону повторенного В. И. Лениным за В. О. Ключевским определения этого периода как «эпохи дворцовых переворотов»⁴⁴.

Для раннего периода развития советской историографии, характеризовавшегося переосмыслением ранее накопленного материала на базе марксистской методологии, типичным было обращение преимущественно к истории событий 1730 г., рассматриваемых как одна из ступеней в развитии дворянского государства и дворянской общественной мысли⁴⁵.

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 443.

⁴⁵ Начат был этот процесс еще в дореволюционной работе Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (Часть III. Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. Главы III, IV), которая здесь использована по изданию: Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. XXI. М.-Л., 1925; Богословский М. М. Конституционное движение 1730 г. — Пг., 1918 (работа оставалась в рамках буржуазной методологии); Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. — М.-Л., 1925; Вознесенский С. В. Дворянская реакция после смерти Петра Великого: Из эпохи дворцовых переворотов // Русское прошлое. — Пг., 1923. Кн. 2. С. 22–54.

На анализе же собственно внутренней политики Анны Иоанновны в 20-е гг. сказалась концепция М. Н. Покровского, сформировавшаяся еще в 1910-х гг., в которой традиционная версия «бироновщины» оказалась модернизированной: 1730 г. стал попыткой торговой буржуазии добиться участия во власти, сомкнувшейся с дворянской борьбой за права, приведшей, однако, лишь к победе Бирона и «господству западноевропейского капитала над русской внутренней и внешней политикой»⁴⁶. Среди других событий царствования Анны Иоанновны исследователей привлекал в основном лишь закон 7 января 1736 г. о прикреплении мастеровых к заводам, ставший одним из ключевых пунктов в дискуссии о природе русской мануфактуры в XVIII в.⁴⁷

На протяжении 20-х гг. появлялись и специальные работы, посвященные отдельным событиям аннинской внутренней политики. Это, прежде всего, статья Ю. В. Готье, возникшая в процессе обработки документов Госархива, поступивших в распоряжение историков. Ю. В. Готье попытался реконструировать на основании дошедшего до нас комплекса дел, связанных с процессом А. П. Волынского, общую картину его проектов и содержания главного из них⁴⁸.

Вторая половина 30-х гг. была ознаменована новым возвращением темы в русло исторической публицистики, на которую легла мрачная тень процессов 30-х гг.: сохранение влияния традиционных штампов, сложившихся в дореволюционной историографии, демонстрирует популярная работа М. Семина⁴⁹, в которой образ антинациональной «бироновщины» приобретает чуть ли не карикатурно-гротескные черты. Отдав дань обычной для того времени критике «школы Покровского», автор тем не менее не смог не отметить влияния дворянских требований 1730 г. на внутреннюю политику Анны Иоанновны⁵⁰.

⁴⁶ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. — М., 1933. Т. 2. С. 256, 267, 274. Влияние «школы Покровского» чувствуется и в вышеприведенной статье С. В. Вознесенского.

⁴⁷ Солнцев С. И. К вопросу о социальном составе рабочих на мануфактурах первой половины XVIII в.; Томсинский С. Г. Крепостной или вольнонаемный рабочий // Крепостная мануфактура в России. Часть IV. Социальный состав рабочих первой половины XVIII века. — Л., 1934. С. XXII, XXVIII–XXXVIII. См. также: Заозерская Е. И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20–60 гг. XVIII в. — М., 1966. С. 10–16.

⁴⁸ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волынского // Дела и дни. — Пг., 1922. Кн. III. С. 1–31.

⁴⁹ Семин М. Бироновщина // Ист. журнал. 1938. № 4. С. 25–39. Отмеченную сторону работы ярче всего характеризует иллюстрация к ней: преотвратительного вида Бирон целует руку глупо улыбающейся государыне, запуская другую за спиной в государственную казну на фоне открытой двери, за которой протянулись в ряд виселицы и колеса с телами казненных...

⁵⁰ Там же. С. 26.

Еще одной попыткой разобраться в природе бироновщины с новых методологических позиций стала IV глава работы Я. Я. Зутиса, появившейся в 1946 г.⁵¹ Автор, исследовавший события 1730-х гг. с нетрадиционной стороны — с точки зрения комплекса проблем развития прибалтийских земель в XVIII веке, — пришел в конечном счете к выводу, опровергающему в некоторой степени построения Е. П. Карновича и В. Н. Строева — что «бироновщина» существовала как явление. Но его взгляды на ее природу отличались от исторического стереотипа, рассматривающего «бироновщину» прежде всего как антинациональную политику.

Проанализировав доступные ему количественные данные и рассмотрев обращение к услугам иностранцев как обычную практику многих европейских стран того времени⁵², он пришел в результате к тому, что, хотя число иностранцев при аннинском дворе и было ненамного большим, чем при Петре, однако в силу прежде всего более ярко выраженной, чем в России, корпоративной сплоченности остзейского дворянства⁵³, они выступили объединенной группой, оказавшейся способной осуществить в интересах русского дворянства «систему террора... направленного против „старых фамилий“ или знати»⁵⁴. Тем не менее влияние «немцев» даже на политику в отношении остзейских земель было ограниченным⁵⁵. Все это определило и конечную оценку бироновщины как «военной диктатуры и системы террора, имевших своей целью и назначением укрепление самодержавия и классового господства русского дворянства», получившей «некоторую немецкую окраску»⁵⁶.

В дальнейшем в советской исторической науке более не предпринималось специальных попыток оценить внутреннюю политику Анны Иоанновны в целом или серьезно разобраться в сути «бироновщины». Так же, как и до революции, преимущественно продолжали изучаться отдельные внутриполитические мероприятия, но и здесь серьезный сдвиг в изучении событий 30-х годов XVIII в. наметился лишь в 50-е годы.

Первоначально события аннинского царствования затрагивались в основном в работах, посвященных В. Н. Татищеву⁵⁷. Исследова-

⁵¹ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. — Рига, 1946.

⁵² Там же. С. 139.

⁵³ Там же. С. 152.

⁵⁴ Там же. С. 138.

⁵⁵ Там же. С. 163–176 (особенно — С. 173).

⁵⁶ Там же. С. 182.

⁵⁷ Алефиренко П. К. Экономические взгляды В. Н. Татищева // ВИ. 1948. № 12; Её же: Социально-политические воззрения В. Н. Татищева // ВИ. 1951. № 10; Бак И. С. Экономические воззрения Татищева // ИЗ. Т. 54. — М., 1956. Характеристика экономических воззрений В. Н. Татищева и А. П. Волынского дана также в кн.: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. — М., 1955.

ния, анализирующие его деятельность и общественно-политические взгляды, и до сих пор остаются важным источником сведений по экономике, политике и идеологии этого времени.

Интерес к Татищеву вызвал из небытия ряд тем, которые, в противном случае, еще долго оставались бы, возможно, вне поля зрения исследователей⁵⁸. Большое значение имело и новое издание произведений Татищева, осуществленное на высоком историко-ведческом уровне и значительно расширившее весьма скудную в советский период базу опубликованных источников по внутренней политике⁵⁹. Однако, как представляется, в настоящий момент отсутствие исследований, детально анализирующих общий ход развития внутривнутриполитических процессов, современных Татищеву, оказывается фактором, ограничивающим понимание многих его работ.

Одним из первых трудов, охватывающих в целом отдельный аспект внутренней политики 1730–1740 гг., была отличающаяся высоким уровнем научной обработки материала обстоятельная монография Н. И. Павленко о развитии металлургической промышленности Урала в ранее слабо изученный период 1720-х — 1730-х гг.⁶⁰ Проанализировав политику правительства Анны Иоанновны в области металлургической промышленности, автор пришел к выводу, что она в основном не выделялась из общего фона протекционистской по своей сущности политики 20-х — 40-х годов, продолжавшей в основных направлениях петровскую; что некоторые акции правительства Анны Иоанновны шли даже дальше намеченного Петром (оценка Берг-регламента 1739 г. как акта, в котором принципы горной свободы получили даже большее развитие, чем в петровской Берг-привилегии 1719 г.⁶¹).

Большой заслугой Н. И. Павленко было то, что впервые, по сути, была сделана попытка анализа **механизма** принятия решений правительственными кругами по вопросам развития промышленности.

⁵⁸ Еще в дореволюционной историографии благодаря работам о Татищеве был подобран первоначальный материал по истории металлургии, по истории национальной политики России в Приуралье и Поволжье; развитию торговли и промышленности; общественно-политической борьбе. Без него трудно себе представить нижеприведенные работы Н. И. Павленко, серию работ А. И. Юхта.

⁵⁹ Начато в 1950-е гг. (*Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. — М., 1950; публикация Н. Ф. Демидовой и Н. И. Павленко материалов по истории горного дела (См. Ист. архив. 1950. Т. V; 1951. Т. VI; 1953. Т. IX) и др.). Наибольшее значение, конечно, имело переиздание «Истории Российской», «Материалов к ней» (Т. VII) и «Избранных произведений» (М.-Л., 1962–1968, 1979).

⁶⁰ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. — М., 1953.

⁶¹ Там же. С. 517.

В результате становилось очевидным, что правительственные акции, как правило, не были результатом чьего-либо произвола, а проходили длительное предварительное обсуждение и в большинстве случаев предлагались органами горного ведомства, исходившими из принципов политики меркантилизма и из конъюнктуры, складывающейся в области производства, сбыта и на рынке рабочей силы. Исследование Н. И. Павленко давало подробные количественные характеристики металлургической промышленности изучаемого периода, а также позволяло воссоздать историю решения в 30-е гг. многих важных проблем (таких, в частности, как передача казенных предприятий в частные руки; история разработки промышленного законодательства и др.).

Исследование Р. И. Козинцевой таможенного тарифа 1731 г. также не позволило ей оценить эту акцию аннинского правительства как резко порывающую с предшествующим ходом торгово-промышленной политики, и в конечном счете она пришла к выводу об умеренно-протекционистском характере нового тарифа, хотя и несколько подкорректированного в классовых и личных интересах представителей правительственных кругов⁶². Некоторые аспекты политики в отношении купечества и торговли были освещены в 50-е гг. в работах М. Я. Волкова и В. В. Лебедева⁶³.

Традиционной для советской историографии теме классовой борьбы была посвящена появившаяся в 50-е гг. монография П. К. Алефиренко⁶⁴. Работа, обобщившая богатый фактический материал, оказалась построенной все же не на слишком репрезентативном круге источников. Помимо этого, в ней сказалось и стремление автора подвести ряд отдельных выступлений крестьян, вызванных в основном злоупотреблениями властей при взимании налогов, под высшие формы классовой борьбы⁶⁵.

⁶² Козинцева Р. И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. — Л., 1960. С. 182–216.

⁶³ Волков М. Я. Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2; Лебедев В. В. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Уч. зап. / Московский гос. ун. Каф. истории СССР. Вып. 167. — М., 1954. С. 121–131.

⁶⁴ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в 30-х — 50-х гг. XVIII в. — М., 1968.

⁶⁵ Так, в частности, П. К. Алефиренко выявила по источникам шесть крестьянских восстаний в пяти губерниях за время царствования Анны Иоанновны (что, кстати, почти в два раза меньше, чем за 40-е годы), однако описание одного из этих восстаний, относящегося к 1734 г. в дмитровских вотчинах Салтыкова позволяет предполагать, что мы имеем дело с банальным отказом крестьян внести недоимку по подушной (тем более типичным, что речь идет о районе, охваченном в это время страшным голодом), для взыскания которой и была послана «экзекуция» (С. 137, 139).

Центральное место среди исследований 60-х годов заняла монография С. М. Троицкого «Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в.»⁶⁶.

Впервые вопросы развития экономической мысли в правительственных кругах и проблема формирования государственного бюджета оказались объектом специального исследования, осуществленного на самом широком круге архивных документов, в большинстве выявленных самим автором, да еще на столь широком отрезке времени, охватывающем вторую половину 20-х — начало 60-х годов. Автор при этом не ограничился только характеристикой собственно финансовой политики, но обратился к самому широкому анализу ее в контексте проблем сословной, торговой и промышленной политики.

Помимо того, что вводился в оборот новый значительный массив данных, характеризующий панораму государственных доходов, позволяющий выявить также структуру и эволюцию государственного бюджета, исследование содержало еще и широкую картину финансовых проектов, а также практически всех важнейших мероприятий аннинского правительства в экономической области. Автору удалось проследить характерные черты, достоинства и недостатки прямого и косвенного налогообложения, показать механизмы взимания налогов, их региональное распределение, частично — выявить реакцию крестьянства и дворянства на фискальную политику и ее мотивы.

В конечном итоге автор пришел к выводу, что финансовая политика правительства Анны Иоанновны определялась интересами дворянства в целом: в начале царствования заметны попытки снизить податное бремя, лежащее на помещичьих крестьянах, одним из мотивов которых было стремление господствующего класса перераспределить в свою пользу прибавочный продукт, ограничив аппетиты государства. Отмечены были и попытки правительства упорядочить государственный бюджет, оказавшиеся в конечном счете неудачными, так как рост государственных расходов опережал увеличение доходной части бюджета, ибо поиск новых источников ее приращения не дал в аннинское царствование результата (выход был найден только с началом нового курса на косвенное обложение населения, определившегося в конце 40-х — 50-х гг. XVIII в. и приведшего к усилению податного гнета).

Исследование не выявило каких-то аномальных явлений, которые можно было бы отнести на счет «бироновщины» в традиционном ее понимании, позволив говорить о непрерывности на протяжении всего периода 30-х гг. основных линий развития внутренней

⁶⁶ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. — М., 1966.

политики, намеченных еще в 20-е гг. XVIII столетия и определявшихся потребностями развития абсолютистского государства, общей тенденцией к его дальнейшей бюрократизации. С. М. Троицкий, не располагая достаточным количеством фактов для анализа и понимания самого явления «бироновщины», практически не коснулся его в работе, лишь в своей историографической статье отметил «антинациональный характер действий Бирона» и «социальную направленность „бироновщины“, которая состояла в подавлении оппозиции русской аристократии»⁶⁷.

Еще одним серьезным вкладом в изучение экономики России 30-х гг. стала вышедшая в 1960 г. работа Е. И. Заозерской, где в контексте предшествующего и последующего развития промышленности указ 7 января 1736 г. и изменения в промышленности, вызванные им, были оценены как «крепостнический зигзаг» в истории русской мануфактуры⁶⁸. Труд Е. И. Заозерской позволил ощутить проблемы развития русских текстильных мануфактур в широком историческом контексте нескольких царствований, выявить его тенденции в долгосрочной исторической перспективе.

70-е — 80-е гг. были отмечены появлением ряда работ, также преимущественно исследовавших лишь отдельные эпизоды торгово-промышленной и сословной политики аннинского времени. В них, в частности, был собран богатый фактический материал о развитии винокуренной промышленности, позволивший проследить эволюцию аннинской правительственной политики в отношении винокурения и выявить ее место в процессе развития винокурения в России и законодательства о нем⁶⁹; в связи с деятельностью В. Н. Татищева изучены многие аспекты развития денежного обращения и финансовой политики в начале 1730-х гг.⁷⁰; охарактеризованы отдельные мероприятия и общие тенденции в развитии политики

⁶⁷ Троицкий С. М. Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. Здесь цит. по: Троицкий С. М. Россия в XVIII в.: Сб. статей. — М., 1982. С. 65.

⁶⁸ Заозерская Е. И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20–60 гг. XVIII в. Гл. 2. С. 110–120; С. 430–431.

⁶⁹ Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Винокурение. 2-я пол. XVII — 1-я половина XVIII в. — М., 1979.

⁷⁰ Юхт А. И. В. Н. Татищев в Москве. (К истории денежного обращения в России в 20-х — 30-х гг. XVIII в.) // ИЗ. Т. 101. М., 1978:; Его же: Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. — М., 1985; Его же: В. Н. Татищев и экономическое развитие России в первой половине XVIII века // История СССР. 1986. № 3. С. 81–98; Его же: Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. — М., 1987. Среди множества работ о В. Н. Татищеве следует также отметить и его биографию, написанную А. Г. Кузьминым (Кузьмин А. Г. Татищев. — М., 1982).

в отношении купечества и торговли (в статьях Р. М. Введенского, Н. В. Козловой и Н. Н. Репина)⁷¹.

Тенденция к освещению отдельных аспектов внутриполитического курса Анны Иоанновны в рамках обобщающих исследований, характеризующих отдельные сферы внутренней политики России на протяжении более длительного времени, была продолжена и в 90-е гг. Наиболее заметными в ее русле стали труды А. И. Юхта о денежной политике и Н. В. Козловой — о политике абсолютизма к отношению купечества⁷².

В труде А. И. Юхта, впервые давшем целостную и почти исчерпывающую картину политики в области монетной регалии на протяжении всего XVIII в., нашли отражение все наиболее значимые мероприятия аннинского царствования в сфере денежной политики и была подвергнута обстоятельному исследованию деятельность Комиссии о монете. Н. В. Козлова осветила аннинскую политику в отношении торговли и торгующего купечества, обстоятельно проанализировала эволюцию системы отвечающих за них государственных учреждений и факторы, влияющие на нее.

Но историография 70-х — 90-х гг. отнюдь не исчерпывалась анализом экономических сюжетов.

Характерным для 70-х — 80-х гг. явлением было постепенное возрастание интереса к социально-политической проблематике, вопросам политической борьбы в обществе (преимущественно к ее традиционным для предшествующей историографии эпизодам)⁷³.

Серия работ Г. А. Протасова подвергла переосмыслению и несколько расширила традиционную источниковую базу событий 1730 г.⁷⁴. В результате было значительно уменьшено число дворян-

⁷¹ Введенский Р. М. Соляная регалия и учреждение вольной продажи соли в России // История СССР. 1986. № 1. С. 171–181; Козлова Н. В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестн. МГУ. 1987. № 6. С. 47–55; Репин Н. Н. Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля России в XVII–XVIII вв.: Сб. ст. — М., 1988. С. 174–192. К группе работ этой тематики следует отнести также монографию Г. А. Некрасова (Некрасов Г. А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. — М., 1984).

⁷² Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.

⁷³ Анисимов Е. В. Проект Артемия Волынского // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-т: Сб. студенч. работ. — Л., 1971. С. 47–57; Павленко П. И. Птенцы гnezда Петрова. — М., 1985; Кузьмин А. Г. Татищев. — М., 1982; Ничик В. М. Феофан Прокопович. — М., 1972.

⁷⁴ Протасов Г. А. Верховный Тайный Совет и его проекты 1730 г. // Источниковедческие работы. — Вып. 1. — Тамбов, 1970; Его же: Дворянские проекты 1730 г. // Там же. Вып. 2. — Тамбов, 1971; Его же: Существовал ли

ских проектов, переосмыслены, на основе тщательного источниковедческого анализа, некоторые документы дворянского движения (в частности, записка В. Н. Татищева о событиях 1730 г.). С оценкой Г. А. Протасовым обстоятельств появления этой записки, отнесенной к первым месяцам после февраля 1730 г., и с его реконструкцией картины документов Верховного Тайного совета не согласился А. И. Юхт, предложив датировать записку более поздним временем и склоняясь к традиционной картине документов верховников⁷⁵. Отдельные эпизоды, характеризующие политическую борьбу в 30-х гг., отразились также в работе Е. В. Анисимова о царствовании Елизаветы⁷⁶. Интерес к событиям 1730 г. не угас и позднее: в «постперестроечный» период они получили освещение в популярных работах Я. Гордина и Е. В. Анисимова⁷⁷. Впрочем, анализ событий 1730 г. продолжает базироваться на интерпретациях традиционного круга источников, чаще всего не дающих оснований для принципиально новых выводов — одним из примеров этого служит недавняя статья С. А. Седова⁷⁸.

Наконец, в 80-е гг. появилось специальное исследование по истории политических процессов аннинского царствования⁷⁹. Автор его пришла к выводу, что ни по количеству, ни по структуре социальных групп, которыми представлены обвиняемые, политические процессы этого времени не выделялись на фоне предшествующего и последующего правлений. Количество дел, в которых обвинения предъявлялись за критику иностранцев, незначительно. Не прослеживается и участие Бирона в делах и их возбуждении. Суть бироновщины автор видит в неразрешимых противоречиях между аристократией, добивавшейся участия во власти, и дворянством, боровшимся за расширение своих социально-экономических прав, приверженным самодержавию. Положение усугублялось борьбой внутри самой аристократии за разные варианты форм правления, что усиливало самостоятельность бюрократической

политический план Д. М. Голицына? // Там же. Вып. 3. — Тамбов, 1973; Его же: Дворянские прошения 1730 г. // Там же. Вып. 4. — Тамбов, 1975; Его же: Записка В. Н. Татищева о «Произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. Т. II. — М., 1963.

⁷⁵ Юхт А. И. Государственная деятельность... Гл. 4.

⁷⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. — М., 1986.

⁷⁷ Гордин Я. Меж рабством и свободой. (19 января — 25 февраля 1730 года). — СПб., 1994; Анисимов Е. В. Россия без Петра. — СПб., 1994. С. 171–198.

⁷⁸ Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 г. в России // ВИ. 1998. № 7. С. 47–63.

⁷⁹ Черникова Т. В. Политические процессы 30-х гг. XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989. Ее же: «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163.

надстройки и обеспечивало «свободу рук» придворному окружению государыни⁸⁰. Масштабы же «террора» во времена «бироновщины» оказались гораздо скромнее тех количественных данных, которые утвердились в предшествующей историографии.

Ряд аспектов сословной политики 1730-х гг. в отношении дворянства, не связанных непосредственно с политической борьбой (в частности, процесс постепенной эволюции «табели о рангах» под влиянием потребностей формирующейся бюрократической структуры абсолютистского государства в сторону закрепления сословных перегородок и повышения статуса придворных должностей), нашел отражение в работе С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.»⁸¹. Помимо этого, целый комплекс вопросов развития экономики и общественной мысли был рассмотрен в «Очерках русской культуры XVIII в.»⁸².

В связи с той положительной ролью, которую сыграли «Очерки» в создании широкой картины исторического процесса в XVIII веке, хотелось бы отметить, что изучение проблем внутренней политики 1730–1740 гг. во многом зависит от состояния изученности внутриполитических процессов предшествовавшего и последующего периодов, а также от анализа внешнеполитических факторов, во многом определявших ее.

Картину внешней политики аннинского царствования воссоздают серьезные исследования Р. Михневой, Е. Б. Шульмана и Г. А. Некрасова⁸³. Особенного внимания заслуживает работа Г. А. Некрасова, в которой внешнеполитический курс правительства Анны Иоанновны проанализирован на широком историческом фоне, в тесной связи со всей предшествующей внешней политикой России. В результате автор пришел к выводу о преемственности в 1730-е годы основных черт внешнеполитического курса, намеченного в 1726–1727 гг., и показал, что во многом он отражал объективные потребности России, обусловленные развитием внешне- и внутриполитической ситуации.

Многое для понимания внутренней политики царствования Анны Иоанновны дают работы Е. В. Анисимова о внутренней политике

⁸⁰ Черникова Т. В. Политические процессы 30-х гг. XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989. С. 14–15.

⁸¹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. — М., 1974.

⁸² Очерки русской культуры XVIII в. — М., 1985 — 1988.

⁸³ Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1739–1756). — М., 1985. (гл. 1); Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балкан. ист. сб. Вып. 3. — Кишинев, 1973. С. 5–61; Его же: Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии с Россией: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1963; Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739. — М., 1976.

Верховного Тайного совета и податной реформе Петра I⁸⁴. В первой вопросы развития России в предшествующий период получили наконец цельное освещение и обобщающую оценку; вторая, помимо того, что в ней был сведен воедино ценный фактический материал по развитию принципов налогообложения, степени увеличения податного бремени в результате введения подушной, количеству и социальной структуре населения с использованием в том числе и данных 30-х гг., дала широкую картину сословной и социальной политики Петра I и его ближайших преемников, прояснила ее мотивы, а также показала сам процесс подготовки реформы. Анализируя ход реформы, обстоятельства принятия важнейших ее документов, корректировку ее в связи с практическими сложностями ее осуществления, автор дал много ценного и нового для характеристики **политического мышления** бюрократической верхушки России, которое ранее почти не учитывалось исследователями при анализе внутриполитических процессов. Эти тенденции нашли в последующем выражение и в работе Е. В. Анисимова, посвященной коллежской реформе Петра I⁸⁵.

В начале 90-х гг. Е. В. Анисимов обратился к характеристике царствования Анны Иоанновны и в нескольких специальных обобщающих трудах по послепетровской истории России⁸⁶. Новые его работы дали содержательный и обстоятельный обзор аннинского царствования, базирующийся, однако, преимущественно на мемуарных и опубликованных источниках, традиционный круг которых далеко не всегда позволял автору детально осветить многие аспекты формирования внутриполитического курса.

* * *

Историографический обзор внутренней политики Анны Иоанновны приводит к выводу, что она как таковая, как комплекс взаимосвязанных мероприятий, все еще находится в начальной стадии изучения. Отсутствие специальных исследований по этой проблеме, господство в историографии штампов, идущих еще с XVIII в., избирательность тематики, приводящая к тому, что в качестве объектов изучения берутся изолированные друг от друга и зачастую вырванные из контекста исторического процесса явления, не позволили до сих пор дать цельную и обстоятельную ее характеристику.

⁸⁴ Анисимов Е. В. Внутренняя политика Верховного Тайного совета. (1726–1730): Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1974; Его же: Податная реформа Петра I. — Л., 1982.

⁸⁵ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. — СПб., 1997.

⁸⁶ Анисимов Е. В. Анна Ивановна // ВИ. 1993. № 4. С. 19–33; Он же: Россия без Петра. — СПб., 1994.

Объем опубликованных источников и сложность работы с архивными, детально не описанными фондами, служат дополнительным препятствием этому.

С сожалением приходится констатировать, что существует масса «белых пятен» даже в области изучения внутренней политики Петра I. Несмотря на обширную литературу о нем, до сих пор не выделены и не обоснованы этапы его внутренней политики, нет исследований, которые раскрывали бы логику ее развития. В еще большей степени это характерно и для всей послепетровской истории России. Таким образом, исторический контекст, столь необходимый для раскрытия внутренней политики Анны Иоанновны, ее типичных и специфических черт, лишь обозначен.

* * *

В изучении военной правительственной политики 1730-х гг. наблюдались почти те же явления, что и в изучении внутренней политики в целом. Специальные работы практически отсутствуют; проблемы военной политики либо получали лишь поверхностное освещение в обобщающих работах по истории армии и флота в XVIII веке, либо изучались фрагментарно, в связи с отдельными мероприятиями аннинского царствования в трудах, охватывающих более обширные хронологические периоды. Да и в целом литература по военной истории России в 1730–1740 гг. сравнительно невелика и рассматривает преимущественно чисто военные ее аспекты вне связи с проводившимся внутриполитическим курсом.

Изучение проблем военной истории аннинского царствования началось еще в первой половине XIX в. Ведущими направлениями тогда можно считать появление работ биографического жанра, содержащих и конкретные сведения об армии и флоте⁸⁷, а также создание историй отдельных частей и соединений русской армии⁸⁸.

⁸⁷ Галем Г.А. Жизнь императорского генерал-фельдмаршала Миниха. — СПб., 1803; Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота. В 4-х част. СПб., 1831–1836. (материал по аннинскому времени содержат преимущественно I и II части); Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. — СПб., 1840–1841.

⁸⁸ Анненков П.В. История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848: В 3-х ч. — СПб., 1849; Висковатов А.В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. — СПб., 1850. Еще одна работа А.В. Висковатова, вышедшая первым изданием в это время (Историческое описание одежды и вооружения русских войск. Ч. II–III. — СПб., 1841), давала не только характеристику одежды и вооружения в аннинское время с теми изменениями, которые были произведены в них по решению изучаемой здесь Воинской комиссии, но и краткую сводку изменений в полковом составе армии в аннинское и елизаветинское время.

Обострение интереса к военной истории, развивающегося в рамках биографического жанра, наглядно демонстрирует работа В. Н. Берха⁸⁹, которому принадлежит также первое, по сути, описание экспедиций Беринга⁹⁰. Проведя тщательный поиск материалов в военных и государственных архивах, встретившись с родственниками своих героев, использовав семейные предания и дневники, В. Н. Берх, положительно оценив деятельность Военской морской комиссии, изучаемой здесь, сумел первым дать обзор ее работы, а биографии руководителей русского флота, превосходные по количеству и качеству привлеченного архивного материала, и до сих пор остаются источником ценных сведений по его истории.

Вторая половина века, начиная с эпохи буржуазных реформ, стимулировавших развитие военного искусства и науки, характеризуется преобладанием профессиональных работ военных историков. На протяжении 50-х – начала 80-х гг. основной их базой остаются преимущественно законодательные материалы, помещенные в ПСЗ, и в основном лишь с середины 80-х гг. начинается широкий интерес к архивам, несомненно стимулированный публикаторской деятельностью историков флота, прежде всего выходом первых томов «Материалов для истории русского флота» и списка судов русского военно-морского флота за XVIII – первую половину XIX в.⁹¹.

Характерной для 50–60 гг. работой, создававшей серьезную основу для разработки истории военной политики 1730-х гг., была одна из первых монографий, анализировавших развитие финансовых потребностей армии, принадлежащая перу Д. П. Журавского⁹². Автор, относящийся к числу талантливейших военных статистиков и гуманистов 60-х гг., собрал и обобщил количественные данные по численному, полковому составу армии, расходам на нее в аннинское время, использовав богатый статистический материал ПСЗ.

⁸⁹ Берх В. Н. Жизнеописания...

⁹⁰ Берх В. Н. Первое морское путешествие, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1726, 1728 и 1729 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга. — СПб., 1823.

⁹¹ Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). Т. VII–IX. — СПб., 1879–1882; Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. — СПб., 1872. МИРФ аккумулировали обширный архивный материал из фондов современного РГА ВМФ, однако принципы публикации документов, рассредоточенных по отдельным рубрикам, вкупе характеризующим состояние флота, часто с нарушением хронологической и логической последовательности в развитии дел, затрудняют их использование. Далеко не все важные материалы даже из РГА ВМФ были использованы в МИРФ, почти не использовались фонды других правительственных архивов, содержащие важные сведения по истории флота.

⁹² Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности. — СПб., 1859. Гл. II.

В ряде других исследований, вышедших преимущественно уже в 60-е — 80-е гг., отдельные эпизоды военной истории аннинского царствования привлекались в основном для характеристики более обширных периодов или других царствований⁹³.

Вопросы развития флота также специально не изучались, и состояние его при Анне характеризовалось, как правило, в обобщающих работах по истории русского флота. Единственным исключением была появившаяся в 1882 г. в «Морском сборнике» статья, специально посвященная развитию флота в царствование Анны Иоанновны⁹⁴. Находясь под влиянием традиционных концепций бироновщины, авторы этих работ, однако, в основном все-таки приходили к выводу об обоснованности многих решений Военской морской комиссии, оцениваемой в основном по тем материалам, которые попали в том «Морских штатов» ПСЗ⁹⁵.

Для характеристики политики в отношении армии важен также ряд военно-исторических трудов, появившихся в основном в конце XIX в., которые рассматривали вопросы развития армии и военной стратегии и тактики в рамках общеевропейского процесса развития военного искусства⁹⁶.

⁹³ Работы М. Д. Хмырова (см. прим. 10), носящие в основном все-таки публицистический характер, хотя их автор и имел военно-историческое образование; *Масловский Д. Ф.* Строевая служба русских войск от Петра I до Елизаветы. — М., 1883; *Бранденбург.* О вооружении русских войск в первую половину XVIII столетия // Оружейный сборник. 1886; *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1865. Т. 3.

⁹⁴ Русский флот и его управление в царствование Анны Иоанновны (Исторические наброски) // МС. 1882. № 8. Статья написана на материале только что вышедших к этому времени ТТ. VII–IX МИРФ и не завершена. Автор скрылся под инициалами В. Е.

⁹⁵ Как автор указанной работы, так и В. Чубинский (Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. — СПб., 1869), и Ф. Ф. Веселаго (Краткая история русского флота. Вып. 1–2. — СПб., 1893) пришли к этому выводу. Две последние работы базировались в основном на МИРФ, а в оценке ВМК — на Т. 44 ПСЗ (морские штаты). К этим обзорным трудам примыкает также построенная на богатом архивном материале работа С. Ф. Огородникова (История Архангельского порта. — СПб., 1875).

⁹⁶ *Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. — СПб., 1889; *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. — СПб., 1898; *Елчанинов А. Г.* История военного искусства с древних времен до Бонапарта. — СПб., 1908. Для понимания процессов развития русской армии в аннинское время автором привлечены также ставшая уже почти классической работа Г. Дельбрюка (История военного искусства в рамках политической истории. Новое время. — М., 1938. Т. 4.), а также работа французского историка *Andre Corvisier.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. — Paris, 1976).

Единственная специальная монография, посвященная военной истории аннинского царствования, наиболее совершенная как по методам работы с источниками, так и по охвату материалов, появилась только в 1906 г.⁹⁷ Но дав в ее вводной части содержательную характеристику русской армии в 1730-е годы, обзор основных перемен в полковом и численном ее составе, принципов комплектования, вооружения и снабжения, изменений в тактике и формах обучения войск, А. К. Баиов в основном сосредоточился все-таки на анализе военных операций русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

В советской исторической науке специальные работы, посвященные развитию армии и флота в аннинское время, также отсутствуют. Значение для изучения темы имеют прежде всего работы Л. Г. Бескровного, а также вышедшие в составе «Очерков русской культуры» статьи П. П. Епифанова, А. А. Комарова и недавно появившиеся исследования П. А. Кротова и Ю. Н. Смирнова⁹⁸. Обзорный труд «История отечественного судостроения», представивший богатый материал по проблемам развития парусного корабельного флота России в эпоху его становления, к сожалению, тоже уделил анализу проблем развития флота в аннинскую эпоху всего несколько страниц, не раскрывающих даже деятельность Военской морской комиссии⁹⁹.

Подводя итоги изучению военной истории аннинского царствования, можно констатировать, что изучены ее проблемы поверхностно и фрагментарно. По сути, в литературе наличествует лишь краткая сводная картина внешней стороны военных преобразований, далекая от действительной всесторонней характеристики военной политики в это время, поскольку собственно военная политика, не говоря уже о *правительственной* политике в военной области, практически не изучалась военными историками, ограничивавшимися при анализе проблем состояния армии и флота чисто военными аспектами.

* * *

Таким образом, несмотря на определенный сдвиг в изучении внутренней политики Анны Иоанновны в ряде исследований советских историков (Н. И. Павленко, С. М. Троицкого, А. И. Юхта), она,

⁹⁷ Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1–2. — СПб., 1906.

⁹⁸ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. — М., 1958; Епифанов П. П., Комаров А. А. Военное дело. Армия и флот // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. II. — М., 1987. С. 186–257; Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1987; Смирнов Ю. Н. Русская гвардия в XVIII в.: Учебн. пособие. — Куйбышев, 1989.

⁹⁹ История отечественного судостроения. Т. 1. — СПб., 1994. С. 175–193.

как и военная политика этих лет, оказалась изученной лишь фрагментарно. Хотя большинство исследователей и приходят к выводу, что мероприятия аннинского царствования не разрывают резко с политикой ее предшественников, изолированное рассмотрение отдельных акций не позволяет до конца уловить их специфику, их место во всем комплексе внутривполитических мероприятий и составить общее представление о внутривполитическом курсе этого времени. Помимо этого, как кажется, иногда сказывается и стремление оценить события не с точки зрения внутренней логики их развития, а поместив их в удобную и привычную социологическую схему, что ведет к невольному навязыванию наших современных мотивов и представлений деятелям аннинского царствования. Продворянский характер внутренней политики Анны Иоанновны доказать нетрудно, ибо какой же еще она может быть в дворянской стране?

Представляется, что одним из негативных последствий подобного подхода было невнимание к анализу *конъюнктурных моментов* в определении правительственного курса в той или иной области, оказывавших зачастую серьезнейшее влияние на формирование его; несколько пренебрежительное отношение к оценке *границ возможностей* правительственных кругов в осуществлении той или иной акции, выразившееся, в частности, в гипертрофировании социальных, классовых мотивов и недооценке финансовых аспектов правительственной политики, серьезно поколебленное в нашем случае лишь исследованиями П. Н. Милюкова, С. М. Троицкого, А. И. Юхта и Е. В. Анисимова. Кроме того, при изучении лишь одного из аспектов правительственной политики волей-неволей происходит его изоляция от всего комплекса проблем, утрачивается связь с другими. Все это, в конечном счете, не дает представления о *механизме* формирования внутренней политики в целом, о тех факторах, которые играют роль при принятии решений. Долгое пренебрежение к этой проблеме, а также к такой категории как *политическое мышление* правительственных кругов, являющееся одним из важнейших факторов, определяющих внутреннюю политику и включающее в себя по меньшей мере несколько компонентов (комплекс сословных представлений и интересов; влияние современных экономических и политических теорий и систем; правовые представления; уровень и степень информированности, на основе которого принимаются решения и т. д.), привело к тому, что оно находится сейчас лишь в первичной стадии изучения.

Неизученность закономерностей процесса складывания и развития основных направлений внутренней политики во второй трети XVIII в., широкое распространение представлений о крайнем субъективизме в разработке и принятии внутривполитических решений, обусловленное традиционным восприятием аннинского

царствования прежде всего через стереотип «бироновщины», определили выбор объекта исследования, которым стал сам *механизм формирования* внутренней политики в 1730-е годы. Но поскольку анализ такого существенно определяющего его фактора, как политическое мышление верхушки общества, в данный момент невозможен, так как необходимая для него картина конкретных представлений дворянства и аристократии 30-х гг. об общественной структуре, собственном месте и роли в обществе, а также распространенности в дворянской среде экономических и политических теорий, их конкретных видов, трансформированных русскими условиями, только начинает создаваться, решено было ограничиться выявлением основных мотивов и факторов, влияющих на логику формирования правительственной политики.

Подобная работа фактически невозможна без выделения наиболее существенных для данного периода направлений внутренней политики, то есть без попытки оценить внутривнутриполитический курс правительства.

В связи с этим в работе прежде всего была поставлена задача: определить основные черты внутривнутриполитического курса Анны Иоанновны и показать процесс его складывания, решаемая преимущественно в первой главе.

Но всякий внутривнутриполитический курс многокомпонентен, и детально проследить формирование и развитие каждого его компонента при общей неизученности внутренней политики 1730–1740 гг. и огромности массивов необработанных источников почти невозможно. Поэтому для более подробного анализа механизма и логики формирования внутренней политики был выбран лишь один военный аспект правительственной политики.

Выбор военного аспекта определялся прежде всего тем, что анализ внутривнутриполитической программы начала аннинского царствования показал, насколько успех практической реализации определившегося тогда внутривнутриполитического курса зависел именно от военной политики. Были и другие причины для выбора именно военного аспекта: 1) поскольку военные расходы поглощали не менее 70% госбюджета, то очевидно, что на них завязывался целый комплекс финансовых, административных, а в конечном счете — и социальных проблем; 2) общая слабая изученность военной политики аннинского правительства; 3) военная часть внутривнутриполитической программы была достаточно серьезно разработана, попытки ее реализации были наиболее последовательными и оставили достаточно значительные и компактные массивы документов.

Задача вскрытия механизма формирования правительственной политики в военной области потребовала определения основных факторов, влиявших на нее.

Кроме того, решение всех указанных выше проблем немислимо без характеристики конкретных особенностей внутривполитического курса в целом и военной политики в частности, требующей, в свою очередь, анализа конкретных мероприятий, результатов попыток осуществить их на практике, количественных данных, рисующих состояние армии и флота, экономики России, государственных и армейских финансов. Все это наличествует в работе лишь в той мере, в какой это необходимо для решения поставленных выше задач.

Не располагая достаточным материалом для анализа, автор не вправе ставить в работе вопрос о выявлении сущности феномена «бионовщины». Вместе с тем он не мог совершенно обойти связанные с ним вопросы внутривполитической борьбы, так как они оказали влияние на формирование внутривполитического курса, поэтому посчитал нужным дать хотя бы событийную картину борьбы группировок при дворе в первые два года царствования, насколько это позволили известные на данный момент источники.

Общая неизученность внутренней политики этого времени, а также обилие источников делают пока невозможным равномерное освещение ее на всем протяжении царствования Анны Иоанновны. Отсюда хронологическое ограничение исследования военной политики преимущественно периодом преобразований в первой половине царствования (1730–1735 гг.), обусловленное несколькими обстоятельствами: 1) именно на этом этапе фиксируются наиболее осознанные попытки сформулировать внутривполитический курс; 2) тогда же были осуществлены и основные мероприятия по его реализации; 3) почти все основные изменения в области вооруженных сил страны пришлось на первую половину 30-х гг.¹⁰⁰; 4) существует и почва для анализа типичных и специфических черт внутренней политики в виде исследований по истории внутренней политики 1726–1729 гг. и опубликованных по этой тематике источников; 5) значительный интерес представляют также события 1730 г. и возможное влияние на внутривполитический курс сформулированных в их ходе программ. С началом русско-турецкой войны 1) несколько снизился внутривполитическая активность аннинского правительства, ибо основное его внимание поглощали проблемы ее ведения; 2) под воздействием военных условий несколько изменилась и сама внутренняя политика в направлении вовлечения новых сословных контингентов в податную сферу; 3) 1734–1735 гг. были годами голода, вызвавшего к жизни новый этап обсуждения

¹⁰⁰ Во второй половине 1730-х гг. была лишь несколько увеличена полковая артиллерия в связи с опытом ведения войны и начато формирование гусарских частей (приняты штаты трех полков). Отсутствие принципиальных изменений в армии в этот период подтверждается и мнениями генералитета, обсуждавшего состояние армии в 1742 г. (РГВИА, ф. 23, оп. 1/121, д. 468).

внутриполитических вопросов. Все это обусловило отсутствие значительных изменений в военной политике второй половины царствования. Мы сознательно не анализируем здесь проблемы ведения русско-турецкой войны, поскольку этот анализ уже проделан А. К. Баиовым, а новая его попытка требует специального детального исследования широкого круга архивных источников, что не входит в нашу задачу (тем более, что решение текущих военных проблем не внесло в военную политику стратегических перемен). В связи с этим мы уделяем большее внимание финалу аннинского царствования — периоду по завершении войны, ознаменованному новыми попытками постановки проблем армии и флота в общем внутриполитическом контексте.

Поставленные задачи определили и подбор источников.

Поскольку объектом исследования стал внутриполитический курс и *правительственная* политика в отношении армии и флота (а не вопросы развития самих вооруженных сил), основным объектом исследования стал документальный комплекс, связанный с деятельностью центральных правительственных органов: Сената, Кабинета министров, некоторых коллегий и других учреждений. Опубликована (в основном в дореволюционный период) лишь незначительная его часть. Выборочно за отдельные годы изданы журналы и протоколы Сената¹⁰¹ и несколько более полно — документы, связанные с деятельностью Кабинета министров¹⁰². Однако разрозненность фондов Кабинета, несовершенство принципов отбора сопровождающих его журналы материалов для публикации, и то обстоятельство, что издание не охватывает почти двухлетний период до образования Кабинета, не позволяют ограничиться им для характеристики внутренней политики аннинского царствования. Не дает полной картины деятельности правительства и дополняющее его законодательство, вошедшее в ПСЗ¹⁰³.

Поэтому основу источниковой базы составили хранящиеся в РГАДА архивные материалы, наиболее цельно характеризующие работу государственных органов. Ознакомление с фондами РГВИА и РГА ВМФ, отражающими деятельность воинских комиссий, исследуемых в работе¹⁰⁴, показало, что сохранившиеся там документы в основном дублируют дела, отложившиеся в фондах Сената и Кабинета, в большинстве случаев уступая им в полноте и систематичности подбора документов. Кроме того, *правительственная политика* в

¹⁰¹ Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. — М., 1910–1911. Ч. 1–2; Сенатский архив. — СПб., 1889. Т. 2.

¹⁰² См. прим. 30.

¹⁰³ ПСЗ-1. Т. VIII–XI. — СПб., 1830; Книги штатов: военно-сухопутных; военно-морских и гражданских — Т. 43, Ч. 1; Т. 44, Ч. II.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. ф. 146, д. 1–6; 13, 26, 34, 40, 58, 46; РГВИА, ф. 23, оп. 1/121. Д. 468, 1250, 1300 и т. д.

военной области формировалась именно на основе тех сведений, которые направлялись в Сенат и Кабинет министров (какими бы искаженными и «отфильтрованными» военным ведомством они ни были), поэтому и здесь предпочтение было отдано материалам этих учреждений из фондов РГАДА.

Наиболее последовательно рисуют картину складывания и развития основных направлений внутренней политики журналы Сената за период 1730–1740 гг. и частично использованные в работе его протоколы¹⁰⁵. Для периода 1732–1740 гг. ее восстановление немыслимо без их анализа вкупе с аналогичной документацией Кабинета министров, привлекаемой в основном по публикациям. Но даже совместный анализ не всегда дает представление о мотивах принятия решений, ибо чаще всего обсуждение вопросов внутренней политики фиксировалось в них только в виде кратких протокольных записей, излагавших результат обсуждения без мнений отдельных его участников.

Более содержательными являются подготовительные к слушанию дела материалы Кабинета министров, содержащие комплексы ведомостей, выписки и экстракты, излагающие этапы обсуждения дел, а также мнения и позиции отдельных учреждений и ведомств. Они не позволяют обычно проследить весь ход дела, но включают черновые и беловые материалы Кабинета министров, дающие возможность увидеть процесс взаимодействия высших центральных учреждений и определить инициаторов принятия многих важных решений; вдобавок в них попали комплексы ведомостей, мнений и проектов, не сохранившиеся даже в копиях в других фондах. В работе использованы материалы Кабинета, отложившиеся как в фонде Сената¹⁰⁶, так и в собственном его фонде¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Материалы Кабинета в настоящий момент, после передачи дворцовых и государственных архивов в РГАДА, рассредоточены в ф. 248 (Сената) и ф. 177 (Кабинета министров). Часть их, очевидно, попала в фонды XVI–XIX Госархива. Объем их очень велик: только в фонде Сената материалы по Кабинету министров насчитывают 112 книг (опись 17. Кн. 1078–1200), общим объемом в десятки тысяч листов. Материалы по Кабинету разрознены и не составляют единых комплексов. Поэтому издание их получилось довольно беспорядочным, и в него наряду с действительно значимыми материалами (такими, как доклад А. Маслова о голодающих крестьянах и его проект о мерах борьбы с голодом и ограничении эксплуатации крестьян помещиками (Т. 108, С. 276–277; 288–291)) попало очень много случайных документов. Нами использована только часть дел из фонда Кабинета (ф. 177) и Сената, а именно: РГАДА, Ф. 248, Кн. 1899, 1900, 1901, 1902, 1905, 1907–1911; Кн. 1998–2054 (выборочно, ибо основные протоколы Сената уже в виде указов напечатаны в ПСЗ).

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1091, 1092, 1089, 1096, 1108, 1109, 1121, 1137, 1147, 1163, 1175, 1181, 1182. Помимо этого привлечены также дела по секретной экспедиции Сената: Ф. 248. Оп. 113. Д. 48; Д. 215

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 177. 1731. Д. 8; 1733. ДД. 1–4; 1735. Д. 77; 1736. Д. 100-в; 1740. Д. 102.

Подробнее всего ход обсуждения отдельных дел характеризуют материалы канцелярии Сената по отдельным ведомствам, включающие в себя ведомости, доношения подчиненных учреждений в Сенат, переписку их между собой, экстракты, излагающие предысторию дел и их прохождение по инстанциям, сведенные в отдельные книги, содержащие большое количество фактического и цифрового материала по той или иной проблеме. Нами выборочно привлекались дела канцелярии Сената по Военной¹⁰⁸, Адмиралтейской¹⁰⁹, Камер¹¹⁰-коллегиям, Штатс-конторе, Сибирскому приказу¹¹¹ и некоторым другим учреждениям. Именно отсюда извлечена основная масса сведений, характеризующих экономику и финансы государства, состояние армии и флота.

Дополняют картину внутривластных мероприятий материалы по экономической, политической и военной истории России XVIII в., извлеченные из коллекционных фондов Госархива¹¹²; дела по внешней и внутренней политике, отложившиеся в фонде Воронцовых¹¹³, фонде Новоуложенных комиссий¹¹⁴, Кабинете Петра I¹¹⁵; делах по Сибирскому управлению¹¹⁶. Указания на инициаторов некоторых решений, а также на позиции отдельных лиц и группировок в политической борьбе содержит переписка и личные документы деятелей аннинского царствования¹¹⁷, следственные дела по важнейшим государственным преступлениям¹¹⁸.

В работе использован и достаточно традиционный документальный комплекс, сложившийся вокруг событий, связанных с ограничением самодержавия в 1730 г.¹¹⁹

108 РГАДА. Ф. 248. Кн. 389, 390, 392, 386, 387, 394, 493, 495, 555.

109 РГАДА. Ф. 248. Кн. 542, 544.

110 РГАДА. Ф. 248. Кн. 527, 529, 618, 619, 624, 839, 840, 843, 846.

111 РГАДА. Ф. 248. Кн. 161, 164.

112 РГАДА. Ф. 16 «Внутреннее управление». Д. 32, 33, 77, 99, 104, 156, 163, 183, 185, 340; Ф. XIX «Финансы». Д. 11, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 70, 134, 141, 142, 215, 244; Ф. XX «Дела военные».

113 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 335; Оп. 6. Д. 7, 14; Оп. 12. Д. 4.

114 РГАДА. Ф. 349. Д. 9. Ч. 1; Д. 10, Ч. 1; Д. 27, 35, 36; Д. 34. Ч. 1-2.

115 РГАДА. Ф. 9. «Кабинет Петра I», Отд. 1. Кн. 33.

116 РГАДА. Ф. 24. «Сибирский приказ и управление Сибирью». Д. 38. (доклад Ф. И. Соймонова о Сибирском приказе 1763).

117 РГАДА. Ф. 11. «Переписка разных лиц». Д. 257, 258, 344, 372, 373, 392, 393, 582, 597, 619.

118 РГАДА. Госархив. Ф. 6. «Дела по важнейшим государственным преступлениям» (см. прим. 94). Д. 195, 196, 199 — «дело Волинского». См. также след. прим.

119 РГАДА. Госархив. Ф. 3. Д. 4, 5, 6; Ф. 6. Д. 164, 170, 180, 189 (дела Долгоруких и Д. М. Голицына); Д. 171 (дело Фика); Д. 219 (И. М. Волинского); опубликованные источники: См. прим. 10, 34. Более подробная характеристика документального комплекса содержится в вышеупомянутой серии работ Г. А. Протасова (прим. 74).

Если основу для освещения вопросов формирования внутренней политики составили прежде всего архивные материалы, то в попытке хотя бы частично воссоздать тот внутри- и внешнеполитический фон, на котором она складывалась, определенным образом воздействовавший на нее, довольно существенную роль сыграли прежде всего опубликованные источники.

Первую их группу составили мемуары и записки современников¹²⁰, выявленные и изданные уже в дореволюционный период. Только часть их дает достаточно подробные и значимые сведения по истории внутренней политики¹²¹, а в большинстве своем они появились уже после описываемых событий и имели тенденциозный характер¹²², поэтому требуют внимательного критического отношения к сведениям, сообщаемым в них.

Не менее осторожным должен быть и подход к донесениям и запискам иностранных дипломатических агентов и послов¹²³, составляющим вторую группу опубликованных источников.

Изданы они, к сожалению, далеко не полно и избирательно. Очевидно, внешнеполитическая ситуация и связи России в 80-х — 90-х гг. XIX в., направленные к сближению с Англией и Францией, а также более демократические режимы в этих странах привели к тому, что наиболее полно и подробно были опубликованы донесения английских и французских дипломатических представителей¹²⁴. Но посланники и агенты этих стран, а также испанский посол де-Лириа действовали в начале 30-х гг. единым фронтом, направленным на то, чтобы не допустить оказания военной помощи Австрии со стороны России¹²⁵. Отсю-

¹²⁰ Записки отца и сына Минихов; жены английского резидента леди Рондо; автобиографическая записка Бирона; записки Манштейна; прилегающие к ним хронологически «Замечания на записки Манштейна» и «Примечания к письмам леди Рондо» (см. прим. 11, 37–38); *Шаховской Я. П.* Записки князя Я. П. Шаховского. 1705–1777. — СПб., 1872; *Нащокин В. А.* Записки В. А. Нащокина, генерала времен Елисаветинских // РА. 1883. № 9. С. 241–351; *Соймонов Ф. И.* Из записок Ф. И. Соймонова // М. С. 1888. № 9. С. 94–132; № 10. С. 85–103; *Данилов М. В.* Записки артиллерии майора елисаветинских времен М. В. Данилова // РА. 1883. № 3. С. 1–67.

¹²¹ В основном — записки Минихов, Манштейна, «Примечания на записки Манштейна» и записки Ф. И. Соймонова.

¹²² Например, записки самого Миниха, где он намеренно акцентирует внимание на критике правительственной политики в то время, когда он был устранен от дел. Очевидно, его версии событий во многом повторяются и в записках его сына. Столь же тенденциозным характером отличается и оправдательная по существу записка Бирона.

¹²³ См. прим. 10, 30. Также: Донесения Саксонского посланника Лефорта // Сб. РИО. Т. 5.

¹²⁴ Сб. РИО. Т. 66, 76, 80; Сб. РИО. Т. 75, 81 (см. прим. 30).

¹²⁵ См. напр.: Инструкция франц. поверенному в делах Маньяну от Шовелена о совместных действиях с де-Лириа // Сб. РИО. Т. 81. С. 2–3.

да — широкий обмен информацией, порождающий часто сходство оценок тех или иных событий; симпатии к представителям «старорусской» партии, придерживающейся принципа невмешательства в европейские дела, а следовательно — иногда преувеличенно оптимистическая оценка ее положения и шансов в придворной борьбе. К сожалению, материалы австрийской стороны, а также Пруссии и Голландии (занимавших более нейтральные позиции) практически не изданы. Хронологический охват событий названными материалами также неравномерен¹²⁶; помимо этого, за редким исключением, в донесениях иностранных дипломатов почти отсутствуют сведения о внутривластных акциях правительства.

Тем не менее привлечение этих источников, несмотря на ограниченную их информативность, весьма существенно дополняет тот документальный комплекс, который представлен архивными материалами. Наилучшие же результаты дает совокупный анализ всего охарактеризованного выше круга источников, который в наибольшей степени позволяет раскрыть поставленные автором в исследовании проблемы.

¹²⁶ В основном были изданы материалы, относящиеся к событиям 1730 г. (донесения Вестфалена, Лефорта). Де-Лириа покинул Россию в ноябре 1730 г.; в 1733 г. из-за событий в Польше произошел разрыв дипломатических отношений с Францией, и французский посол Шетарди вновь появился в России только в 1739 г., поэтому фактически все царствование Анны Иоанновны охватывают лишь донесения английского представителя Рондо.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

§ 1. Борьба группировок при дворе в 1730–1732 гг.

Картина формирования внутренней политики, лишенная естественного фона борьбы политических сил в обществе, на котором она разворачивается, становится непонятной во многих деталях и нюансах. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать событийную сторону этой борьбы, сознавая ограниченность возможностей, предоставленных источниками: за редким исключением это донесения и записки иностранных дипломатов, рисующие лишь внешние ее проявления в тех узких рамках, что ограничиваются двором и ее окружением, и не позволяющие глубоко заглянуть в суть событий и определить реакцию широких социальных слоев на них.

Как представляется, в этой борьбе в среде бюрократической верхушки России можно выделить несколько этапов.

Первый, весьма кратковременный, охватывает период с 25 февраля 1730 г. до формирования Сената манифестом 4 марта 1730 г., и правильнее рассматривать его как финальную стадию неудавшегося дворянского движения 1730 г.

Как известно, результатом событий 1730 г. было восстановление самодержавия в России, первым актом которого был разрыв Анной Иоанновной кондиций¹.

Поводом к нему было подание дворянством двух челобитных государыне 25 февраля 1730 г.

Текст первой челобитной² справедливо оценен А. И. Юхтом как попытка части дворянства настоять на своем варианте будущей формы ограниченного правления³. Группа, возглавляемая А. М. Черкасским⁴, просила созвать дворянское представительство для выработки

¹ Феофан Прокопович. О конце Петра II // РА. 1909. Кн. 1. С. 422. В. Н. Татищев писал, что кондиции были разорваны С. А. Салтыковым. (Татищев В. Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Избранные произведения. — Л., 1979. С. 146–152).

² Памятники новой русской истории. Т. 1. — СПб., 1871. С. 9.

³ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. С. 305.

⁴ Де-Лириа. Записки дюка Лирийского // РА. 1909. Кн. 1. С. 383; Татищев В. Н. Избр. произведения. С. 152 (далее — Указ. соч.).

формы правления. Эти требования были приняты и подписаны императрицей, но «...потом за опасностью шляхетство подали челобитную другую Е. И. В-ву, чтобы соизволила принять суверенство»⁵.

Вторая челобитная 25 февраля 1730 г.⁶ излагала просьбу дворянства принять «самодержавство таково, каково наши славные и достохвалыные предки имели», однако и она неслала отпечатки ограничительных проектов: 1) из них перешел пункт о составе высшего органа власти, которым должен был стать Сенат в количестве 21 члена; 2) сохранялась просьба предоставить дворянству право выбора голосованием в Сенат, губернаторы и президенты коллегий; 3) пункт «...чтобы по вашему всемилостивейшему соизволению форму правительства государства для предбудущих времен ныне установила...», в котором можно усмотреть отголоски не совсем исчезнувших стремлений создать какую-то форму дворянского представительства во власти.

Возможно, что в эти последние дни февраля императрица не исключала возможности пойти навстречу требованиям дворянства. Сохранились два текста проектов именных указов, одним из которых предусматривался созыв суда над верховниками с широким участием дворянства, другим — созыв дворянского представительства для обсуждения вопроса о будущей форме правления⁷.

Обстановка в эти первые дни характеризовалась неопределенностью положения для всех участвующих сторон. Окружение императрицы до конца не сложилось, сама она могла колебаться между двумя вариантами компромиссов: с верховниками и с широкими слоями дворянства, и, вероятно, склонялась скорее к компромиссу с дворянством с целью расправиться с составителями кондиций, как это свидетельствуют вышеприведенные проекты указов и записка, приписываемая Прокоповичу, в которой детально излагаются вины верховников, подготовленная, вероятно, в преддверии суда над ними⁸. Шаткое положение верховников и сторонников компромисса с ними в этот период отмечено как в письме И. М. Волинского от 1 марта, так и в донесениях иностранных дипломатов⁹.

⁵ Письмо И. М. Волинского А. П. Волинскому от 1 марта 1730 г. // Соловьев С. М. История России... Кн. X. — М., 1963. С. 220; РГАДА. Ф. 6. Д. 219. Л. 160; датировка письма — по реестру (там же, Л., 154).

⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 6. Л. 49–50 об.

⁷ Проекты указов были найдены Н. В. Голицыным в материалах суда над Остерманом в 1742 г. и опубликованы им. Авторство приписано Ф. Прокоповичу. (Голицын Н. В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. № 4. С. 524–526).

⁸ «Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призыве на престол ЕИВ-ва» // Памятники новой русской истории. Т. 1. С. 11–16. На авторство Ф. Прокоповича указал Н. В. Голицын. (Голицын Н. В. Указ. соч. С. 522–526).

⁹ См. прим. 5; Донесения Вестфалена // РС. 1909. Кн. 2. С. 293.

Сложившаяся ситуация, как видим, не была тайной для представителей дворянства; не исключено, что оно было информировано и о намерениях императрицы пойти на компромисс в вопросе о форме правления, и все это могло подогревать надежды представителей дворянской верхушки на какую-то форму участия во власти. Именно это время представляется наиболее вероятным для появления известной записки В. Н. Татищева «Произвольное и согласное рассуждение...», которая, таким образом, может являться не сочинением историка, а *реальным документом шляхетского движения*, только появившимся не до, а в ближайшие дни после 25 февраля 1730 г. (очевидно, в промежутке между 25 февраля — 1 марта), и отражающим стремление шляхетства добиться участия во власти в новых, изменившихся после формального восстановления самодержавия, условиях.

Однако очевидно где-то между 1–4 марта произошел перелом в первоначальных планах Анны Иоанновны: намерение произвести суд над верховниками было отставлено, или, по крайней мере, отложено, равно как и созыв дворянского представительства для обсуждения вопроса о власти. Манифестом 4 марта Верховный Тайный совет (далее в тексте — ВТС) был упразднен и вместо него был учрежден Правительствующий Сенат в 21 персоне¹⁰.

Формально одно из требований дворянских проектов было удовлетворено, но манифест восстанавливал в качестве основы работы Сената петровские указы о должности Сената, никоим образом уже не упоминая о выборах в него при участии шляхетства. Персональный состав нового Сената был целиком назначен государыней, и иностранные дипломаты тотчас же отметили факт нарушения ею пунктов второй дворянской челобитной о выборах нового состава Сената дворянством: «она сама назначила всех членов, не допустив баллотировки, как того хотело низшее дворянство»¹¹. Таким образом, с формально-юридической стороны Сенат ставился этим актом в ряд обычных при самодержавной форме правления бюрократических учреждений.

Обновленный состав Сената выглядел следующим образом: 1) Г. И. Головкин, 2) М. М. Голицын, 3) В. В. Долгорукий, 4) И. Ю. Трубецкой, 5) В. Л. Долгорукий, 6) Д. М. Голицын, 7) А. И. Остерман, 8) П. И. Ягужинский, 9) И. Ф. Ромодановский, 10) А. М. Черкасский, 11) Г. П. Чернышев, 12) Г. Д. Юсупов, 13) С. А. Салтыков, 14) А. И. Ушаков, 15) И. И. Дмитриев-Мамонов, 16) Ю. Ю. Трубецкой, 17) И. Ф. Барятинский, 18) Г. А. Урусов, 19) С. И. Сукин, 20) М. Г. Головкин, 21) В. Я. Новосильцев. Таким образом, в Сенат

¹⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5511.

¹¹ Вестфален // РС. 1909. № 2. С. 294; то же: *Де-Лириа*. Письма о России в Испанию дука де-Лириа // ОВ. Кн. 3. С. 54.

вошли 6 из 7 членов ВТС (из них не вошел лишь А. Г. Долгорукий, в чем можно усмотреть не только свидетельство крайней непопулярности отца фаворита Петра II, но и ответ на выдвигавшееся в третьем пункте проекта Чернышева-Черкасского («361-го») требование ограничиться представительством только двух человек из одного рода в высших органах власти¹²); 7 бывших членов Сената (П. И. Ягужинский, А. М. Черкасский, А. И. Ушаков, Г. Д. Юсупов, И. М. Дмитриев-Мамонов, С. А. Салтыков и В. Я. Новосильцев)¹³, а также И. Ю. Трубецкой — третий русский фельдмаршал, занимающий высшую позицию в бюрократической иерархии по чину. То есть Сенат включил в себя практически всю прежнюю бюрократическую верхушку России. В Сенате оказались и родственники Анны Иоанновны — С. А. Салтыков и И. Ф. Ромодановский (жена которого была теткой по матери Анны Иоанновны)¹⁴.

Почти все вновь назначенные члены Сената активно участвовали в борьбе за ограничение самодержавия на стороне его инициаторов или противников. На квартирах В. Я. Новосельцева и И. Ф. Барятинского проходили собрания группы Черкасского, на которых вырабатывался и текст проекта «361-го», подписанный в числе первых по старшинству по чину Г. П. Чернышевым, и первая челобитная дворянства¹⁵. Г. Д. Юсупов считается одним из инициаторов прошения о восстановлении самодержавия¹⁶. Почти все остальные подписали либо проект шляхетского большинства, либо компромиссные верховникам варианты проектов¹⁷.

Обращение к количественному и персональному составу Сената позволяет высказать предположение, что Анна Иоанновна и ее ближайшее окружение, удовлетворив частично и формально требования дворянства, сделали ставку на компромисс с прежней чиновничье-бюрократической верхушкой и в лице части ее — с представителями крупной земельной аристократии.

Такой подход позволял удовлетворить личные амбиции людей, стремившихся к власти в событиях 1730 г., отказавшись от репрессий в отношении верховников и тем самым — от опасного столкновения в их лице с аристократией, занимавшей важное место в русском обществе и прежде всего — в структуре феодального зем-

¹² РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45.

¹³ Филиппов А. Н. История правит. Сената за 200 лет. Т. 1. — СПб., 1911, С. 38. (Далее — Указ. соч.); Мурзанов А. В. Правительствующий Сенат за 200 лет (Господа Сенат). — СПб., 1911.

¹⁴ Вестфален // РС. 1909. № 2. С. 295.

¹⁵ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 151.

¹⁶ Вестфален // РС. 1909. Кн. 2. С. 291; Рондо // Сб. РИО. Т. 66. С. 139–140.

¹⁷ Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. — Казань, 1880. С. 189–239; Прил. 1. С. 1–19; Прил. 2. С. 20–63; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 151.

левладения, где ей принадлежало фактически две трети земель¹⁸. Включение в состав Сената основных представителей противоборствующих сторон способствовало его нейтрализации, а через своих родственников и сторонников императрица могла контролировать все, что происходило в Сенате. Помимо прочего все это позволяло игнорировать идею широкого дворянского представительства в органах власти.

Это представляется тем более вероятным и потому, что в то время Анна Иоанновна не могла еще чувствовать свое положение вполне прочным: ее ближайшее окружение еще не сложилось, было достаточно неопределенным и аморфным. На первых порах в нем, очевидно, большую роль играли представители русской знати, выступившие за сохранение самодержавия, и ближайшие родственники императрицы, такие, как С. А. Салтыков¹⁹. Немецкой группировки по сути еще не существовало, и на этот момент налицо были только два ее члена — Рейнгольд Левенвольде и А. И. Остерман.

Три брата Левенвольде, находившиеся при Анне Иоанновне в русской службе, были сыновьями Герарда Иоганна Левенвольде, одного из вожakov баронской фронды, недовольных редукцией имений, проводимой шведами в Лифляндии с 1681 г. и резко ограничившей права местного дворянства в отношении землевладения и крестьян. Он оказался вместе с Паткулем в рядах противников шведов при саксонском дворе; в октябре 1710 г. был назначен Петром I русским уполномоченным для управления Лифляндией («пленипотенциарием»), затем был отозван в Петербург и стал обергофмейстером двора супруги царевича Алексея Петровича. Таким образом, и он, и его сыновья довольно долгое время пребывали в России²⁰, отсюда же их связи с двором сына царевича Алексея Петра II.

Средний его сын, Рейнгольд Густав Левенвольде, благодаря ловкости и обольстительной наружности в продолжении 9 месяцев (конец 1725–1726 г.) был фаворитом Екатерины I; в 1725 г. был произведен в камергеры, а в 1726 г. получил титул графа Российской империи²¹. Старший его брат, Карл Густав, бывший камергер Петра II, после его воцарения вынужден был уступить место И. Долгорукому, вернулся в Лифляндию, где был избран ландратом (т.е. занял одно из высших мест в местной администрации). Третий брат, Фридрих-Казимир Левенвольде, был в 1731–1733 гг. русским посланником в Польше. Представляется, что влияние клана Левенвольде в историографии весьма существенно недооценено.

¹⁸ Водарский В.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII вв. — М., 1977. С. 68–71, 75, 77–78.

¹⁹ Письмо И.М. Волынского от 1 марта 1730 г. (см. прим. 5).

²⁰ Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. — Рига, 1946. С. 50, 81–82.

²¹ Там же. С. 112, 122.

Бирон, оставление которого в Митаве верховники оговорили как условие принятия Анной престола, приехал, очевидно, в Москву не ранее того, как императрица удостоверилась в прочности своего положения, то есть приблизительно в середине марта; Карл Густав Левенвольде появился в России только в апреле в связи с коронацией; Миних все это время оставался в Петербурге.

А. И. Остерман в течение почти всей интриги вокруг воцарения Анны Иоанновны был болен и даже, в ожидании близкой смерти, был причащен своим лютеранским пастором едва ли не в тот самый день (12 февраля), когда Анна Иоанновна сделала первый решительный шаг, объявив себя капитаном кавалергардов и полковником Преображенского полка²². Однако иностранные дипломаты отметили как его особую роль в воцарении императрицы и восстановлении самодержавия²³, так и особенную близость к государыне и значительное влияние на дела в течение всей весны 1730 г.²⁴ Можно найти косвенное подтверждение последнему и в архивном материале.

Сохранилось собственноручное письмо Анны Иоанновны А. И. Остерману, датированное 1-м марта: «Андрей Иванович! Для самого Бога как возможно ныне оботрись (т. е. „ободрись“ — *Н.П.*) и приезжай ко мне ввечеру мне есть великая нужда с вами поговорить, а я вас никаки не оставляю, не опасайся ни в чем и будешь во всем от меня доволен. Анна. марта 1 день»²⁵. Весь текст написан лично Анной (что довольно редко среди дошедших до нас немногих ее писем периода царствования) на четвертке листа, сложенной некогда таким образом, что образовалась записка размером примерно 8 на 4,5 см, почти уместившаяся в ладони. Те края листа, которые выходят на внешнюю сторону сложенной записки, где она была запечатана императорской печатью черного воска, сильно засалены, что необычно для царских писем, передававшихся с курьерами и секретарями. Это дает основание для предположения, что письмо посылалось намеренно скрытно, и до передачи адресату где-то пряталось. Текст говорит о серьезной угрозе А. И. Остерману и безусловной поддержке его императрицей: ситуация довольно необычная для основного периода правления Анны Иоанновны. Все это делает наиболее вероятной датировку письма 1730-м годом.

Если наша датировка верна, то письмо свидетельствует о том, что в начале марта Остерман пользовался особым доверием и был

²² *Де-Липиа* // ОВ. Кн. 3. С. 42.

²³ *Де-Липиа*. Записки... // РА. 1909. Кн. 1. С. 386; *Манштейн Г.Х.* Записки Манштейна о России. — СПб., 1875. С. 26.

²⁴ Маньян от 17 апр. 1730 г. // Сб. РИО. Т. 81. С. 11.

²⁵ РГАДА. Ф. 142. Д. 615. Л. 4–5. Опубликовано: *Ос്മнадцатый век*. Кн. 3. С. 156.

одним из главных советников императрицы, с которым, возможно, было связано и изменение тактики ее окружения в отношении участников ограничения самодержавия.

Но с большей долей уверенности говорить о близости его к государыне позволяет письмо к ней самого А. И. Остермана, датированное временем не позднее середины апреля 1730 г., которое фактически определяет программу действий императрицы в период коронации²⁶.

Из содержания письма ясно, что Остерману Анной был прислан список лиц, которых намеревались наградить по поводу какого-то важного события, для консультации, кого и в соответствии с какими принципами следует награждать. Остерман советует не нарушать резко ранее принятого порядка и старшинства в чинах, и в то же время «...ежели кто особую службу показал, и такого, несмотря на старшинство и ни на что, пожаловать пристойно для куражирования других...», между которыми «...и такие находятся, яко Чернышев и прочие, которые *при последних случаях* себя особливо радательными показали...»²⁷. Поэтому вовсе не исключено, что именно советы Остермана удержали Анну Иоанновну в период 1–4 марта от резких шагов в отношении верховников и дворянства и способствовали сохранению на первое время в высшем органе власти практически всей прежней бюрократической верхушки России.

Практические предложения Остермана («...при нынешней всенародной радости изволите в ранги производить по некоторому определенному числу, а именно: в ранг генерала полного 2-х или 3-х или больше; в ранги генерал-лейтенанта 4–5 или больше, в ранги генерал-майора столько...»²⁸) почти совпадают со сведениями де-Лириа о пожаловании в чины при коронации в апреле («...произвела пятерых в генерал-аншефы, четверых в генерал-лейтенанты, троих в генерал-майоры...»)²⁹. Упоминание в связи с прошениями о деревнях фамилий Юсупова, Барятинского и Мамонова³⁰ подтверждает датировку письма 1730 г. (И. И. Дмитриев-Мамонов умер 25 мая 1730 г.³¹, Г. Д. Юсупов — 2 сентября 1730 г.³²).

Рейнгольд Левенвольде также сыграл значительную роль в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны. По версии, изложенной сыном Миниха, Рейнгольд Левенвольде, каким-то образом немедленно узнав о избрании Анны и о кондициях, еще до выставле-

²⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 1–3.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 2 об.

²⁹ РА. 1909. Кн. 1. С. 390.

³⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 225. Л. 3.

³¹ РА. 1909. Кн. 1. С. 391.

³² Список русского генералитета в 1730 г. // ОВ. Кн. 3. С. 161–177.

ния постов, отправил своего скорохода к старшему брату, Карлу Густаву, приехавшему в итоге в Митаву на сутки раньше, чем депутаты верховников, успевшему лично переговорить с Анной Иоанновной и дать ей совет подписать их предложения, уверяя, что вряд ли сторонники ограничения самодержавия в конечном счете одержат победу³³.

Возможным инициатором поступка младшего Левенвольде мог быть А. И. Остерман. В пользу этого предположения можно привести несколько аргументов.

А. И. Остерман присутствовал на заседании Совета сразу после смерти Петра II, где ему было предложено написать текст кондиций, от чего он сумел уклониться³⁴. Кроме того, тесные связи Левенвольде и Остермана были налицо уже в царствование Петра II, как это видно хотя бы из донесений де-Лириа от 11 марта, 24 мая, 12 июля 1728 г., попутно характеризовавших и отношения придворных кругов к Р. Левенвольде: «...так как его страшно ненавидят, то его, пожалуй, арестуют, несмотря на покровительство Остермана, потому что его ненавидят не только все русские и князь-фаворит, но даже и сам царь...»³⁵.

И тем не менее к началу марта «немецкая» придворная группировка еще далеко не сложилась.

Таким образом, вероятнее всего, указанный период характеризовался для всех сторон наибольшей неясностью ситуации, вызывавшей колебания императрицы и ее ближайшего, до конца еще не сложившегося окружения, доходившие в какой-то момент, очевидно, до возможности более или менее широких уступок дворянству, которым в конечном счете предпочли компромисс с чиновно-аристократической верхушкой, реализованный в новом составе Сената, формирование которого было частично реализацией требований дворянских проектов.

Но сам характер этого компромисса был достаточно туманным: неясно было, на какое время он заключен и насколько прочен; возникла новая политическая сила в лице Сената, хотя последний и не отличался единством. Одновременно с утратой надежд на ограничение самодержавия в ближайшей перспективе у всех без исключения росло стремление определиться в новой ситуации. Значительной политической силой, как и во всяком самодержавном государстве, становился двор и придворное окружение, постепенно

³³ Миних Э. И. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания графа Эрнста Миниха. — СПб., 1891. С. 24–25.

³⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 180. Л. 112 (допрос кн. Сергея Долгорукова в 1739 г.); Памятники новой русской истории. Т. 1. — СПб., 1871. С. 10–11.

³⁵ ОВ. Кн. 2. С. 71.

превращавшийся в центр притяжения политической жизни. Все это в ближайшей перспективе должно было повлечь за собой новые комбинации политических сил, размежевание участников событий 1730 г. и сплочение их в новые группировки уже на иной базе.

* * *

Именно это, как представляется, и было основным содержанием *следующего периода*, границы которого можно условно очертить *март — началом июня 1730 г.* События его недостаточно хорошо освещены источниками, но некоторые детали заслуживают внимания.

Первое, что следует отметить: вполне вероятно, что Сенат, рожденный дворянскими требованиями 1730 г., не оставлял надежд на самостоятельную роль в управлении страной и дальнейшие уступки дворянским требованиям.

Во всяком случае, на первом заседании 5 марта заслушивались какие-то указы о баллотировании³⁶, что можно оценить как стремление осуществить в перспективе выборность сенаторов или других должностных лиц, предлагаемую во второй челобитной дворянства.

Однако уже 6 марта на место С. А. Салтыкова, ставшего обергофмейстером двора и попросившего уволить его от дел, был назначен А. И. Шаховской³⁷; 16 марта умер И. Ф. Ромодановский, вместо которого 18 марта был назначен А. И. Тараканов³⁸. Таким образом, нормы второй челобитной дворянства сразу же утратили силу.

Сенат сам определил ненужность восстановления должности генерал-прокурора³⁹, что, однако, не следует однозначно расценивать как стремление добиться произвола при осуществлении своей власти. Между тем именно эта версия с легкой руки С. М. Соловьева («...от беспокойных блюстителей и напominателей закона себя освободили...»)⁴⁰ утвердилась в историографии⁴¹. Но должность генерал-прокурора была прямым выражением подконтрольности Сената самодержавной власти, чего, при стремлении Сената сохранить самостоятельность хотя бы в рамках прерогатив бывшего ВТС в царствование Екатерины I (как определял характер нового Сената тот же А. Н. Филиппов⁴²), он никак не мог допустить. Возможно, что дополнительную роль сыграло и стремление воспрепятствовать выдвижению наиболее вероятной кандидатуры П. И. Ягужинского на роль «первого среди равных».

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 2.

³⁷ *Де-Лириа*. Записки... // РА. 1909. Кн. 1. С. 386; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899.

³⁸ *Де-Лириа*. Записки... С. 388.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. кн. 1899. Л. 2.

⁴⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 223.

⁴¹ Филиппов А. Н. Указ. соч. С. 486, 493.

⁴² Там же. С. 493.

Желание сенаторов отстоять особый статус нового Сената в системе органов государственной власти можно усмотреть и в решении вопроса об участии императрицы в заседаниях Сената.

Намерение сделать императрицу участницей заседаний Сената можно усмотреть уже в записке В. Н. Татищева (пункт 1 предложенный)⁴³. Очевидно, и в начале марта 1730 г. первоначально предполагалось, что она будет более или менее постоянно присутствовать в Сенате, и поначалу сама Анна Иоанновна давала для этого повод. Однако первое ее посещение, назначенное на 16 марта, состоялось только 18⁴⁴.

Визит носил несколько демонстративный характер. Первым жестом государыни были предложенные на обсуждение Сенату «пункты о сбавке подушных денег»⁴⁵. Видимо, записка императрицы предусматривала уже становящееся традиционным единовременное снижение подушной за счет отмены сбора майской трети, реализованное в указе 24 марта 1730 г.⁴⁶, осуществленное ранее перед коронацией Петра II указом 24 февраля 1728 г.⁴⁷ Тем самым императрица как бы отвечала на требование уменьшения податей с крестьян, высказанное в дворянских проектах.

Вторым столь же демонстративным актом было объявление в Сенате манифеста 17 марта о сохранении православной веры⁴⁸, чем как бы подчеркивалось, что, прожив в иноверческом окружении более 10 лет, она не потеряла чистоты православия и обязуется его сохранять, после чего, не дожидаясь конца заседания, императрица отбыла. После этого она в Сенате не появлялась, а буквально со следующего дня вошли в практику собрания части сенаторов в ее присутствии во дворце⁴⁹. Но тогда сенаторы, видимо, еще рассчитывали на частое появление императрицы в своих рядах, ибо уже 20 марта постановили сделать специальный балдахин для ее присутствия.

Таким образом, демонстрируя широким слоям дворянства свою верность традиционным институтам русского общества и стремление пойти навстречу их требованиям, самим характером визита императрица подчеркнула подчиненное положение Сената в системе власти. Не следует упускать из виду и тот факт, что манифест 17 марта был первым именованным указом по крупным внутривластным вопросам⁵⁰, изданным помимо Сената и без всякого участия

⁴³ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 150.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 30 об., 40 об.

⁴⁵ Там же. Л. 40 об.

⁴⁶ ПСЗ. Т. VIII. № 5525.

⁴⁷ ПСЗ. Т. VII. № 5244.

⁴⁸ ПСЗ. Т. VIII. № 5518.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899.

⁵⁰ Появившиеся до этого именные указы касались в основном назначения на должности.

его в обсуждении. 18 марта волей государыни был назначен в Сенат А. И. Тараканов.

Все это с большой долей вероятности свидетельствует о решительности намерений подчеркнуть самодержавный характер своего правления и об ограниченности с самого начала влияния Сената. Вероятно, последнее обстоятельство было связано с активно идущим процессом размежевания сил при дворе и разбродом в среде русских вельмож. В дальнейшие 2,5 месяца падение влияния Сената как центра сплочения русских вельмож усугублялось еще и тем, что во время празднования пасхи (22 марта — 6 апреля) заседаний практически не было, в апреле было лишь 5 заседаний в связи с подготовкой коронации, с 28 апреля по 11 мая по случаю коронационных торжеств заседаний Сената опять не было⁵¹.

Вероятно, именно в это время бездействия традиционных политических институтов и идет основной процесс формирования группировок при дворе, о котором мы имеем чрезвычайно мало сведений. Очевидно, именно тогда складывается и немецкая группировка, усилившаяся сначала с приездом Бирона, а затем, во время коронации — и Левенвольде-старшего в составе лифляндской делегации.

Впрочем, связи между будущими членами немецкой группировки завязались еще до воцарения Анны Иоанновны и были довольно тесными. Мы уже упоминали о взаимоотношениях Р. Левенвольде и Остермана; сын Миниха прямо называет Остермана другом отца на протяжении целого этапа 1727–1731 гг.⁵²; не менее давними были связи и в другой части немецкой группировки — между Левенвольде и Бироном.

С 1860-х гг. известно письмо Бирона «к одному из камергеров в Петербурге» от 25 июля 1725 г., в котором он просил походатайствовать перед прусским посланником Мардефельдом о снятии с него штрафа за убитого в Кенигсберге в 1723 г. в стычке с его участием человека⁵³. Наиболее вероятным адресатом был Р. Левенвольде, становившийся фаворитом Екатерины I. Вывод об этом сделал и С. М. Соловьев, считавший, что Бирон сблизился с Левенвольде во время приезда его на коронацию в свите Анны в 1724 г. Близость их подтверждается и приводимым Соловьевым указом Екатерины I, из которого следует, что кто-то рекомендовал ей Бирона как прекрасного знатока лошадей⁵⁴. Следовательно, Бирон был сильно обязан Левенвольде, так как за неуплату штрафа в срок ему грозили три года тюрьмы.

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 132 об.

⁵² Миних Э. И. Записки. . С. 19, 26–29.

⁵³ ЧОИДР. 1862. Кн. 1. «Смесь». С. 128; вторая публикация — ОВ. Кн. 3. С. 156–157.

⁵⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 133.

Своеобразной «пробой сил» ближайшего окружения Анны Иоанновны стал первый акт опалы Долгоруких, развернувшийся сразу после окончания пасхальных празднеств (запечатанные пакеты с указами о ссылке Долгоруких (за исключением фельдмаршала) в деревни и губернаторами в различные области были получены в Сенате 8 апреля⁵⁵). Реакция на эту опалу должна была показать, насколько прочна власть императрицы и насколько способны объединиться вместе ее противники.

Долгорукие были самым удобным объектом для такой проверки.

В. Л. Долгорукий был наиболее очевидным в глазах всех участником ограничения самодержавия. Он, как известно, заставил подписать кондиции, и даже в Москве содержал Анну Иоанновну как бы под арестом. Кроме того, указы о ссылке Долгоруких появились после тайных совещаний императрицы в течение нескольких дней с Остерманом, и в них усматривали даже и личные мотивы: Остерман убирал с дороги В. Л. Долгорукого как возможного конкурента на посту руководителя иностранными делами⁵⁶.

Остальные Долгорукие снискали за время своего фавора нелюбовь дворянства; с другим крупнейшим аристократическим родом — Голицыных — их разделяла давняя вражда. Поэтому опала Долгоруких могла вызвать весьма сдержанную реакцию общества. С другой стороны, с арены устранился, первоначально путем его разъединения и высылки, один из многочисленных и обладавших большими связями аристократических родов, входивших в состав «старорусской партии».

Несмотря на признания Долгоруких в составлении ложной духовной Петра II, сделанные уже в апрельских допросах, это не было заявлено им в вину в манифесте⁵⁷, и по отношению к ним поступили сначала осторожно. Жестокая расправа над ними могла послужить катализатором объединения противников Анны Иоанновны в феврале 1730 г., но даже и простая опала их вызвала, видимо, консолидацию лиц, боявшихся преследований за участие в ограничительной попытке. Поэтому ожидаемой опалы других аристократических родов⁵⁸ не последовало; наоборот, наметилось приближение ко двору Голицыных. Последние, даже понимая необходимость остаться при дворе, чтобы сохранить возможность влияния на внутривластный курс страны, пошли на это, очевидно, не без некоторых колебаний.

Указывали, что инициатором приближения ко двору был М. М. Голицын, просивший прощения у императрицы. По другой версии,

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 67 об.

⁵⁶ *Маньян* 24/13 апр. 1730 г. // Сб. РИО. Т. 81. С. 15.

⁵⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5532. «О винах князей Долгоруких» 14 апреля 1730 г.

⁵⁸ *Маньян* 24/13 апр. // Сб. РИО. Т. 81. С. 17–18; *Вестфален* 24/13 апр. // РС. 1909. № 2. С. 550; *Рондо* 20 апр. // Сб. РИО. Т. 66. С. 187.

сближения с Голицыными добивались Бирон и Левенвольде⁵⁹. Но даже если инициатором возвращения ко двору и был фельдмаршал М. М. Голицын, то его позиция была далека от однозначного раскаяния: по сведениям Вестфалена, он не отрицал своего участия в ограничении самодержавия, но и не раскаивался в нем: «Всякий кроткий государь, подобный тебе, сделает из своих подданных все, что захочет. Но не согласна ли ты, всемилостивейшая императрица, что твой третий или четвертый наследник может быть кровожадным и жестоким? Я хотел защитить наше бедное потомство против такого произвола, назначив благоразумную границу их непомерной власти и власти фаворитов, которые всегда немилосердно нас мучили. Ты сама испытала их надменность во время фавора Меншикова... Я в твоей власти: если ты непременно желаешь меня наказать, всенижайше и серьезно прошу тебя: лучше казни меня смертью, но не огорчай ссылкой»⁶⁰. Даже делая поправку на излишнюю риторическую драматизацию Вестфаленом этого разговора, следует учитывать, что позиция Голицыных, пользовавшихся уважением, и в особенности фельдмаршала с большим влиянием в армии, при росте глухого недовольства начинавшимся фавором иноземцев, не могла не приниматься в расчет.

Вторично окружение Анны Иоанновны вынуждено было пойти на компромисс с русской аристократией, однако немецкая придворная партия набирала силу.

Факт компромисса и рост влияния немецкой группировки выразились в пожалованиях во время коронации: награждены были как новые фавориты, так и те, кто руководил восстановлением самодержавия и боролся против него, то есть вожди практически всех партий. А. И. Остерман получил графское достоинство и мызу в Лифляндии; Бирон занял наконец официальное положение при дворе, получив титул обер-камергера и орден Андрея Первозванного, от которого из осторожности отказался в пользу великого маршала Курляндского Бракеля; в русскую службу был принят Карл-Густав Левенвольде, получивший чин генерал-лейтенанта и придворную должность обер-штабмейстера; фельдмаршал И. Ю. Трубецкой получил орден Андрея Первозванного; еще раньше был награжден А. М. Черкасский; М. М. Голицыну было пожаловано значительное поместье, а жена его стала обер-гофмейстериней двора⁶¹.

Но реально весьма значительное влияние на внутренние дела в течение марта — апреля продолжал оказывать А. И. Остерман⁶²: он

⁵⁹ *Де-Лириа*. Письма... // ОВ. Кн. 3. С. 76.

⁶⁰ РС. 1909. № 2. С. 552.

⁶¹ *Де-Лириа*. Записки... // РА. 1909. С. 389–391; *Рондо* // Сб. РИО. Т. 66. С. 187.

⁶² *Де-Лириа* // РА. 1909. Кн. 1. С. 389; *Рондо* // Сб. РИО. Т. 66. С. 191; *Маньян* // Сб. РИО. Т. 81. С. 11, 17–18, 25, 48.

склонял императрицу к возвращению двора в Петербург⁶³, пытался избавиться от Ягужинского, отправив его послом в Польшу⁶⁴. В дипломатическом корпусе начали распространяться слухи о создании Кабинета с ограниченным числом лиц.

Впервые они появились еще 5 марта 1730 г.⁶⁵, почти сразу же после формирования нового Сената из 21 персоны, а в сообщении от 25 мая их повторил Рондо⁶⁶. Доклад императрице Елизавете о восстановлении власти Правительствующего Сената также говорил о существовании при Анне Иоанновне в течение почти всего первого года правления кабинета, «тайно содержащегося в руках Остермана»⁶⁷. Слухи о попытках создания Кабинета отметил и А. Н. Филиппов⁶⁸.

Продолжалось и падение влияния Сената, сократившегося после ссылки В. Л. Долгорукого и неожиданной смерти И. И. Дмитриева-Мамонова, упавшего с лошади и скончавшегося в виду императорской кареты при переезде императрицы в Измайлово в конце мая, до 19 человек. (Де-Лириа передает даже версию о насильственной смерти И. И. Дмитриева-Мамонова, связываемую с тем, что он был фаворитом сестры императрицы Прасковьи.) На место выбывших никто не был назначен.

Вероятно, положение еще больше обострилось после опубликования указов о Сенате, входивших в программу 1 июня 1730 г., укреплявших юридически подчиненное положение Сената в бюрократической системе самодержавия: разделенный на департаменты, он должен был теперь представлять еженедельные письменные рапорты императрице⁶⁹.

Недовольство ростом влияния немецких фаворитов, затронувшее, очевидно, все слои бюрократической верхушки (в том числе и тех, кто стоял за восстановление самодержавия); перенесение центра тяжести в политической жизни на двор; опала Долгоруких с предчувствием дальнейшего ухудшения их участи; отстранение от власти виднейших деятелей трех последних царствований и основной массы представителей бюрократической верхушки — все это вызывало опасения каждого за свою собственную судьбу, заставляло блокироваться с целью противостоять этому.

Указанные обстоятельства наиболее ярко проявились в *третьем* периоде политической борьбы, занявшем весь остаток 1730 г. (при-

⁶³ Маньян // Сб. РИО. Т. 81. С. 17–18.

⁶⁴ Рондо // Сб. РИО. Т. 66. С. 193.

⁶⁵ Вестфален // РС. 1909. Кн. 1. С. 293.

⁶⁶ Сб. РИО. Т. 66. С. 193.

⁶⁷ ЖМНП. 1897. Кн. 2. С. 289.

⁶⁸ Филиппов А. Н. Указ соч. С. 500.

⁶⁹ Подробнее см.: разд. 2 наст. главы.

мерно с середины июня по декабрь), когда разыгрался основной раунд борьбы между русской знатью и новым окружением императрицы.

По источникам он рисуется преимущественно как столкновение двух группировок при дворе, сердцевину которого составляла затянувшаяся интрига с целью свалить Остермана. Интрига развивалась как бы в два этапа, пришедшиеся в основном на 1) июнь — август и 2) вторую половину сентября — начало октября 1730 г.

Вероятно, главной мишенью интриги был не только Остерман, но немецкая группировка вообще. Уже на начало июня мы имеем сведения о сплочении русских вельмож и их готовности к каким-то действиям, направленным против нее в целом. Об этом свидетельствует известное письмо И. М. Волынского А. П. Волынскому от 7 июля 1730 г., впрочем, не особенно оптимистичное в оценке перспектив подобной борьбы: «О князе Алексее Михайловиче (Черкасском. — *Н. П.*) здесь ничего не слышал и думаю, что неправда, токмо у них, у Семена Андреевича (Салтыкова. — *Н. П.*) и у протчих российских с немцами несогласно, токмо у Юсуповых с немцами мило имеет, а паче с Остерманом. Токмо они сильны Бироном, а всех немцев — двое Левольдов, да Остерман и Бирон, да еще курлянцев двое, и сверх того еще введены Остерманом из его служителей двое в пажы, и сколько нашим не думать, их не пересилить»⁷⁰.

Естественным центром консолидации антинемецкой группировки с началом нормальной работы центральных государственных органов после пасхальных и коронационных торжеств должен был стать Сенат. О центральной роли, сыгранной этим учреждением в интриге против Остермана, сообщали иностранные дипломаты в разгар первого ее этапа⁷¹.

Эту тенденцию к сплочению вокруг Сената можно усмотреть и по журналам его заседаний, анализируя общее число присутствующих и присутствие основной группы сенаторов.

Дело в том, что Сенат по составу делился как бы на две группы: 1) сановники в высших чинах (бывшие верховники и верхушка еще петровской бюрократии); 2) представители генералитета в более низких рангах (генерал-лейтенанты и генерал-майоры, тайные советники — В. Я. Новосильцев, С. И. Сукин, А. И. Шаховской, А. И. Тараканов, М. Г. Головкин, Ю. Ю. Трубецкой, Г. А. Урусов). Вторая группа не была свободна в своих действиях, и, как правило, присутствовала на большинстве заседаний Сената.

Своеобразным барометром значения Сената служит присутствие членов первой группы, включавшей канцлера Г. И. Головкина, трех

⁷⁰ РГАДА. Ф. 6. Д. 219. Л. 163.

⁷¹ Маньян в донесениях от 3, 28 авг. и 7 сент. // Сб. РИО. Т. 81. С. 88, 108.

фельдмаршалов — М. М. Голицына, В. В. Долгорукого, И. Ю. Трубецкого; А. М. Черкасского, Д. М. Голицына, П. И. Ягужинского, А. И. Остермана, Г. П. Чернышева и Г. Д. Юсупова, то есть 10 человек, составлявших фактически половину Сената.

Если не учитывать март 1730 г., когда Сенат еще чувствовал себя важнейшим правительственным органом России, то картина посещений Сената по среднему числу присутствующих на заседании представителей данной группы будет следующей: июнь — 4,75 чел., июль — 4,62 чел., август — 5,06 чел. Это несмотря на то, что в августе заболел Г. Д. Юсупов, многие сенаторы в период начавшейся страды с конца месяца получили отпуска в деревни, почему заседания с 25 августа были крайне малочисленными. Остерман в течение всего года крайне редко посещал заседания Сената, и тем не менее около половины членов «сановной» группы постоянно присутствовали на заседаниях. Показательно и сравнение с последующим периодом: октябрь — 3,3 чел.; ноябрь — 3,64. Максимальное число присутствующих из этой группы: октябрь — 6 чел. (1 раз); 5 чел. (1 раз); ноябрь — 5 чел. (1 раз), тогда как в августе — однажды — 9 чел., дважды — 7, трижды — 6; четыре раза — 5 чел. Ту же тенденцию отражает и среднее число присутствующих в Сенате за июнь, июль и август — 10,52; 10,29; 10,13 чел. на заседании при средней за год в 9,33 чел.⁷²

Представляется, что эти простейшие статистические выкладки во многом отражают ход интриги против Остермана, достигшей, по дипломатическим источникам, максимальной остроты к июлю — началу сентября 1730 г., а также центральную роль Сената в ней.

Можно предположить, что и медленность практического осуществления анализируемой далее департаментской реформы Сената тоже была каким-то образом связана с глухим сопротивлением его членов: фактически расписание дел и сенаторов по департаментам состоялось лишь 14 июля⁷³, и даже осенью, в период наибольшей интенсивности их работы, число общих заседаний Сената было несколько выше нормы.

Работа сенатских департаментов в основном фиксируется сенатскими журналами в августе — октябре 1730 г. По указу 17 июля 1730 г.⁷⁴ общие собрания должны были происходить два раза в неделю, а в остальные дни сенаторы должны были работать в департаментах. Таким образом, в месяц должно было состояться не более 12–13 общих заседаний (включая сенаторские субботние отчеты перед императрицей). Фактически в августе было 15 заседа-

⁷² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 210–210 об.

⁷⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5587.

ний, в сентябре — 16. К началу следующего года деятельность департаментов Сената и вообще начала медленно угасать.

На консолидацию русской знати, вероятно, оказало свое влияние и ухудшение участи Долгоруких, которые в первой половине июля были сосланы уже в Березов, а В. Л. Долгорукий — на Соловки; 16 и 17 июля Сенат слушал именны указы о конфискации их имений⁷⁵. Конфискация имущества шла вразрез с интересами дворянства, гарантии которых провозглашались в «Присяге» — программном документе верховников, что также могло стать дополнительным поводом для недовольства. Ведь пункт 8 этого документа гласил: «Кто впадет в какое прегрешение, хотя и живота лишен будет, после таких у жен, у детей их и у сродников движимого и недвижимого не отнимать, и тем их не укорять, понеже довольно, что живота или чести лишаться»⁷⁶. Возможно поэтому далеко не случаен и тот факт, что интрига против Остермана проявилась для иностранных дипломатов именно в 20-х числах июля⁷⁷, сразу же после второго акта опалы Долгоруких. Нарушение дворянских требований и молчаливо подразумевавшихся гарантий вызывало опасения за собственную участь у замешанных в ограничении самодержавия.

Дипломатические представители не передают всех обстоятельств интриги. Их интересовал лишь внешнеполитический аспект, а именно: использование в борьбе против Остермана представителями «старорусской партии» аргументов против предоставления вспомогательного корпуса Австрии, сторонником которого был Остерман. В связи с этим они переоценивали шансы русских вельмож, отстаивающих выгодные им позиции, в некоторых случаях даже чрезмерно акцентируя внимание на обострении отношений среди «немцев».

Чрезмерное влияние Остермана действительно могло вызвать обострение его отношений с членами немецкой группировки. К этому могло добавиться и раздражение Бирона против него как инициатора планов решения проблемы престолонаследия. Наличие конфликта внутри немецкой группировки отметил Маньян, а Рондо под 24 июля отметил даже какую-то попытку Остермана пойти на сближение с русской партией⁷⁸.

Однако факты говорят о том, что эти явления преувеличены: наоборот, усиление единства русских вельмож вынудило «немцев» консолидироваться.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 219–229 об.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 21 об.

⁷⁷ *Де-Лириа*. Письма... // ОВ. Кн. 3. С. 96 (письмо от 31/20 июля); Маньян от 3 авг. /24 июля // Сб. РИО. Т. 81. С. 86–87; Рондо от 24 июля // Сб. РИО. Т. 66. С. 209–213.

⁷⁸ Сб. РИО. Т. 81. С. 86–88; Сб. РИО. Т. 66. С. 228.

Уже 28 августа Маньян с сожалением отмечал, что влияние Остермана у императрицы снова растет⁷⁹. 30 августа, в день празднования Александра Невского как орденового праздника и дня заклочения Ништадтского мира, императрица объявила о создании нового гвардейского пехотного Измайловского полка, руководство которым было поручено иноземцам — Левенвольде и Кейту⁸⁰. Рядовой его состав набирался из украинских однодворцев, слабее связанных с интересами русского крестьянства и дворянства, офицерский состав в значительной степени комплектовался иностранными офицерами. В этом трудно не усмотреть желания превратить его в своего рода «дворцовую гвардию», образованную в противовес старым российским гвардейским полкам.

Тем не менее партия русских вельмож не сложила оружия: после провала первой попытки ограничить влияние иноземных фаворитов начинается второй виток интриги против Остермана, в центре которой, по сообщениям иностранных дипломатов, так же, как и ранее, стояли А. М. Черкасский и П. И. Ягужинский.

Время с середины сентября по начало октября рисуется в их донесениях пиком ее успеха: почти одновременно в них появляются сведения о возможном создании Кабинета, но на сей раз направленного уже против Остермана⁸¹. По сообщению Маньяна, он должен был состоять из канцлера Головкина, гр. Остермана, двух фельдмаршалов — М. М. Голицына и В. В. Долгорукова; П. И. Ягужинского, А. М. Черкаского и Д. М. Голицына⁸². По составу и числу членов планируемое учреждение напоминает нечто вроде ВТС (Рондо, впрочем, считает его не Кабинетом, а советом по иностранным делам⁸³). В сентябре же оправдываются слухи о возвращении ко двору Шафирова, направленного первоначально послом в Персию, чем выдвигается конкурент А. И. Остерману на поприще руководства иностранными делами⁸⁴. Через неделю Рондо и Маньян сообщают о формировании новой Военной коллегии, президентом которой назначен М. М. Голицын, одновременно продолжая информировать о стараниях Ягужинского сформировать Кабинет⁸⁵. Ухудшению положения Остермана способствовала также болезнь глаз, не дававшая ему в эти две недели появляться ко двору. Сообщая

⁷⁹ Сб. РИО. Т. 81. С. 108.

⁸⁰ *Де-Липра*. Записки... // РА. 1909. Кн. 1. С. 393; Письма... // ОВ. Кн. 3. С. 113; *Рондо* // Сб. РИО. Т. 66. С. 228.

⁸¹ Сб. РИО. Т. 81. с. 115–117; Сб. РИО. Т. 66. С. 232–234 (28/17 сент. — Маньян; 17 сент. — Рондо).

⁸² Сб. РИО. Т. 81. С. 115–117.

⁸³ Сб. РИО. Т. 66. С. 232–234.

⁸⁴ Сб. РИО. Т. 81. с. 115–117.

⁸⁵ Сб. РИО. Т. 66. С. 235; Т. 81. С. 121–133. Назначение Голицына президентом состоялось 21 сентября (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 257.)

о сильно поколебленном положении Остермана, Рондо уведомлял и о настроениях «всего старого российского дворянства», «с нетерпением ожидающего свержения фаворитов»⁸⁶.

Однако шансы русских вельмож в ходе этой интриги, очевидно, переоценивались. Свидетельством тому является дальнейшее уменьшение численности Сената до 17 человек после отправления на Украину А. И. Шаховского в августе⁸⁷ и смерти в начале сентября Г. Д. Юсупова, на место которых никто не был назначен, что расценивалось иностранными дипломатами как результат политики Остермана, направленной на подрыв Сената: «...он старается если и не уничтожить значение Сената вполне, то, по крайней мере, привести его к тому бессильному положению, в котором он находился при императоре Петре II: это намерение обнаруживается не только при случае смерти некоторых членов, которые остаются без замещения, но и в отправлении других членов Сената в провинцию...»⁸⁸.

И то событие, которое дипломаты считали успехом старорусской партии, — назначение П. И. Ягужинского на восстановленную должность генерал-прокурора Сената — скорее, вероятно, следует считать началом ее поражения. Назначение его генерал-прокурором выделяло его из Сената, ухудшая отношения с другими сенаторами; юридически ставило завершающую точку в возвращении Сената к тому положению, которое он занимал при Петре I, учреждая над ним для надзора личного представителя государя. По сведениям Рондо, Ягужинский получил эту должность благодаря Бирону⁸⁹; кроме этого, еще в сентябре пошли слухи о женитьбе Р. Левенвольде на его племяннице⁹⁰.

Все это и продолжение возвышения Ягужинского вплоть до января 1731 г. (он был назначен руководителем Сибирского приказа, воссозданного по его инициативе⁹¹; шефом создаваемого конногвардейского полка; 18 января пожалован в графы Российской империи⁹²), а также прямые свидетельства принадлежности его к этому времени к группировке немецких фаворитов⁹³, позволяют сделать вывод, что, вероятно, немецкое окружение царицы использовало прежний принцип разделения сил противника за счет привлечения на свою сторону наиболее активных его деятелей.

⁸⁶ Сб. РИО. Т. 66. С. 241.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 257.

⁸⁸ Сб. РИО. Т. 81. С. 108.

⁸⁹ Сб. РИО. Т. 66. С. 241.

⁹⁰ Сб. РИО. С. 232–234.

⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2009. Л. 173–174. (его доклад об этом).

⁹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 28.

⁹³ Донесение Рондо от 4 янв. 1731 г. // Сб. РИО. Т. 66. С. 272.

То же стремление привязать одного из противников к интересам немецкой группировки фаворитов родственными связями можно усмотреть и в состоявшейся 12 ноября помолвке богатейшей наследницы России дочери князя А. М. Черкасского с Р. Левенвольде, очевидно, навязанной А. М. Черкасскому, ибо после того, как победа немецкого окружения была упрочена, Левенвольде сам отказался от этого брака⁹⁴.

В то же время иностранные дипломаты фиксируют слухи об интригах в армии: при продолжающемся формировании Измайловского полка М. М. Голицын был устранен от назначения в него офицеров, набор которых был поручен Левенвольде-старшему⁹⁵; 1 октября Рондо сообщает о назначении фактически командующего московским гарнизоном активно участвовавшего в ограничении самодержавия генерала Матюшкина губернатором в Киев, считая это почетной ссылкой⁹⁶; в ноябре родственники Бирона были приняты в русскую военную службу. 1 октября сам Бирон был вторично пожалован орденом Андрея Первозванного, и на сей раз уже не отказался от него⁹⁷; чуть раньше снова пошли слухи о возможном переезде двора в Петербург⁹⁸.

Таким образом, в результате интриг два наиболее активные участника борьбы с Остерманом были задобрены и в значительной степени устранены от борьбы; остальные события также свидетельствовали об упрочении положения немецкой группировки. Но окончательным поражением партии русских вельмож в борьбе против немецкого окружения Анны Иоанновны была смерть фельдмаршала М. М. Голицына 10 декабря 1730 г., последовавшая после недельной болезни⁹⁹. Хотя формально контроль над армией еще оставался в руках В. В. Долгорукого, назначенного президентом Военной коллегии, партия лишилась одного из самых решительных своих сторонников, пользовавшегося к тому же большим авторитетом в войсках.

Решающий раунд борьбы между немецким окружением и группировкой русских вельмож окончился поражением последних. Победа немецкой группировки окончательно определилась, хотя и не была еще безоговорочной. С этого времени перевес сил был на стороне немецкого окружения: состояние неясного равновесия, вынуждавшее считаться с позицией дворянства и знати, выявившейся в событиях января — февраля, длившееся почти целый год, закон-

⁹⁴ Сб. РИО. Т. 66. С. 253; Т. 81. С. 141, 187.

⁹⁵ Сб. РИО. Т. 81. С. 125–126.

⁹⁶ Сб. РИО. Т. 66. С. 241.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Сб. РИО. Т. 66. С. 235.

⁹⁹ Там же. С. 265.

чилось. Однако туманные опасения переворота в окружении Анны Иоанновны не исчезли, как это показывают события *следующего периода*, охватывающего *весь 1731 год*.

Перелом в борьбе группировок был ознаменован началом первого серьезного процесса, уже прямо связанного с ограничением самодержавия — делом Фика, творца петровской коллежской реформы и вице-президента Коммерц-коллегии, обвиненного в том, что он был одним из авторов ограничительных планов в январе 1730 г. Этому событию предшествовало усиление немецкой группировки при дворе еще одним лицом — генералом Минихом, вызванным в январе из Петербурга. Молва сначала связывала приезд Миниха исключительно с обсуждением нового плана обороны украинской границы¹⁰⁰, но уже после его отъезда вызов стал связываться с делом Фика¹⁰¹. Процесс по делу Фика действительно велся под руководством Миниха; большинство материалов по делу скреплены его личной печатью¹⁰².

Миних безболезненно вошел в состав немецкой группировки, все члены которой в этот период наиболее тесно сблизились и примирились между собой. Своим приближением Миних, очевидно, был обязан Остерману: «Отец мой с давнего времени пользовался его дружбою и рекомендован от него новому обер-камергеру (т. е. Бирону. — *Н. П.*) с весьма хорошей стороны; почему и не прошло еще и двух недель по приезде его в Москву, как он, со всеми возможными знаками благоволения, введен был в общество сих триумвиров (т. е. Бирона, Остермана и Левенвольде. — *Н. П.*)»¹⁰³. И действительно, он явился в Петербург с явными признаками личного возвышения: 19 февраля 1731 г. он был пожалован в генерал-фельдцейхмейстеры¹⁰⁴; 8 марта ему было поручено руководство Воинской комиссией, возглавлявшейся ранее президентом Военной коллегии М. М. Голицыным¹⁰⁵, в апреле в годовщину коронации награжден орденом Андрея Первозванного.

Наглядно перелом в борьбе группировок выявился в ходе придворных празднеств в январе — апреле 1731 г. (19 января — день вступления на престол; 28 января — день рождения Анны Иоанновны; 28 апреля — день коронации¹⁰⁶). Именно тогда явно обнаружилось безоговорочное влияние немецких фаворитов, а также

¹⁰⁰ Сб. РИО. Т. 81. С. 178.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² РГАДА. Ф. 6. Д. 171. Ч. 1.

¹⁰³ *Миних Э. И.* Записки... С. 28.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 387. Л. 834 об.

¹⁰⁵ Там же. Кн. 1900. Л. 119.

¹⁰⁶ Сб. РИО. Т. 66. С. 272–273.

недовольство русских как этим обстоятельством, так и чрезвычайно усилившейся роскошью при дворе. Очевидно, в связи с последним императрица все же не решилась тогда на переезд в Петербург: «...продолжают говорить о недовольстве, высказываемом всюду русскими вследствие злоупотребления милостями царицы со стороны Биронов и Левенвольде, что и заставляет здешнюю государственную больше всего оставаться в здешней столице, для предупреждения, может быть, беспорядков, которые могли бы быть вызваны ее отсутствием»¹⁰⁷.

Тем не менее организованное сопротивление русской знати было в основном сломлено. Ее группировка превратилась в аморфное скопление недовольных, неспособное к организованным действиям, продолжавшее сдачу позиций.

В начале 1731 г. были конфискованы календари, упоминавшие голштинцев в числе русской императорской фамилии, а 25 февраля — как день объявления Анны Иоанновны самодержицей. Последним она объявляла себя самодержицей со дня кончины Петра II¹⁰⁸, и февраль 1730 г. был вычеркнут из истории. 22 марта 1731 г. была дана отставка командующему московским гарнизоном генералу Матюшкину¹⁰⁹; 24 марта была восстановлена Тайная канцелярия¹¹⁰.

Официальная мотивировка последнего решения указывала на обремененность Сената делами по «слову и делу» (что было, в общем, справедливо) и на необходимость создания специального органа для следствия по этим делам. Дворянство возражало не против специального органа сыска по важнейшим государственным преступлениям, а против неподконтрольности его другим государственным органам, против Тайной канцелярии как носителя произвола по отношению к самому дворянству¹¹¹, и потому ее воссоздание не вызвало акций протеста. Указ, однако, не определял точно компетенцию нового учреждения и фактически давал возможность восстановить его именно в прежнем виде. Если даже восстановление Тайной канцелярии и было вызвано объективными причинами, совпадение его по времени с разгаром следствия по делу Фика могло быть и не случайным явлением.

В апреле орден Андрея Первозванного получил Миних; Бирон — осыпанный бриллиантами портрет императрицы; при дворе появился еще один лифляндец, барон Менгден, произведенный в камергеры¹¹²; в конце апреля Левенвольде отказался от предпола-

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 181. С. 159–160.

¹⁰⁸ Сб. РИО. Т. 66. С. 291.

¹⁰⁹ Там же. С. 304.

¹¹⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5727.

¹¹¹ *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 149.

¹¹² Сб. РИО. Т. 66. С. 308.

гаемого брака с дочерью А. М. Черкасского, оскорбив тем самым отца и представителей русских аристократических родов¹¹³.

Ропот среди русского дворянства, для которого роскошь двора стала уже обременительной, усиливается¹¹⁴, однако единственным актом протеста из его среды оказалось так называемое «дело Румянцева»¹¹⁵. Румянцев, незадолго до этого отозванный с поста главнокомандующего в Персии и осыпанный милостями императрицы, отказался от предложенного поста президента Камер-коллегии, мотивировав тем, что он солдат и не знаком с финансами, но при этом, видимо, не удержался от критики, «...заявив, что он не обладает достаточным талантом для изыскания средств возместить все излишние траты, производящиеся ныне при дворе...»¹¹⁶, явно переоценив степень расположения императрицы. По ее личному указу 19 мая состоялся суд над ним: большая часть сенаторов подписала смертный приговор, замененный императрицей ссылкой без права переписки и общения¹¹⁷. В выступлении Румянцева не было ничего угрожающего для императрицы — скорее это была несдержанная речь раздраженного человека, степень наказания которого была явно неадекватной сделанному и актом личного произвола Анны Иоановны.

В течение 1731 года произошло и дальнейшее падение влияния Сената.

Хотя с самого начала своей работы Сенат юридически был низведен до положения распорядительного органа и те скромные остатки юридической самостоятельности, которые он хотел сохранить за собой, были ликвидированы постепенно уже в течение первого полугодия, однако он сконцентрировал в себе бюрократическую верхушку послепетровского времени, пользовавшуюся поддержкой разных слоев дворянства, которую на первых порах было нелегко отстранить от дел и с которой приходилось считаться. Эта верхушка, очевидно, видела в Сенате опору своего влияния, поэтому боролась за сохранение его позиций. Как следствие, по крайней мере в течение 1730 г., реальное значение Сената было выше его юридических прерогатив, и Сенат представлял собой значительную политическую силу.

Но уже к началу 1731 г. состав Сената сократился до 15 человек. Из него выбыли В. Л. Долгорукий, И. И. Дмитриев-Мамонов, Г. Д. Юсупов, М. М. Голицын; в августе 1730 г. был отправлен на Украину А. И. Шаховской; в январе 1731 г. отправлен к строитель-

¹¹³ Там же. С. 304.

¹¹⁴ Сб. РИО. Т. 81. С. 188–189. (депеша Маньяна от 18/7 мая).

¹¹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 265–266.

¹¹⁶ Сб. РИО. Т. 81. С. 198.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 11. Д. 257.

ству Украинской линии А. И. Тараканов. Единственным вновь назначенным сенатором был А. И. Румянцев, вскоре после этого сосланный.

Падение значения Сената отразилось и в участии в его работе представителей «сановой» группы: с марта по август 1731 г. его посещали в среднем 3,05 человек в заседание. Да и эта цифра была достигнута в основном за счет стабильного посещения дисциплинированного И. Ю. Трубецкого, присутствия А. М. Черкасского и П. И. Ягужинского по своей генерал-прокурорской должности. В. В. Долгорукий в общей сложности посетил 33% заседаний (1730 г. — 37%); Д. М. Голицын — 18,6% (1730 г. — 42,6%); Г. И. Головкин — 3 заседания (1730 г. — 37,4%); А. И. Остерман — 7% (1730 г. — 21%); А. М. Черкасский — 37,6% (1730 г. — 38,3%). Посещения Головкина и Остермана были связаны с судом над Румянцевым, присягой наследнику в декабре, а Остермана — еще и с обсуждением нового таможенного тарифа в Сенате и другими делами комиссии о коммерции.

В целом заседания Сената в 1731 г. стали более частыми: с марта по декабрь — 1 заседание в 1,68 дня против 1 заседания — в 2,35 дня в 1730 г. за аналогичный период; однако число присутствующих уменьшилось — 6,8 чел. против 9,33 чел. в среднем на заседании в 1730 г. Более стабильным было посещение Сената в конце года; гораздо реже, особенно сановой частью, Сенат посещался до осени, что, очевидно, отражает фрондирующее поведение вельмож, закончившееся после того, как победа группировки императрицы стала безусловной и Сенат превратился в обычный бюрократический орган¹¹⁸. Упадок значения Сената подтверждается и тем обстоятельством, что только однажды (в день суда над А. И. Румянцевым) в Сенате присутствовали вместе 6 представителей «сановой» группы, и было всего 4–5 заседаний с участием 5 ее представителей.

Окончательный упадок Сената был связан с теми акциями конца года, предпринятыми окружением Анны Иоанновны, которые довершили победу немецкой группировки — с созданием Кабинета министров, переездом двора в Петербург и присягой наследнику.

Хронологическая их близость дает основания для предположения об их изначальной согласованности между собой.

Уже в течение года появляются сведения о каких-то функционирующих помимо Сената советах. Маньян 17 мая называет даже состав подобного совета: Бирон, Левенвольде, Головкин, Ягужинский, кн. Черкасский, Остерман¹¹⁹; о подобном совете он сообщает

¹¹⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899, 1900, 1901, 1902.

¹¹⁹ Сб. РИО. Т. 81. С. 190.

и 12 июня¹²⁰. Впрочем, сенатские журналы фиксируют совещания с похожим составом, на которых была дополнена в социально-экономической части программа внутренней политики в марте—апреле¹²¹.

Но к концу августа пошли и слухи о формировании помимо Сената некоего «верховного совета»¹²², а в начале сентября Ягужинский, критиковавший немецкое окружение уже в январе¹²³, сообщал польскому посланнику Потоцкому, что он в состав этого совета, формируемого Остерманом, вероятнее всего, не попадет¹²⁴. Однако Кабинет министров или Кабинет ее императорского величества в составе Г. И. Головкина, А. И. Остермана и А. М. Черкасского был создан только указом 18 октября¹²⁵. Почти одновременно с этим был решен и вопрос о переезде двора в Петербург (указ о создании Кабинета и передаче в него части дел был получен в Сенате 9 ноября¹²⁶, о переезде в Петербург — 18 ноября) и о престолонаследии. Во всяком случае, Бирон сообщает, что манифест об определении наследника престола был написан Остерманом спустя два-три дня после учреждения Кабинета¹²⁷.

Образование Кабинета лишило Сенат еще трех его членов, и он, таким образом, сократился до 12 человек. Одновременно с переездом двора решено было разделить Сенат на два Сената, один из которых оставался в Москве, а другой — отправлялся в Петербург¹²⁸.

Оставались в Москве известный своей лояльностью И. Ю. Трубецкой, командующий войсками в центральных областях страны; Г. П. Чернышев, И. Ф. Барятинский, Г. А. Урусов. Контроль за ними осуществлял С. И. Салтыков, вновь введенный в состав Сената — доверенное лицо императрицы, практически на протяжении всего царствования остававшийся в Москве и после ликвидации в 1733 г. Московского Сената ставший главой Московской сенатской канторы. Отправлялись в северную столицу наиболее опытные в государственных делах и чиновные его члены, часть которых было необходимо держать под контролем: Г. И. Головкин, В. В. Долгорукий, П. И. Ягужинский, А. И. Ушаков, Ю. Ю. Трубецкой, М. Г. Головкин, В. Я. Новосильцев, А. И. Шаховской, С. И. Сукин.

¹²⁰ Сб. РИО. Т. 81. С. 221.

¹²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 148–149, 180, 191.

¹²² *Маньян* 6 сент. /28 авг. // Сб. РИО. Т. 81. С. 237–242.

¹²³ Там же. С. 170–171.

¹²⁴ Там же. С. 240–242.

¹²⁵ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сб. РИО. Т. 104. С. 2.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 201 об.

¹²⁷ *Бирон Э. И.* Обстоятельства, приготовившие опалу Э. И. Бирона, герцога курляндского // Хмыров М. Д. Исторические статьи. — М., 1871. С. 315–316.

¹²⁸ Сб. РИО. Т. 104. С. 24. (записка с определением сенаторов, которые должны были ехать в Петербург. Позднее этот первоначальный состав несколько изменился).

Таким образом, многочисленный в начале царствования Сенат делился на два маленьких учреждения по 6–7 человек, разбросанных по двум столицам. Фактически с последовавшим вскоре удалением П. И. Ягужинского Сенат сократился до 11 человек, и в итоге, чтобы оба вновь созданных Сената не были слишком малочисленными, пришлось ввести в Московский С. И. Салтыкова и И. Г. Головкина, подписи которых стоят под рапортами Московского Сената¹²⁹.

В этом дроблении на два учреждения свою роль, очевидно, сыграло и намерение еще больше ограничить рамки влияния Сената. Ранее в аналогичных случаях при переезде из столицы в столицу с государем отправлялся обычно весь Сенат, а в покидаемой столице оставалась лишь Сенатская контора во главе с одним сенатором.

Образование Кабинета и приближение ко двору личного врага П. И. Ягужинского А. И. Шаховского, вызванного с Украины, вызвало очередную вспышку ярости генерал-прокурора¹³⁰, за которую он поплатился назначением посланником в Берлин¹³¹. Еще одним активным и решительным человеком при русском дворе стало меньше.

Заключительным аккордом борьбы при дворе стали события, развернувшиеся вокруг присяги наследнику престола. Манифест о присяге¹³² почти совпал с текстом указа о престолонаследии Петра I: им провозглашалось, что государыня назначает наследника по своему соизволению. В нем прямо указывалось и на мотивы его принятия: не допустить смут, которые сопровождали восшествие Анны на престол.

Как это, так и другие обстоятельства приведения к присяге свидетельствовали о существовавших у Анны Иоанновны и ее окружения опасениях и неуверенности в прочности своего положения.

Процедура присяги, состоявшейся 17 декабря 1731 г., готовилась в глубокой тайне. Анну долго не удавалось убедить в необходимости ее проведения, поэтому Остерману пришлось подключить Феофана Прокоповича, пользовавшегося, очевидно, у нее большим влиянием. Текст манифеста был отпечатан тайно в типографии в его доме¹³³. Ночью накануне дня присяги совершенно неожиданно поступило приказание поднять по тревоге гвардейские полки, а в 4 часа утра они уже были построены вокруг дворца, в котором сановниками, генералитетом и шляхетством приносилась присяга, и все три гвардейских полка должны были присягать в числе пер-

¹²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1109.

¹³⁰ *Лефорт* // Сб. РИО. Т. 5. С. 440; *Маньян* // Сб. РИО. Т. 81. С. 258–259.

¹³¹ *Маньян* // Сб. РИО. Т. 81. С. 269, 281; *Рондо* // Сб. РИО. Т. 66. С. 399; *Лефорт* // Сб. РИО. Т. 5. С. 442–443, 446.

¹³² ПСЗ. Т. VIII. № 5909.

¹³³ *Бирон Э.И.* Указ. соч. С. 316.

вых. Очевидно, присяга являлась неожиданностью для всех, в том числе и для Сената¹³⁴.

Следствием опасений в окружении императрицы, а возможно, и сознательных намерений убрать всех неугодных лиц были сразу несколько новых политических процессов.

Во-первых, арест и суд над фельдмаршалом В. В. Долгоруким, сказавшим во время присяги что-то неместное в адрес императрицы, о чем немедленно донесли князь Гессен-Гомбургский и майор Измайловского полка Альбрехт¹³⁵. 22 декабря 1731 г. состоялся суд над Долгоруким, вынесший ему смертный приговор. Лишь по личному указанию императрицы он был заменен ему ссылкой в Шлиссельбург¹³⁶. Сам Долгорукий утверждал, что он якобы лишь высказывался по поводу необоснованных перемен и назначений в русской армии¹³⁷.

За этим последовал арест его племянника Ю. В. Долгорукого и группы молодых гвардейских офицеров, высказавшихся в пользу Елизаветы¹³⁸, а также отстранение от дел и ссылка в начале февраля руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Сиверса. Миних впоследствии сам признал факт своего доноса на Сиверса, вызванного тем, что Сиверс неосторожно высказал какие-то симпатии Елизавете¹³⁹. После устранения Сиверса главой Адмиралтейской коллегии вскоре стал протеже А. И. Остермана и Бирона Н. Ф. Головин, срочно отозванный с дипломатической службы в Швеции и долгое время уже не служивший во флоте. В день суда над Долгоруким был арестован и фаворит Елизаветы Алексей Шубин¹⁴⁰.

Не был, очевидно, случайностью и отданный Миниху на следующий день после суда над Долгоруким приказ о взятии под арест Фика и немедленном окончании над ним следствия¹⁴¹. 25 января 1732 г. последовал именной указ о ссылке Фика в Сибирь¹⁴².

Таким образом, присяга стала символом безоговорочного утверждения господства немецкой группировки. С арестом Долгорукого и Сиверса был наконец установлен контроль над руководством армией и флотом: Миних был назначен президентом Военной коллегии и 27 февраля 1732 г. — генерал-фельдмаршалом на освободившееся место¹⁴³.

¹³⁴ Сб. РИО. Т. 81. С. 276–279; Сб. РИО. Т. 66. С. 407.

¹³⁵ Сб. РИО. Т. 104. С. 89.

¹³⁶ Там же. С. 90.

¹³⁷ Маньян // Сб. РИО. Т. 81. С. 296.

¹³⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 267.

¹³⁹ РА. 1866. Кн. 2. С. 171–185.

¹⁴⁰ Сб. РИО. Т. 104. С. 93.

¹⁴¹ Там же; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1092. Л. 11–13 (донесения Миниха об исполнении).

¹⁴² Сб. РИО. Т. 104. С. 146.

Именно этим актом, а не событиями февраля 1730 г., закончилась почти двухлетняя глухая борьба при дворе, ознаменованная наконец полной победой немецкой группировки. И хотя ее результат был предопределен уже в конце 1730 г., еще и год спустя окружение императрицы продолжало чувствовать себя беспокойно. И только теперь оно сбросило груз опасений со своих плеч, что вылилось после переезда в Петербург в день празднования восшествия императрицы на престол 19 января 1732 г. в малопривлекательную сцену: «...обер-камергер и министры, иностранные послы пьяными валялись у ног государыни, катались по полу и срывали друг с друга парики...»¹⁴⁴.

Полное отсутствие волнений и сопротивления со стороны русского дворянства окончательно убедили немецкое окружение императрицы в факте своей победы и несколько ослабили его монолитность: обострились разногласия в его среде. Главным их катализатором стал Миних.

4 декабря Анна Иоанновна пожаловала Миниху во владение Крестовский остров в Петербурге¹⁴⁵; затем последовали военные назначения; императрица поселила Миниха в соседний с Бироном дом, купив его собственный за значительную сумму¹⁴⁶.

Опьяненный честолюбием, в упоении своим кратким фавором у императрицы, Миних стал активно вмешиваться в гражданские и иностранные дела. Он настроил против себя Остермана, вмешиваясь в иностранные дела и выдвигая своего брата в соперники ему по иностранному ведомству; Левенвольде — задев его в должности командира Измайловского полка, оскорбил принца Гессен-Гомбургского. Бирона настораживала растущая его близость к императрице, офицеры жаловались на жестокость и мелочные придирки фельдмаршала по службе.

К середине апреля 1732 г. он успел вооружить против себя своих прежних сторонников, ожидавших лишь приезда Левенвольде-старшего, чтобы покончить с ним и, возможно, намеренно давших ему «зарваться».

Именно в этих условиях проявилась истинная роль Карла Густава Левенвольде, недооцененная историками: во многих случаях именно он играл роль руководящего центра немецкой группировки и роль арбитра в отношениях ее членов между собой. Впрочем, особое влияние Левенвольде отмечено внимательными исследователями¹⁴⁷. Оно

¹⁴³ Сб. РИО. Т. 104. С. 182.

¹⁴⁴ Сб. РИО. Т. 81. С. 298.

¹⁴⁵ Сб. РИО. Т. 104. С. 62.

¹⁴⁶ Миних Э. И. Записки... С. 33; *Лефорт* // Сб. РИО. Т. 5. С. 455.

¹⁴⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 667; *Строев В. В.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. — М., 1909. С. 52.

базировалось отнюдь не только на его уме и авторитете: позднее, в июне 1740 г., французский посол Шетарди сообщал, что Левенвольде-старший был еще до Бирона одним из первых фаворитов Анны Иоанновны и сохранял с ней подобные отношения и в первые годы ее царствования¹⁴⁸. Возможно, еще и поэтому К. Г. Левенвольде был недоволен явно обозначившимся стремлением Миниха к фавору у императрицы.

В июле 1732 г. раздраженные соперники нанесли наконец решительный удар по прежнему союзнику¹⁴⁹.

Чашу терпения переполнили два обстоятельства: проверка Минихом утаенных товаров в домах иностранных купцов, вызвавшая коллективную жалобу почти всех иностранных дипломатических представителей¹⁵⁰, и попытка склонить русский двор к принятию французских предложений в польском вопросе, что противоречило интересам России¹⁵¹.

Миних утратил доверие императрицы и с этого времени отошел в тень. Даже взятие Гданьска в русско-польской войне 1733–1735 гг. не вернуло ему потерянного положения и полного доверия, несмотря на то что развенчанный честолюбец сменил тактику и постарался прежде всего восстановить отношения с Бироном.

* * *

Таким образом, почти двухлетняя борьба группировок при дворе за влияние на императрицу завершилась в начале 1732 г. окончательной победой немецкой группировки, на стороне которой оказалась не только большая сплоченность и искусство мастеров интриги, но и то обстоятельство, что к ней принадлежал фаворит императрицы. Расстановка сил при дворе определилась, определилась она и внутри группировки фаворитов, после недолгого раздора, вызванного честолюбивыми притязаниями Миниха. «Теперь в России наступило то царствование, где требуется беспрекословное повиновение...», — писал саксонский посланник Лефорт¹⁵².

К сожалению, борьба в верхах предстает перед нами преимущественно в виде борьбы придворных группировок с не совсем ясными интересами и целями. Истинные мотивы этой борьбы, а тем более то обстоятельство, стояли ли за этими группировками разные внутриполитические курсы, определить по указанным источникам невозможно.

¹⁴⁸ Сб. РИО. Т. 86. СПб., 1893. С. 373–374.

¹⁴⁹ Сб. РИО. Т. 66. С. 476. Там же. Т. 5. С. 461.

¹⁵⁰ Сб. РИО. Т. 66. С. 454, 457.

¹⁵¹ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739. — М., 1976. С. 204–205.

¹⁵² Сб. РИО. Т. 5. С. 449.

Поэтому принципиально важной становится характеристика разработки внутриполитической программы, логики ее формирования, определения инициаторов отдельных ее аспектов. Особенно важно проследить отношение ко всем этим вопросам придворных сфер и Сената. Хотя последний и не был чем-то однородным, однако созданный в результате дворянского движения, он должен был как-то отразить позиции дворянства. Одновременно, будучи средоточием бюрократической верхушки России последнего десятилетия, он был способен наиболее последовательно отразить и государственные интересы. Две эти стороны, очевидно, не могли не вступать в противоречие.

Борьба указанных группировок проходила на фоне отголосков дворянского движения 1730 г., и, очевидно, противоборствующие стороны не могли не считаться с позицией дворянства и с его интересами. Вероятно, что некоторые внутриполитические акции могут быть связаны с переломными этапами этой борьбы, каким-то образом приспособлены к ее потребностям. Как представляется, максимальное влияние позиция широких слоев дворянства могла оказать в 1730 г., в период наиболее острых столкновений, когда противникам надо было привлечь его на свою сторону или хотя бы нейтрализовать. В последующий период дворянство, лишенное организации и руководства, уже не было способно к активным действиям, и внутриполитические акции продворянской направленности, даже будучи прямым ответом на требования дворянских проектов 1730 г., уже не носили *вынужденного* характера, а были выражением дворянской сущности внутренней политики феодального государства и определялись его социальными и экономическими потребностями.

§ 2. Внутриполитическая программа начала царствования Анны Иоанновны, ее развитие и попытки реализации

2.1. Внутриполитический курс в Сенате весной 1730 г.

Логичнее всего было бы предположить, что именно Сенат, созданный дворянским движением 1730 г., станет с самого начала органом, сформулировавшим внутриполитическую программу, отвечающую интересам дворянства.

Однако ознакомление с журналами Сената за первые месяцы его работы¹⁵³ показывает, что о четко сформулированной и оформленной внутриполитической программе в рамках Сената говорить не приходится, и даже сам вопрос о необходимости продуманной программы никогда не ставился.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 1–132 об.

Все-таки, хотя и не в виде отчетливо сформулированной программы, представления сенаторов о внутривполитическом курсе проявились в отдельных вопросах, поднимавшихся на заседаниях Сената.

Анализируя их совокупность, можно выделить два аспекта, оказавшие влияние на основные черты этого курса: 1) влияние проектов 1730 г.; 2) наследие Екатерины I и верховников в области внутривполитики.

Обе указанные тенденции нашли свое выражение уже на заседании 16 марта 1730 г. в преддверии посещения Сената императрицей, что, очевидно, побудило сенаторов сосредоточиться на наиболее важных внутривполитических вопросах.

Заслушав итоги работы комиссии Д. М. Голицына о подати, созданной в 1727 г. в общей структуре комиссий, направленных на реализацию сформулированного в 1727 г. внутривполитического курса екатерининского правительства¹⁵⁴, сенаторы согласились со вторым вариантом предложений комиссии, направленным на сокращение ставки подушной с владельческих крестьян, предусматривающим в перспективе и сокращение расходов Военной коллегии («...покамест о расходах Военной коллегии рассмотрено будет, недостаток 740 тысяч 957 рублей отпустить Камер-коллегии из общей суммы»)¹⁵⁵. Будучи прямой реализацией определившегося в январе 1727 г. курса на пересмотр податной политики, это решение Сената отвечало и на требование уменьшения податей, выдвинутое в дворянских проектах (например, в п. 7 проекта Чернышева-Черкасского: «Духовенству и купечеству в квартирах и протчих трудностях, также и крестьянству в податях по рассмотрении надлежащее облегчение учинить»¹⁵⁶). Более того, в ближайшей перспективе оно неминуемо предусматривало и пересмотр военной политики, не определяя пока его формы.

Второе решение, принятое на этом заседании, — одобрение первого варианта доклада о ликвидации введенного указом о едином наследии 1714 г. майората¹⁵⁷ — уже прямо отражало требования дворянских проектов (в частности, пункта 9 вышеупомянутого проекта: «О отставке первенства в наследстве как быть, надлежащее определение учинить»¹⁵⁸).

Доклад об отмене майората был представлен императрице 19 марта. Подготовленный уже вчерне доклад о снижении подушной¹⁵⁹ был

¹⁵⁴ О ней: Анисимов Е. В. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати // Изв. Т. 91. — М., 1973. С. 338–352.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 27.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45 об.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 27.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45 об.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 30–30 об.

отложен, так как императрицей при посещении Сената было предложено уже традиционное решение о единовременном сокращении подушного налога в результате отмены сбора его майской трети, что было более легким вариантом разрешения проблемы, позволившим, однако, незамедлительно отреагировать на дворянские требования. Сенатское решение предполагало пересмотр вопросов финансирования армии, что было делом достаточно сложным; единократное снижение подати было провести легче, хотя это решение и предлагалось, и принималось еще до того, как была изыскана сумма для компенсации армии финансовых потерь (вопрос о компенсации был поднят только на заседании 6 апреля¹⁶⁰). Решение об отмене майората было отложено; Сенат еще раз напоминал о нем в июле¹⁶¹, но оно было принято только 9 декабря¹⁶².

Одновременно с докладом о майорате был представлен сенатский доклад об учреждении Судного и Сысского приказов. Эти органы должны были заменить ликвидированные в ходе административной реформы 1727 г. надворные суды, что оказалось неудачным решением для такого крупного центра как Москва, концентрировавшего судебные дела огромной округи. Прежние надворные суды в столице воссоздавались в старом облике приказов с соответствующим порядком производства дел¹⁶³. Дела по гражданским искам передавались в Судный, по уголовным — в Сысской приказ. Уже с самого начала возникали сомнения в эффективности этих учреждений, ибо в наследство они получили 21 388 нерешенных дел.

Наследие программ предыдущих царствований можно выявить и в серии других решений Сената: 6 апреля было принято решение о продолжении работы над новым Уложением, которая должна была протекать в узкобюрократических рамках: в первую очередь должны были готовиться считавшиеся, видимо, основными, сводные с указами главы в самих коллегиях (Вотчинная — в Вотчинной; по уголовным преступлениям — в Юстиц-коллегии)¹⁶⁴. 17 апреля в связи с доношением Геннина был поднят вопрос о приватизации уральских казенных металлургических заводов¹⁶⁵, поставленный еще при Петре и решенный лишь в 1739 г.¹⁶⁶

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 58.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 208; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 228.

¹⁶² ПСЗ. Т. VIII. № 5653.

¹⁶³ ПСЗ. Т. VIII. № 5521.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 62 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 95 об. Очевидно, обсуждалось доношение Геннина от 16 апреля 1730 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 5–8), повторявшее в основном его же доношение от 12 марта 1729 г. (там же. Л. 1–4).

¹⁶⁶ Некоторые этапы разработки вопроса о приватизации нашли свое отражение в работе Н. И. Павленко (Развитие металлургической промышленности России в XVIII веке. — М., 1953. С. 179–190).

13 апреля были заслушаны предложения Комиссии о коммерции, о службах купцов, очевидно, бывшие одним из первых вариантов одноименного указа 28 июня 1731 г.¹⁶⁷, что также было в определенной степени и ответом на дворянские требования (см. выше, с. 68). Обсуждение вопроса о сбавке подушной на треть и связанной с аналогичным шагом в 1728 г. компенсации потерь армейского бюджета за счет расширенной эмиссии медных пятикопеечников на 1 млн. руб. поставило вопрос о монете в целом и о стабилизации денежной системы. 14 апреля «...имели рассуждение о делании платов и вымене из народу медных денег и постановили рассуждать о том еще впредь...»¹⁶⁸. Очевидно, на подобную постановку вопроса могло оказать влияние и рассмотренное 10 апреля доношение Г. Фика о серебре¹⁶⁹ (вероятнее всего, речь идет о предложении Фика «...коим бы образом из чужих краев многую прибыль серебра в казну... достать можно было...» от 1 декабря 1729 г.¹⁷⁰).

Таким образом, несмотря на то что сенаторы, вовлеченные в противоборствующие группировки, озабоченные сохранением личных позиций во власти и захваченные волной текущих дел по внутреннему управлению, не оформили внутриполитический курс в конкретную и последовательную программу, однако важнейшие черты его уже определились: 1) отмена майората; 2) некоторое облегчение повинностей крестьян и купцов, 3) предполагавшее и изменения в военной политике; 4) стабилизация монетной системы; 5) продолжение работы над составлением нового Уложения; 6) возможная приватизация казенной металлургической промышленности. Как видим, многие из этих проблем были поставлены и пути их решения предложены еще до воцарения Анны Иоанновны.

2.2. Внутриполитическая программа 1 июня 1730 г.

1 июня 1730 г. появилась серия из шести именных указов («Об учреждении комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных»; «Об учреждении Комиссии для сочинения штата коллегиям и канцеляриям»; «О решении дел судьями по чистой совести, согласно с данною присягою, не смотря на лица сильных» («О правосудии», как записано в журнале Сената¹⁷¹); «О немедленном окончании начатого Уложения...»; «О разделении Сената на департаменты и назначении каждому особого рода дел»; «О подаче ЕИВ-ву в каждую суб-

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 90–90 об.; ПСЗ. Т. VIII. № 5794.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 86.

¹⁶⁹ Там же. Л. 74.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 529. Л. 1.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 137.

боту двух рапортов»¹⁷²), которую, как представляется, можно рассматривать как именно такую относительно продуманную и последовательную программу внутренней политики, которая так и не была сформулирована в первые месяцы в Сенате.

Была ли в ее появлении какая-то внутренняя логика?

На этот вопрос можно ответить, лишь проанализировав особенности ее появления, ее возможных инициаторов и последствия ее применения в ходе внутренней жизни и политической борьбы в стране.

Поскольку прямых свидетельств об обстоятельствах составления этой программы не сохранилось, немаловажное значение приобретает решение проблемы авторства, степени оригинальности программы и логики ее составления и появления.

Отсутствие журналов Сената за вторую половину мая¹⁷³ не позволяет решить вопрос о степени его участия в оформлении программы, но 1) отсутствие попыток поднять вопрос о ее необходимости на заседаниях в предшествующий период; 2) оформление ее серией именных указов; 3) неосведомленность о них Сената до заседания 2 июня¹⁷⁴, на котором она была зачитана¹⁷⁵, свидетельствуют в пользу того, что инициатор ее создания находился, очевидно, вне Сената. Дополнительным аргументом в пользу этого служат и оба указа, оформляющие реформу Сената, с очевидностью ограничивающие его prerogatives¹⁷⁶.

Логично, таким образом, поставить вопрос об авторстве А. И. Остермана или, во всяком случае, о значительной его роли в оформлении этой программы. На это косвенно указывает и то, что департаментская реформа Сената открыла собой цепь преобразований административных структур по департаментскому принципу (реформы Адмиралтейской и Военной коллегий, в первой из которых несомненно влияние Остермана, бывшего главой Воинской морской комиссии), а также настойчивые его попытки вернуться к департаментской структуре высшего органа власти в 1740 г. Но, признавая его вероятную роль в оформлении программы, не нужно забывать

¹⁷² Там же. ПСЗ. Т. VIII. № 5571; 5568; 5565; 5569; 5570; 5566.

¹⁷³ В книге 1899 они отсутствуют, но есть сведения, что после окончания коронационных празднеств Анна Иоанновна отправилась на богомолье к Троице во второй половине мая, куда государи отправлялись зачастую с двором и сенаторами. (Рондо от 18 мая // Сб. РИО. Т. 66. С. 193). Оно должно было занять примерно 2 недели.

¹⁷⁴ На заседании Сената 1 июня, например, обсуждался вопрос о состоянии армии и об отсутствии достоверных данных о расходах на нее, но о Воинской комиссии даже не упоминалось.

¹⁷⁵ 2 июня на заседание Сената явился С. И. Салтыков и объявил все шесть вышеупомянутых указов. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 135–137).

¹⁷⁶ Вряд ли сам Сенат стал бы ограничивать свои полномочия.

о логике ее складывания, а следовательно, и о степени ее оригинальности.

Содержание этой программы может быть сведено к пяти основным моментам: 1) возможная реформа армии в связи с потребностью сокращения расходов на нее с целью снижения налогов на крестьянство при одновременном решении наиболее назревших военных проблем; 2) пересмотр штатов государственных учреждений, направленный на рационализацию и упорядочение их работы с вероятной целью определения в конце концов общей суммы расходов на них и возможного ее сокращения; 3) декларация в указе о правосудии необходимости справедливого и равного суда; 4) продолжение работы над составлением нового Уложения; 5) реформа Сената. Первые два пункта этой программы могут рассматриваться в единстве, обусловленном необходимостью приведения в порядок государственного бюджета.

Самый общий обзор ее содержания показывает, что на нее оказали влияние как нереализованные до конца аспекты внутривнутриполитической программы последних лет царствования Петра I (необходимость завершения работы над государственным штатом; разработка нового Уложения), так и оформившаяся на рубеже 1726/1727 гг. внутривнутриполитическая программа Екатерины I, включившая, в свою очередь, также и нереализованные до конца части петровской.

В преемственности с программой екатерининского царствования нас убеждают сразу несколько обстоятельств: 1) сходство с теми пунктами, на которые давали ответы верховники в своих записках ноября — декабря 1726 г.¹⁷⁷, легших в конце концов в основу проекта январского манифеста 1727 г.; 2) параллели в самом содержании манифеста 9 января 1727 г.¹⁷⁸ и 3) сходство методов, которыми решались указанные программы.

Пункты 1726 г. предлагали дать ответ на вопросы: «1/ каким образом крестьян в подушных деньгах облегчить; 2/ из каких доходов с того крестьянства по всемиростивейшему благоизобретению снимаемую сумму на содержание армии паки добавить; 3/ как рассмотреть штат; 4/ денежное дело; 5/ юстиц; и 6/ коммерцию выправить»¹⁷⁹.

Манифест 9 января 1727 г., усматривая причины бедственного положения крестьян в их переобложении налогами, излишне сложном административном аппарате, давившем на них, и в отсутствии правовой защищенности крестьян, ставил задачу облегчения податного бремени за счет сокращения расходов на армию и флот; пере-

¹⁷⁷ Характеристика этих записок: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. — М., 1966. С. 39–45.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 16. Д. 77. Л. 1–11 об.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 9. (Кабинет Петра I). Кн. 33. Л. 172.

распределения других статей бюджета; общего его оздоровления за счет развития торговли и укрепления финансовой, в частности, монетной системы; сокращения административного аппарата, расходов на него; совершенствования законодательства.

Методы решения внутриполитических проблем, предложенные 1 июня 1730 г., также не отличались оригинальностью.

Решались они путем создания новых временных административных структур, преимущественно в форме комиссий. Не говоря о прямом продолжении екатерининских традиций январского манифеста 1727 г., который предусматривал создание комиссий об армии и флоте и о подати, в появлении комиссий нельзя не отметить известной логики и закономерности.

С одной стороны, в сознании государственных деятелей того времени комиссии, специально создававшиеся для решения каких-то проблем, были делом обычным. Например, на апрель 1738 г. в Сенат поступили сведения о имевшихся в 30-х годах 39 комиссиях (31 — центральной и 8 — в губерниях)¹⁸⁰. Весьма обычным было и создание следственных комиссий по крупным делам.

С другой стороны, обращение к такой форме решения наиболее крупных и неотложных проблем свидетельствует, очевидно, о том, что они не могли быть решены в старых административных структурах из-за их загруженности текущими делами и ориентации всей системы их работы преимущественно на текущие дела. Таким образом, становилось очевидным, что коллегии и конторы неспособны были эффективно решать задачу выработки стратегии в своей основной области. Поэтому появляется в 20-е гг. и действует до середины 30-х гг. первая Комиссия о коммерции, затем воссоздается в 60-е гг.; с петровского времени по эпоху Екатерины II периодически возобновляется деятельность Новоуложенных комиссий; работают Комиссия об армии 1730–1732 гг., Комиссия о флоте 1732–1738 гг.; Комиссия о монете 1730–1731 гг.; несколько раз создается комиссия о сибирских казенных заводах — в 1733 г. и далее. Все это — при сохранении и обычной работе соответствующих коллегий и контор. Не случайно система комиссий сохраняется и действует и в последующее время, при Елизавете и Екатерине. Создаваемые как экстраординарные органы для решения какой-то проблемы, некоторые из них превращались в фактически постоянно действующие государственные учреждения, определявшие долгосрочную политику в своих областях, примером чему могут служить уже упомянутые разновременные Комиссии о коммерции.

Таким образом, внутриполитическая программа, оформленная указами 1 июня 1730 г., демонстрирует в первую очередь отчетливо выраженную преемственность с внутриполитическим курсом пред-

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 624. Л. 235–298 об.

шествующего пятилетия, что обусловливается как сходством экономической ситуации, так и нереализованностью многих задуманных тогда мероприятий. Наследие этого периода видно и в методах решения проблем.

Одновременно следует отметить и тот факт, что некоторые черты этого курса прямо отвечали на требования дворянства, выраженные в проектах. В частности, на 7–8 пункты проекта Чернышева-Черкасского («361-го»): «Духовенству и купечеству в квартирах и прочих трудностях, также крестьянству в податях по рассмотрению надлежащее облегчение учинить»; «О порядочном произвождении офицеров и солдат и исправной заплата жалования рассмотрение учинить, чтоб на сроки могло приходиться»¹⁸¹. В несколько иных выражениях то же повторялось и в 8 и 9 пунктах проекта Матюшкина — Дмитриева-Мамонова.

Конкретный анализ законодательных актов, оформлявших программу 1 июня 1730 г., дает основания для вывода, что они далеко не равноценны и что сама программа отличается некоторой эклектичностью.

Заметнее всего это на примере указа о сочинении Уложения.

Казалось бы, и он идет навстречу политическим претензиям дворянства, предусматривая участие выборных от губерний в работе над Уложением, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в данном случае указ лишь повторил в общей форме нормы предыдущих указов о составлении Уложения. Работа над новым Уложением шла довольно медленно, и 10 октября 1726 г. Сенат подал доклад, в котором, ссылаясь на исторический прецедент в составлении Уложения 1649 г. с широким участием выборных, ускоривших работу, предлагал и в данном случае использовать сословное представительство, чтобы работа шла быстрее и готовые законченные куски сразу же обсуждались Сенатом¹⁸². Предложение Сената было доведено до логического конца указом 14 июня 1728 г., в котором норма выборных от губерний определялась в 5 человек¹⁸³. Таким образом, положение о дворянских выборных не являлось принципиально важным для автора, что доказывает и история дальнейшей работы над Уложением.

Уже 12 июня 1730 г. Сенат запросил императрицу: «...повелит ли по прежнему Верховного Тайного совета указу к тому Уложению дворян из губерний высылать, или соизволит к тому выбрать здесь из дворян человек 12»¹⁸⁴. Так как и в дальнейшем высылка дворян из губерний задерживалась, то же решение было повторено и 16 но-

181 РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45 об.

182 РГАДА. Ф. 342. (Новоуложенные комиссии). Д. 10. Ч. 1. Л. 41–42 об.

183 Там же. Д. 9. Ч. 2. Л. 20–21 об.; ПСЗ. Т. VIII. № 5287.

184 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 171 об.

ября¹⁸⁵, а 10 декабря 1730 г. было решено и вовсе отказаться от использования выборных из дворянства¹⁸⁶. Следовательно, дворянское представительство не было принципиальным также и ни для Сената, ни для ближайшего окружения императрицы. Все это свидетельствует о механическом включении в программу прежних указов и принципов составления Уложения.

Указ о правосудии также был достаточно общей декларацией необходимости справедливости в суде и приверженности ей императрицы. Традиционность его подчеркивается и в самом тексте ссылками на аналогичные указы о сохранении правосудия Петра I 1714 и 1724 гг., Екатерины I 1725 г. и Петра II 1727 г. Но не исключено, что в данный момент он имел и конъюнктурное значение: настойчивое подчеркивание в тексте принципов справедливости в суде, «решения дел по чистой совести», «не взирая на лица сильных»; демонстративное акцентирование связи с манифестом 17 марта об охранении православия должны были убедить массу дворянства и народа в верности императрицы традиционным идеальным ценностям русского общества, в ее намерениях защищать от произвола «сильных» (т. е. аристократии). Все это лишний раз свидетельствует об авторстве А. И. Остермана, и в 1740 г. в представлении Анне Леопольдовне предлагавшего начать правление с опубликования написанного им манифеста о правосудии, заведомо нереализуемого на практике, но полезного как тактический ход («однакож при всем том Ваше N. N. то иметь утешение будете, что оные [несправедливости] происходят не по всемилостивейшему намерению Вашему, но против воли и приказания; что народ уверен в том, и Бог причтет такие несправедливости не Вам, но производителям оных...»¹⁸⁷). Поэтому никаких новых институтов и принципов контроля над судом указ не вводил, ограничиваясь лишь общими декларациями.

Столь же неотчетливо был составлен и указ о штате. Он лишь в общей форме обосновывал необходимость рассмотрения специальной комиссией штата всех государственных учреждений, не определяя четко ни цели, ни хотя бы общего направления подобной работы. Не случайно при начале очередного этапа обсуждения штата 11 октября 1731 г. сенаторы вынуждены были гадать об истинных намерениях составителей указа: «...а штат велено рассматривать, видно по всему, для убавки из штату...»¹⁸⁸.

Большая тщательность отличает проработку указов о создании Комиссии об армии и разделении Сената на департаменты. К сожа-

¹⁸⁵ Там же. Л. 445.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 9. Ч. 2. Л. 26.

¹⁸⁷ Памятники новой русской истории... Т. 3. СПб., 1873. С. 258.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 83 об.

лению, трудно определить, кто и как повлиял на разработку армейской реформы, но продуманная последовательность программы работ комиссии заставляет предположить, что здесь не обошлось без консультации с военными специалистами. Учитывая довольно тесные отношения Миниха с Остерманом, можно предположить его преимущественное влияние, но Миних находился в Петербурге и еще в 1725 г. заявил себя принципиальным противником сокращения армии¹⁸⁹. С другой стороны, армейские проблемы могли быть обсуждены и с другими военными специалистами (хотя бы с М. М. Голицыным), а также мог быть учтен и опыт первой попытки создания Воинской комиссии в 1727 г. Помимо этого, не следует забывать и о том, что процедура пересмотра воинских штатов и анализа проблем состояния армии была уже отработана в ходе составления петровских штатов сухопутной армии 1711 и 1720 гг.

Департаментская реформа Сената, как уже говорилось, с большей степенью вероятности может считаться творением Остермана. В его бумагах сохранились следы еще одной неудачной попытки вернуться к ней, относящиеся к 1741 г.: до нас дошел проект указа о разделении Сената на департаменты, более подробного, чем указ 1 июня 1730 г.; расписание дел по департаментам и расписание сенаторов по ним (датируется документ по персональному составу сенаторов)¹⁹⁰. В пользу авторства А. И. Остермана свидетельствуют не только эти материалы и приложенная к ним записка («...я во всю мою жизнь к тому склонен был, чтоб в коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторые департаменты разделены были, как то и в других краях отправляется...»¹⁹¹), но и тот факт, что реформы других административных учреждений проводились в царствование Анны Иоанновны почти на тех же принципах, что и реформа Сената (департаментские реформы Камер-коллегии, двух военных коллегий¹⁹², Монетной конторы, Коммерц-коллегии и т. д.).

В характере реформы Сената можно отметить черты, направленные на укрепление самодержавной власти императрицы, что, вероятно, могло явиться отзвуком политической борьбы.

Разделение Сената на 5 департаментов, при котором основная работа должна была проводиться в них, при сравнительной редкости общих собраний Сената, должно было ослабить его и лишить значения коллегиального правительственного органа, объединявшего бюрократическую верхушку России. Второй указ о Сенате 1 июня: 1) вводил периодическую письменную отчетность Сената, дополняемую ежесубботными личными отчетами части сенаторов перед госу-

¹⁸⁹ ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Ч. IV. С. 41–42.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 1–2, 4, 8.

¹⁹¹ Там же. Л. 6 об. — 7. Без указания авторства и даты.

¹⁹² О реформах военных коллегий см. наст. работу, гл. III и IV.

дарыней во дворце, чем фактически 2) закрывался вопрос об участии Анны Иоанновны в заседаниях Сената. Это подчеркивало юридическую несамостоятельность Сената и полноправность самодержавия, окончательно ставило Сенат в подконтрольное императрице положение.

Однако в департаментской реформе Сената нельзя не усмотреть и общей концепции построения административных структур, предложенной Остерманом, по самому своему характеру ориентированной на централизованную иерархическую бюрократическую систему, наиболее приспособленную к рамкам самодержавия. И вот именно эти ее объективные черты оказались наиболее актуальными в тот момент, способствуя с одной стороны укреплению самодержавной власти Анны Иоанновны, а с другой стороны — вызывая недовольство сенаторов дальнейшим ограничением роли Сената.

Возвращаясь к общему обзору программы 1 июня 1730 г., необходимо отметить, что, следуя в общем русле внутривластного курса, намеченного в 1727 г., она была уже вырабатывавшейся тогда программы. Планируемый пересмотр податной политики предусматривался только в связи с проблемами содержания армии, без учета флота и его состояния; не ставились столь определенно, как тогда, вопросы перераспределения статей внутри бюджета, вопросы финансового состояния страны; недостаточно четко были сформулированы задачи в административной области. Не случайно она почти сразу начала дополняться: фактически уже 16 июня обсуждалось в Сенате возможное создание Комиссии о монете¹⁹³, учрежденной 19 июня 1730 г.¹⁹⁴

Заслугой Остермана следует считать прежде всего *выбор момента* для формулировки проблемы.

Программу можно считать «коронационной», ибо она появилась спустя две недели после окончания коронационных торжеств, в момент наиболее нетерпеливых ожиданий со стороны дворянства декларации хотя бы общих черт будущей политики нового правительства, приступающего к нормальной работе. В этом своем аспекте программа оказалась оригинальной: в периоды вступления на престол и коронации двух последних государей ничего подобного не было. Последнее обстоятельство может свидетельствовать в пользу предположения, что именно сохраняющаяся политическая напряженность в русском обществе заставила А. И. Остермана сформулировать в этот момент программу, во многом отвечающую ожиданиям дворянства, чтобы привлечь его на свою сторону или хотя бы нейтрализовать. Это было тем более необходимо именно тогда, когда фактически завершалось при дворе формирование группиро-

¹⁹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 173.

¹⁹⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5578.

вок, готовых столкнуться друг с другом. Программа одновременно вне зависимости от намерения автора реформой Сената наносила новый удар по нему и в этом отношении должна была повлиять на обострение отношений между группировками, которое, как мы видели, наиболее ярко сказалось в последующий за обнародованием программы 1 июня период.

Что же касается содержания, то здесь говорить об оригинальности программы 1 июня 1730 г. вряд ли приходится: скорее она появилась как результат необходимости сформулировать основные направления внутренней политики, в определении которых в 1730 г. во многом очевидным становится стремление реализовать незавершенную внутривластическую программу Петра I⁹⁵ и не реализованный до конца внутривластический курс 1727 г. Многие черты курса, определившегося в 1730 г., совпали и с требованиями дворянства, поэтому программу 1 июня можно рассматривать и как своеобразную реакцию на дворянские требования 1730 г. Иные важнейшие ее части, как мы видели, уже фактически формулировались и на предшествующих заседаниях Сената (продолжение работы над Уложением, пересмотр податной политики, пересмотр военной политики в связи с этим).

Составленная во многом механически, из готовых уже заранее материалов, оформленных в указах предыдущих царствований, вряд ли она была результатом работы одного лишь А. И. Остермана: возможно, ему принадлежит заслуга в выборе момента, в *оформлении* программы, сведении материала воедино, но не в формулировке самих ее *идей*, являвшихся плодом коллективного творчества бюрократической верхушки предшествовавшего десятилетия. Оригинальной чертой программы можно считать лишь департаментскую реформу Сената, и то, естественно, ориентированную на европейские образцы. Впрочем, необходимо принимать в расчет и то, что и сам А. И. Остерман был одним из самых активных творцов и разработчиков предшествующего екатерининского курса, будучи, кроме того, прекрасно информирован и о результатах и ходе попыток его практического осуществления.

Следует учитывать и то обстоятельство, что само понятие «внутриполитическая программа», скорее всего, не существовало в лексиконе и мышлении политических деятелей XVIII века и сознательно ими не формулировалось: однако существовало, пусть и полусознательно, само явление и потребность в согласованной формулировке взаимосвязанных аспектов внутривластического курса в переломные моменты политической истории — и мы пользуемся термином «внутриполитическая программа» с указанными выше оговорками.

⁹⁵ См.: Петрухинцев Н. Н. Россия Петра: маски и лица // Родина. 1994. № 8. С. 39–44.

2.3. Дополнение и дальнейшие этапы обсуждения внутриполитической программы в 1730–1735 гг.

Как уже отмечалось, основные элементы внутриполитической программы, отразившиеся в серии указов 1 июня, были уже сформулированы, хотя и в разрозненном виде, Сенатом. В определенной степени вкуче они были даже шире, чем программа 1 июня, уступавшая также по охвату внутриполитических проблем и курсу, определенному в 1727 г. И, поскольку она была довольно узка, она уже в ближайшем будущем начала дополняться.

Процесс дополнения протекал в двух направлениях: 1) стихийно, по мере того как практикой ставились внутриполитические проблемы на очередь дня; и 2) сознательно, когда решения принимались после обсуждения широкого круга проблем внутренней политики, как его осмысленный результат.

Видимыми проявлениями стихийного дополнения программы были создание Комиссии о монете и Военской морской комиссии (обстоятельства возникновения которой будут изложены в главе IV данной работы).

Программа 1 июня не включала в себя вопроса о стабилизации финансовой системы страны, хотя последняя, после длительного периода войн, сопровождавшегося порчей монеты, и правления ВТС, характеризовавшегося расширенной эмиссией обесцененной медной монеты¹⁹⁶ для компенсации двукратного снижения подушной (в 1727 и 1728 гг.)¹⁹⁷, была насущно необходима, что понимал и Сенат.

Уже через две недели, 16 июня, при очередном докладе в Сенате В. Н. Татищева об условиях вымена серебряной монеты компанейщиками, было слушано «доношение Монетной конторы о комиссии для поправления монетного дела», после чего Татищев предложил и кандидатов в нее¹⁹⁸. Очевидно, именно оно или его краткий экстракт дошло до нас в копии в бумагах Остермана под названием «На память, о чем нужно рассуждать ко исправлению принадлежащего денег»¹⁹⁹.

А. И. Юхт, впервые обратившийся к изучению деятельности Комиссии о монете 1730–1731 гг. и обнаруживший эту записку, сделал вывод, что: 1) именно она послужила основой создания Комис-

¹⁹⁶ Юхт А. И. В. Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20-х — 30-х гг. XVIII в. // ИЗ. 1978. Т. 101; Спасский И. Г., Юхт А. И. Финансы, денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. II. — М., 1987. С. 116–118; 131–143.

¹⁹⁷ Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 133–134.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 173.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 11. Д. 393. Л. 70–74.

сии; 2) фактически представляла программу ее работ; 3) аккумулировала основные идеи многочисленных представлений Монетной конторы за период с 1721 по 1729 г. и 4) что автором ее, всего вероятнее, был В. Н. Татищев²⁰⁰. К его наблюдениям следует добавить лишь несколько штрихов, уточнив датировку и характеристики самой программы.

Вероятнее всего, записка появилась в период со 2 по 15 июня 1730 г. (в противном случае она, скорее всего, вошла бы составной частью в программу 1 июня), и возможно, что именно обращение правительства в указах 1 июня к формам комиссий для решения крупных проблем определило ее появление.

Характеризуя направления работы Комиссии, предложенные в записке, следует, пожалуй, подчеркнуть прежде всего удивительную *системность* подхода к вопросам денежного обращения, затронутым в 44 коротких ее пунктах. Программа, изложенная в записке, предусматривала не только совокупное решение вопроса о *монетной системе в целом*, исходящее из тесной взаимосвязи между стопой и содержанием металла в русской золотой, серебряной и медной монетах в их соотношениях друг к другу и соотношениях их масс в денежном обращении; не только тесную зависимость предлагавшихся мер от процесса производства монеты и процедур ее вымена, но и целый комплекс мер по экономии валютного металла и развитию торговли и промышленности страны.

В связи с практическим отсутствием в этот момент в России собственных источников серебра, вопрос о его экономии приобретал важное значение. На его сохранение был ориентирован и курс на преимущественный выпуск крупной монеты, и повышение ее пробы, а также целая система мер по регламентации производств, использующих серебро внутри страны: введение единой указной пробы серебра для серебрянников, ниже которой не разрешалось выпускать серебряных вещей; обязательное клеймение серебра с указанием пробы, упорядочение торга серебром; ограничение потребления серебра волочильщиками и позументчиками, ибо использование серебра для производства серебряной нити вызывало большие его потери; упорядочение денежного обращения в пограничных районах. Важное место отводилось и борьбе с фальшивомонетчиками, проводимой в основном не административными методами, а за счет улучшения качества монеты, чтобы распространение низкокачественной фальшивой монеты не привело к оттоку высокопробной за рубеж и понижению достоинства общей массы находящихся в обращении денег, а значит, к ухудшению вексельного курса на русскую монету, что неблагоприятно скажется на торговых операциях русских купцов. Пункт 41 записки Татищева ставил

²⁰⁰ Юхт А. И. Государственная деятельность... С. 229–231.

также и вопрос об использовании капитала монетных дворов для кредитования, то есть осуществления банковских операций с умеренным процентом.

Даже беглый анализ законодательства Анны Иоанновны показывает, что почти все пункты записки нашли в нем свое отражение²⁰¹, хотя на практике их результаты могли быть и достаточно скромными. Но для нас в данном случае важнее другое: факт расширения правительственной программы за счет инициативы, идущей со стороны, что наглядно демонстрирует история создания Комиссии о монете.

В дальнейшем, как кажется автору, преобладал процесс сознательного дополнения программы внутренней политики, вылившийся в несколько этапов: 1) если за начальный этап обсуждения принять саму программу 1 июня, то 2) второй его этап можно фиксировать, хотя и не очень отчетливо, по сенатским журналам, в марте—апреле 1731 г. Учитывая экономические акции лета 1731 г., границы его можно раздвинуть до весны — лета 1731 г. Третий период обсуждения комплекса вопросов внутренней политики можно фиксировать по дошедшим до нас материалам в конце 1734 — начале 1735 г. Возможно, был еще и промежуточный этап, связанный с «Представлением об утеснении народа от подушного сбора»²⁰², если его датировка 1733 г. верна. В этом случае с ним по времени может быть связан и первый вариант доклада Кабинета министров о сокращении службы дворян, приведший в конце концов к манифесту 30 декабря 1736 г.

Второй этап обсуждения и дополнения внутривластной программы аннинского царствования, пришедшийся на март — конец лета 1731 г., возможно, также начался со стихийных дополнений к ней, под влиянием экономической ситуации переросших в широкое обсуждение комплекса вопросов внутренней политики.

Очевидно, на внесение определенных дополнений во внутривластную программу свое влияние оказало не только прекращение открытой борьбы в верхах общества в конце 1731 г., дававшее возможность для эффективной работы государственных учреждений, но и накопление к тому времени финансовых проблем. Роскошь при дворе требовала увеличения расходов на нее; конец 1730 и начало 1731 г. принесли ощутимый рост военных расходов в связи с созданием новых армейских подразделений²⁰³, а деятель-

²⁰¹ ПСЗ. Т. VIII. №№ 5626, 5660, 5663, 5675, 5677, 5684, 5848, 5853, 5928, 5965, 6008, 6013, 6082, 6120, 6213, 6266; Т. IX. №№ 6294, 6300, 6335 и др.

²⁰² ЧОИДР. 1907. Кн. 2. С. 29–38.

²⁰³ См. гл. II наст. работы.

ность Воинской сухопутной комиссии еще не дала видимых результатов²⁰⁴. Меры по стабилизации финансов, предложенные Комиссией о монете, предусматривали значительные финансовые потери казны при обмене медной монеты, в особенности существенные (примерно в 2,5 млн. руб.) при вымене пятикопеечников, решение о котором было принято совсем недавно, сенатским указом 31 января 1731 г.²⁰⁵

Не случайно второй этап обсуждения вопроса о штате, с которым, как представляется, связано и начало второго этапа дополнения самой внутривластной программы, снова проходил в возможных поисках экономии на центральных государственных учреждениях, в связи с чем, вероятно, был поставлен вопрос о слиянии Берг- и Мануфактур-коллегий с Коммерц-коллегией²⁰⁶, реализованном 8 октября 1731 г.²⁰⁷, и о сокращении штатного жалования служащим центрального аппарата на треть²⁰⁸. Одновременно была начата конкретная работа над штатами отдельных учреждений, увязываемая с выработкой штата в целом; сделана попытка опробовать новые структуры Камер-коллегии, разделяемой на три экспедиции; реорганизации Вотчинной коллегии по экспедициям, которые ведали бы отдельными губерниями (4, 9, 15 марта 1731 г.)²⁰⁹. Значительное внимание к вопросам структуры Вотчинной коллегии объясняется, возможно, тем, что в этот период параллельно шла работа над Вотчинной главой нового Уложения²¹⁰.

Вероятно, что с этими двумя последними обстоятельствами было связано дополнение программы и еще одним пунктом: 15 марта 1731 г. в Сенате был поставлен вопрос о необходимости проведения Генерального межевания²¹¹. Постановка этого вопроса также не была заслугой деятелей аннинского времени: он имел достаточно долгую историю в предшествующие царствования и конкретных инициаторов его в данный момент определить нелегко.

Один из проектов о необходимости проведения генерального межевания еще в 1719 г. подал в Кабинет Петра I В. Н. Татищев, представление которого было опубликовано П. И. Пекарским²¹².

²⁰⁴ См. гл. III наст. работы.

²⁰⁵ Юхт А. И. Государственная деятельность... С. 238–239.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 103 об.

²⁰⁷ ПСЗ. Т. VII. № 5860.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 134.

²⁰⁹ Там же. Л. 103 об.-104, 119–119 об., 133 об.–134.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 342. Д. 36. Л. 184–184 об.

²¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 103 об.

²¹² Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве // Записки императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1864. Приложение 4. С. 8–9. Более подробно история этого татищевского представления изложена у А. И. Юхта (Государственная деятельность... С. 47, 184–186).

Другой проект, поданный в ВТС, недатированный и неподписанный, предлагал уже целый комплекс конкретных мер по генеральному межеванию земель: подготовка материалов к межеванию, связанная с реорганизацией Вотчинного архива, составлением генеральных алфавитов на владения; выработка новой процедуры межевания, включавшая полюбовное размежевание земель между владельцами и государственный арбитраж при определении границ владений только при размежевании спорных земель; тщательную фиксацию границ владений в составленных геодезистами планах и картах. Автор проекта предлагал финансировать все операции за счет платы самими помещиками за межеванную десятину, чтобы не отягощать крестьян дополнительными поборами, и, видимо отчетливо представляя себе всю масштабность процедуры межевания, возможный срок ее завершения определял в 10 лет, а потому предлагал ее поэтапное проведение по провинциям.

Поэтому на роль возможного инициатора может претендовать как В. Н. Татищев, так и характеризовавший себя как автор каких-то проектов межевания именно в это время А. Маслов²¹³, а возможно, и кто-нибудь другой.

Межевание было поставлено на очередь практических мероприятий указами 7 и особенно 28 июня 1731 г.²¹⁴; была проделана уже немалая подготовительная работа по его осуществлению²¹⁵, ограниченному первоначально рамками одного Московского уезда. Известно, почему оно было свернуто, но, как кажется, в отношении процедуры его проведения оно имело большие шансы на успех, чем неудавшееся елизаветинское.

Анисим Маслов утверждал: «задержана посылка тех межевщиков затем, что инструкция еще и поныне не опробована»²¹⁶. Возможно, инструкция межевщикам действительно не была утверждена, хотя в 1731 г. Писцовый наказ (опиравшийся в какой-то степени на писцовый наказ 1687 г.) был разработан (значительная роль в его разработке принадлежала, очевидно, Уложенной комиссии, и в конечном счете как особая, XI глава, он вошел в состав Вотчинной главы нового Уложения)²¹⁷. Как представляется, он был вполне приемлем для дворянства, так как не предусматривал проверки прав владения землей, что, как считали авторы проекта екатерининского генерального межевания, привело к сопротивлению дво-

²¹³ РГАДА. Ф. 11. Д. 597. Л. 34 об.

²¹⁴ ПСЗ. Т. VIII. №№ 5575, 5793.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 134 об.; Кн. 1901. Л. 96, 121; Кн. 1902. Л. 40 об., 46, 58, 59, 78. Конкретные практические мероприятия обсуждались на заседаниях 15 марта, 25 июня, 16, 18, 23, 27 сент., 1 окт. 1731 г.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 11. Д. 597. Л. 34 об.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 342. Д. 34. Ч. 1–2. л. 401–456 об.

рян межевщикам и послужило одной из главных причин неудачи елизаветинского генерального межевания.

Параллельно едва ли не на тех же заседаниях продолжал обсуждаться и вопрос об условиях приватизации уральских металлургических казенных заводов²¹⁸.

Возможно, что именно столь широкое обсуждение внутриполитических проблем на сенатских заседаниях в начале марта и поставило вопрос о необходимости более широкой оценки социально-экономического состояния страны в целом.

20 марта в Мастерской (Оружейной) палате состоялось заседание, зафиксированное сенатским журналом, состав которого напоминает несколько расширенный состав будущего Кабинета министров: Черкасский, Остерман, Ягужинский и еще несколько лиц. Краткая протокольная запись не дает возможности восстановить содержание и характер обсуждения вопросов, но, очевидно, на нем был поставлен вопрос о восстановлении Ревизион-коллегии и ее значения; вопрос о магистратах; а также о необходимости составления новой Окладной книги. История создания последней изложена в работе С. М. Троицкого²¹⁹, который считает ее государственным бюджетом страны. Но это не вполне точно, ибо она представляла собой лишь доходную часть бюджета, расписанную по определенным территориям и статьям дохода, причем включающую лишь косвенные налоги (таможенные, кабацкие и канцелярские сборы), а для подушного сбора по регламенту новой Камер-коллегии 23 июня 1731 г. планировалось иметь свои особые окладные книги²²⁰.

Известно, что в 1731 г. был принят новый камер-коллежский регламент, на основании которого создана новая Камер-коллегия. Одной из главных ее целей было составление новой Окладной книги, поэтому одновременно с ней сохранялась и старая во главе с А. В. Макаровым, которая должна была завершить нерешенные дела и выбрать накопившуюся за время своей работы недоимку по сборам, входившим в ее ведомство²²¹. Исходя из этого можно сделать вывод, что либо упомянутое заседание дало толчок появлению нового регламента и новой коллегии, либо на нем обсуждался один из первых вариантов камер-коллежского регламента, но при этом обсуждение вышло на более широкий круг вопросов внутренней политики.

Необходимость составления новой Окладной книги вызывалась, вероятно, несколькими обстоятельствами: 1) при составлении ста-

218 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 103 об.-104; Кн. 1901. Л. 72-74.

219 Троицкий С. М. Указ. соч. С. 249-265.

220 ПСЗ. Т. VIII. № 5789. П. 1, 5. С. 484-485.

221 Троицкий С. М. Указ. соч. С. 28-29; Течулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. — СПб., 1906. С. 26-32.

рой Окладной книги оклады по отдельным районам были несколько завышены²²²; 2) помимо этого за прошедшие со времени ее составления 6–7 лет экономические возможности отдельных территорий изменились. Но главной причиной было не это: постановка вопроса о необходимости новой коллегии и новой Окладной книги вызывалась большим количеством накопившихся финансовых проблем, общей неупорядоченностью бюджета, незнанием границ и возможностей его доходной части, запаса его прочности при возникновении новых статей расходов²²³.

Планируя составление новой Окладной книги, правительство, очевидно, надеялось на существенное приращение бюджета за счет неучтенных доходов, рассчитывало по-новому распределить поступление налогов по территориям в соответствии с их экономическими возможностями, чтобы ликвидировать или снизить недоимки. При этом, опираясь на опыт Швеции и Лифляндии, намеревались создать гибкую систему, которая могла бы реагировать на изменение платежеспособности отдельных районов в результате стихийных бедствий, учесть природные особенности регионов и наличие промыслов²²⁴.

В поднятном тогда же вопросе о магистратах, возможно, следует искать первые истоки неудачной магистратской реформы 1732 г.

1 и 5 апреля состоялись еще два подобных заседания в Мастерской палате с участием Г. И. Головкина, Остермана, Черкасского и Левенвольде.

На заседании 1 апреля поднимался вопрос о составлении окладной книги для Московского уезда по лифляндскому образцу. 5 апреля, очевидно, шло обсуждение варианта нового регламента Камер-коллегии, особенно принципов сдачи сборов на откупа. Но общий обзор содержания всех трех заседаний показывает, что оно значительно шире просто обсуждения функций новой Камер-коллегии: речь шла о финансовой и податной системе в целом. На это указывают как планы восстановления Ревизион-коллегии — органа контроля за расходованием государственных средств, так и вошедшее в новый регламент решение об отмене майской трети сбора подушной, осуществляемого теперь по полугодиям (что, несомненно, облегчало положение крестьян), и обсуждение 1 апреля проекта о замене сбора части подушной натуральными поставками хлебом и фуражом. (В последнем случае, вероятно, обсуждался проект, дошедший до нас в делах Сената по Военной коллегии²²⁵;

²²² Троицкий С. М. Указ. соч. С. 249–250.

²²³ Там же. С. 250–261.

²²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 148.

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 138–144.

он же, очевидно, ставился затем на обсуждение и 13 апреля в Сенате). В той же связи, несомненно, поднимался и вопрос о магистратах как органах, бывших важным звеном в системе обеспечения сбора косвенных налогов. Следовательно, создание новой Камер-коллегии и составление ее регламента послужило лишь катализатором для постановки более широких проблем. Кроме того, подбор возможной кандидатуры на пост ее президента генерировал именно в это время и возникновение описанного выше «дела Румянцева».

Таким образом, сложность финансовых проблем привела весной 1731 г. к попытке комплексного обсуждения вопросов внутренней политики в ее экономическом аспекте. Это сказалось как на характере обсуждения вопроса о штате, входившего в программу 1 июня, так и на том, что эта программа была дополнена реорганизацией одного из основных центральных финансовых органов страны — Камер-коллегии, выработкой ее нового регламента и решением об упорядочении бюджета страны, что прежде всего отразилось в задаче составления новой Окладной книги. На те же цели упорядочения финансов было направлено и предложение о восстановлении значения Ревизион-коллегии. Связанный с этим новый этап обсуждения податной политики в отношении крестьянства проявил себя в двух акциях: замене сбора подушной по третям года полугодовым в новом коллежском регламенте и постановкой в очередной раз вопроса о замене части подушной натуральными поставками. (Ранее, в конце октября 1730 г., по докладу Воинской сухопутной комиссии, был изменен порядок сбора подушной, который вновь был передан армии.)

Продворянский характер политики нового правительства проявился прежде всего в интенсивной работе по упорядочению земельных отношений, совершенствованию законодательства в этой области в интересах дворянства, что выразилось: 1) в быстрых темпах работы над Вотчинной главой нового Уложения; 2) в планах проведения генерального межевания и довольно интенсивной практической и правовой его подготовке (прежде всего выразившейся в разработке нового Писцового наказа); 3) в планах реорганизации Вотчинной коллегии с целью обеспечения максимальной эффективности ее работы. Очевидно, катализатором последних мероприятий послужило решение об отмене майората, принятое 9 декабря 1730 г.

Из того круга вопросов, который поднимался на заседаниях Сената весной 1730 г., внутриполитический курс был дополнен обсуждением условий приватизации уральских казенных металлургических заводов.

Таким образом, весной 1731 г. внутриполитическая программа начала аннинского царствования дополнялась и дорабатывалась

прежде всего в социально-экономической, а точнее сказать — в бюджетно-финансовой части, однако и это было сделано преимущественно за счет уже отработанных методов и ранее высказанных идей.

1731 г. и в целом, очевидно, занимает ключевое место в истории финансовой и экономической политики Анны Иоанновны.

Намеченные в 1730 — весной 1731 г. мероприятия, естественно, не могли быть вскоре осуществлены, поэтому напряженность в финансовом положении страны продолжала сохраняться. Возможно, именно это оказало влияние на ускоренные темпы работы Воинской сухопутной комиссии, от которой во многом зависело решение бюджетных вопросов, и не исключено, что поручение ее 8 марта Миниху и пересмотр результатов первого (голицынского) этапа ее работы именно в марте 1731 г. также был связан с мартовским обсуждением внутривластных вопросов.

На середину 1731 г. пришлось завершение работы над новым портовым уставом и умеренно-протекционистским таможенным тарифом 1731 г., начатой в предыдущее царствование Комиссией о коммерции²²⁶. Активизация обсуждения вопросов внешней и внутренней торговли была связана с тем, что истекали сроки заключения крупных долгосрочных контрактов на казенные товары и шло их перезаключение²²⁷; полным ходом шла подготовка к восстановлению дипломатических отношений с Англией, обусловленному во многом торговыми потребностями²²⁸; шла подготовка к заключению крупных откупов (на Московскую Большую таможню, на передел мелких серебряных денег и т. д.); практически была готова для пропуска судов вся трасса Ладожского канала²²⁹. Во многих из этих мероприятий нельзя не видеть продолжения торгово-промышленной политики ВТС, направленной на обеспечение свободы торговли, ликвидацию монополий в торговле и промышленности, поощрение развития частных предприятий, обеспечение льгот для них и освобождение купцов и промышленников от излишних налогов и повинностей. Особенно наглядно это видно в постановке вопроса о передаче в частные руки казенных уральских заводов и в содержании принятого наконец 28 июня 1731 г. указа о службах купцов²³⁰.

²²⁶ Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. статей. — Л., 1960. С. 182–216; Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. — СПб., 1886. С. 77–79; Троицкий С.М. Указ. соч. С. 179–180; Некрасов Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. — М., 1984. С. 60–62.

²²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 318–347.

²²⁸ Некрасов Г.А. Роль России... С. 207–209.

²²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 129–137.

²³⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5794; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1901. Л. 67 об.

Но дефицит бюджета рос, росли и расходы, а источники доходов оставались прежними. Поэтому с середины 1731 г. наметился резкий поворот в торгово-промышленной политике правительства, выразившийся в отказе от некоторых сторон курса верховников, что было продемонстрировано, в первую очередь, восстановлением казенных монополий, ликвидированных в годы правления ВТС (прежде всего монополий на соль и ремень)²³¹. Однако он не был отказом от самих основ прежнего курса: просто за этот период появилась возможность выявить их финансовые результаты для казны, и по получении сведений о значительных убытках правительство решило вернуться к прежнему положению²³². Сенат пытался сопротивляться возвращению к соляной монополии, выдвигая планы введения откупа на соль²³³, однако к успеху это не привело. Главной причиной, очевидно, было не сокращение казенных доходов, а передача соляного сбора на нужды двора.

Это обстоятельство повело к изъятию соляного дохода из государственного бюджета, находившегося в ведении Штатс-канцелярии, а контролировавшей его сбор Соляной канцелярии — из подчинения не только Штатс-канцелярии, но и Сенату, то есть к определенной децентрализации государственной казны и существенному сужению доходной части бюджета, идущей на общегосударственные нужды. Ведь прибыль казны от продажи соли колебалась от 612,5 тыс. руб. в 1732 г. до 837,8 тыс. в 1739, то есть от 6,5 до 8,9% всей расходной части бюджета на 1734 г.²³⁴

В том же ряду структурных изменений в финансовых органах следует отметить и создание указом 15 июня 1731 г. канцелярии генерал-поручика Волкова, куда по истечении года должны были направляться все оставшиеся за расходами деньги и выбранная за прошлые годы недоимка²³⁵, также выведенной из-под контроля Сената и Штатс-канцелярии. Функции этого учреждения до конца не выяснены, но, скорее всего, оно представляло собой резерв государственных средств, которые, однако, могли из-за бесконтрольности расходоваться на нужды двора. На 1 декабря 1731 г. в него поступило 547 529 руб.²³⁶, что было лишь немногим меньше годового дохода 1732 г. от соляной монополии.

Выведение летом 1731 г. отдельных статей доходов из общегосударственной казны, частичная децентрализация финансового управления еще более обострили финансовые проблемы страны, и,

²³¹ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 177, 160–173.

²³² Там же. С. 164, 172.

²³³ Там же. С. 164–165.

²³⁴ Там же. С. 169, 234.

²³⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5779.

²³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1091. Л. 2.

очевидно, тем большие надежды должны были теперь связываться с итогами работы Воинской комиссии, которые одни только и могли дать возможность для реального проведения курса на облегчение податного бремени крестьян. Получение их осенью 1731 г. немного оживило надежды на его реальность²³⁷, но отсутствие других возможностей увеличения бюджета вскоре показало эфемерность этих надежд.

Новую попытку обращения к этому курсу, связанную с обсуждением комплекса вопросов внутренней политики, мы можем выделить как очередной этап в корректировке внутривнутриполитического курса в конце 1734 — начале 1735 гг. Вызвана она была обострением социально-экономического положения страны в связи с голодом 1734/1735 гг. и переводом, в связи с русско-польской войной 1733–1735 гг. и угрозой войны со стороны Турции, армии на комплект военного времени.

Разорение основных центральных районов страны, по которым прокатился голод²³⁸, усилило смертность крестьян, миграционные процессы (выразившиеся преимущественно в бегстве крестьян), резко снизило их платежеспособность. *Практически минимальная* до 1735 г. недоимка по подушной начала стремительно расти. (Утвердившееся в литературе мнение о неэффективности законодательства, направленного на борьбу с недоимками, вряд ли неоспоримо: «...доимка... с начала подушного оклада по прошлой 1734 г. является малая, а именно: 845 967 руб., и то на некоторые полки...»²³⁹. То есть на 1735 г. она составляла всего 2,5% оклада! Для сравнения: ежегодный недобор в сборе государственных податей за 1826–1847 г. составил: с городских сословий 13%; государственных крестьян — 4%; помещичьих крестьян — 5%²⁴⁰).

Перевод армии на военный комплект потребовал новых средств и введения новых поборов с населения. Правительство, как ввиду невозможности увеличения прямых налогов, вызывавшего лишь рост недоимки, так и вследствие особенностей сословной политики, а также следуя букве плаката 1724 г., обязавшего не вводить новых прямых налогов с крестьян, твердо придерживалось курса на неповышение прямых налогов²⁴¹. Однако в 1733 г. в связи с невозможностью иным путем обеспечить армию лошадьми был введен сбор их с населения²⁴².

²³⁷ См. гл. III наст. работы.

²³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 839, 840, 853.

²³⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 480. Л. 967 об.

²⁴⁰ Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях. — СПб., 1862. Приложения. Таблица 24.

²⁴¹ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 141.

²⁴² ПСЗ. Т. IX. № 6497. 8 окт. 1733 г.

Поэтому в связи с голодом опять был поднят вопрос об облегчении крестьянского податного бремени. Предлагалось несколько вариантов его решения: А. Маслов, одним из первых поставивший его, предложил даже регламентировать повинности крестьян по отношению к помещикам²⁴³. Были высказаны предложения о перераспределении податного бремени с тем, чтобы частично переложить его на ясачных инородцев²⁴⁴, но в конце концов было принято традиционное решение о единовременном снижении подушной путем отмены сбора первой половины 1735 г.²⁴⁵

Одновременно активизировалась борьба с бегством как реакция на его усиление, выразившаяся в таких крупных акциях, как массовый вывоз беглых русских крестьян из Польши при выводе оттуда русской армии и проведенная в связи с ней операция по разгрому центра старообрядчества на Ветке, вызванная в основном не религиозными мотивами, а спланированная как часть акции по борьбе с бегством в Польшу²⁴⁶.

В целом же для этого этапа обсуждения характерна повторная постановка проблем, уже ставившихся в программе 1 июня. Новыми чертами, дополняющими ее, были лишь попытки решить проблему уменьшения налогообложения крестьян за счет переобложения ясачных и связанные с обсуждением последствий голода в ходе их попытки пересмотра политики в области винокурения и продажи вина, первоначально вызванные стремлением регулировать рациональное потребление зерна и сохранить лес, а затем уже трансформированные влиянием дворянских интересов²⁴⁷. (Меры по ограничению и регулированию винокурения, вызванные необходимостью уменьшить расход хлеба на него в период голода, вылились частично в предложения по ликвидации мелких кабаков в уездах в помещичьих владениях или передаче их под контроль помещиков, но последние практически проведены не были.)

Возвращение к прежней постановке проблем было, очевидно, обусловлено как тем, что практическая реализация оформившейся в 1730–1731 гг. программы была неудачной, так и тем, что поиски новых источников доходов, и без того не слишком интенсивные²⁴⁸, не увенчались успехом. Картина финансовых проектов царствова-

²⁴³ Сб. РИО. Т. 108. С. 291. Характеристика — *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 46–47.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 104. Характеристика обсуждения — *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 48–52.

²⁴⁵ ПСЗ. Т. IX. № 6681. 27 янв. 1735 г.

²⁴⁶ Черновой доклад Сената с обоснованием этой акции (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1092. Л. 55–62).

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 16. Д. 104; Ф. 248. Кн. 853.

²⁴⁸ Характеристика финансовых проектов аннинского времени: *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 45–55.

ния Анны Иоанновны свидетельствует, что кардинальных путей увеличения государственных доходов не было найдено, а по пути увеличения прямых налогов правительство не решалось идти, так как он мог привести к ухудшению положения владельческих крестьян и перераспределению феодальной ренты между помещиками и государством в пользу государства, а также был чреват ростом недоимки по ним.

2.4. Реализация внутривластной программы начала царствования Анны Иоанновны

Наиболее заметные попытки реализации этой программы относятся к первым трем годам царствования Анны Иоанновны, и начались они сразу после появления программы 1 июня 1730 г.

Административная реформа Сената в конечном счете не удалась. Департаменты были образованы и активно действовали осенью 1730 г., но сопротивление сенаторов разделению Сената, сокращение количества его членов привели к тому, что к концу их полугодового существования департаменты превратились преимущественно в канцелярские отделы Сената для предварительной подготовки дел к слушанию, а к весне 1731 г. исчезли, вероятно, совсем. Такой вывод сделал уже А. Н. Филиппов²⁴⁹, однако он ошибается, говоря, что в журналах Сената за 1731 г. нет никаких следов существования департаментов: оно фиксируется еще в феврале (помета на полях: «в воинской департамент записка дана»²⁵⁰). В дальнейшем попытки возобновления департаментской реформы Сената можно отметить в 1739 и 1741 гг.

Военная программа, как мы увидим далее, была почти исчерпана в работе Воинской комиссии 1730–1732 гг., но и здесь многие решения оказались неудачными, трудноосуществимыми на практике, и в конечном счете поставленные перед ней социальные цели не были достигнуты. Лишь частичного успеха достигла и Воинская морская комиссия, работа которой была не завершена²⁵¹.

Таким образом, оба основных мероприятия, итоги работы которых должны были в финансовом отношении обеспечить выполнение программы, результата не дали, что в конечном счете определило и общий ее неуспех.

Обсуждение вопроса о штате проходило в несколько этапов, но в иной форме, нежели это планировалось 1 июня. Очевидно, Комиссия о штате так и не была создана, поскольку штат рассматривался в Сенате.

²⁴⁹ Филиппов А. Н. Указ. соч. С. 553–555.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 95.

²⁵¹ См. гл. IV наст. работы.

Первый этап обсуждения, пришедшийся на осень (октябрь—ноябрь) 1730 г.²⁵², носил характер предварительного: после коротких дебатов путь снижения расходов через сокращение центрального государственного аппарата и жалования его чиновников был отвергнут. Против этого решительно выступил Д. М. Голицын, вероятно, убежденный в его нецелесообразности после отличавшейся многими недостатками реформы 1727 г., также ориентированной на экономию средств на центральном аппарате²⁵³. Поэтому внимание сенаторов переключилось на анализ структуры центрального управления, на поиск путей ее пересмотра с целью упразднения отдельных звеньев и расширения за счет этого других, причем высказывалось и мнение о возвращении к некоторым старым административным формам и учреждениям (восстановлении Расправной палаты, Сибирского приказа и даже Казанского дворца)²⁵⁴, однако никаких решений принято не было.

На втором этапе, пришедшемся на весну 1731 г. (когда, как мы видели, начал интенсивно обсуждаться блок финансово-экономических вопросов), наиболее отчетливо выявила себя тенденция к экономии расходов за счет сокращения государственного аппарата²⁵⁵.

Третий этап пришелся на сентябрь—декабрь 1731 г. и был наиболее напряженным: поднимались вопросы целесообразности существования отдельных административных структур, необходимости изменения их функций и численности. Значительное место заняло также обсуждение структуры Вотчинной коллегии, от организации которой зависела оперативность решения дел в области земельных отношений между дворянами²⁵⁶. К 24 декабря Сенат подготовил доклад о штате с приложением выработанных штатов государственных учреждений²⁵⁷, поданный в январе 1732 г. императрице, но так ею и не утвержденный. Штат и доклад о нем были возвращены в 1732 г. в Сенат в связи с необходимостью внести изменения, вызванные утверждением новых штатов Монетной конторы²⁵⁸. Они, к сожалению, не обнаружены, поэтому судить о характере изменений в штате практически невозможно.

В июне 1733 г. Сенат еще раз напоминал, что штат составлен и был подан на высочайшее имя, но не был утвержден²⁵⁹. Возможно,

252 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 415—415 об.; 444—454 об. (заседания 30 окт., 16, 17, 19 ноября). Частично отражен в кн: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 234—235.

253 Там же. Л. 450.

254 Там же. Л. 454.

255 См. наст. издание.

256 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 82—342.

257 Там же. Л. 342.

258 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 568.

259 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 567.

на задержку с утверждением штата оказали влияние и новые штаты Военных коллегий, разработанные Воинскими комиссиями, требовавшие переработки сенатского доклада. Во всяком случае, он так и не был утвержден до конца царствования.

Таким образом, этот пункт программы 1 июня также был формально выполнен, но на практике так и не был осуществлен.

Указ о соблюдении правосудия носил преимущественно характер декларации, и говорить о его практическом осуществлении вряд ли приходится серьезно.

Работа над новым Уложением продолжалась в том же направлении, что и в царствование Петра I. Продолжали действовать нормы петровских указов, определяющих ее характер, поэтому общая структура нового проекта Уложения, составленного в 1730-х гг., повторяла структуру проекта петровского Уложения 1725 г.²⁶⁰, тем более что работа велась под руководством того же Аврама Сверхкова. Однако порядок разработки книг Уложения был нарушен, в чем нельзя не усмотреть влияния сразу нескольких факторов: 1) политических событий 1730 г. и высказанных в них требований дворянства; 2) связи с насущными интересами господствующего класса, требующими прежде всего упорядочения поземельных отношений; 3) конъюнктурной связи с мероприятиями правительства в этом направлении. Поэтому первоочередное внимание правительства было уделено разработке Вотчинной главы будущего уложения (которая в структуре Уложения была лишь 4-й частью 4-й книги²⁶¹) — единственной, подготовленной и обсужденной в 1731 г. и готовившейся параллельно работе по подготовке генерального межевания.

Отмена майората не входила, как мы видели, в программу окружения императрицы, а выдвигалась и поддерживалась Сенатом, еще в июле 1730 г. пытавшимся ускорить принятие своего доклада, ставя его в связь с работой над Уложением: «...ежели Е. И. В-во изволит дать повеление, чтоб о наследствах поступать по прежним указам и по Уложению, то в сочинении нового Уложения Вотчинной главы труда весьма умалется...»²⁶². Утверждение его императрицей 9 декабря 1730 г., несомненно, должно было катализировать работу над Вотчинной главой.

Но вполне вероятно, что принятие закона об отмене майората, долго лежавшего на подписи у императрицы, в момент, предвещаю-

²⁶⁰ Характеристика проекта 1725 г. — Маньков А. Г. Проект Уложения Российского государства 1720–1725 гг. // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971. С. 157–166; Его же: Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России в XVIII в. — М., 1975. С. 159–180.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 342. Д. 36. Л. 184–184 об.

²⁶² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 208; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 228.

щий завершение самого решительного этапа борьбы группировок при дворе, окончившегося со смертью фельдмаршала М. М. Голицына, последовавшей почти сразу за отменой майората, было не случайным явлением, тем более, что оно удовлетворяло одно из основных требований дворянства.

Далее дело с разработкой Уложения застопорилось, завершившись в первой половине 30-х гг. фактически лишь разработкой Вотчинной главы, и оживилось лишь после 1737 г., когда была значительно обновлена Уложенная комиссия и руководство ею было поручено В. Я. Новосильцеву²⁶³. Комиссия в 1739 г. разработала и обсудила еще одну главу Уложения — Судную (фактически же первую из четырех частей Уложения — «О процессе» — которая была обсуждена в Сенате уже в июле 1741 г.)²⁶⁴. Но ни одна из подготовленных в 30-е гг. глав Уложения так и не была обнародована, хотя вначале и принималось решение вводить главы в действие по мере их готовности и утверждения Сенатом.

Таким образом, и эта часть программы 1 июня не была выполнена.

С дополняющими ее пунктами дело обстояло немногим лучше: 1) все попытки составления новой Окладной книги завершились провалом²⁶⁵; 2) работа Комиссии о монете привела к определенным успехам в стабилизации монетной системы, но была выполнена далеко не полностью, в первую очередь из-за напряженного финансового положения страны²⁶⁶, что ярче всего проявилось в неудаче операции по изъятию из обращения медных пятикопеечников²⁶⁷; 3) планы проведения Генерального межевания также не были реализованы. Тянувшаяся довольно долгое время история с приватизацией уральских казенных заводов потребовала создания по меньшей мере двух комиссий и завершилась только в 1739 г. решением о передаче их в частные руки. На практике приватизация была осуществлена уже в основном в следующее царствование, при Анне Иоанновне чуть было не послужив удовлетворению корыстных интересов Бирона и других немецких фаворитов²⁶⁸.

Таким образом, следует признать, что в основной своей части внутриполитический курс начала царствования Анны Иоанновны так и не был реализован. Доказательством этому служит как обо-

²⁶³ История работы над Уложением в 1730-е гг. — РГАДА. Ф. 342. Д. 36. Л. 174–188.

²⁶⁴ Там же. Д. 35.

²⁶⁵ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 249–261.

²⁶⁶ Юхт А. И. Государственная деятельность... С. 229–248.

²⁶⁷ Там же. С. 239–240; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 200–208.

²⁶⁸ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности... С. 187–190.

снование основных идей своего проекта А. П. Волынским, во многом повторяющих уже то, что было намечено в этом курсе и при его осуществлении²⁶⁹, так и правительственная программа, изложенная А. И. Остерманом в 1740 г. в записке, представленной Анне Леопольдовне²⁷⁰, повторяющей пункты внутриполитической программы, сложившейся в 1730–1731 г. Еще очевиднее это в другом документе А. И. Остермана, представляющем собой, очевидно, план этой записки²⁷¹, вовсе не случайно ошибочно датированным В. Н. Строевым мартом 1730 г.²⁷²

Тем не менее даже частичная реализация отдельных аспектов этого внутриполитического курса, очевидно, оказала стабилизирующее воздействие на развитие страны.

Наиболее активные попытки этой реализации пришлось, как мы видели, на 1731–1732 гг. В дальнейшем как процесс дополнения внутриполитической программы, так и усилия по воплощению уже сформулированного затормозились. Вероятнее всего, это было вызвано комплексом причин: 1) начали проводиться в жизнь отдельные ее пункты и правительство ожидало проверки их практикой; 2) основное содержание ее уже было сформулировано и новых идей, если не считать возможных попыток сокращения сроков и изменения условий дворянской службы²⁷³, не появлялось; 3) спал накал борьбы в обществе, стимулировавший постановку внутриполитических проблем; 4) само общество стабилизировалось, явно возросла роль двора и фаворитизма во внутренней жизни страны, упрочение позиций которых не стимулировало потребности в осмыслении внутриполитического курса; 5) определенную роль, вероятно, сыграло и разочарование от первых попыток его реализации. Сильнейшим фактором, стопорившим серьезную работу над проблемами внутренней политики, стала затем русско-польская (1733–1735) и, главным образом, русско-турецкая война 1735–1739 гг. Но, как представляется автору, свою лепту в этот процесс внесли и особенности функционирования центральных правительственных органов.

²⁶⁹ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел»...

²⁷⁰ Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне. 1740 // Памятники новой русской истории. Т. 3. — СПб., 1873. С. 256–277.

²⁷¹ Записка для памяти А. И. Остермана, об управлении Россиею // Архив князя Воронцова. Т. 24. — М., 1880. С. 1–5.

²⁷² Строев В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 53–54.

²⁷³ Первый вариант доклада кабинет-министров, содержащий уже практически готовый текст манифеста 31 декабря 1736 г., судя по его тесной связи с «Представлением об утеснении народа от подушного сбора», датированным 1733 г., можно отнести к этому же времени, если датировка последнего верна. В таком случае в самом фонде Кабинета этот доклад (РГАДА. Ф. 177. 1731 г. Д. 3) датирован неправильно.

§ 3. Сенат и Кабинет министров в 1731–1735 гг.

История развития этих органов и их взаимоотношений достаточно подробно охарактеризована в работе А. Н. Филиппова²⁷⁴, однако здесь требуется уточнение некоторых деталей.

Как следует из содержания § 1 настоящей главы, новый Сенат довольно быстро, уже в течение первого полугодия своего существования юридически (да и фактически почти уже тоже) утратил статус несколько обособленного в системе власти политического органа, полученный под влиянием требований дворянства в 1730 г. Однако он оказался в центре борьбы группировок, и в конце 1731 г., почти одновременно с созданием Кабинета министров, оказался разделенным на два Сената по 6–7 человек каждый — Московский и Петербургский, просуществовавших до ликвидации Московского в 1733 г. и возвращения в Москве к традиционной Московской сенатской конторе²⁷⁵.

Кабинет министров, как справедливо отметил его исследователь А. Н. Филиппов, возник не на пустом месте, а имел предшественников в виде «особого секретариата или совета при особе императрицы»²⁷⁶, слухи о функционировании которого, передаваемые иностранными дипломатами, мы уже неоднократно отмечали. Авторами идеи его создания Бирон называл Остермана и Левенвольде²⁷⁷; по словам Миниха, именно он на излете своего фавора склонил императрицу принять предложение Остермана об образовании кабинета²⁷⁸.

Указ 18 октября 1731 г., которым создавался Кабинет²⁷⁹, не определял четко ни его компетенцию, ни его структуру²⁸⁰, говоря только, что он должен докладывать императрице о всех важнейших государственных делах и собираться для работы при дворе несколько раз в неделю. Было решено собираться два раза в неделю, но фактически заседания проходили чаще²⁸¹. Лишь на втором его заседании 4 ноября был поставлен вопрос о взаимоотношениях с Сенатом и о издании указа с объявлением о создании Кабинета²⁸², но этот указ 10 ноября²⁸³ был еще менее информативен. Поэтому компетенция нового учреждения долгое время оставалась неясной, и Сенат, полу-

²⁷⁴ Филиппов А. Н. Указ. соч. Ч. III.

²⁷⁵ Там же. Гл. III.

²⁷⁶ Там же. С. 500–501.

²⁷⁷ Бирон Э. И. Указ. соч. С. 315.

²⁷⁸ Миних Б. Х. Записки фельдмаршала гр. Миниха. — СПб., 1874. С. 44.

²⁷⁹ Сб. РИО. Т. 104. С. 2.

²⁸⁰ Филиппов А. Н. Указ. соч. С. 502–503.

²⁸¹ Сб. РИО. Т. 104.

²⁸² Там же. С. 107.

²⁸³ ПСЗ. Т. VIII. № 5871.

чивший только 9 ноября указ об образовании Кабинета и о подаче в него необходимых ведомостей²⁸⁴, еще 13 декабря запрашивал Кабинет: считать ли его членов сенаторами?²⁸⁵ Компетенция нового учреждения определялась постепенно, в ходе решения практических вопросов.

А. Н. Филиппов, отметивший эти особенности нового учреждения, сделал вывод о расширении с течением времени полномочий Кабинета и выделил в его развитии три периода: 1) 1730–1735 гг.; 2) 1735–1740; 3) 1740–1741 (Кабинет в регентство Анны Леопольдовны)²⁸⁶. Третий период, действительно, был периодом реорганизации Кабинета, изменения его структуры, выразившегося в разделении на департаменты²⁸⁷, задуманного, однако, еще в 1739 г.²⁸⁸ Несомненно также, что и полномочия Кабинета к 1735 г. расширились.

Однако гранью между первыми двумя периодами Филиппов считал юридический акт — указ 9 июня 1735 г.²⁸⁹, приравнивавший указы, подписанные всеми тремя кабинетными министрами, к именным. Тем самым, по мнению А. Н. Филиппова, Кабинет получал исключительное положение в государственной системе, значительно увеличивал свою власть и по компетенции уравнивался с ВТС. Трактовка эта юридически почти безупречна, но это косвенно оценивается Филипповым как результат какой-то долгой и напряженной борьбы Кабинета за власть. Представляется, что подобной борьбы, скорее всего, не было (хотя конфликты Сената с Кабинетом из-за полномочий вполне могли иметь место), а указ 9 июня 1735 г. мог иметь и совершенно обыденные причины для появления.

Сам текст указа мотивировал его издание необходимостью избежать ложно объявленных словесно именных указов, в связи с чем и пытался дать четкое определение: что есть именной указ. Оригинал указа²⁹⁰ не позволяет увидеть в нем акт, которому придавалось важное значение: это черновик с поправками, написанный двумя разными почерками на осьмушке обычного для книг Сената листа, первоначально даже не содержавший текста о принятии за именные указы, подписанных всеми тремя кабинетными министрами — это, как дополнение, внесено в него в виде поправки на полях.

284 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 201 об.

285 Там же. Л. 290.

286 Филиппов А. Н. Указ. соч. С. 504–509; 530–538.

287 Миних Б. Х. Указ. соч. С. 79–80.

288 ПСЗ. Т. X. № 7907; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 463.

289 ПСЗ. Т. IX. № 6745.

290 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 808.

Поэтому более логичным представляется другое объяснение: это указ, направленный на предотвращение ложно объявленных устных именных указов, в первоначальный текст которого, ради удобства (чтобы не тратить время на подпись не очень значительных указов у императрицы, вполне доверявшей Кабинету) было внесено и положение о подписи трех министров. Это тем более вероятно, что указ появился в разгар лета, когда императрица проживала обычно в Петергофе (известны указы А. И. Ушакову из Петергофа от 10 авг. 1733; 22 июля 1734; 24, 27 июля; 3 авг. 1735 г.²⁹¹), и отсутствие ее в Петербурге могло решить работу Кабинета необходимой оперативности.

Кабинет из трех кабинетных министров (первоначально — А. И. Остермана, Г. И. Головкина, А. М. Черкасского) фактически большую часть времени состоял только из двух. Г. И. Головкину в 1732 г. шел уже 73-й год, в январе 1734 г. он скончался²⁹², и до апреля 1735 г., целый год, Кабинет состоял из двух лиц. После смерти назначенного туда возвращенного из ссылки П. И. Ягужинского 6 апреля 1736 г., еще два года, до 30 апреля 1738 г. (назначения А. П. Волынского кабинет-министром) он снова состоял только из Остермана и Черкасского.

Возможно, сначала в его работе участвовал и Миних. Его сведения о том, что Анна Иоанновна считала его членом Кабинета, и участие в его работе подтверждаются записями в журналах Кабинета, а также саксонским посланником Лефортом в донесении 28 февраля 1731 г.²⁹³ Таким образом, вначале в Кабинете могло быть и четыре члена.

Очевидно, что уже в связи со своей крайней малочисленностью, он вряд ли мог быть слишком активным генератором внутренней политики. Это показывают как журналы Кабинета, зачастую малосодержательные, так и процедура решения многих вопросов. В отличие от ВТС, прodelывавшего гораздо больший объем работы, значительная часть работы по государственному управлению (практически весь основной цикл подготовки материалов, соби́рание справок, непосредственное ведение дела) часто проводилась Сенатом, здесь же готовился и набор первоначальных вариантов решений по ним, обобщающий мнение коллегий и канцелярий. Сенат иногда становился рабочим органом Кабинета, своеобразной его канцелярией: Кабинет требовал наведения справок, ведомостей от Сената, мнений по тем или иным делам. Довольно значительный процент решений, принятых Кабинетом, просто оформлял уже готовые сенатские материалы, был переработкой сенатских докладов

²⁹¹ РГБ. Отдел рукоп. Ф. 64. Д. 25, 32, 34.

²⁹² Сб. РИО. Т. 76. С. 171.

²⁹³ Сб. РИО. Т. 104. С. 181, 244; Т. 5. С. 450.

и мнений других государственных учреждений, отбравшихся и обрабатывавшихся в Сенате. Часть материалов, первоначально поступавших в Кабинет в виде доношений в него или на имя императрицы, направлялась им в Сенат для обсуждения и подготовки вариантов решений. Таким образом, Сенату не всегда принадлежала только пассивная роль в управлении, так же как и Кабинету — исключительная роль. Выработка и принятие решений в большинстве случаев были делом коллективным. Но Кабинет своим политическим «весом» давил и ограничивал инициативу Сената, к тому же почти утратившего уже к 1733 г. основную часть верхушки еще петровской бюрократии и состоявшего теперь преимущественно из «низших» генералитетских чинов, более строго придерживавшихся субординации.

Малочисленность Кабинета приводила к практике обсуждения наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики в расширенных заседаниях Кабинета с приглашением наиболее компетентных и ответственных за отдельные области управления лиц и к «конференциям» с Сенатом²⁹⁴.

Подчиненное юридическое положение Сената выражалось в том, что Кабинету принадлежало право постановки тех или иных проблем; приостановки или и вообще отказа от обсуждения мнений, предлагавшихся Сенатом. Однако и Кабинет в самодержавной системе не был всесилен: в случае необходимости заинтересованное лицо или учреждение подавали всеподданнейшие доношения на имя императрицы. Этим правом, например, воспользовался Анисим Маслов, когда долго не принимались необходимые решения в Сенате и Кабинете о мерах по борьбе с голодом и обсуждению его проекта, после чего по указанию императрицы необходимое обсуждение этих проблем было организовано буквально в течение недели²⁹⁵.

Таким образом, нормальная работа государственного аппарата зависела от совместной деятельности обоих этих учреждений. Известные сложности, однако, создавала неопределенность компетенции Кабинета, приводившая к тому, что их функции часто дублировались²⁹⁶. Очевидно, что в 1732–1735 гг. большее значение имело то, что нормальная работа Сената разладилась, так что Миних рисовал состояние дел почти как паралич государственной власти²⁹⁷. Миних, конечно, преувеличивал недостатки, так как сам он был устранен от дел, но определенные сбои в работе аппарата, конечно, имели место.

²⁹⁴ Практика подобных совещаний достаточно охарактеризована В. Н. Строевым (Бироновщина... Ч. 1. С. 94–100 и далее).

²⁹⁵ СБ. РИО. Т. 108. С. 276–277; 288–291.

²⁹⁶ Троицкий С. М. С. 259.

²⁹⁷ Миних Б. Х. Указ. соч. С. 46, 63–64.

Не последнее значение в этом имело и разделение Сената на Петербургский и Московский, соотношение и компетенция которых пока не исследованы. Автором был проведен сравнительный анализ еженедельных рапортов двух Сенатов за 1732 г. — период пика их разделенной деятельности²⁹⁸. Компетенция разделилась следующим образом: Петербургский Сенат решал основные вопросы государственного управления, разрабатывал новые законодательные акты, в то время как за Московским Сенатом оставалось в основном оперативное управление остающимися в Москве коллегиями и конторами в соответствии с действующим законодательством. Таким образом, ведущая роль в области внутренней политики принадлежала Петербургскому Сенату, хотя формально Московский Сенат считался равноправным Петербургскому, что выражалось в том, что они сносились между собой ведениями.

Однако и Московский Сенат предпринимал иногда довольно важные шаги. Так, например, приговором 26 июня 1733 г., он, по ходатайству московских суконных промышленников, ссылаясь на нормы петровского указа 1723 г., решил «...для размножения оных мануфактур и к пользе государственной обретающимся ныне при тех мануфактурах мастерам и подмастерьям, и ученикам, и работникам, и женам их с детьми... быть при оных мануфактурах *вечно и неотъемлемо...*»²⁹⁹.

Именно это решение и привело к подаче в Сенат 24 января 1734 г. челобитной Демидова³⁰⁰ с просьбой распространить его нормы и на железные заводы, и в конечном счете — к указу 7 января 1736 г., вокруг которого было сломано столько копий в дискуссии о природе русской мануфактуры. Но очевидно, что современники считали его лишь частным случаем применения петровского законодательства (вывод о том, что указ является прямым развитием *тенденций* петровского законодательства, сделал в свое время Н. И. Павленко³⁰¹).

Однако первенствующий Петербургский Сенат работал не слишком активно как вследствие малочисленности, так и абсентеизма сенаторов³⁰². Из состава Петербургского Сената к началу 1732 г. были П. И. Ягужинский и В. В. Долгорукий, в конце 1732 г. вновь был отправлен на Украину А. И. Шаховской, редкими в 1733 г. стали

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1109. Из-за большого объема книги (свыше 2000 л.) выбраны доношения за май — ноябрь 1732 г. (чтобы по возможности уловить изменения в деятельности Московского Сената, если они налицо, и охватить основной объем его деятельности).

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 161. Л. 561 об.

³⁰⁰ Там же. Л. 545–549.

³⁰¹ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности... С. 354; Его же: Торгово-промышленная политика... С. 52).

³⁰² Миних Б. Х. Записки... С. 46; Филиппов А. Н. Указ. соч. С. 285.

посещения заседаний Д. М. Голицыным. Вероятно, именно вследствие рапортов постоянно обращавшего на это внимание А. Маслова, как указывал С. М. Соловьев³⁰³, указом 8 июня 1733 г.³⁰⁴ Московский Сенат был упразднен, члены его переведены в Петербург, в Москве оставлена лишь Московская сенатская кантора, а состав Сената в 1733 г. был дополнен еще А. Нарышкиным и П. П. Шафировым. Вероятно, слияние несколько улучшило работу Сената, но зачастую дуближ функций Сената и Кабинета сводил эти улучшения на нет. Кроме того, конец 1733–1734 гг. были заполнены началом голода в смоленских землях, польской войной, угрозой войны с Турцией, вызванными этим проблемами перевода армии на штат военного времени, отнимавшими и поглощавшими значительную часть времени у Сената; с этими обстоятельствами, вероятно, связано также и ограничение автономии Левобережной Украины, выразившееся в упразднении гетманства после смерти Д. Апостола и в создании так называемого «правления гетманского уряда» из равного числа русских и украинских представителей, находившегося под контролем русской администрации³⁰⁵. Поэтому в 1733–1735 гг. и решение внутриаполитических вопросов центральным государственным аппаратом было не всегда удовлетворительным.

* * *

Подводя итоги рассмотрению внутриаполитической программы начала царствования Анны Иоанновны, мы, как кажется, можем со значительной долей уверенности говорить о ее наличии.

Сформулированная в самом начале царствования под несомненным влиянием дворянских требований 1730 г., она в первую очередь продемонстрировала непосредственную преемственность с внутриаполитическим курсом, намеченным «верховниками» в 1727 г., направленным на завершение внутриаполитической программы Петра I при одновременной довольно существенной ее ревизии, предусматривающей уменьшение податного бремени крестьянства и создание благоприятных условий для развития экономики страны. Преемственность неувидительна, так как программа вырабатывалась представителями политической элиты того времени, оставшейся у власти и в первое время царствования Анны Иоанновны.

Будучи продуктом коллективного осмысления внутриаполитических проблем бюрократической верхушкой России на протяжении первого послепетровского пятилетия, она вырабатывалась и дополнялась постепенно. В ее разработке и дополнении приняли участие как ближайшее окружение Анны Иоанновны, так и Сенат

³⁰³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 463–464.

³⁰⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6434.

³⁰⁵ Сб. РИО. Т. 108. С. 14, 21–26, 55–57.

и другие учреждения и лица, использовавшие при этом, очевидно, идеи ряда проектов, выдвинутых в предыдущие царствования. Вероятно, на время появления отдельных частей программы и реализацию их оказала также влияние и политическая обстановка в стране, в частности, обстоятельства борьбы придворных группировок и позиция дворянства, на фоне которых эта борьба проходила.

Осуществлена была эта программа, как показывают факты, лишь частично, причем не реализована была именно в основной своей части. Главная причина этого — как низкая эффективность и неудачные методы работы тех правительственных органов, которым была поручена реализация отдельных аспектов программы, так (и в еще большей степени) финансовая напряженность, сохраняющаяся в стране. Для осуществления программы следовало изыскать либо возможности резкого увеличения бюджетных поступлений, либо сократить значительно расходную часть бюджета. При отказе правительства от курса на повышение прямых налогов, как новых источников поступления в бюджет, так и путей увеличения отдачи старых найдено не было. Выход был найден только к середине 1740-х гг. в переходе к курсу на развитие косвенного налогообложения³⁰⁶, да и то после того, как проведение второй ревизии не оправдало надежд на резкое увеличение налоговых поступлений за счет учета ранее неучтенных групп населения.

Между тем в начале 30-х гг. расходы росли, усугубляясь еще и отвлечением значительных средств на нужды двора и децентрализацией системы финансовых органов, связанной с этим. Следовательно, для обеспечения реализации внутривластного курса оставался второй путь — путь снижения расходов.

Снижение расходов на административный аппарат за счет его сокращения было уже проведено верховниками в 1727 г. и привело как к исчерпанию дальнейших возможностей экономии в этом направлении, так и к определенному ухудшению его работы³⁰⁷. Да и сама доля расходов на него в бюджете была не столь значительной, чтобы привести к реальным изменениям в налогообложении (они с 1724 г. были снижены почти вдвое и составляли всего 11,14% бюджета на 1734 г.³⁰⁸). Таким образом, наиболее реалистичным оставался путь сокращения расходов на армию и флот, поглощав-

³⁰⁶ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 109–111.

³⁰⁷ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинции. 1719–1727. — М., 1902. Гл. IV; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. — М., 1913. Гл. 1. С. 48. Не случайны также и планы воссоздания старых учреждений, заменявших частично необоснованно ликвидированные новые.

³⁰⁸ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 243.

ших более 70% бюджета страны³⁰⁹, и именно от него зависел успех нового курса.

Попытки осуществления этого и причины их неудач будут анализироваться в следующих главах.

Естественно, что это потребует и попытки целостного осмысления правительственной политики в военной области, поскольку в ней несомненно были и другие мотивы, определявшие как внутренними потребностями вооруженных сил, так и интересами обороноспособности страны. В связи с этим необходима попытка выявить мотивы военной политики правительства, ее цели, логику ее формирования, что одновременно совпадает и с нашей главной задачей, поставленной в начале работы, — на примере одного из аспектов внутренней политики выявить некоторые существенные черты механизма ее формирования.

³⁰⁹ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 243.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРМИИ. 1730—1731 гг.

На судьбу внутривполитического курса Анны Иоанновны наибольшее влияние, конечно, оказали итоги работы Военной сухопутной комиссии, создание которой было запланировано программой 1 июня. Но поскольку ее деятельность растянулась почти на два года, в течение которых в армии помимо нее произошли некоторые изменения (в конечном счете, очевидно, повлиявшие на темпы и ход работы комиссии), представляется целесообразным начать именно с них. Будучи как бы естественным фоном для деятельности комиссии, эти преобразования, затрагивающие почти все структурные подразделения русской армии, позволяют представить правительственную политику в военной области во всем ее многообразии и уловить широкий спектр присущих ей целей и мотивов.

§ 1. Состав и структура русских вооруженных сил

Состав и структура русских вооруженных сил, а также основные мотивы их развития в 1730—1740 гг. достаточно подробно охарактеризованы в работе А. К. Баиова¹, не дающей, однако, полного представления о мотивах изменений, происходивших в них, а также о тех факторах, которые определяли правительственную политику в военной области. Между тем, анализируя военную линию правительственной политики, необходимо принимать во внимание как минимум три момента, определяющие ее: 1) военную доктрину и военные потребности страны; 2) финансовые возможности и проблемы феодального государства на данной стадии его развития и 3) социальные аспекты правительственной политики.

Сухопутные вооруженные силы состояли из регулярных и нерегулярных частей. Вторые представлены в основном казаками (донскими, гребенскими, яицкими, поселенными на Волге) и остатками служилых людей прежних служб. Казачье войско сохраняло в зна-

¹ Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736—1739 гг. В 2 т. — СПб., 1906. Структуре армии в основном посвящена гл. 1 первого тома работы.

чительной степени свою внутреннюю автономию, и число казаков на службе регулировалось во многом финансовыми рычагами (жалованьем и льготами переселяемым на новые места). Люди прежних служб (остатки которых в чистом виде, исключая их контингенты в Сибири, отличавшиеся значительной спецификой, и набираемую из них ландмилицию, не представляли из себя значительной военной силы) не играли уже существенной роли в военной области. Поэтому в центре нашего исследования, как и в центре правительственной политики, будут регулярные войска.

Они включали в себя: 1) полевую регулярную армию, состоявшую к 1730 г. из 40 пехотных и 33 драгунских полков; 2) гвардию, состоявшую по-прежнему из двух старых петровских пехотных полков — Преображенского и Семеновского, отличавшихся от полевых пехотных большим численным составом (4 и 3 батальона вместо обычных двух для полевых пехотных полков) и несколько большим количеством артиллерии (Преображенский полк имел еще и особую бомбардирскую роту)²; 3) Низовой корпус, созданный для действий в Закавказье и Персии; 4) артиллерийские части; 5) инженерный корпус; 6) гарнизонные войска и 7) ландмилицию.

Ядро регулярных частей составляла полевая армия, которая, по традиции, идущей с XVII в., мыслилась и существовала как единое целое, и зачастую и действительно использовалась как единая тактическая единица на поле боя. Поэтому она, как правило, не имела более мелких постоянных тактических единиц выше уровня полка. Линейная тактика, сохранявшаяся в это время, господство доктрин позиционной войны, рассчитанных на действие больших малоподвижных масс войск, скованных магазинной системой снабжения³, способствовали сохранению подобной структуры. Но в XVIII в., в связи с многообразием задач и театров военных действий, в русской и европейских армиях наметилось деление на соединения с непостоянным составом, действовавшие на разных направлениях — корпуса и более мелкие воинские соединения из нескольких полков, создававшиеся для действий на определенных участках, для руководства которыми в русской армии существовал ранг бригадиров. Некоторые из корпусов в русской армии превратились в довольно устойчивые формирования (Украинский корпус, сосредото-

² Баиов А. К. Указ. соч. С. 2, 6.

³ Михневич Н. П. Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. — СПб., 1898. С. 21–23; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. М., 1938. С. 271–272; Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. — СПб., 1889. С. 195–204.

ченный на украинских границах, которым обычно командовал один из двух штатных генерал-фельдмаршалов).

По составу и организации от полевой армии практически не отличался Низовой корпус, созданный Петром I для действий в завоеванных персидских провинциях, но он 1) не входил в штат полевой армии; 2) финансировался особо (в значительной степени — из персидских, собираемых с завоеванных провинций доходов); 3) имел особый генералитет, также не входивший в армейский штат и 4) был, как правило, самостоятельным объектом государственной политики. В него входили 17 пехотных полков, созданных в основном в 1722–1724 гг. и в меньшей степени — после смерти Петра I⁴, и обычно 7 драгунских полков, которые командировались из состава полевой армии (то есть содержались на подушную в общей армейской сумме и при финансовых расчетах в составе Низового корпуса обычно не учитывались).

Артиллерия делилась на: 1) полевую; 2) осадную и 3) крепостную. Полевая и осадная артиллерия состояли фактически каждая из одного полка и не делились на более мелкие, могущие действовать самостоятельно единицы, то есть были ориентированы на использование их как единого целого, в чем можно усмотреть влияние военной доктрины, предусматривающей действие армией как единой тактической единицей. Полевая артиллерия, кроме собственно полевого артполка, включала в себя и полковую артиллерию: в каждом пехотном полку должно было быть по две 3-фунтовые пушки и в драгунском — по одной. В общей сложности в полевой армии (учитывая полевой артполк и осадную артиллерию) должно было быть не менее 500 орудий⁵. В крепостной артиллерии было не менее 5000 орудий⁶, но в ведении военных действий полевой армией они особой роли не играли, так как были предназначены для обороны крепостей. В описываемый период артиллерия начинала переходить на новые штаты, задача выработки которых была поставлена еще Петром I, но переход не был завершен.

Инженерные войска были организованы в Инженерный корпус, созданный в 1727 г.⁷, подчинявшийся Канцелярии Главной артиллерии⁸, в состав которого входили 1 инженерная и 1 минерная рота (последняя, собственно говоря, и была единственной строевой частью в нем)⁹.

⁴ Список полков с датами их создания см.: *Баиов А.К.* Указ. соч. Приложения. Т. 1. С. 4.

⁵ Подсчитано по данным *А.К. Баиова* (указ. соч. С. 6).

⁶ Там же.

⁷ Штат утвержден в 1728 г. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. № 5227. С. 48).

⁸ *Баиов А.К.* Указ. соч. С. 14.

⁹ Там же. С. 14–15.

Гарнизонные войска к 1730 г. состояли из 49 пехотных полков и 2-х батальонов, а также 4-х драгунских полков и 2-х эскадронов (причем смоленский Рославльский эскадрон, комплектовавшийся из остатков прежних рейтарских полков, занимал особенное положение, имел специфический статус и сохранял некоторый отпечаток военно-территориальной допетровской «служилой» корпорации). Они были предназначены для обороны границ, и чаще всего полки были рассредоточены отдельными подразделениями по крепостям в качестве их гарнизонов. Гарнизонные войска были неоднородны и разделялись на две группы, отличавшиеся местами квартирования, статусом и расходами на них: 1) остзейские гарнизонные полки и 2) внутренние, губернские (21 остзейский и 28 губернских). Остзейские, располагавшиеся по прибалтийским губерниям и балтийскому побережью, получали двухтретнее жалованье по сравнению с армейскими полками, губернские — половинное. Разница была не в особой привилегированности остзейских полков, а в традиции, идущей со времен учреждения их Петром I (в прибалтийских провинциях как провиант, так и многие необходимые вещи были дороже, к тому же в первое время и степень участия в военных действиях и риска была выше). Кроме того, гарнизонные войска служили своеобразным войсковым резервом: в случае военных действий оттуда в действующую армию забирали уже обученных рекрутов, а взамен принимали рекрутов нового набора. Зачастую это было просто необходимо, учитывая нижний возраст рекрута в 15 лет¹⁰.

Гарнизонные войска, как правило, не имели полного комплекта. С 1721 г. при них были созданы гарнизонные школы для обучения солдатских детей, для содержания которых в полках выделялось по 50 вакансий, на которых обучалось несколько большее количество детей (поскольку расходы на содержание ребенка были, естественно, ниже, чем на провиант и обмундирование взрослого солдата).

Ландмилиция, планировавшаяся с 1713 г., создана была только в 1722–1724 гг. ввиду угрозы войны с Турцией во время Персидского похода из людей прежних служб на южных границах государства первоначально в количестве 6 полков, которые к 1730 г. планировалось увеличить до 10. Было создано, однако, лишь 7 полков и еще на 2 набраны люди¹¹.

Общий количественный состав русской армии и численность отдельных ее подразделений отражены в таблице 2 приложения 2. При этом надо иметь в виду, что действительное число людей в полках было, конечно, иным: как правило, в полках был значительный

¹⁰ Баиов А. К. Указ. соч. С. 15, 20–21.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 386. Л. 153; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. — М., 1958. С. 60.

некомплект, восполнявшийся во время очередного рекрутского набора; отдельные части, находящиеся в стадии формирования и расформирования, также искажают штатную картину. Общий штатный состав регулярных частей русской армии на 1730 г. должен был составлять 226 960 человек, но реально Россия в поле могла использовать лишь примерно половину этих сил, учитывая не задействованные в походе гарнизонные войска и почти неизбежное отвлечение регулярных частей для охраны собственных границ.

Кроме того, отдельные сухопутные части входили также в состав русского флота и находились под флотскими командованием.

Флот по штатному расписанию состоял из 27 линейных кораблей, 6 фрегатов и значительного числа более мелких судов. Число кораблей в списках было гораздо большим, но боеспособные не достигали и штатного количества. Линейный флот базировался целиком на Балтийском море, где, кроме Кронштадта, содержалась еще эскадра в Ревеле. Было еще некоторое число судов в других портах, в Каспийской, Донской и Днепровской флотилиях, но в основном это были мелкие суда, а Днепровская и Донская флотилии были в сколько-нибудь значительных масштабах развернуты лишь во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., и в основном за счет штатного состава корабельного флота.

Финансировались все вышеназванные части армии из разных источников.

На подушную в полном смысле слова, под которой понимался обычно 70-копеечный («семигривенный») подушный сбор с крестьян (40-копеечный налог с государственных крестьян фигурировал отдельно от нее как оброчный «четырегривенный сбор» и шел на другие нужды), содержалась в основном сухопутная полевая армия (собственно полевая армия и гарнизонные части). Общий оклад ее определялся в 4 млн. руб., но после его снижения в 1725 г. фактическая сумма была ниже примерно на 200 тыс. руб.¹²

Артиллерия, на содержание которой выделялось 300 тыс. руб., финансировалась за счет подушного сбора с посадских и частично за счет четырехгривенного сбора с государственных крестьян¹³. Сумма на строительство крепостей, поступавшая в ведомство фортификационной канторы, с 1730 г. определенная в 70 тыс. руб., отпускалась из Штатс-канторы.

Ландмилицкие полки финансировались за счет 4-гривенного сбора с части государственных крестьян (преимущественно с однодворцев, которые и содержали ландмилицию).

¹² История раскладки армии по статьям государственных доходов приведена Е. В. Анисимовым (*Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. С. 222–242); о дальнейших изменениях в ней см.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 129–134.

¹³ *Анисимов Е. В.* Податная реформа... С. 238.

На Низовой корпус значительная часть средств до вывода его из Персии в 1732 г. отпускалась из персидских доходов.

Гвардейские полки, до 1724 г. финансировавшиеся за счет сборов с Сибирской губернии, после завершения податной реформы были переведены на таможенные сборы с Московской губернии.

Флот с окладом в 1 млн. 400 тыс. руб., увеличенным до этой суммы уже после смерти Петра I, финансировался из таможенных и кабацких сборов.

Военное управление (Военная коллегия) финансировалось в основной части из общегосударственных средств из Штатс-канцелярии.

Таким образом, налицо большая пестрота в источниках финансирования различных видов вооруженных сил, увеличиваемая расходами на нерегулярные войска, также производившимися из Штатс-канцелярии.

Очевидно, что состояние армии во многом зависело от состояния этих финансовых источников, которое обычно было не блестящим: оклады определенных на различные части армии статей бюджета редко выбирались полностью. Недоимка была постоянным явлением, но величина ее сильно колебалась в зависимости от вида сбора: от 6% по подушной с крестьян в 1726–1727 гг.¹⁴ до величины в 20–30% (недоимка на флот до понижения оклада в 1732 г.¹⁵ и на артиллерию¹⁶). Следовательно, проблемы содержания армии тесно переплетались с успехом податной политики государства, все попытки изменения которой неизбежно были сопряжены с определенными изменениями в социальной и сословной политике, имевшей и свои собственные цели, в свою очередь достигаемые изменениями податной политики.

Принцип прикрепления определенных статей военных расходов к разным государственным налогам (типичный не только для России, но и для бюджетов большинства европейских государств в XVIII веке¹⁷), использованный Петром I при введении подушной системы, тесно связал армию с еще одним кругом социальных и финансовых проблем: относительная малочисленность и слабость местной администрации в России привели к тому, что армия стала использоваться как часть административно-финансового аппарата на местах. Это вело к столкновению при сборе подушной подати не только с крестьянством, но и с помещиками, стремившимися защитить его и отстоять суверенитет собственных имений, а также к конфликтам с местной администрацией. Проблема взаимоотношений между ними и армией также стала объектом постоянного вни-

¹⁴ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 267.

¹⁵ См. § 1 гл. 4 наст. работы.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 387. Л. 847.

¹⁷ Чечулин Н. Д. Очерки... С. 57–58.

мания правительственной политики: уже в 1727 г. армия была выведена из уездов, отстранена от сбора подушной¹⁸; в 1730 г. снова возвращена к нему¹⁹, а в 1736 г. опять отстранена от подушного сбора²⁰. Помимо этого армия и в военном отношении страдала от «административно-податных» обязанностей, так как в 1735 г. их исполнение отвлекало 4567 военнослужащих из частей²¹ (т. е. фактически три пехотных полка по штатам 1720 г. из имевшихся в полевой армии сорока).

Те же функции сбора налогов и контроля за ним выполняли и морские офицеры; гвардия, как и во времена Петра, продолжала осуществлять роль контрольно-надзорного и репрессивного аппарата в отношении администрации различных рангов и местного населения²², что ставило проблемы того же порядка и перед ними.

Таким образом, решение военных проблем было тесно связано с широким кругом проблем финансовых и социальных, и острота проблем в той или иной группе определяла как характер разрешения вопросов в указанных областях внутренней политики, так во многом и очередность их постановки.

Хотя начальный период царствования Анны Иоанновны и отмечен одновременной разработкой и обсуждением наиболее назревших вопросов в военной области (в начале 30-х гг. работали почти одновременно две Воинские комиссии — по армии 1730–1732 и по флоту 1730–1738 гг.; в 1730 г. были созданы два гвардейских полка; в 1731 г. было увеличено вдвое число ландмилицких полков; в 1729–1730 гг. разрабатывались новые штаты артиллерии), однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, несмотря на кажущуюся комплексность обсуждения военных проблем, рассматривались и ставились на обсуждение они отдельно, вне связи друг с другом. Охват изменениями почти всех структурных подразделений армии, был, очевидно, отзвуком столь же всеобъемлющего подхода к армейским проблемам в 1720–1724 гг., связанного как с завершением Северной войны, так и с реформой налогообложения²³, в ходе которой возникла необходимость пересмотра основных вопросов состояния и содержания армии, вылившаяся в программу подготовки и пересмотра армейских штатов, далеко не завершенную еще и в 1730 г., а также прямым следствием столь же комплексной программы решения военных вопросов, намеченной в 1727 г. в про-

¹⁸ Сб. РИО. Т. 56. С. 262; *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 132.

¹⁹ ПСЗ. Т. VIII. № 5638.

²⁰ ПСЗ. Т. IX. № 6872.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 208.

²² *Готье Ю.В.* История областного управления... Т. II. — М., 1943. С. 95–118.

²³ *Анисимов Е.В.* Податная реформа... Гл. VII.

екте манифеста 9 января 1727 г. В самих же мероприятиях начала царствования трудно обнаружить наличие какого-то четко сформулированного плана в военной области: скорее, военные проблемы ставились на очередь дня по мере их остроты.

Не случайно в числе первых мероприятий было создание Военной комиссии для пересмотра штатов сухопутной армии, положенной на подушную подать с крестьян, связанное с возможным пересмотром податной политики, а также создание новых гвардейских полков.

§ 2. Создание Измайловского и Конногвардейского полков. Образование Кадетского корпуса

Одним из первых изменений в сухопутной регулярной армии было образование в 1730 г. двух новых гвардейских полков — Измайловского и Конногвардейского.

О том, что оно было связано в определенной степени с политической борьбой, говорят неоднократно современники и мемуаристы, утверждающие, что новые гвардейские полки были созданы в противовес старым: «...эти два гвардейские полка должны были служить противодействием остальным старым и сдерживать народ от попытки к мятежу...»²⁴. Подтверждают их сведения и другие данные.

В частности, история создания первого из полков, Измайловского, рядовой состав которого комплектовался не из дворянства и представителей податных сословий России, а из набранных для формирования украинских ландмилицких полков однодворцев. Полковником и фактическим командиром полка был назначен граф Левенвольде, один из имевших наибольшее влияние на императрицу курляндцев; подполковником — Джеймс Кейт, только два года назад принятый в русскую службу по рекомендации испанского посла де-Лириа²⁵; фельдмаршал М. М. Голицын был отстранен от набора офицеров.

Объявлено о создании Измайловского полка было в конце августа 1730 г.²⁶ Из утвержденного 22 сентября 1730 г. доклада о его образовании²⁷ и указа 26 сентября об определении жалования²⁸ следует, что он создавался как эквивалентный по комплекту и по

²⁴ Манштейн Х.Г. Записки... С. 33; см. также: Рондо // Сб. РИО. Т. 66. С. 228–229; Миних Э.И. Записки... С. 26–27.

²⁵ Сб. РИО. Т. 66. С. 228–229; Т. 81. С. 125; Русский архив. 1909. Кн. 1. С. 393; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 263.

²⁶ Сб. РИО. Т. 66. С. 228–229.

²⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5623. ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 48–49.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 31.

расходам Семеновскому. С его образованием гвардия должна была увеличиться на 2381 чел., а расходы на нее — возрасти более чем на 90 тыс. руб.²⁹. Конечно, в 1730 г. как боевая единица он еще не существовал и впервые был представлен на императорский смотр только в феврале 1731 г.³⁰

Сведения о недовольстве русских офицеров старых гвардейских полков принципами его комплектования³¹ и об установлении контроля иностранных офицеров над полком подтверждаются и количественным анализом списков офицеров полка³². Хотя в общем составе офицеров полка иностранцы составляли меньшинство (27 чел. из 76, то есть 35,5%), однако именно они занимали все ключевые позиции в полку: среди высших офицеров (включая капитанов — командиров рот) русских было только 3 из 14 человек, то есть 21,1%; к тому же только один был майором — Шипов, пользовавшийся особым доверием императрицы (ему была поручена перепись в Ингерманландии в 1732 г. и отправление в ссылку А. И. Румянцева в 1731-м³³). Вторым майором был ставший после смерти Левенвольде командиром Измайловского полка Густав Бирон, брат фаворита.

Русские офицеры преобладали в низшем и среднем офицерском составе и были включены туда в основном из расформированного Анной Иоанновной Кавалергардского корпуса, состоявшего фактически из знати. Причем 12 человек из 46 состояли в чине капитан-поручиков, упраздненном по новым полковым штатам декабря 1731 г.³⁴

31 декабря 1731 г. было объявлено о формировании еще одного гвардейского полка — Конного³⁵. Подполковником и шефом полка назначался П. И. Ягужинский, закупка немецких лошадей на полк была поручена Левенвольде³⁶. На формирование полка Ягужинским было запрошено 195 тыс. руб. с разных статей доходов³⁷, а затем вся сумма была определена из Сибирских доходов, передававшихся в Сибирский приказ, главой и инициатором создания которого был П. И. Ягужинский³⁸.

Конногвардейский полк формировался на базе Лейб-регимента, в котором, очевидно, в какой-то степени реализовалась давняя идея

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 31.

³⁰ Висковатов А. В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1850. — СПб., 1850. С. 7–8.

³¹ Сб. РИО. Т. 66. С. 228–229.

³² Висковатов А. В. Указ. соч. Приложение II. С. I–IV.

³³ РГАДА. Ф. 11. Д. 257. Л. 4–5.

³⁴ Миних Э. И. Записки... С. 33–34.

³⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5664.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2009. Л. 106.

³⁷ Там же. Л. 121.

³⁸ Там же. Л. 173; ПСЗ. Т. VIII. № 5659.

Петра о создании кавалерийского гвардейского полка, впервые высказанная в 1719 г.³⁹ Формирование Лейб-регимента было поручено в 1722 г. М. М. Голицыну и закончено только в 1725 г.⁴⁰ Полк состоял исключительно из дворян, только 4 офицера из 32-х в 1726 г. были иностранцами⁴¹. Таким образом, формирование конногвардейского полка при Анне Иоанновне было лишь осуществлением уже давно вынашиваемой идеи о формировании конного полка в гвардии, однако в ее реализации можно усмотреть те же мотивы, что и в создании Измайловского полка.

Лейб-регимент, на базе которого создавался полк, при этом фактически подвергся расформированию: даже из рядового состава полка оставалось только 660 человек⁴², то есть он был обновлен на 34%, а в составе несколько большего по численности конногвардейского полка военнослужащие прежнего лейб-регимента составили 61%⁴³.

Еще более изменился офицерский состав полка. Из 37 офицеров, включенных в список на 1730 г.⁴⁴, 15 чел. (40,5%) были иностранцами и 22 (59,5%) — русскими, то есть соотношение было даже большим в пользу иностранцев, чем в Измайловском полку. Картина высшего офицерского состава близка к измайловцам: только 4 из 11 высших офицеров (по ротмистра включительно) были русскими (36,4%). Русские офицеры, большинство из которых принадлежало к знатнейшим русским фамилиям, были включены в полк из Лейб-регимента и так же, как и в Измайловский, из расформированного Кавалергардского корпуса. Часть из них была родственниками представителей бюрократической верхушки: до премьер-майора дослужился Петр Черкасский, уже при учреждении полка бывший ротмистром; в составе полка числились также четверо Шаховских (князь А. И. Шаховской с конца 1731 г. после удаления П. И. Ягужинского был назначен шефом полка и первым его подполковником), трое Салтыковых. Иностранная «новая знать» тоже свила династические гнезда в полку: майором был второй брат фаворита, Карл фон Бирон; с 1733 г. в ротмистры произведен малолетний сын фаворита Петр Бирон, к 1738 г. ставший подполковником; среди офицеров полка числились Менгден, Корф, сын известного де-Геннина и другие.

³⁹ Анненков И. В. История лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. — СПб., 1849. Ч. 1. С. XVI–XX.

⁴⁰ Там же. С. XVI–XVII.

⁴¹ Там же. С. XVIII–XIX.

⁴² Там же. С. XVII.

⁴³ Подсчитано по штату Конногвардейского полка 2 окт. 1731 г. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 202–204.)

⁴⁴ Анненков И. В. Указ. соч. С. 14–17.

Пополнение полка новым офицерским составом (данные о производстве офицеров и переводе из других полков)⁴⁵ позволяет говорить о том, что и в последующем на протяжении 30-х гг. офицерский состав полка контролировался окружением Анны Иоанновны: из 42 произведенных и назначенных офицеров 22 (52,4%) были иностранцами и 20 (47,6%) — русскими, причем большинство русских офицеров было произведено из унтер-офицеров этого полка в корнеты, и лишь один — Николай Давыдов — переведен из поручиков Казанского полка в гвардейские подпоручики, но уже в 1740 г. Остальные же 7 человек, переведенные в конногвардейский полк из других полков, были иностранцами. 9 из 10 человек, произведенных в старшие офицерские чины (старше корнета), также были иностранцами.

Таким образом, приведенные по составу двух новых полков данные⁴⁶ подтверждают вывод современников об их создании в политических целях, с намерением создать опору трону и противовес русскому дворянству в лице двух старых гвардейских полков, сложившийся офицерский состав которых было не так-то легко изменить.

Однако при этом недоучитывается и другая сторона правительственной политики, выразившаяся в их создании.

Новые гвардейские полки были еще и формальным ответом на шляхетские требования об изменении порядка и условий дворянской службы. Пункт 6 проекта «361-го» (Чернышева-Черкасского) гласил: «Для произвождения шляхетства в службу искать лутчего способу, а далее 20 лет неволею в службе не держать, также и в матросы и в мастера неволею не брать»⁴⁷. Почти в тех же выражениях сформулирован и соответствующий пункт проекта Матюшкина⁴⁸ и, может быть, еще более рельефно требования дворян отражены в пункте 5 «Присяги» верховников: «Шляхетство в салдаты, матросы и прочие подлые нижние чины неволею не определять, а чтоб воинское дело не ослабевало, для обучения военного учинить особливые кадетские роты, ис которых определять по обучении прямо в обер-офицеры, и производить через гвардию, а в морскую службу через гардемарин»⁴⁹.

Так как правительство, да и сами дворяне не намеревались еще отказаться от обязательной военной службы дворянства (что дока-

⁴⁵ Список офицерского состава полка см.: *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. IV. Приложение. С. 1–50.

⁴⁶ Подсчеты автора практически совпадают с данными, приводимыми Ю. Н. Смирновым (*Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // *Классы и сословия России в период абсолютизма*: Сб. ст. Куйбышев, 1989. С. 93).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45–46.

⁴⁸ Там же. Л. 49–50.

⁴⁹ Там же. Л. 21.

зывает отсутствие в известных памятниках общественной мысли требований отменить обязательную службу вообще), то на первый план выдвигалась идея сословных преимуществ и сословного отделения по службе от «подлого люда», предполагавшая отказ от совместной тяжелой службы с ним в нижних чинах. Она могла реализоваться либо через создание сословно-кастовых военно-учебных заведений, либо через расширение специфических, сословных военных контингентов, какими и были гвардейские полки (конечно, учитывая, что гвардия никогда не была чисто дворянской). Создание двух новых гвардейских полков общей численностью в 3804 тыс. чел., даже принимая в расчет их сословную неоднородность, должно было поглотить довольно значительную часть дворянства. Увеличивая гвардию до 8,5 тыс. чел.⁵⁰ при общей численности всего офицерского корпуса в 6,1 тыс. чел.⁵¹, оно должно было поглотить значительную часть активного мужского дворянского населения, учтенного по первой ревизии в количестве 17 079 чел.⁵²

Несмотря на первоначальные принципы отбора в полки, не совсем удовлетворявшие русское дворянство, на практике состав полков начал постепенно пополняться им. С 1735 г. отмечается заметное пополнение дворянами состава Измайловского полка⁵³, а процент дворянства в Конногвардейском полку был изначально высок (на 1732 г. среди рейтар — 82,4%; среди всего личного состава — 73,4%)⁵⁴. В аннинское царствование обнаруживается и в целом тенденция к одворяниванию гвардии⁵⁵, выразившаяся как в увеличении прослойки средних и крупных помещиков в гвардии⁵⁶, так и в росте доли дворян в старых гвардейских полках⁵⁷. Этот не совсем желанный для учредителей новых полков результат был замечен и отражен в записках, вышедших из их круга: «Намерение при сем (т. е. при создании полков. — Н. П.) было такое, чтоб древнюю толпу избалованных и необузданных людей содержать в руках; но как начали мало-помалу от предположенных правил, как в рассуждении рядовых, так и офицеров отступать, то как в последующем оказалось, что успеха другого при сем не было, кроме как что само по себе опасное воинство сделано многочисленнее»⁵⁸.

⁵⁰ См. приложение 2 к наст. работе, таблица 2.

⁵¹ См. приложение 3, таблица 7.

⁵² *Анисимов Е. В.* Податная реформа... С. 114. (по графе «в оклад класть вове не велено»).

⁵³ *Зноско-Боровский Н. А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. — СПб., 1882. С. 5–6, 9.

⁵⁴ *Смирнов Ю. Н.* Указ. соч. С. 91.

⁵⁵ Там же. С. 89–91.

⁵⁶ Там же. С. 91.

⁵⁷ Там же. С. 89–91.

⁵⁸ *Миних Э. И.* Записки... С. 26–27.

* * *

Создание новых гвардейских полков остро поставило проблему их финансирования, и в особенности оно сказалось на военном бюджете страны в 1731 г., ибо реальные расходы на формирование полков в первый год оказались выше штатных⁵⁹. В целом же окладная сумма расходов на гвардию даже после пересмотра в 1731 г. штатов всех гвардейских полков в сторону уменьшения увеличилась с 257,4 тыс. руб.⁶⁰ на 172 815 руб. в 1734 г.⁶¹, то есть на 67%. Реально же увеличение расходов в 1731 г. составило 205 588 руб. на Конногвардейский полк и 107 538 руб. на Измайловский⁶², то есть расходы на гвардию выросли более чем вдвое.

Проблема поиска новых источников финансирования для покрытия столь значительных новых расходов решалась непросто. Полки перекидывали с одной статьи государственных расходов на другую, пока наконец не определили оба новых полка на сибирские доходы, откуда финансировались и прежние гвардейские полки до 1724 г.⁶³: Измайловский был переведен на эту статью доходов с мая 1732 г.⁶⁴; Конногвардейский — с июня 1734 г.⁶⁵.

Еще до конца 1732 г. штаты гвардейских полков подверглись пересмотру в связи с первыми итогами работы Военной сухопутной комиссии, составившей новые штаты армейских полков. Общие итоги этой акции⁶⁶, порученной главе Военной комиссии — Миниху⁶⁷, показывают, что пересмотр осуществлялся в том же направлении сокращения расходов: в общей сложности гвардия сократилась на 306 чел., или на 3,09% своего состава, а расходы на ее штат — на 6,67%, то есть близко к пропорциям, определенным для гвардейских полков⁶⁸. В наибольшей степени был сокращен состав Преображенского полка — на 273 чел. (7,55%), однако расходы на него снижены в меньшей степени, чем на остальные (всего на 5,1%). Конногвардейский — на 4,7% (15,4%); Семеновский — 0,8% (8,7%); Измайловский — 1,5% (+1,3%) (в скоб-

⁵⁹ См. таблицу 4 приложения 3 к наст. работе.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 386. Л. 128 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 176–219; *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 228.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 32, 484 об.

⁶³ *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 224.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 35.

⁶⁵ Там же. Л. 675.

⁶⁶ Подсчитанные по новым штатам пехотных гвардейских полков 9 дек. 1731 г. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 187–195) и конного от 15 дек. 1731 г. (Там же. С. 202–206).

⁶⁷ *Миних Б.Х.* Записки... С. 44–46.

⁶⁸ См. гл. III наст. раб.

ках — сокращение расходов, без них — личного состава). Именно эта акция вызвала конфликт Миниха с шефом Измайловского полка Левенвольде, послуживший одной из причин его будущего падения с придворного Олимпа.

Однако и с введением новых штатов в некоторых случаях фактического сокращения расходов не происходило: так, например, требуемая сумма на Конногвардейский полк в 1732 г. составила 113 тыс. руб.⁶⁹

До начала царствования Анны Иоанновны гвардия испытывала те же финансовые проблемы, что и другие части, и, даже, может быть, более остро, чем армейские полки, положенные на подушную подать, ибо переведенные на московские таможенные доходы полки жалование получали крайне нерегулярно и с большой недоплатой (недоплата на 1725 г. — 8,2%; 1726 — 9,3%; 1727 — 22,4%; 1728 — 33,7%; 1729 — 21,7%)⁷⁰. К тому же вплоть до 1730 г. было не определено, откуда Семеновский и Преображенский полки должны были получать окладной провиант.

Возможно, что именно это существенно повлияло на позицию гвардии в феврале 1730 г. Во всяком случае, 23 февраля 1730 г. (за два дня до разрыва Анной кондиций) В. В. Долгорукий в очередной раз доносил в Сенат: «...от малой дачи гвардии солдаты за годовой хлеб терпят немалую нужду и голод... ибо против других полков много провианта в даче не бывает...»⁷¹).

В 1730–1734 гг. удовлетворение финансовых нужд гвардейских полков стало более стабильным⁷², и хотя недоплата на полки оставалась фактом, она не была уже столь существенной (в 1734 г. на старые гвардейские полки было недоплачено 5,6% оклада; на Измайловский — 5,2%, на Конный — даже переплачено 4,5%⁷³). Возможно, свою роль здесь сыграл и перевод новых гвардейских полков на жалование из Сибирского приказа, на котором они оставались как минимум до 1763 г.⁷⁴

Серьезной проблемой стало и обеспечение Конногвардейского полка лошадьми, так как в России необходимых лошадей не было. Поэтому первоначально ее пришлось решать за счет закупки их за границей, организованной Левенвольде и Ягужинским через

69 РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 464. Приведенные сведения, помимо этого, не всегда учитывают выплаты из других источников: так, по комиссариатской ведомости на конный полк в 1732 г. было истрачено из сумм, положенных на полевую армию, 14 426 руб. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 901).

70 Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 386. Л. 90.

71 Там же. Л. 127.

72 РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 63–66; Кн. 1108. Л. 172–183.

73 Подсчитано по тем же данным.

74 РГАДА. Ф. 248. Д. 38. Л. 12 об.

голландского купца Еремея Мейера⁷⁵, а затем и основанием с 1740 г. собственного конского завода при полку⁷⁶.

Оценивая сам ход возникновения новых гвардейских полков, мы можем предположить, что первоначального продуманного плана их одновременного создания не было, и они формировались обособленно друг от друга, хотя мотивы их создания и были сходными. При формировании Конногвардейского полка не исключено также и влияние на появление самой идеи пристрастия Бирона к лошадям.

* * *

Еще одним из мероприятий с ярко выраженной сословной направленностью было создание в 1731 г. Кадетского корпуса, бывшего как ответом на дворянские требования 1730 г., так и реализацией намерения, высказанного в 5 пункте «Присяги» верховников.

Указ об образовании Кадетского корпуса появился 29 июля 1731 г.⁷⁷ Он содержал в себе достаточно подробную программу его создания: определял величину (200 чел. шляхетских детей); примерный бюджет (30 000 р.) и программу обучения (не только военные науки, но и подготовка к гражданской службе: «...також в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение, того ради иметь при том учителей чужеземных языков, истории, географии, юриспруденции, танцевания... и прочих полезных наук...»). Инициатором и создателем корпуса обычно считают Миниха (очевидно, по версии, восходящей к Манштейну)⁷⁸.

Мы не знаем, кому принадлежала инициатива издания указа и кто готовил его текст. Однако уже в бумагах ВТС есть неподписанный и недатированный проект создания кадетского корпуса⁷⁹, рассчитанного на 200 кадетов, сведенных в две роты, цель обучения в котором — подготовка к военной и гражданской службе («...во учреждаемом кадетском корпусе не одно имеет воинское обучение... Второе учение к политическим и гражданским делам имеют учение свое, яко: 1) политика; 2) юриспруденция; 3) истории; 4) географии; 5) государственных всяких прав, к чему особых профессоров иметь...»)⁸⁰. На содержание корпуса должно было уходить около

⁷⁵ Только к 1 декабря 1732 г., то есть через два года после указа о создании полка, все 1400 лошадей были доставлены.

⁷⁶ Анненков И. В. Указ соч. Ч. 1. С. 31–32, 34–35.

⁷⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5811.

⁷⁸ Манштейн Х. Г. Записки... С. 40.

⁷⁹ РГАДА. Ф. XIV. Д. 76. Л. 1–4.

⁸⁰ Там же. Л. 1–1 об.

19 тыс. руб., но автор, не скрывающий того, что за образец был взят прусский корпус, приводит расчет и «по берлинской степени», дающий в общей сложности сумму свыше 27 тыс. рейхсталеров⁸¹. Таким образом, напрашивается вывод, что при подготовке указа был использован либо этот проект, либо послуживший образцом для него прусский регламент.

В Сенате, после получения указа об образовании корпуса (а следовательно, вероятнее всего, он исходил не от Сената) сразу же начали подыскивать для него подходящее помещение в Москве, склоняясь при этом к дому Меншикова в Лефортове. Тогда же П. И. Ягужинский «...объявил, что о создании и о учении кадетов подаст он проект и учителям реестр...»⁸². Следовательно, вероятным автором вышеупомянутого проекта, указа о создании корпуса, а может быть, и первого регламента кадетского корпуса 17 ноября 1731 г.⁸³, мог быть и П. И. Ягужинский.

Однако черновик этого регламента⁸⁴, подвергшийся несущественной правке в Кабинете министров, значительно отличается и по стилю, и по форме от проекта в делах ВТС. Он предлагал перенести корпус в Петербург, достаточно детально разрабатывал порядок жизни и обучения кадет, определил смету расходов на его штат в 33 846 руб., вошедшую в печатный регламент 17 ноября, препоручал главную дирекцию над корпусом «особливой особе из генералитета» (в ремарке, сделанной в Кабинете к этому пункту, определялась кандидатура Миниха). В корпусе должно было обучаться 150 русских и 90 прибалтийских дворянских детей.

Именно с этого времени формирование корпуса было поручено Миниху, хотя сам он мог и не быть автором идеи создания корпуса и его проекта.

Запись в корпус желающих продолжалась почти полгода, в основных чертах его контингент должен был определиться лишь к весне 1732 г., и первый состав кадет должен был явиться к Миниху в начале мая⁸⁵. В числе первых записавшихся были: сын сенатора В. Я. Новосильцева Александр, Евграф Васильевич Татищев и Никифор Анисимович Маслов⁸⁶. Но к этому сроку в корпус записалось уже 308 дворянских детей, и в доношении 12 мая Миних поставил вопрос об увеличении его до трех рот по 120 чел. в каждой, и, следовательно, до 360 чел.⁸⁷ Результатом этого был новый штат

⁸¹ РГАДА. Ф. XIV. Д. 76. Л. 2 об., 3–3 об.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1901. Л. 212 об.

⁸³ ПСЗ. Т. VIII. № 5881.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1096. Л. 2–19 об.

⁸⁵ Там же. Л. 40.

⁸⁶ Там же. Л. 41.

⁸⁷ Там же. Л. 66–67.

кадетского корпуса 12 мая 1732 г.⁸⁸, автором которого, очевидно, уже был Миних. Поскольку первый штат 17 ноября на практике так и не был осуществлен, Миних с полным правом мог считать себя создателем и автором проекта кадетского корпуса. При этом сам он выражался более точно: «...я по ее (императрицы. — Н.П.) приказанию основал кадетский корпус»⁸⁹.

Новый штат отличался от первого не только увеличением числа кадет и почти вдвое (до 63 403 р.) — расходов на корпус, но и приближением числа кадет в роте к обычному составу рот в полевых полках. Первый регламент устанавливал ту же численность, что и проект ВТС, то есть 100 человек. На практике же система обучения в корпусе, фактически сформированном только к концу 1732 г. и начавшем обучение с 1733-го⁹⁰, очевидно, не слишком удовлетворяла дворянство, о чем свидетельствует довольно обстоятельная ее критика в «Разговоре о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева (п. 77)⁹¹.

Серьезную проблему, как и в случае создания двух новых гвардейских полков, представлял поиск источников финансирования корпуса. Запросы, сделанные летом 1732 г. при попытке положить его на сумму, остаточную от гвардейских полков, показали, что таковой нет, и даже если бы и была, то была бы слишком ничтожной⁹², и корпус было решено содержать на остаточной после введения нового штата армии сумме, то есть фактически на общем бюджете сухопутной армии⁹³.

Тем не менее, несмотря на все проблемы, идея создания сословного военно-учебного заведения, выдвинутая еще в предыдущее царствование, была реализована. Подобная форма решения социальных и военных задач (создание сословного учебного заведения и центра подготовки высокопрофессиональных офицеров для армии) была типичной для европейских стран того времени, но Россия, очевидно, была одной из первых стран, последовавших примеру Пруссии, открывшей аналогичное учебное заведение впервые в мире в 1720 г. До этого существовали лишь специализированные военные школы и отдельные роты кадет при определенных частях, начавшие впервые создаваться Лувуа во Франции в 1682 г.⁹⁴

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1096. Л. 68–79; ПСЗ. Т. VIII. № 6050; Т. 43. Ч. 1. С. 196–200.

⁸⁹ Миних Б. Х. Записки... С. 45.

⁹⁰ Сведения — из доклада директора корпуса фон Теттау Анне Иоанновне от 22 августа 1737 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1096. Л. 125 об.).

⁹¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. — Л., 1979. С. 105–106.

⁹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 39–78.

⁹³ Там же. Кн. 493. Л. 719–720.

⁹⁴ Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. — Paris, 1976. P. 120–121.

§ 3. Расширение контингента ландмилицких полков в 1731 г.

1. Создание новых ландмилицких полков

Еще одним важным актом правительственной политики было принятое в 1730 г. решение о расширении ландмилицких частей, предложенное, очевидно, помимо уже начавшей свою работу Военской комиссии, так как ландмилицкие части не входили в программу ее работы и финансировались из другого источника. Во всяком случае, создание новых ландмилицких полков в сенатской делопроизводственной документации по Военской комиссии⁹⁵ никак не отразилось.

Первые попытки создания ландмилиции относятся к 1713 г.⁹⁶ Возобновленные с 1722 г., они привели первоначально к формированию 6 полков⁹⁷, а в 1729 г. было принято решение увеличить их количество до 10⁹⁸. В их создании правительство преследовало вполне определенные и не меняющиеся с течением времени кардинально цели, достижение которых должно было одновременно решить комплекс проблем.

Наиболее детальную и верную их характеристику дает Е. В. Анисимов⁹⁹. Во-первых, несомненна связь ландмилиции с частями «старых служб», из представителей которых она формировалась¹⁰⁰. Создавалась она преимущественно в пограничных районах, основной ее целью была служба по охране границ, традиционная до создания регулярной армии для их жителей. Одним из мотивов ее создания были колебания правительства в сословной политике при определении статуса однодворцев. Положив их в подушный оклад и юридически введя в разряд государственных крестьян, оно тем не менее признавало специфику этой сословной группировки, и в формировании ландмилиции проявилось стремление сохранить ее особый статус, не порывать слишком резко с традиционной картиной сословных отношений в обществе¹⁰¹, тем более что не изжила еще себя реальная возможность использовать ее представителей для обороны границ. Другие мотивы (как минимум два), игравшие,

⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389.

⁹⁶ Баиов А. К. Указ. соч. С. 17.

⁹⁷ Там же; Троицкий С. М. Указ соч. С. 229; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 60.

⁹⁸ Баиов А. К. Указ. соч. С. 17.

⁹⁹ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 178–179.

¹⁰⁰ Баиов А. К. Указ. соч. С. 17; Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности. — СПб., 1859. С. 35.

¹⁰¹ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 178–179.

очевидно, еще большую роль в идее использования ландмилиции, как правило, выявлены исследователями гораздо слабее.

Первый состоял в том, что ландмилиция была более дешевым видом вооруженных сил, чем полевые полки. Регулярный конный ландмилицкий полк обходился правительству, по первоначальным расчетам, сделанным в 1731 г.¹⁰², в 11 790 р., то есть в 3,6 раза дешевле драгунского регулярно полка (по штатам 1720 г.), и в 1,7 раза — драгунского гарнизонного¹⁰³. Служба в значительной степени обеспечивалась земельным жалованием, аналогичным прежнему поместному, служившим еще и дополнительным стимулом к освоению новых территорий: земли под поселение новых ландмилицких полков планировалось выделить по строящейся Украинской линии, на пограничье с Диким полем. Ландмилицкие полки также в значительной степени снабжались всем необходимым за счет однодворческого населения, из которого они рекрутировались.

Второй мотив: сохранение дореформенных по существу служилых формирований позволило заменить ими части регулярной армии, которые в противном случае пришлось бы создавать, а следовательно — уменьшить за счет этого рекрутские наборы с населения поместий, несколько ослабить рекрутскую повинность.

Связь между созданием ландмилицких частей и сословной политикой в отношении «людей старых служб» читается и в послепетровской истории ее расширения.

Решение об увеличении числа ландмилицких частей восходит еще ко временам Екатерины I, как показывает документ, представляющий собой перечень наиболее важных внутривластных проблем, возможно, послуживший толчком к проектам и запискам конца 1726 г. и январскому манифесту 1727 г., один из пунктов которого гласит: «Справиться с примерами шведскими, каким образом у них в мирное время солдаты стоят в земле по крестьянам и на них работают.

Сыскать наши старые примеры, как прежде сего солдаты и рейтары во время мирное расписаны были по городам, и даны им были земли...»¹⁰⁴.

Документ материализовался в 1729 г. в решение о доведении числа ландмилицких полков до 10, но в 1730 г. оно не было выполнено: фактически был создан лишь один и на два набраны люди¹⁰⁵, из которых потом комплектовался Измайловский полк.

Та же связь с опытом использования «людей старых служб» видна и в самом тексте указа 15 января 1731 г.¹⁰⁶, оформлявшего

¹⁰² РГАДА. Ф. 248. Кн. 2011. Л. 103–104 об.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 324 об. — 327.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 99. Л. 1 об.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 386. Л. 153; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 60.

¹⁰⁶ ПСЗ. Т. VIII. № 5675.

правительственное решение о новом расширении ландмилицких частей: «понеже Украйны Белгородский и Севский разряды из давних лет... населены служилыми людьми драгуны, солдаты, копейщики, рейтары и прочими, с которых они по нарядам пешую и конную службу служили... как для государственной, так и для собственной их пользы быть им в службе их так, как деды и прадеды их были и предкам ЕИВ-ва служили...». Он прямо свидетельствует о возврате к принципам военных формирований дореформенного типа и о формальном восстановлении их прежнего сословного статуса в значительно более полном объеме, чем при формировании первых петровских ландмилицких полков («... с сего указа государственными крестьянами их не писать и не называть...»¹⁰⁷). Одновременно эти материалы дают основание говорить, что в правительственной политике в отношении ландмилиции в 1731 г. прослеживается тенденция к преемственности с политикой ВТС.

Еще более определенно о преемственности основных линий политики ВТС свидетельствует то, как создание нового контингента вписывалось в общую систему внутривластического курса на ослабление податного гнета владельческих крестьян, то есть то, как в нем реализовались выделенные выше другие два мотива правительственной политики. О том, что именно они были ведущими в принятии решения о расширении ландмилиции, свидетельствует как проект увеличения ландмилиции, сохранившийся в делах Сената¹⁰⁸, так и сенатский доклад 6 декабря 1730 г.¹⁰⁹, послуживший основой для указа 15 января 1731 г.

Основным мотивом, выдвигавшимся проектом, было стремление облегчить рекрутскую повинность для населения основной территории России: подсчитав убыль податного населения со времени переписи, оцениваемую в 1/5-ю, и оценив расходы населения при очередном рекрутском наборе даже после принятого решения лишь наполовину удовлетворить требования Военной коллегии в рекрутах в 1,5 миллиона рублей (что должно было на деле повести к реальному увеличению ставки налогов с души на 40 копеек¹¹⁰), авторы предлагали увеличить число ландмилицких полков за счет привлечения к их содержанию и комплектованию *всех* однодворцев и прежних служилых людей¹¹¹. Вновь создаваемые полки должны были заменить несущие пограничную службу регулярные, в связи с чем планировалось расформировать 6 регулярных полков и за счет этого уменьшить рекрутские наборы: «Из сего рассужда-

¹⁰⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5675.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 1–2. Не датирован и не подписан.

¹⁰⁹ Там же. Л. 21–25. Копия.

¹¹⁰ Там же. Л. 2–2 об.

¹¹¹ Там же.

ется к пользе государственной, и крестьяном в рекрутах полегчение, что 6 полков комплектоватца с государства не будут, а полков армейских с табельного числа не убудет»¹¹². Проект предусматривал вовлечение в ландмилицкую службу прежних служилых людей даже внутренних губерний России и создание по меньшей мере двух полков в Казанской губернии¹¹³. Сенатский доклад, переработавший проект, также связывал формирование новых полков с ликвидацией шести армейских, акцентируя внимание на выгодности этого для армии и государства: «...однакож в армее число полков не только не умалится, но и прибавится, потому что вместо 6 будут 22 полка»¹¹⁴. Однако все попытки Сената осуществить это на практике, предпринимаемые в дальнейшем, например 10 и 14 марта 1732 г. («...рассудили о раскасовании тех 6 полков написать на соизволение ЕИВ-ва, которые повелены будут...»¹¹⁵), не дали никакого результата.

Очевидно, принимался во внимание и тот факт, что новые 10 украинских полков обойдутся вместо 430 тыс. в 101 тыс. руб.

Реализованы были лишь планы количественного увеличения ландмилицких полков: число украинских полков было увеличено вдвое (до 20), в 1731 г. были созданы три конных и один пеший полк на Закамской линии¹¹⁶, в результате чего общее число ландмилицких полков дошло до 24 и затем уже практически не менялось¹¹⁷.

Из-за частичного возврата к старым принципам военной службы может возникнуть соблазн оценить ландмилицию исключительно как возврат к старому, как свидетельство консервативных и реакционных тенденций в правительственной политике, но факт создания первых ландмилицких полков уже при Петре I, ограничиваемых уже тогда лишь возможностями источника финансирования¹¹⁸, а также то место, которое занимала в то время ландмилиция в системе военного и политического европейского мышления, позволяют говорить о более сложных мотивах ее создания.

Именно на 10-е — 40-е гг. XVIII в. приходится «вторая волна» создания милиционных формирований, начатая в ходе войны за испанское наследство Францией и Испанией с 1704 года, в результате которой на смену разрозненным и пестрым локальным ополчениям пришли более единообразные и создаваемые в более широких рамках (часто — национальных), призванные обычно служить резервом ре-

¹¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 4.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. Л. 21.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 63 об., 69.

¹¹⁶ Баиов А. К. Указ. соч. С. 17.

¹¹⁷ См. таблицу 1 приложения к наст. работе.

¹¹⁸ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 178.

гулярной армии, контингенты войск¹¹⁹. По отзыву одного из современников, «Европа покрылась милициями»¹²⁰. Формы и функции создаваемых милиционных частей довольно широко варьируются, но сама идея их полезности и нужности прочно укореняется в политическом сознании практически всех европейских стран. Во многих регионах существуют военизированные местные формирования, несущие охрану границ почти на тех же условиях, что и в России. Наиболее типичным примером в данном случае является Австрия с ее системой подобных формирований на всех турецких границах, «населенных колониями солдат, которые обеспечивались землей вместо платы», насчитывавших до 72 тыс. чел.¹²¹

Следовательно, создание ландмилиции в России шло в общем русле европейского процесса, и даже в самой своей форме обнаруживает какую-то близость к австро-венгерскому варианту подобных формирований. Кроме того, есть все основания предполагать, что на принципы ее формирования оказала влияние система содержания и поселения шведских войск, известная под названием «Индельта», неоднократно описанная в литературе¹²².

На связь с ней обратил внимание уже Д. П. Журавский¹²³, более подробно она была охарактеризована Е. В. Анисимовым. Ведь при Петре I ландмилиция создавалась в ходе податной реформы, тесно увязанной с новым размещением и содержанием армии, на которое опосредованное влияние оказала эта система¹²⁴.

При шведской поселенной системе, введенной в 1682 г., с определенного земельного держания — рустхолла — владелец должен был выставить одного кавалериста со всем необходимым, который жил бы в мирное время на территории рустхолла и обеспечивался за его счет. При этом в помощь ему приписывалось одно или несколько крестьянских хозяйств¹²⁵. Судя по всему, русское правительство пыталось при создании ландмилицких полков создать аналогичную систему, в которой роль рустхолла выполняла бы фактически однодворческая община. На это указывает уже проект создания ландмилиции, отложившийся в бумагах А. И. Остермана и, очевидно, предвещающий упомянутые выше проекты 1730 г.: «Буде украинцем вместо платежа подушных денег учинить ландмилицию регулярную по примеру финскому...»¹²⁶. О том же кос-

¹¹⁹ *Corvisier A.* Op. cit. P. 65–68.

¹²⁰ *Ibid.* P. 66.

¹²¹ *Ibid.* P. 134.

¹²² *Ibid.* P. 63–64. *Пузыревский А. К.* Указ. соч. С. 10–11; *Анисимов Е. В.* Податная реформа... С. 54–59.

¹²³ *Журавский Д. П.* Указ. соч. С. 35.

¹²⁴ *Анисимов Е. В.* Податная реформа... С. 54–59.

¹²⁵ Там же. С. 156.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 11. Д. 402. Л. 224–228.

венно свидетельствует также поручение военного командования ландмилицкими частями иноземным офицерам (специально, очевидно, нанятым в русскую службу генерал-майорам Гейну и Гейденрейху)¹²⁷, знакомым со шведской системой, а также история попыток организации ландмилиции в соответствии с ней. Впрочем, аналогичная система поддержки действительно служащих «реестровых» казаков слоем «подпомощников» существовала и в среде украинского (гетманского и слободского) казачества, что обеспечивало успешную адаптацию заимствованной из-за рубежа схемы.

23 февраля 1732 г. Сенат предложил Военной коллегии подать проект подобной реорганизации, но еще в декабре 1733 г. Вейсбах отговорился «незнанием шведских регулов», и в 1734 г. Сенат был вынужден подтвердить прежнее решение¹²⁸. Но и в начале 1736 г. эта задача еще не была решена: «А что касается до учреждения подпомощников, которые по линии поселены будут *в пример Лифляндских и Шведских регулов*... весьма полезен быть может, и для произведения оного в действо надлежит как возможно ... поспешать»¹²⁹.

Таким образом, расширение ландмилиции в 1731 г. было обусловлено целым комплексом проблем военной, сословной, социальной и финансовой политики, в котором доминировали социальные мотивы, на практике до конца не реализованные.

2. Дальнейшее развитие ландмилиции. Источники и средства ее содержания

Несмотря на то что ландмилицкие полки давали существенную экономию военных расходов, поиск источников их финансирования (в особенности после отказа от ликвидации в связи с их созданием 6 армейских полков), стал не менее острой проблемой, чем в предыдущих случаях, и растянулся почти на два года¹³⁰. В конечном счете ландмилиция была положена на подушный семигривенный сбор с однодворцев и 4-гривенный сбор с них же и с государственных крестьян¹³¹. Сумма, естественно, выбиралась с недобором не менее чем в 20% оклада. (За 1734–1735 гг. он составил 48,5% оклада, но если принять во внимание отмену правительством сбора подушной на первую половину года, вызванную голодом, и учесть только результаты 1734 г., фактическая сумма недоимки составит 24,8%¹³².)

¹²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 2.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 555. Л. 347, 371.

¹²⁹ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 236.

¹³⁰ См. напр.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 89, 98, 258 об., 379, 398 об.

¹³¹ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 222–223; 227–228; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1137. Л. 466.

¹³² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 555. Л. 326 об. — 327.

Формально ландмилиция относилась к регулярным частям, но отличалась от полевых полков по характеру службы: зимой ландмилиционеры могли находиться дома, а летом собираться на лагерные сборы и использоваться в случае необходимости. Изменения в ландмилиции, постепенно накапливаясь на протяжении первой половины 30-х гг., выявили дальнейшую тенденцию к сближению ее с регулярными частями полевой армии. Уже к 1731 г. все полки ландмилиции были преобразованы в регулярные (ранее часть полков была полурегулярными). Переформированная тогда Украинская ландмилиция состояла из 16 конных и 4 пехотных полков, но уже в 1732 г. Вейсбах предложил сделать все полки конными, однако, учитывая наличие малоимущественной прослойки среди ландмилиционеров, предложил ввести в них по некоторому числу пеших пикинеров¹³³. По той же причине с 1733 г. он перешел к централизованной закупке лошадей для ландмилиции, хотя раньше сумма на покупку лошадей выдавалась каждому ландмилиционеру на руки¹³⁴.

Наиболее рельефно тенденция к «регулярности» выразилась накануне первой кампании «большой» русско-турецкой войны в предложениях особой комиссии Военной коллегии, суммировавшей накопившиеся проблемы и выдвинувшей идею создания для их разрешения Украинского ландмилицкого корпуса, реализованную указом 16 марта 1736 г.¹³⁵ Все ландмилицкие части объединялись под общим командованием и управлением его штаба, что позволило проводить единую линию в их комплектовании и снабжении, использовать ландмилицкие части в начавшихся военных действиях как компактную войсковую группу. Все 20 полков были окончательно трансформированы в конные, поскольку именно конные полки были способны противостоять неприятелю, действовавшему в основном конницей, при большой протяженности границы, да и сами однодворцы по традиции проявляли большую склонность к конной службе¹³⁶. Кроме того, конные полки имели несколько меньшую численность, чем пехотные, за счет чего общее число строевых должно было сократиться на 548 чел.

Одновременно было предложено внести некоторые изменения в финансирование и порядок комплектования полков, так как выяснилось, что содержание полков обходится дороже, чем предполагалось. Рядовой состав и офицеры были уравнены в жалованьи с Остзейскими полками (двухтретнем против армейских), вследствие

¹³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 555. Л. 249 об; ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 224.

¹³⁴ Там же. С. 223.

¹³⁵ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. № 6295. С. 213–244.

¹³⁶ Там же. С. 224.

чего расходы на полк увеличились до 14 138 р.¹³⁷, то есть почти на 20%. Причину большой недоимки на полки авторы доклада видели в том, что армейские офицеры, выбирающие 4-гривенный сбор одновременно с подушной на свои полки, отправляли туда всю сумму, создавая своего рода искусственно увеличенную недоимку на ландмилицию. Поэтому они предложили изменить порядок сбора, выделив особые дистрикты, с которых весь сбор (7-гривенный + 4-гривенный) будет собираться самими ландмилицкими офицерами преимущественно с тех же однодворцев, которые поставляют ландмилицию, но в этом им было отказано на том основании, что с 1736 г. сбор подушной будет проходить под контролем гражданских властей¹³⁸. Одновременно им отказали и в компенсации потерь от отмены правительством подушной на первую половину 1735 г., переложив тем самым значительную часть расходов на однодворцев: «...оная сложенная сумма самим ландмилицам в пользу пришла, ибо оную с них самих взять надлежало...»¹³⁹.

Правительство, охраняя права однодворцев, части которых могло грозить разорение, отрицательно отреагировало и на предложение военных властей вместо общих наборов брать в ландмилицию представителей более крепких и пожиточных семей, заменяя их в случае убыли членами их же семей, прикрепляя к ним «помощников» из одиноких¹⁴⁰.

С формированием корпуса расходы на украинские 20 полков выросли с 203 822 р.¹⁴¹ до 290 822¹⁴², то есть на 43,1%. Общий рост штатных расходов на все 24 полка составил 33,5% (около 85 тыс. р.). За счет корпусных служб несколько выросла с созданием корпуса и численность ландмилицких частей — на 1,4 тыс. чел. (5,4%)¹⁴³.

Помимо всего указанного, история ландмилиции в 1730-е гг. не может быть правильно понята без истории новых укрепленных пограничных линий, возможно, послуживших толчком к ее расширению в 1731 г. (Однако, несмотря на то что и проект расширения ландмилиции, и проект строительства линий разрабатывались и обсуждались фактически одновременно, первый практически никак не мотивирует расширение ландмилиции созданием новых линий¹⁴⁴).

137 РГАДА. Ф. 248. Кн. 555. Л. 265 в.

138 ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 234.

139 Там же. С. 214.

140 Там же. С. 216.

141 РГАДА. Ф. 248. Кн. 555. Л. 326 об. — 327.

142 ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 230; *Журавский Д. П.* Указ. соч. С. 36–38.

143 См. табл. 3 приложения 2 к наст. работе.

144 РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 1–2; 9–11.

§ 4. Строительство новых укрепленных пограничных линий

Формируемые 10 украинских и 4 закамских ландмилицких полка были предназначены для вновь создаваемых в то время Украинской и Закамской (или Ново-Закамской¹⁴⁵) пограничных линий.

В литературе существуют разные точки зрения на инициаторов создания Украинской линии, строительство которой было начато в 1731 г. и предполагалось тем же указом 15 января 1731 г., что и создание новых украинских ландмилицких полков. Большинство авторов считает, что в основе лежало предложение Миниха¹⁴⁶. Но Миних не был тогда президентом Военной коллегии, и, хотя и руководил фортификацией, план, с которым он приехал в начале 1731 г. в Москву, касался стационарных крепостей¹⁴⁷. Более вероятной можно считать версию А. А. Скальковского, считавшего автором проекта Украинской линии командующего Украинским корпусом генерала Вейсбаха, спроектировавшего ее под влиянием линии фландрских укреплений, построенной знаменитым Вобаном во Франции¹⁴⁸. Скальковский достаточно детально излагает план Вейсбаха, и тот факт, что он в начале 1830-х гг. с разрешением Воронцова объехал и обследовал большинство архивов Новороссийской губернии, может быть аргументом в его пользу.

Однако проект строительства линий, предложенный в конце 1730 г. в Сенат, предусматривает одновременное строительство всех трех пограничных линий — Украинской, Ново-Закамской и Царицынской, причем в самой идее линий и обеспечении их охраны несомненно отразилось влияние опыта использования прежних засечных черт по южным пограничьям с Диким полем¹⁴⁹ — линии представляют собой как бы новые черты, шагнувшие еще дальше в Дикое поле. Вероятно, идея такого строительства возникла еще ранее и восходит к предшествующему царствованию, так как к концу 1730 г. Сенат уже имел план Украинской линии,

¹⁴⁵ Историю ее строительства и судьбу см.: *Ведерникова Т. И.* Аграрное освоение и формирование населения Самарского Заволжья в сер. XVII — сер. XIX в. // *Классы и сословия России в период абсолютизма.* — Куйбышев, 1989. С. 21–23; *Смирнов Ю. Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. Гл. 1; *Буканова Р. Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997. Гл. 2.

¹⁴⁶ *Журавский Д. П.* Указ. соч. С. 33; *Баиов А. К.* С. 17.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 95–97.

¹⁴⁸ *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 1. — Одесса, 1836.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13–13 об.

составленный посланным для этого специальным указом Андреем Дебрины¹⁵⁰.

Строительство Украинской линии было необходимо, ибо южные губернии России продолжали страдать от набегов крымских татар. За период с 1713 по 1735 г. их было 35¹⁵¹. Однако реальные условия создания на огромной протяженности (данные о протяженности разнятся: Журавский — 800 верст; Скальковский — 385; Чеботарев — 268; Манштейн — около 400)¹⁵² цепи опорных крепостей (их число тоже разнится от 15 у Манштейна до 18 у Скальковского) на важнейших возможных путях набегов с сетью более мелких укреплений, объединенных земляным валом, в малозаселенной и маловодной степи между Днепром и Доном, со сложностями в транспортировке материалов на большие расстояния, делало новую линию тяжелым испытанием для однодворцев южных губерний и украинцев, силами которых она строилась и содержалась¹⁵³. В конечном счете уже к середине 30-х годов она оказалась неэффективной¹⁵⁴, что было признано сенатским докладом 28 сентября 1743 г.¹⁵⁵, и так и не была достроена.

Тяготы строительства линии выявились почти сразу же: только по октябрь 1732 г. из 37,4 тыс. человек (малороссийских казаков и жителей слободских полков) умерло 623 и бежало 2126 чел., то есть в общей сложности 7,3%¹⁵⁶.

Общая же картина податного бремени, легшего на строящих линию и содержащих ландмилицию однодворцев, достаточно подробно обрисована Д. П. Журавским¹⁵⁷. По его подсчетам, за 9 лет строительства на линию было выслано более 120 тыс. работников, только на содержание которых было затрачено около 600 тыс. руб.; общие убытки казны составили 1,9 миллиона, а численность однодворцев южных губерний, несмотря на естественный прирост, сократилась на 66,5 тыс. чел., то есть по 1% ежегодно¹⁵⁸. Однако не все эти потери можно отнести за счет строительства линии: содержание ландмилиции уже само по себе было тяжелым бременем — еще в 1734 г. А. И. Шаховской, подсчитав траты однодвор-

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13–13 об.

¹⁵¹ Чеботарев Б. В. Борьба за Приазовье в 1-й половине XVIII века и первые шаги по пути его хозяйственного освоения // Вопросы экономической истории и советского права. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1970. С. 161.

¹⁵² Скальковский А. А. Указ. соч. С. 4; Чеботарев Б. В. Указ. соч. С. 162; Манштейн Х. Г. Указ. соч. С. 67.

¹⁵³ Чеботарев Б. В. Указ. соч. С. 162.

¹⁵⁴ Манштейн Х. Г. Указ. соч. С. 67.

¹⁵⁵ ПСЗ. Т. XI. № 8787.

¹⁵⁶ Табель, представленная Миниху. (РГАДА. Ф. 11. Д. 429. Л. 23.)

¹⁵⁷ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 34–36.

¹⁵⁸ Там же. С. 36.

цев на содержание ландмилиционера, сделал вывод, что «...спомоществования им в год обойтись может едва ли не по толикому числу или и больше с душ, сколько подушных денег заплатить...», и предложил вместо принудительного набора ландмилиционеров набрать хотя бы один полк добровольно, из украинцев, привлеченных земельным обеспечением ландмилицкой службы¹⁵⁹. Кроме того, тяжелые людские потери и разорение однодворцев южных губерний вызвала русско-турецкая война, участвовавшая в наборе в ландмилицию, сбор лошадей туда же и на обеспечение армейских перевозок, которые тоже в большинстве своем осуществлялись набранными из однодворцев людьми. Генерал-майор Шипов доносил 1 апреля 1738 г., что только в набор 1737 г. однодворцы должны были поставить по 1 чел. с каждых 10 душ, по 1 лошади с 5,5 душ, по 1 четверти 3 четверика провианта с 10 душ, не считая фуража на драгунских лошадей и 110-копеечной подушной подати, и нарисовал яркую картину разорения однодворцев: «...самые лучшие и годные в службу однодворцы и с лошадьми разобраны в подводы под артиллерию... також многие разосланы в разные работы и посылки, и для рубки лесов, и возки к линии овса и соли... в Тавров к бочарной и бударной работе... и затем-де в дистриктах годных в службу людей и лошадей находится малое число, а в некоторых селах и деревнях и не находится...»¹⁶⁰.

Планы поселения ландмилицких полков по линии тоже встретили затруднения, так как сам набор в полки, их формирование, да и строительство самой линии шли медленно. (Сам ее план, подготовленный Дебрины, рассматривался и утверждался в Сенате только в конце февраля 1732 г.¹⁶¹) К 1735 г. едва начали селиться 9 полков¹⁶², и в основном только они и были поселены вплоть до 1742 г.¹⁶³

Одновременно строились и заселялись намеченные тем же проектом Царицынская¹⁶⁴ и Ново-Закамская линии. Конкретный план строительства первой из них также не принадлежал Миниху, поскольку в мае 1732 г. он представлял Сенату «...что ... о строении Царицынской линии решение учинено не по его чертежу, и в том ему обида учинена», но Сенат оставил прежнее решение в силе¹⁶⁵. Если на первой селили преимущественно казаков (хотя, очевидно,

¹⁵⁹ ПСЗ. Т. IX. № 6629.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 200–201 об.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 35.

¹⁶² ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 223.

¹⁶³ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 36.

¹⁶⁴ Точнее, тот ее участок, который не был построен в 1718–1723 гг.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 222 об., 223.

планировалось первоначально поселить один из создаваемых ландмилицких полков¹⁶⁶), то на последней также размещались ландмилицкие полки. Затраты на строительство Царицынской линии неизвестны, расходы на строительство Закамской за 1731–1735 гг. составили 114 091 р.¹⁶⁷, но она послужила недолго: в связи со строительством Оренбургской линии ее укрепления оказались в тылу, и уже к концу 30-х гг. поселенные по ней служилые люди были переведены на Оренбургскую¹⁶⁸.

На примере истории Украинской линии мы видели, как столь заманчивый для правительственных кругов план создания дешевых частей для обороны южных границ обернулся тяжким бременем для однопольцев, из которых они создавались: «...сооружение Украинской линии было памятно и тягостно для народа, и показывает в составителе этого плана более увлечения идеей, нежели знания средств ее выполнения»¹⁶⁹. Тем не менее строительство новых пограничных линий имело и свои положительные стороны, хотя и купленные иногда непропорционально дорогой ценой: линии положили начало освоению новых массивов Дикого поля¹⁷⁰, в какой-то степени обезопасили границы от набегов кочевников. Ландмилицкие войска, несмотря на все недостатки в их обеспечении и тяжесть их содержания для населения, оценивались очень высоко («это превосходнейшее войско в России»¹⁷¹) и сыграли свою роль во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

§ 5. Армейские соединения с особыми источниками финансирования. Низовой корпус и артиллерия

История Низового корпуса — особого соединения регулярной армии, не положенного на подушную и рассматривавшегося поэтому в правительственной политике обособленно, в основных чертах изложена в работах А. К. Баюва и С. М. Троицкого¹⁷².

Содержание Низового, или Персидского, корпуса, оставленного Петром I для охраны завоеванных персидских провинций и состоявшего в 1730 г. из 17 пехотных полков, всегда дорого обходилось

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1905. Л. 47 об.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 619. Л. 252 об.

¹⁶⁸ Ведерникова Т. И. Указ. соч. С. 22–23.

¹⁶⁹ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 35.

¹⁷⁰ О быстром освоении Поволжья в связи со строительством линий см.: Ведерникова Т. И. Указ. соч. С. 22; Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция...

¹⁷¹ Манштейн Х. Г. Указ. соч. С. 67.

¹⁷² Баюв А. К. Указ. соч. С. 2; Прим. 6 в т. 1 основного текста. С. 6–7; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 228–229.

русскому правительству, к тому же велика была смертность, преимущественно от болезней, и малы шансы удержаться в Персии, где русское правительство фактически контролировало лишь узкие зоны каспийского побережья вокруг крепостей. Все эти мотивы обсуждались уже на заседании ВТС в 1726 г. и легли в основу изложенного в докладе императрице мнения 31 марта того же года о необходимости вернуть персидские провинции Персии, выбрав только удобный момент, чтобы не допустить туда турок¹⁷³. В поданном в январе-феврале 1731 г. Анне Иоанновне мнению тогдашний президент Военной коллегии кн. В. В. Долгорукий еще раз вернулся к этому вопросу: «Вошли в персидские дела — сколько людей потеряли, какую великую сумму... кроме многотысячным счетом людей потеряно без всякой пользы... Сходственно ли содержать? ...и хотя бы мы, что имеем в Персии провинции... хотели за собой удержать, то никак не можно: или от турок, или от персиан выбиты будем, с стыдом и убытком принуждены будем ретироваться, и зело будем сожалеть сего благополучного времени. Персицкой комут с шеи снять случай без стыда есть»¹⁷⁴.

Эта идущая с 1726 г. тенденция внешней политики России в конце концов воплотилась в заключение 21 января 1732 г. Рештского договора с Ираном, по которому Гилян, Мазендаран и Астрабад возвращались Персии и содержалось обещание возвращения Баку и Дербента¹⁷⁵, что позволило наконец Миниху осуществить высказанное Долгоруким¹⁷⁶ намерение вывести корпус из персидских провинций, а также хотя бы частично сократить его, расформировав на укомплектование других армейских полков пять полков этого корпуса¹⁷⁷. В том же докладе 19 июня 1732 г. были подведены и краткие итоги предшествующего периода его существования: за 10 лет потери в людях составили 42,7 тыс. чел., то есть 114% его личного состава на 1732 год; содержание корпуса обходилось в миллион рублей в год, то есть почти в 1/8 государственного бюджета России (в том числе 17 пехотных полков, содержащихся помимо подушной — в 619,5 тыс. руб.¹⁷⁸). Доходы с персидских провинций не покрывали расходов на содержание корпуса. В 1733 г. было решено расформировать 5 полков¹⁷⁹ и оставить 12, но, оче-

¹⁷³ Сб. РИО. Т. 55. С. 147, 162.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 215. Л. 105 об. Подробнее см.: *Петрухинцев Н. Н.* Опальный фельдмаршал // Родина. 1993. № 11.

¹⁷⁵ Некрасов Г. А. Роль России... С. 80.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 215. Л. 105 об.

¹⁷⁷ Содержание доклада Миниха от 19 июня 1732 г. изложено в кн.: *Баиов А. К.* Указ. соч. Т. 1. Прим. 6.

¹⁷⁸ См. таблицу 4 приложения 3 к наст. работе.

¹⁷⁹ Их подробный перечень с названиями См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. Приложения. Т. 1. С. 4.

видно, исполнение этого решения было ненадолго отложено¹⁸⁰, так как в 1734 г. они еще финансировались¹⁸¹.

Принятие решения о частичном расформировании корпуса вело к сокращению численности русской армии, а расходы на сам корпус сократились бы более чем на 30%¹⁸². Но одновременно с выводом из Персии финансирование корпуса стало осуществляться целиком из общегосударственной кассы, поэтому в дальнейшем недоплаты на корпус стали систематическими¹⁸³.

Артиллерия в правительственной политике также рассматривалась обособленно, хотя задача выработки новых артиллерийских штатов и была поставлена в программу работ Военской комиссии, что, однако, свидетельствует о недостаточной осведомленности правительственных кругов. Эта задача, поставленная в связи с общим пересмотром и уточнением армейских штатов в 1720–1725 гг., решалась уже давно, но, очевидно, новые штаты артиллерии, представленные на рассмотрение в 1723 и 1724 гг., чем-то не удовлетворили правительство и не были утверждены¹⁸⁴, поэтому они в 1729–1730 гг. были вновь разработаны Минихом и переданы в сентябре и октябре 1730 г. в Военную коллегию¹⁸⁵. Они также не были утверждены, но уже начали осуществляться на практике: «...хотя оной (т. е. новый штат — *Н. П.*) еще не подтвержден, однакож за фундамент употребляется, по которому разделенные департаменты артиллерийские ныне надлежащим порядком производятся...»¹⁸⁶. А. К. Баиов обнаружил даже два варианта миниховских штатов артиллерии, предусматривающих организацию особого артиллерийского корпуса со своим командованием («генералитетом»), в одном случае состоящего из одного артиллерийского полка (что и осуществилось на практике), в другом — двух¹⁸⁷.

Новые штаты разрабатывались для крепостей, полевой и осадной артиллерии с целью экономии средств¹⁸⁸, поэтому работа Миниха над ними заключалась фактически в перераспределении числа орудий между полевой и осадной артиллерией при общем их незначительном увеличении (со 131 до 147)¹⁸⁹. Полевая артиллерия ста-

¹⁸⁰ Доклад А. Маслова императрице от 3 янв. 1734 г. (РГАДА. Ф. 11. Д. 619. Л. 19).

¹⁸¹ Как свидетельствует приводимая Л. Г. Бескровным ведомость о штате армии на 1734 г. (*Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 55).

¹⁸² См. таблицу 5 приложения 3 к наст. работе.

¹⁸³ *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 229.

¹⁸⁴ *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 10–13.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 387. Л. 349 об. Доклад Миниха (март 1733 г.).

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Баиов А. К.* Указ. соч. Приложения. Т. 1. С. 15–20.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 387. Л. 349 об.

¹⁸⁹ Подсчитано по сведениям, приводимым А. К. Баиовым.

новились более мощной, увеличивая почти вдвое число орудий, осадная же несколько сокращалась, в основном за счет пушек, но при этом увеличивалось число мортир, составивших более половины всех орудий осадной артиллерии¹⁹⁰. А. К. Баиов сделал вывод о том, что это было связано с намерением использовать часть полевой артиллерии в случае необходимости как осадную¹⁹¹. Довольно положительно оценил он и введение нового трехфунтового калибра в полевой артиллерии¹⁹².

Несмотря на стремление к экономии, введение новых штатов привело к некоторому увеличению личного состава¹⁹³. В дальнейшем в царствование Анны Иоанновны артиллерия изменилась только в ходе русско-турецкой войны: в 1737 г. в связи с опытом кампании 1736 г. полковая артиллерия была увеличена вдвое (до четырех орудий в пехотном полку и двух — в драгунском), и в том же году разработаны новые штаты осадной артиллерии уменьшенного состава, осуществившие давнее намерение разделить ее на три корпуса¹⁹⁴. Отрицательными последствиями миниховских реформ русские специалисты по артиллерии считали обычно не изменения в составе и калибрах артиллерии, а изменения в конструкции и утяжеление самих орудий.

Причиной обособленного подхода к артиллерии в правительственной политике, обусловившей как бы периферийное положение артиллерийских проблем в ней в начале 1730-х гг. (все указанные вопросы решались фактически в военном ведомстве, не выходя на уровень серьезного обсуждения в Сенате до русско-турецкой войны, потребовавшей усиления артиллерии), явился особый источник ее финансирования: подушный сбор с посадских (120-копеечный) и часть 4-гривенного сбора с государственных крестьян. Он не ставил так остро для дворянского правительства вопросы податной политики, как ставили их размеры налогообложения и порядок взимания податей с владельческих крестьян, даже несмотря на гораздо более значительную недоимку по сборам на артиллерию.

С 1724 г. по май 1733 г. недоимка составила 765 708 р., то есть 28,4% оклада¹⁹⁵. В дальнейшем она несколько колебалась во времени: в 1736 г. составляла 650 тыс. р.¹⁹⁶, то есть 13,7% оклада, но затем опять увеличилась до 870 000 р. на 1738 г.¹⁹⁷, или до 20,7%.

¹⁹⁰ Баиов А. К. Указ. соч. Т. 1. С. 10–13.

¹⁹¹ Там же. С. 13.

¹⁹² Там же. С. 10.

¹⁹³ См. табл. 2, 3 приложения 2 к наст. работе.

¹⁹⁴ Баиов А. К. Указ. соч. С. 8.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 387. Л. 847.

¹⁹⁶ Там же. Кн. 1147. Л. 357.

¹⁹⁷ Там же. Кн. 1175. Л. 337.

Реальный недостаток сумм на артиллерию был меньшим: за период до 1734 г. она получила из других источников 270 294 р.¹⁹⁸, то есть фактически было недополучено за это время лишь 18,35% оклада, но, естественно, и эта сумма очень значительна. Практика получения дополнительных средств сохранялась и далее: за девять лет, с 1733 по 1741 г., Артиллерийская канцелярия получила из дополнительных источников (с зачетом некоторых невыплаченных ей самой сумм в оклад) 638,6 тыс. р., то есть около 24% оклада за эти годы¹⁹⁹. Правда, значительная часть этих средств была израсходована на увеличение полковой артиллерии.

Фортификационная контора, ведавшая строительством и содержанием крепостей, при бюджете в 70 000 руб., установленном по представлению Миниха в феврале 1730 г.²⁰⁰, также недополучила за 1730–1734 гг. 261 тыс. руб., то есть 25,4% оклада, но тем не менее не израсходовала даже и этой суммы²⁰¹. Не связанная источником своего финансирования (получая деньги из Штатс-конторы²⁰²) и незначительностью суммы с серьезными социальными и финансовыми проблемами, она также редко становилась объектом пристального внимания правительственной политики, в которой, очевидно, доминировали в данном случае преимущественно военные интересы: наибольший расход сумм по ней приходится на 1730 и 1734 гг., то есть связан с началом осуществления программы ремонта крепостей, представленной Минихом, и возможной угрозой войны с Турцией, возникшей осенью 1733 г.²⁰³

Таким образом, практически все подразделения вооруженных сил, несмотря на различие источников их содержания, недополучили значительные суммы. В лучшем положении была только полевая армия, определенная на подушную с крестьян, где сумма недоимки всегда была меньшей. Вместе с тем преобразования 1730–1731 г., несмотря на четко выраженное в планах многих из них намерение достичь экономии средств, в конечном счете привели к росту численности армии на 7,8% и расходов на нее — на 9,3% (учитывая чрезвычайные — на 9,6%) по сравнению с 1729 г.²⁰⁴ — максимальному за первую половину аннинского царствования, что еще более обостряло финансовые проблемы страны.

198 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1137. Л. 197–197 об.

199 Там же. Л. 79–80.

200 ПСЗ. Т. VIII. № 5505.

201 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1137. Л. 197–197 об.

202 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 178–200.

203 ЦГАДА. Ф. 177. 1733 г., Д. 4.

204 См. таблицы 2, 3, 4, 5 приложений 2 и 3 к наст. работе.

* * *

Анализ основных мотивов правительственной политики, проявившихся в конкретных мероприятиях в военной области в начале 30-х гг., проделанный на предшествующих страницах, показывает, что в основе ее лежал целый комплекс разнородных, но тесно связанных друг с другом причин.

1. Разбросанность во времени всех этих мероприятий, отсутствие прямых указаний в официальной их мотивировке на какую-то очередность показывает, что в основе первых изменений в армии не лежал какой-то изначально выработанный, систематический и детально разработанный план. Отдельные акции в военной области, даже, казалось бы, тесно связанные друг с другом (как, например, создание двух новых гвардейских полков) разрабатывались и осуществлялись обособленно друг от друга. Обособленность эта была обусловлена как различием целей, ставившихся правительством в каждом конкретном случае, так и известной автономностью различных частей армии, финансировавшихся из разных источников — а последнее обуславливало, в свою очередь, и разную степень остроты экономических и социальных проблем, которые разрешали, или, наоборот, ставили военные реформы.

2. Несмотря на отсутствие единого плана преобразований, нельзя не отметить, что вышеуказанные изменения были все-таки следствием в известной степени единого подхода к военным проблемам. Его воздействие проявилось в той взаимосвязи, которая ощущается в преобразованиях начала 30-х годов: несмотря на раздельное рассмотрение проблем, в целом круг рассматривавшихся вопросов был достаточно широк и охватывал почти все звенья вооруженных сил. Часто эта взаимосвязь проявлялась и в официальной мотивировке: так например, создание ландмилиции в конечном счете стало мотивироваться необходимостью охраны Украинской линии и увязывалось с сокращением полков регулярной армии. Хотя проект о расширении ландмилиции, рассматривавшийся в Сенате, не связывал его с созданием новых линий, второй проект (о построении линий) уже прямо предусматривал поселение по ним ландмилицких полков, хотя и не ссылаясь на первый. Объединивший тот и другой проекты указ 15 января 1731 г. говорил о создании украинской ландмилиции уже именно с целью поселения при линии.

3. Характерной чертой этого единого подхода, особенно ярко проявившейся в позиции, занимаемой Сенатом, было доминирование на этом этапе социальных и финансовых мотивов над мотивами чисто военными, рельефнее всего обозначившееся в 1730 г.

Несомненно, что, проводя преобразования в армии, правительство следовало прежде всего курсу на облегчение податного бремени

крестьянства (в первую очередь помещичьего, что наиболее очевидно выразилось в работе Военской сухопутной комиссии 1730–1732 г.). На это отчетливо ориентировано и создание ландмилиции как более дешевого вида войск, комплектовавшегося из однодворцев, а не из крестьянства владельческого, дававшее возможность облегчить для последнего несение рекрутской повинности. Вывод из Персии Низового корпуса и раскассирование его также прямо рассматривались В. В. Долгоруким как средство облегчения рекрутчины («...сколько бы лет могло государство отдохнуть от набора рекрутского...»²⁰⁵).

Второй группой социальных мотивов в военной политике правительства была реакция на стремление дворянства облегчить свои сословные обязанности по несению военной службы. Проявилось это прежде всего в расширении в армии сословных военных контингентов — создании двух новых гвардейских полков — в котором, как представляется, не было острой военной необходимости. Тот же мотив читается и в создании Кадетского корпуса, хотя здесь в большей степени сказались и цели военные — создание учебного заведения для подготовки высокопрофессиональных офицеров было необходимо армии.

В этих двух акциях сословные стремления дворянства отчетливо сочетались с политическими намерениями правительства: с одной стороны, они были практической реализацией дворянских требований и планов, вынашиваемых в первое послепетровское пятилетие, и, следовательно, прямой уступкой дворянству; с другой стороны, они были ориентированы на создание таких военных контингентов и воспитание такого слоя людей, которые могли бы стать опорой правящей группировки. Ту же линию продолжали планы ограничения срока дворянской службы, почти одновременно выдвинутые Военской комиссией в пункте о создании кирасирских полков, о которых будет рассказано в следующей главе.

4. Единство подхода, проявившееся в рассмотрении военных проблем, было результатом комбинации по меньшей мере двух факторов.

Во-первых, его следует рассматривать как результат унаследованного от двух предшествовавших царствований намерения осуществить комплексный анализ военных проблем в связи с стремлением ограничить «тягости народные», наиболее ярко выраженного в январском манифесте 1727 г. (тогда определившегося даже более четко, но не реализованного).

Вторым обстоятельством, обусловившим это единство, было также отчетливо высказанное в правительственной политике Анны Иоановны намерение решить задачу, поставленную еще Пет-

ром I, — завершить разработку государственного штата через разработку штатов всех государственных учреждений, в том числе и стабильных штатов всех основных подразделений армии. Это должно было упорядочить расходование государственных средств, дать четкую картину государственных потребностей в людях и в деньгах, определить наконец, раз и навсегда, структуру доходной и расходной части госбюджета. В предшествующее царствование в военной области это выразилось, в частности, в определении штатов Инженерного корпуса в 1728 г.; в царствование Анны Иоанновны — в разработке новых штатов артиллерии под руководством Миниха, в подготовке новых штатов сухопутной армии Воинской комиссией и новых штатов гвардейских полков по их образцу, а некоторое время спустя — и новых штатов флота Воинской морской комиссией.

5. Мощным катализатором и регулятором военных преобразований было состояние государственных финансов. Создание новых военных контингентов рождало новые статьи военных расходов, средства на которые, как правило, находились лишь после длительных поисков. Правительство не имело, конечно, такой картины военных расходов, которая дана в таблице 4 приложения 3, и той сводной картины недоимок, которую можно получить из предшествующего изложения, ибо они построены в основном на материале, поступившем в центральные ведомства за период с 1732 по 1738 гг., когда основная часть планов преобразований в армии была уже реализована, да и тогда эти сведения поступали в виде разрозненных сводок, разделенных месяцами и годами, не сводились воедино и не анализировались, забывались и создавали в сознании бюрократической верхушки картину, подобную пестрому лоскутному одеялу. Тем не менее общее представление о слабости военного и государственного бюджета страны, постоянно подогреваемое донесениями Штатс-канцелярии и военного ведомства, практикой службы многочисленных родственников и знакомых, всегда наличествовало в сознании ее представителей и приводило к весьма настороженному приему любых шагов в военной области, связанных с увеличением расходов. Несомненно поэтому, что, хотя правительство и не всегда имело четкую картину, существенный рост военных расходов в 1730–1731 г. в связи с созданием гвардейских полков и ландмилиции, даже при незнании его истинных размеров, был очевиден и мог повлиять на оценку и восприятие работы Воинской сухопутной комиссии, а также мог сказаться и на создании Воинской морской комиссии в 1732 г.

6. Принимая в расчет все вышеуказанные особенности правительственной политики в военной области, не следует, конечно, сводить ее только к финансовой и социальной проблематике и сбрасывать со счетов чисто военные цели. Несомненно, что они были,

что в сознании представителей бюрократической верхушки прочно укоренилась мысль о необходимости для России иметь мощную и многочисленную сухопутную армию. Доказательством этого служит отсутствие каких-либо планов радикального сокращения армии в правительственных кругах и прямой критики петровской военной политики (исключая персидскую), а также стремление сохранить общую численность вооруженных сил, хотя и меняя соотношение между ее подразделениями (что выразилось в планах замены части регулярных полков ландмилицкими). Само создание ландмилицких частей было попыткой решить военную проблему охраны южных рубежей, с которой тесно связанным оказалось и строительство новых укрепленных пограничных линий, а социальные мотивы сказались в основном в *форме* ее реализации. Еще более отчетливо военные цели проявились в работе Воинской комиссии о сухопутной армии.

7. Помимо этого следует учитывать также и несовпадение целей военного ведомства и верхушки гражданской администрации, а также различие в подходе к военным проблемам между разными правительственными группировками. Так, например, военное ведомство, не получая одобрения в Сенате, часто искало и находило поддержку в Кабинете министров или у самой императрицы. Это приводило к тому, что планы ни той, ни другой стороны, как правило, в полном объеме не реализовывались. Наглядный пример тому — тот факт, что первоначальные намерения Сената расформировать после увеличения ландмилиции 6 армейских полков, очевидно, из-за сопротивления военных, так и не были осуществлены. Еще отчетливее это продемонстрирует работа Воинской сухопутной комиссии.

8. Реализация планов армейских преобразований, как это обычно и бывает, на практике чаще всего вела не к тем последствиям, на которые рассчитывали правительственные и военные круги. Нагляднее всего, пожалуй, это проявилось в строительстве Украинской линии и планах расселения при ней ландмилицких полков. Идеальные намерения вернуть хотя бы частично однодворцам прежний сословный статус и при этом не выйти из рамок «тяглой справедливости»²⁰⁶ в их обложении пропорционально другим сословным категориям, обернулось для них существенным ростом повинностей (хотя на конечных итогах его сказались и конъюнктурные факторы периода русско-турецкой войны). Расходы на вновь образуемые воинские контингенты сразу или через некоторое время на практике превышали планируемые; изысканные источники финансирования не покрывали, как правило, штатных потребностей, так как доходы собирались с большой недоимкой.

²⁰⁶ Термин предложен Е. В. Анисимовым (Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 178).

Все это должно было отразиться на состоянии частей, особенно — на содержании малоимущих офицеров: по представлению о воинских проблемах 1744 г. содержать себя собственным жалованием, не прибегая к собственным средствам, даже при условии его полной выплаты, могли в русской службе офицеры только начиная с капитана и майора полевых полков²⁰⁷. Ясно, что это понуждало к служебным злоупотреблениям и воровству.

* * *

Таков был фон, на котором развернулась деятельность Воинской сухопутной комиссии. Большинство этих мероприятий, спланированных и осуществляемых уже после определения программы ее работы, должны были поставить возможное достижение ее целей под сомнение: резкий рост военных расходов в 1730 и особенно в 1731 г., даже не запланированный, как это было в случае с созданием ландмилиции (поскольку компенсации из-за отказа расформировать 6 полевых полков не произошло), требовал изыскать источники их покрытия, а найти их было негде. Это ставило под сомнение достижение социальных целей в программе комиссии, и, вероятно, должно было оказать влияние на темпы и характер ее работы, подробно характеризующейся в следующей главе.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 20. Д. 169. Л. 13 об.

Глава 3

ВОИНСКАЯ СУХОПУТНАЯ КОМИССИЯ 1730–1732 гг. И ОБЩИЕ ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СУХОПУТНОЙ АРМИИ В 1730–1740 гг.

§ 1. Деятельность Военской сухопутной комиссии 1730–1732 гг.

Охарактеризованные в предыдущих главах военные преобразования начала 1730-х гг. в основном затрагивали те подразделения армии, которые финансировались из особых источников. Главный же комплекс вопросов, связанных с основным ядром регулярной армии, финансировавшимся за счет подушной подати с крестьян, должна была решить Военская комиссия, намеченная в правительственной программе 1 июня 1730 г.

Деятельность ее изучалась преимущественно военными историками дореволюционной России¹ и в основном лишь по отражению ее итогов в ПСЗ².

Большинство авторов принадлежали к элите русских военных историографов, сосредоточенной в Академии генерального штаба³. Это обусловило достаточно высокий для своего времени уровень исследований, позволивших дать объективную оценку работе Комиссии в целом. И тем не менее Военская комиссия оказалась изученной недостаточно глубоко, так как исследовалась она преимущественно в чисто военном аспекте, вне контекста конкретной политической ситуации, в которой авторы довольно поверхностно ориентировались; никто из них не ставил своей задачей собственно анализ деятельно-

¹ Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности. — СПб., 1859. Гл. 2.; Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. — М., 1883. С. 87–94; Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. Ч. 1. Гл. 1. В советское время некоторые аспекты работы комиссии охарактеризованы в работе Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII в.» — М., 1958. Гл. 2.

² ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. (книга военно-сухопутных штатов). С. 55–187.

³ Русская военная мысль (конец XIX — начало XX века). — М., 1982. Гл. IV.

сти комиссии; практически не использовались архивные материалы. Вследствие этого 1) почти не затрагивались вопросы о причинах появления комиссии, связи ее с предшествовавшими этапами внутренней политики России; 2) отходил на второй и даже третий план социальный аспект ее работы; 3) не ставился вопрос об этапах последней и 4) даже чисто военные аспекты ее деятельности, то есть влияние ее на армию с точки зрения ее боеспособности, тактики, организации не были подвергнуты достаточной разработке.

Появилась комиссия в период осмысления результатов петровских реформ, когда самой действительностью определялась степень их живучести. Для вооруженных сил России это было время проверки петровской военной доктрины, принципов построения и структуры армии, осложнявшейся пятилетним бездействием военного механизма, созданного Петром. Это порождало и специфические проблемы, вызванные переходом армии, до того почти непрерывно воевавшей, к мирному положению.

В первую очередь, проблему сохранения ее боеспособности, логически требовавшую создания системы обучения войск в мирное время, проверки их боеспособности, обеспечения всего этого соответствующими документами и уставами. Кроме того, это давало возможность поразмыслить над тем, нужны ли в мирное время какие-то перемены в численности и структуре русской армии.

Все это осложнялось еще и сменой руководства армией, непосредственно отразившейся и на работе Военной комиссии: руководство перешло от выросших на боевом опыте русской армии в ходе Северной войны в крупных военачальников фельдмаршалов М. М. Голицына и В. В. Долгорукого к воспитаннику западноевропейской школы Б. Х. Миниху.

Вопрос о создании комиссии об армии был поставлен впервые в проекте манифеста 9 января 1727 г. Более того, эта комиссия под главенством Меншикова, как тогдашнего президента Военной коллегии, была создана, но в это время, насыщенное ожесточенной борьбой и интригами, результатом которых явился арест и ссылка самого Меншикова, почти не проявила себя. Вторая попытка создания комиссии об армии была предпринята в октябре 1729 г.⁴ Таким образом, создание Военной комиссии в 1730 г. было уже третьей, и только на этот раз оказавшейся успешной, попыткой.

Основной комплекс военных проблем, которые должна была решить комиссия, был изложен в указе 1 июня 1730 г.⁵, определившем в 15 пунктах четкую программу ее деятельности. В ней явно выделяются по меньшей мере три основных блока вопросов.

⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5474.

⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5571.

Первый касался численности и структуры армии.

Комиссия должна была рассмотреть состав генералитета, полковой штат, штат лошадей при полках, определив при этом: целесообразен ли прежний численный состав полка; необходимо ли сохранение гренадерских рот как самостоятельных боевых единиц в составе полка; возможно ли снижение числа нестроевых при полках, а также числа лошадей (пп. 1–4).

Второй блок решал проблемы материально-финансового обеспечения армии, естественно, менявшегося с изменением ее структуры. Пункты 5–8 касались снабжения армии: 5 — мундира (расходов на него и порядка его изготовления); 6 — солдатской амуниции и оружия, с ориентиром на окончательное введение единого калибра во всей армии; 7 — снабжения армии провиантом и фуражом; 8 — жалования. Пункт 9 предполагал установление единого порядка полковой отчетности.

Третий блок был самым разнородным. Первая его часть была непосредственно связана с системой поддержания боеспособности армии в мирное время: 10, 11, 15 пункты предусматривали создание службы инспектирования армии; введение новых правил и уставов для ее обучения («экзерции») и новых воинских уставов («воинских артикулов»). 12 пункт предлагал рассмотреть круг вопросов, связанных с «солдатскими детьми» (в основном проблемы их содержания и обучения в гарнизонных полковых школах).

13 и 14 пункты предусматривали выработку нового штата артиллерии (что является аргументом против участия Миниха в составлении указа о программе работ комиссии, так как штат артиллерии им был уже разработан к этому времени) и медицинской части армии.

Но задачи комиссии не ограничивались решением только военных проблем. Оно должно было осуществляться одновременно с сокращением расходов на армию: «Дабы обстоятельно ведать можно было, что и какая сумма именно на содержание войска необходимо потребна; и Мы потом, по милосердному нашему желанию во облегчении народном в подушных деньгах на содержание войска всемилостивейшее определение учинить могли...»⁶. Таким образом, главной целью правительства, рассматривавшего, очевидно, комиссию лишь как одно из звеньев в цепи крупных внутривластных мероприятий, было предполагаемое сокращение ставки подушной, проведенное, по возможности, так, чтобы сокращение расходов на армию не затрагивало ее боеспособности. Эта цель совпадала и с поставленной в январском манифесте 1727 г. перед планировавшейся тогда Воинской комиссией: «...надлежит иметь прилежное рас-

суждение как о сухопутной армии, так и о флоте, дабы оные без великой тягости народной содержаны были»⁷.

Очевидно также, что помимо снижения ставки подушной правительственные планы предусматривали и облегчение рекрутской повинности. Прямо заявлено это было в тексте п. 12 о солдатских детях: «дабы от них впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло»⁸. Косвенное подтверждение можно усмотреть и в содержании проекта о расширении ландмилицких полков, обсуждавшегося еще до начала декабря 1730 г.: «...покамест крестьяном ко облегчению тех рекрутских наборов способ показан будет...»⁹, что, видимо, отражало представления авторов проекта о задачах начавшей работу Военной комиссии. Социальные цели комиссии четко читаются и в формулировке п. 7 (о провианте): «...об изобретении таких способов, через которые... оная дача без обиды войску всегда исправно учреждена, а при том, сколько возможно, ко облегчению народному, казне нашей польза и бережение учинены были»¹⁰.

Социальные цели, поставленные перед комиссией, таким образом, органически вписывались в обрисованный в первой главе внутриполитический курс Анны Иоанновны, и достижение их должно было в конечном счете обеспечить успех формирующейся в то время ее внутриполитической программы. Облегчение податных тягот для крестьянства, бывшее прямым ответом на дворянские требования 1730 г., сочеталось в них с попыткой достичь комплексного улучшения состояния армии, также отвечавшей на дворянские проекты.

В частности, на пункты 8 и 9 проектов Чернышева-Черкасского («361-го») и Матюшкина — Дмитриева-Мамонова: «О порядочном произвождении офицеров и солдат и исправной заплате жалованья рассмотрение учинить, чтоб на сроки могло приходиться»¹¹, и, может быть, в еще большей степени, на соответствующие пункты «Присяги» верховников: «Всем обще иметь немалое попечение о добром состоянии сухопутной армии, о гвардии и флоте, чтобы было содержано в добром порядке, и жалованье и прочее удовольствование против государственных уставов в свое время давать сполна без продолжения убытков»; 10) «О солдатах и о матрозах смотреть как над детьми Отечества, дабы напрасных трудов не имели, такожде жалованьем и прочим удовольствованием... давать сполна...»¹².

⁷ РГАДА. Ф. 16. Д. 77. Л. 2 об.

⁸ ПСЗ. Т. VIII. № 5571.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 2.

¹⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5571.

¹¹ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 45 об., 49 об. — 50.

¹² Там же. Л. 21 об. — 22.

Следовательно, Воинская комиссия 1730–1731 гг. как самим фактом своего появления, так и программой деятельности была обязана сложному сплетению обстоятельств: она была одним из составных элементов внутриполитического курса Анны Иоанновны, продолжавшего тенденцию внутренней политики ВТС и одновременно отражавшего борьбу шляхетства за свои права — реакцией на требования дворянства и попыткой решить проблемы, оставшиеся нерешенными со времен ВТС. Отсутствие резкого разрыва с его политикой обуславливалось и сохранением прежней финансовой ситуации.

По подсчетам С. М. Троицкого дефицит бюджета России на 1725 г. при сумме его доходной части в 8,787 млн. руб. составлял 354 тыс. р.¹³, при том, что общая сумма расходов на армию превышала 70% бюджета¹⁴. Дефицит этот в некоторой степени был устранен за счет реформы центрального и местного управления в 1726–1728 гг., но, вследствие ликвидации тогда же казенных монополий на соль, табак и другие товары, доходы казны по этим статьям резко упали¹⁵.

Формально это не очень затрагивало полевую армию, расходы на которую определялись суммой подушной, прямо направлявшейся в армейский бюджет, но и внутри него продолжал существовать дефицит. Расходы на армию продолжали определяться по табели 1720 г. в общей сумме 4 млн. р., но вследствие снижения ставки подушной в 1725 г. с 74 до 70 коп. номинальная собираемая сумма (без учета недоимки) была меньше окладной, по подсчетам Военной коллегии, пользовавшейся материалами податной комиссии Д. М. Голицына, на 216 216 р. (по уточненным последней данным, в действительности сумма дефицита должна была быть несколько меньшей — примерно 161 тыс. р.)¹⁶. Учитывая сверхтабельные расходы, определяемые Военной коллегией в 42 тыс. р., и жалованье губернаторам (37 740 р.), выплачиваемое из остаточных от окладных расходов табельных сумм¹⁷, получим общую сумму дефицита не менее 240 тыс. руб., то есть около 5%. Средний размер недоимки по подушной за 1724–1727 гг. определяется в 6,2%¹⁸, следовательно, общая сумма реального армейского дефицита к 1730 г. колебалась в размере 10–11% оклада. Начиная с первого года, когда полностью за весь год собиралась подушная (с 1725), было проведено троекратное снижение подушной подати путем отмены сбора

¹³ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 226.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Там же. С. 164, 169, 174, 177.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 367 об.

¹⁷ Там же. Л. 266 об.

¹⁸ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 267.

майской трети (1727, 1728, 1730), за счет чего армия должна была недополучить за 6 лет в общей сложности 16,2% положенной на нее суммы, но это снижение было частично покрыто доходами, полученных за счет эксплуатации монетной регалии (выпуска медных пятикопеечников по облегченной стопе). Недобор же от снижения ставки подушной на 4 коп. не компенсировался ничем, и для его покрытия с 1728 г. вернулись к уплате жалованья по табели 1712 г., а также к системе вычетов по 1 коп. с каждого рубля полевой армейской суммы, которая, однако, не была проведена на практике¹⁹. Тем не менее сохранявшийся дефицит, очевидно, не был катастрофическим и частично компенсировался в мирное время за счет некомплекта в полках. Однако сохранявшаяся напряженность в финансовом положении армии, содержащейся за счет подушной, могла стать к тому же очагом социальной напряженности: недовольство снижением жалованья, задержками в его выплате могло превратить армию, в которой усиление немецкой группировки при дворе вряд ли могло быть принято благосклонно, во враждебную ей политическую силу. Таким образом, Военная комиссия должна была за счет некоторой реорганизации армии компенсировать 4-копеечное уменьшение подушной и добиться дальнейшего сокращения ее ставки.

Выдвижение на первый план неотложных финансовых и социальных проблем, связанных с подушной податью, привело к тому, что область деятельности комиссии была сужена по сравнению с комиссией, планировавшейся в 1727 г., объектом которой должны были стать все вооруженные силы: в основном это полевая армия, положенная на подушный сбор. Более узким был и состав комиссии (только военные), тогда как в комиссию 1727 г. планировалось включить одного сенатора, одного члена ВТС, президента Камер-коллегии «и протчим ис той коллегии, кому заблагорассуждено будет, которые могут рассмотреть положенный оклад как на армию, так и на флот»²⁰. (Правда, в составе комиссии 1730 г. были даже три сенатора — М. М. Голицын, Г. Д. Юсупов и И. Ф. Барятинский — но они выступали в качестве военных специалистов)

Отсутствие в ее составе представителей финансовых органов сказалось на том, что ее члены сосредоточились преимущественно на военных вопросах, не имели подчас широкого взгляда на финансы, не представляли себе сложности общебюджетных проблем, а четко определенная программа деятельности, предписывающая разбирать пункт за пунктом, привела к тому, что деятельность комиссии протекала в строго отведенных ей бюрократических рамках.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 266 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 77. Л. 2 об.

Работу комиссии можно разбить на *два этапа*. Правильней будет даже говорить о двух отдельных комиссиях, различавшихся 1) принципами, положенными в основу реформы армии; 2) составом и 3) даже местом работы — а) комиссии М. М. Голицына (9 июня 1730 — 7 марта 1731 г.) в Москве и б) комиссии Б. Х. Миниха (8 марта 1731 г. — май 1732 г.) в Петербурге.

Обе комиссии работали достаточно оперативно: основная работа была проделана ими почти за одинаковый срок. С июня по конец ноября 1730 г. комиссия Голицына успела подать мнение по семи основным пунктам (с 1 по 8, за исключением п. 7 о провианте, так как не были своевременно поданы необходимые ведомости из Провиантской канцелярии)²¹; с 21 марта по 13 сентября 1731 г. комиссия Миниха проделала тот же объем работы.

Они одинаково исходили из оригинальной для того времени идеи мирного штата армии, которую, однако, нельзя считать изобретением ни Голицына, ни Миниха. Впервые она была выдвинута в сенатском докладе 6 октября 1725 г.²², и возможность его введения серьезно рассматривалась правительством уже в 1727 г.²³

В основу работы голицынской комиссии было положено почти полное сохранение структуры и численности армии по табели 1720 г. в военное время и достаточно незначительное — 1,5% — сокращение ее в мирное время²⁴ в основном применительно к нестроевым в полках. Общее направление и характер этого сокращения довольно сильно напоминает пересмотр штата 1711 г. в 1720 г.²⁵

Генералитет в тогдашнем широком понимании этого слова (Генеральный штаб армии с обеспечивающими его службами) сокращался в основном в мирное время за счет упразднения и сокращения отдельных служб (адъютантского штата, квартирмейстерской, управления обозом, почтмейстерской, фискалов, подвергшихся затем сокращению также и на полковом уровне), а также за счет канцелярских служащих на 25% (на 10% — расходы на него), и в военное — на 6% (2,5%)²⁶.

В основном, втором пункте программы, определяющем все направление реформы армии, комиссия решительным образом высказалась за сохранение в составе полка гренадерских рот как самостоятельных боевых единиц и даже желательность введения их во всех гарнизонных полках²⁷.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 347. (донесение об итогах работы от 4 янв. 1731 г.).

²² ЧОИДР. 1897. Т. 2. «Смесь». С. 29–34.

²³ РГАДА. Ф. 16. Д. 77. Л. 31–33.

²⁴ См. таблицу 9 приложения 3 к наст. работе.

²⁵ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 15–38. К № 3511.

²⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 28–29.

²⁷ Там же. Л. 34.

После того как в 1724 г. Петр I распорядился развести два чисто гренадерских батальона Низового корпуса ротами по стрелковым полкам, используя этот опыт, в 1725 г. развели гренадерские полки поротно по стрелковым полкам, но выявились определенные неудобства, так как «...гренадерские роты с фузелерными (стрелковыми. — Н.П.) на оборотах не бывают, а становятся не в числе батальонов и шкvadронов, но с флангов по сторонам... отчего ежели паче чаяния случиться во время баталии в войске, может приключиться немалое замешательство»²⁸. Следовательно, чтобы сохранить тактические порядки полка и обеспечить свободу маневра батальонами, комиссия пришла к идее увеличить состав пехотного полка с 8 до 9 рот (иначе в одном батальоне оказалось бы 4 стрелковых, а в другом 3 стрелковых и 1 гренадерская рота, у которой во время боя были свои особые задачи, что действительно расстраивало боевые порядки), а драгунского — соответственно с 10 до 11. Чтобы это не привело к увеличению численного состава армии и расходов на нее, требовалось сократить количество боевых единиц: армия из 40 полевых пехотных и 33 драгунских полков уменьшалась до 36 пехотных полков, 1 батальона, 2-х рот и 30 драгунских полков. Все полки становились совершенно однотипными, и в результате ликвидации полков с особым составом (Астраханский и Ингерманландский полки имели 9-ти и 13-ротный состав) численность ее даже увеличивалась почти на 2 роты (214 чел.)²⁹. За счет ликвидации полковых штабов расформировываемых 7 полков комиссия надеялась получить 25 679 р. экономии в год³⁰. Принцип мирного штата был использован голицынской комиссией в основном в отношении нестроевых в полках, что давало возможность сократить 2653 чел.³¹, «...а во время войны надлежит быть прежнему табельному числу сполна»³². Комиссия несколько уменьшала лишь нестроевой состав пехотных гарнизонных полков в военное время и предложила ликвидировать денщиков у офицеров, имеющих крепостных. Сокращение нестроевых в мирное время сопровождалось и пересмотром их состава, в котором увеличивалось число специалистов (слесарей, седельников и т. д.).

Решение комиссии по 4 пункту продемонстрировало уже давно существующую у русских военных специалистов озабоченность неудовлетворительным конским составом кавалерии: для его улучшения комиссия предложила поднять покупные цены на лошадей с 12 до 16–17 рублей за голову. Предусматривалось и некоторое улуч-

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 32.

²⁹ Там же. Л. 32 об.

³⁰ Там же. Л. 33.

³¹ Там же. Л. 43 об.-44.

³² Там же. Л. 41.

шение содержания лошадей (увеличен стойловый период осенью); упорядочен штат подъемных (обозных) лошадей при полках (снижено на 50 их число в пехотном полку и увеличено на 19 в драгунском). Одновременно была обоснована необходимость в снабжении и содержании гарнизонных драгунских полков, почти постоянно находившихся в деле, равно с полевыми. Мирный штат для конского состава вводился лишь относительно подъемных лошадей при полках (практически не затрагивая строевых лошадей при драгунских полках), при этом уравнивались цены на покупку подъемных лошадей в пехоте и кавалерии³³ до более низкой цены в 5–6 руб. за голову, как определено было для пехотных. За счет всех этих в основном структурных изменений в конском составе армии комиссия надеялась получить экономию в 22 124 р. в военное время и 57 512 р. — в мирное³⁴. Дальше работа комиссии несколько замедлилась, так как не были утверждены первые ее доношения о численном и полковом составе армии, на основе которых должны были производиться все дальнейшие расчеты по ее вещевой части.

17 августа комиссия подала донесение о порядке приготовления мундира на полки³⁵, вызванное прямым запросом об этом императрицы, предложив верхний мундир строить в Кригс-комиссариате, а нижний (порты и рубахи) в полках, не приведя в нем точных расчетов расходов, так как это можно было сделать только после утверждения решений по 2 и 3 пунктам императрицей. Важнее были два других обстоятельства: 1) здесь комиссия высказалась за централизацию управления снабжения армией и распоряжения всем подушным сбором в Кригс-комиссариате, предложив усилить значение последнего; 2) было принято важнейшее решение о восстановлении прежнего порядка сбора подушной армией и возвращения армии в уезды, означавшее восстановление системы плаката 1724 г., даже с военной точки зрения оцениваемой военными историками как неудачная³⁶. В последнем случае доминировали, очевидно, чисто армейские интересы: «...ибо через оных офицеров деньги в указные места получены могут быть исправнее и скорее тех времен, как оные нынче собираются и отправляются через губернаторов и воевод, от которых во оном отправлении чинится немалое замедление...»³⁷.

Помимо этого, в формулировках той части мнения, что касалась обеспечения мундирным сукном, ярко заявила о себе протекцио-

³³ По штату 1720 г. цены разнились: в драгунских полках — 12 руб. за лошадь, в пехотных — 6 (РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 57 об.).

³⁴ Там же. Л. 46–55 об.

³⁵ Там же. Л. 57–70.

³⁶ Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 84–90.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 67.

нистская по отношению к русской промышленности позиция правительства, разделявшаяся, как видим, и военными: «Сукна на мундир покупать у российских фабрикантов... и для того им, российским купцам, в торгах всех качеств дать свободу, и никаких русских товаров, которыми российские купцы исстари торговали свободно, на откуп иностранцам не отдавать, ис чего мнится быть время от времени государственному интересу приращение и купцам польза немалая...»³⁸. Только в случае отсутствия сукон у русских купцов или дорогой цены их последние предлагалось покупать у иностранцев.

Общие предложения комиссии по первым пяти пунктам были суммированы в сенатском докладе 31 октября 1730 г., одобренном Анной Иоанновной 2 ноября³⁹. После этого комиссия подала доношение на 6 пункт, предложив снизить расходы на амуницию за счет увеличения срока службы амуничных вещей, а также наметила ряд мер по завершению определенного указом 31 мая 1715 г. введения в армии единого калибра. Она предложила также создать резерв оружия на всю армию и увеличить плату мастерам за его изготовление⁴⁰.

Доношение от 4 ноября по 8 пункту с принципиальным решением о восстановлении выплаты жалования по табели 1720 г., предусматривающей уравниение в жалование русских и иностранных офицеров, было попыткой подвести своеобразный итог финансовым результатам предложенных мер⁴¹. Общее снижение расходов по учтенным статьям как в мирное, так и в военное время было незначительным (не более 6%)⁴² и в военное время даже не полностью покрывало существующий армейский дефицит, оставшийся в размере 32 468 руб. даже после предложенного комиссией перевода на другие статьи государственных доходов сверхтабельных сумм⁴³. Из этого очевидно, что комиссия не ставила своей задачей изыскание серьезных ресурсов для уменьшения ставки подушной, а только компенсацию уже сделанной сбавки в 4 копейки. Формально, правда, она предусматривала снижение подушной за счет будущей экономии провиантской суммы («...из провиантской суммы... хотя по рассуждению Военной комиссии имеет быть какой убавок, оной надлежит сложить из подушного оклада для облегчения народа...»)⁴⁴. Но это, учитывая суммарное снижение расходов по всем остальным статьям

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 66 об.

³⁹ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. К № 5637. С. 45–54.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 190–204.

⁴¹ Там же. Л. 264–270.

⁴² См. таблицу 9 приложения 3 к наст. работе.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 270.

⁴⁴ Там же.

в 142,5 тыс. руб.⁴⁵, вряд ли могло дать намного большую этой сумму, а следовательно, понизить ставку подушной более чем на 2 копейки.

Итак, оценивая в общем итоги работы голицынской комиссии, мы можем сделать вывод, что 1) комиссия прежде всего решала чисто военные задачи; 2) так как членами ее были люди, сжившиеся с петровской военной доктриной, она не ставила целью серьезные изменения в системе организации полевой армии, а считала, что старая структура и войск, и командования достаточно эффективна, 3) а следовательно, исходила из сложившейся при Петре структуры и общей суммы расходов на армию и не занималась серьезно изысканием средств для ощутимой сбавки подушной.

Таким образом, несмотря на почти полное одобрение ее деятельности Сенатом, с точки зрения правящей группировки она не привела к планируемым результатам. К этому времени произошло и значительное снижения состава голицынской комиссии.

В нее входили первоначально: генерал-фельдмаршал М. М. Голицын, генерал кн. Г. Д. Юсупов, генерал-лейтенант кн. И. Ф. Барятинский (все трое — сенаторы), генерал-лейтенант Леонтьев, генерал-майор Кампенгаузен, генерал Бон, дейст. ст. сов. бригадир Порецкий, ст. сов. Борзой. К началу января из этого состава умерли М. М. Голицын и Г. Д. Юсупов, а Кампенгаузен и Порецкий фактически не появлялись из-за болезни⁴⁶.

Как мы видели, с концом 1730–1731 гг. был связан и существенный ожидавшийся рост расходов: как в военной области, в связи с созданием новых гвардейских и ландмилицких полков, так и в гражданской в связи с планами Комиссии о монете (не говоря уже о росте расходов на двор). Все это к марту 1731 г. привело к новому этапу обсуждения вопросов внутренней политики, и очевидно, в общем его русле вызвало потребность ускорить работу Воинской комиссии в направлении изыскания более радикального снижения расходов на армию, так как очевидно, что финансовые итоги голицынской комиссии правительственные круги не удовлетворили. Вероятно, именно это и привело ко второму этапу работы Воинской комиссии, характеризовавшемуся пересмотром решений голицынской комиссии, вследствие чего было реализовано только одно ее предложение — о восстановлении прежнего порядка сбора подушной армией (указ 31 октября 1730 г.)⁴⁷.

8 марта 1731 г. на посту руководителя комиссии В. В. Долгорукий, принявший ее 4 января сразу же после смерти М. М. Голицына⁴⁸, был

⁴⁵ См. таблицу 9 приложения 3 (снижение в военное время).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 188.

⁴⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5638.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 188.

заменен приехавшим в отпуск из Петербурга Б. Х. Минихом, тут же значительно обновившим ее состав⁴⁹. В нее вошли: от инфантерии — ген.-лейт. Барятинский; ген.-майор Гохмут; подполковник Философов; от кавалерии — ген.-майор Леонтьев, бригадир Есипов; от фортификации — ген.-майор Люберас и обер-кригс-комиссар Унковский. Из старых членов фактически остался лишь один Леонтьев, так как комиссия переезжала в Петербург и императрица сразу же отвела кандидатуру Барятинского, бывшего сенатором и остававшегося с Сенатом в Москве⁵⁰. 29 марта на первом заседании комиссии Миних объявил об изустном указе государыни: «...чтоб та комиссия начинать ему вновь и все пункты рассмотреть...»⁵¹. Возможно, это вызвало какое-то недоверие со стороны остальных членов комиссии, так как 25 апреля 1731 г. появился именной указ Анны Иоанновны о рассмотрении как «опробованных, так и не опробованных пунктов» комиссии Голицына, «понеже они все друг с другом связаны»⁵².

В общем замысле работы миниховской комиссии и особенно на начальном этапе ее работы сказались два обстоятельства: 1) начинавшийся недолгий фавор Миниха, требовавший от него немедленной демонстрации понимания целей и задач комиссии, ставившихся правительством; 2) взгляды его как военного специалиста, воспитанного западноевропейской военной школой.

Первое обстоятельство сказалось уже в существенных изменениях, которые Миних внес в генералитет, стремясь как можно более сократить расходы на него: он предложил уменьшить число полных генералов с пяти до четырех, и наполовину — число бригадиров. Хотя общее направление снижения численности и расходов за счет сокращения адъютантского штата, подсобных служб и понижения отдельных должностей в воинском ранге (что давало экономию в жалованье) в основном продолжало тенденции голицынской комиссии, однако в результате почти вдвое по сравнению с ней выросло число должностей, упразднявшихся совсем: было сокращено 37 чел. в мирное время и 23 — совсем (голицынская комиссия — 31 и 10), а расходы в военное время сокращались по сравнению с ней примерно в 2 раза, в мирное — в 1,5 раза⁵³. Несмотря на то что Миних прекрасно понимал роль штата адъютантов, которые служили важным элементом управления армией, ему также пришлось в соответствии с императорской резолюцией на первый пункт голицынской комиссии вдвое уменьшить их число, хотя он частично и попытался

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 117 об., 119; Кн. 389. Л. 404.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 414.

⁵² Там же. Л. 410 об.

⁵³ Там же. Л. 28, 453–458. См. таблицу 10 приложения 3, составленную на основании этих данных.

обойти указания императрицы: в то время как резолюция Анны Иоанновны предусматривала резкое сокращение числа адъютантов, Миних, как и голицынская комиссия, сократил только двух из четырех генерал-адъютантов при генерал-фельдмаршале в мирное время, но императрица вновь приказала сократить их до одного. Решение о почти полной ликвидации флигель-адъютантов он также попытался обойти, предложив в мирное время использовать вместо них офицеров соответствующих рангов, взятых из полков и получающих оттуда жалованье.

Меры по сокращению генералитета не только затрагивали интересы бюрократии, находившейся в высших военных рангах, но могли сказаться и на боеспособности армии, поэтому Сенат по существу вынес отрицательную резолюцию: «...а ежели Воинская комиссия рассуждает, чтоб ис табельного числа убавкою одного полного генерала и 5 бригадиров и уменьшением ранга генерал-кригс-комиссара, в такой силе, чтоб ис подушного оклада убавку учинить, каковой показано только 13 217 р., — и то подспорить не может, разве Е. И. В-во для того соизволит у всего генералитета в нынешнее мирное время по некоторой части из окладного жалованья убавить, или тем, которые имеют свои деревни, фураж не давать»⁵⁴. Однако позиция императрицы, торопившей Сенат с утверждением решения на 1 пункт и созвавшей для этого специальное заседание во дворце, практически не имевшее прецедентов за 1730–1731 гг.⁵⁵, а затем полностью одоблившей миниховские решения, должна была вскоре убедить сенаторов в безоговорочной поддержке ею выбранного Минихом направления.

В решениях по второму, ключевому пункту о полковом составе армии, Миних столь же существенно изменил намечаемые голицынской комиссией меры. Во-первых, он высказался за расформирование гренадерских рот и введение их в стрелковые роты отделениями по 16 (в пехотном полку) и 10 (в драгунском) человек, а следовательно, за оставление полков в прежнем ротном составе при численном увеличении роты. Фактически расформированные гренадерские роты на маршах и учениях продолжали существовать как отдельные единицы, переставая быть ими только на казарменном положении и лишившись при этом постоянного офицерского

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1900. Л. 475–476.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1901. Л. 49, 50–53, 56 об. 22 мая 1731 г. из дворца был прислан сержант с личным указанием Остермана принести мнение (причем Сенат даже не понял, какое), и уже вторично посланный обер-секретарь Козмин «...личным словом Андрея Ивановича объявил, чтоб хотя и неслушаное о тех пунктах рассуждение принять, а выслушать во дворце...» (Л. 56 об.), и Сенат во второй половине того же дня был специально собран во дворце для решения по пунктам Воинской комиссии.

состава⁵⁶, что с военной точки зрения было не слишком удачным решением. За счет введения роты гренадер полки, оставаясь 8- и 10-ротными, увеличивались количественно, и, чтобы сохранить прежнюю численность армии, Миних также должен был сократить число пехотных полков в армии на два полка (до 38).

Еще в 1725 г. во мнении на сенатский доклад 6 октября 1725 г. он показал себя решительным противником сокращения армии, практически не отреагировав и на идею мирного штата армии, высказанную в докладе⁵⁷. Однако теперь, чтобы добиться более значительного снижения расходов на армию, он должен был более последовательно, чем Голицын, провести в жизнь принцип мирного штата армии: сохранив в целом уже намеченные направления сокращения нестроевых, он распространил этот принцип и на строевой состав (в мирное время число рядовых в полку пехоты сокращалось на 128 чел., в драгунском — на 120)⁵⁸. Тем не менее подлинные его взгляды сказались и здесь: по сравнению с табелью 1720 г. сокращались за счет строевых в мирное время лишь драгунские полки, а в отношении пехотных принцип мирного штата были применен лишь затем, чтобы сохранить в мирное время численность армии равной табели 1720 г., тогда как в военное время строевой состав пехотного полка увеличивался, а следовательно, увеличивался и строевой состав пехоты на 1696 чел., то есть более чем на полк⁵⁹. Мирный штат кавалерийских полков, даже с учетом кирасирских, планируемых в меньшем численном составе, должен был в основном лишь компенсировать увеличение строевых в военное время в пехоте, и даже в мирное время строевой состав полевой пехоты и кавалерии должен был быть меньше табельного 1720 г. примерно на 5 тыс. чел., тогда как при обсуждении этого вопроса в 1727 г. планировалось гораздо более радикальное сокращение мирного штата за счет строевых — 21 078 чел.⁶⁰ В то же время сокращение в мирное время штата кавалерийских полков давало возможность добиться более существенной экономии за счет мирного штата драгунских лошадей и уменьшения сумм на провиант и фураж.

Приверженность Миниха европейской военной школе сказалась не только в уничтожении гренадерских рот «по примеру прочих государств»⁶¹, но и в единственном серьезном изменении в структуре русской армии, которое он планировал, — в создании корпуса

⁵⁶ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 63.

⁵⁷ ЧОИДР. 1897. Кн. 2. С. 41–42; Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 4–5.

⁵⁸ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 58, 62.

⁵⁹ Там же. С. 58.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 77. Л. 31.

⁶¹ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 63.

кирасирской (тяжелой) кавалерии, который должен был составить треть русской кавалерии (10 полков из 33-х кавалерийских) и стать ее основной ударной силой⁶². Необходимость реформы кавалерии была, очевидно, его глубоким убеждением, ибо впервые он высказал эту мысль вскоре после своего прибытия в Россию в беседе с прусским посланником Мардефельдом в мае 1723 г.⁶³ Эта реформа должна была одновременно повлечь и некоторое уменьшение численного состава армии, так как в кирасирском полку было лишь 690 строевых против 920 в драгунском. Меньший численный состав планировался им, очевидно, не только для облегчения подушной и рекрутской подати, но и затем, чтобы не выйти резко за пределы расходов на драгунский полк (41 365 р. против 40 833 р.)⁶⁴. Миних понимал, что формирование кирасирских полков поставит целый комплекс проблем (в первую очередь укомплектования их лошадьми, которых в России не было), поэтому запланировал ряд мер по его обеспечению, в наиболее значительной части сконцентрированных в решениях комиссии по 4-му пункту.

Продолжая планы голицынской комиссии, Миних решил уравнять в содержании гарнизонные драгунские полки с полевыми, но одновременно провел военно-административную реформу гарнизонных частей, разделив все крепости и гарнизонные войска, находившиеся в них, на 6 департаментов, соединявших полки,сосредоточенные на определенных участках государственной границы (1. Ингерманландия и Карелия; 2. Эстляндия и Лифляндия; 3. Польская и Крымская границы; 4. Крымская и Турецкая границы; 5. Волга; 6. Сибирь и Архангелогородские крепости)⁶⁵ и включавшие в себя, по возможности, примерно равное число крепостей (10–15). Число гарнизонных полков оставалось прежним, но 2 полка из Петербурга были переведены в Кронштадт и Нарву, так как в новой мирной ситуации усиленная охрана первого уже не требовалась, и еще один полк был переведен из разряда остзейских во внутренние, что давало экономию в 5060 р.⁶⁶

Введение мирного штата в кавалерии позволило гораздо радикальнее, чем в голицынской комиссии, провести его и относительно лошадей. По драгунским полевым и гарнизонным полкам сокращалось совсем — 18 и 7 лошадей, а в мирное время — 238 и 227 лошадей при полку⁶⁷. Кроме того, решено было ввести кроме мирного штата еще 100 вакансий за счет временно выбывающих из службы

⁶² ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 69–70.

⁶³ Сб. РИО. 1875. Т. 15. С. 226.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 324–326.

⁶⁵ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 64–69.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 329 об.

⁶⁷ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 84.

по болезни, отпускам или в командировки драгун, что позволяло сократить в военное время 509, а в мирное — 8539 голов, т. е. 1,3% и 21,5% по сравнению с 1720 г.⁶⁸

По пути, определенному голицынской комиссией, сокращался и штат подъемных лошадей, уменьшаясь на 148 в пехотном и увеличиваясь на 20 в драгунском (голицынская — минус 50 и +19). Введение и здесь мирного штата давало 39,7%-ное сокращение в военное время и 64,3%-ное — в мирное⁶⁹. Комиссия также предложила увеличить и цены на лошадей: на драгунских — до 18 руб. (голицынская — 16–17); подъемных — до 8 руб. (6 руб.)⁷⁰.

Для обеспечения кирасирских полков лошадьми (поскольку иноземные лошади обходились казне в 60–70 руб.) комиссия предложила разверстать набор лошадей по монастырям, которые должны были поставить с 500 душ по лошади с уплатой им за каждую 40 руб.⁷¹, что должно было фактически привести к введению нового налога на монастырских крестьян. Прекрасно сознававший это Сенат сразу же высказался против этой меры, напомнив, что церковь после мероприятий Петра I и создания Коллегии экономии в 1726 г. фактически переведена на фиксированное жалованье: «...тем же определенным числом не только конские заводы заводить, но и те епархии и монастыри содержание имеют только такое, что до пищи и одежды надлежит»⁷². Сознывая ненадежность монастырского источника обеспечения лошадьми, комиссия выдвинула план создания заводов при всех 10 кирасирских полках, определяя расходы на штат каждого в 10 тыс. рублей⁷³.

Но наиболее интересной мерой по обеспечению кирасир лошадьми было специальное добавление к этому пункту (вошедшее в единый блок в сенатском докладе, но в материалах Воинской комиссии представляющее отдельное дополнение к нему), цели которого вышли далеко за рамки узкого вопроса о лошадях. В нем предлагалось: 1) ввести ограничение срока шляхетской военной службы 25-ю годами; 2) создать условия для выхода из службы хотя бы части шляхетства; 3) создать из кирасирского корпуса привилегированный род войск путем привлечения туда дворянства весьма ощутимыми сословными льготами. Дворянство требовало, повторяя проекты 1730 г., изменений в порядке службы, чтобы иметь возможность выполнять свою социально-экономическую функцию руководителя и организатора собственного хозяйства: «...оных (т. е. дворянских

⁶⁸ Подсчитано по табели о драгунских лошадях (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 84).

⁶⁹ Подсчитано по табели о подъемных лошадях (Там же. С. 87).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 76–77.

⁷² Там же. С. 76.

⁷³ Там же. С. 78–79; 88 (табл. V).

детей. — *Н. П.*) выше 15 лет в домах содержать запрещено, и за тем у отцов ни одного сына, потому и после отцов же из нераздельных братьев ни одного ж из них при своих домах и деревнях для управления оными не имеется; чего ради всеми их шляхетскими домами и деревнями владеют приказчики и старосты, которые непорядками своими дома и имения их разоряют»⁷⁴. Это выражало, очевидно, в первую очередь стремления средне- и мелкопоместного слоя.

Предлагалось установить для кирасир обязательный минимум службы в 6 лет, после чего разрешалось покинуть службу при условии поставки за себя в кирасиры человека с надлежащей экипировкой и лошадью; после 12 лет службы — только человека, с возможной заменой этого денежной суммой в 150 руб. Этот своеобразный феодальный налог за избавление от службы должен был иметь некоторые черты прогрессивного: шляхетство, имеющее больше 100 душ, обязано было поставить уже двух кирасир⁷⁵. В случае бегства поставленного человека в течение первых шести лет помещик обязан был поставить ему замену. Предусматривалось и полное освобождение шляхетских детей от военной службы: в таком случае за каждого из сыновей должно было быть поставлено по три годных к службе человека с лошадьми и всем необходимым.

Помимо этого предоставлялись льготы в отпусках; кирасирские полки не должны были направляться в дальние командировки; чины в кирасирских полках должны были иметь старшинство над армейскими; для кирасир отменялись телесные наказания⁷⁶. Комиссия предложила создать также и льготные условия для производства дворянства в армейских полках и обеспечить полное преобладание шляхетства вплоть до низшего офицерского состава армии.

Однако эта по-своему неплохо задуманная Минихом система мероприятий по обеспечению реформы кавалерии вошла в противоречие не только с податной политикой правительства, предполагавшей отказ от увеличения прямых налогов с крестьянства, которым неминуемо обернулись бы на деле эти мероприятия, но также и с сословной политикой: Сенат высказался против ограничения срока службы и возможной компенсации за нее людьми, лошадьми и деньгами, опасаясь массового оставления службы и разорения дворянства: «Понеже по указам... Петра Великого... шляхетские дети до 15 лет и выше определяются в службу военную, а урочных лет, сколько в сей службе, не положено; того ради Сенат рассуждает, что и впредь таких урочных лет определять не надлежит...»; «...сами будут жить дома во всякой праздности и лености и безо всяких добрых наук и обхождения; а которые столько людей и

⁷⁴ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 81.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 82.

лошадей вместо себя дать не могут, а потом... хотя последние деревни продаст, да заплатит за себя в кирасирский полк 150 рублей; а до тех урочных лет в службе разве одни такие будут, которые самые убогие»⁷⁷.

Отрицательно была встречена и 100-тысячная программа строительства конских заводов, поскольку 1) они отвлекут значительное число людей из полков; 2) потребуют земель и покосов, что в России приведет к ущемлению прав помещиков и других владельцев, а на Украине может вызвать недовольство местных жителей; 3) сама сумма, в которой не были учтены расходы на строительство помещений при заводах, показалась заниженной⁷⁸.

Блокирование основных элементов миниховской программы Сенатом, предложившим к тому же еще и пониженную по сравнению с запросами Миниха цену на покупку немецких лошадей (50 руб. вместо 60–70), уже заранее ставило создание кирасирских частей под сомнение, и, очевидно, не случайно, что до конца царствования Анны Иоанновны было сформировано всего три кирасирских полка.

Несмотря на то что военные сознавали социальные цели военной реформы и пытались провести их в жизнь («...назначено, *для пользы народной* в рекрутах иметь драгунских вакансий как в полевом, так и в гарнизонном полках... чего ради и толикое же число лошадей содержать не надлежит...»⁷⁹), сокращение численности кавалерии в мирное время не могло привести к существенному облегчению воинской повинности для крестьянства, а попытка одновременно с этим решить и чисто военные цели — укрепить конский состав, достигая лишь при увеличении покупных цен на лошадей, дала в конечном итоге и относительно скромные финансовые результаты. В то же время социальные цели пришли в очевидное противоречие с военными: «урезание» в мирное время численности армейского обоза почти на 40% не могло не вызвать сбоев в снабжении армии. Это со всей очевидностью обнаружилось в 1736 г., в первой «большой» кампании «степной» русско-турецкой войны. Миниху тут же пришлось создавать громадный по численности «нештатный» обоз.

Поскольку снижение расходов по первым пунктам программы работы комиссии оказывалось относительно скромным, задачей Миниха было добиться существенного сокращения расходов по остальным статьям.

Так как существенного уменьшения личного состава даже в мирное время планы комиссии не предусматривали, основным путем сокращения расходов на мундир стало сокращение за счет материала, мундирных вещей, и увеличения срока службы мундира, в от-

⁷⁷ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 83.

⁷⁸ Там же. С. 80.

⁷⁹ Там же. С. 80.

дельных случаях предусматривающее улучшение качества вещей и материалов, которому, однако, вряд ли способствовало понижение подрядных цен на сукно с 67 до 59 коп. за аршин⁸⁰.

Были уменьшены нормы отпуска материала на мундирные вещи, сокращены денежные выдачи солдатам на шитье мундира и на нитки. Вместе с тем, например, была увеличена длина драгунской епанчи с тем, чтобы она покрывала и коня, и всадника (предлагалось голицынской комиссией); драгунам вводились еще одни, дополнительные лосиные штаны, так как прежние не выдерживали срока носки; предусматривалось введение специального рабочего мундира для солдат гарнизонных полков, занятых на фортификационных работах (парусинные кафтаны на 3 года). Изменения преследовали и практические удобства: маркий драгунский воротник из белого сукна был заменен таким же, как и у пехоты, красным; вводились определенные знаки различия как для офицеров, так и для отдельных полков. Кардинально мундир петровского времени не менялся⁸¹.

Обеспечение мундирным сукном предусматривало так же, как и в решениях голицынской комиссии, проведение протекционистской политики в отношении отечественной промышленности, хотя и с некоторыми отступлениями (в п. 23 комиссия высказалась за заключение, пока не придет в силу русская промышленность, контрактов с иностранными купцами с тем условием, если они смогут обеспечить хранение на своих складах полугодового резерва сукна на армию, чтобы не строить казенных магазинов⁸²), а также новый виток строительства казенных суконных мануфактур. Но против последнего решительно возразил Сенат, не только потому, что это потребует новых средств, но и потому, что предшествующий опыт петровского строительства казенных мануфактур показал их неэффективность по сравнению с частными: «...дабы и впредь больше умножать, дать позволение всяких чинов людям суконные и прочие надлежащие к мундиру фабрики и мануфактуры заводить, хотя и не требуя на то указов от Мануфактур-конторы, и для того ныне казенных заводов для умножения убытков заводить не надлежит»⁸³.

17 августа 1731 г., в день утверждения мнения по 5 пункту о мундире, было принято решение о начале практической реализации в армии первых пяти пунктов Воинской комиссии⁸⁴, и, таким об-

⁸⁰ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 81.

⁸¹ Подробнее о мундире и вооружении в аннинское время см.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — СПб., 1899. Ч. II. С. 116–123.

⁸² ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 123.

⁸³ Там же. С. 126.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 142–143; ПСЗ. Т. VIII. № 5835.

разом, основные направления миниховских реформ начали проводиться в жизнь.

Общей тенденцией в отношении оружия и амуниции (по 6-му пункту)⁸⁵ также было увеличение срока службы вещей, часто при некотором улучшении качества, что должно было сократить расходы по этим статьям в военное время на 35 810 р. и в мирное — на 59 330 р.⁸⁶ Преимущество с голицынской комиссией выразилась здесь прежде всего в решении о завершении перехода к однокалиберному ружью во всех частях; создании резерва оружия в 1/4 армейских потребностей, увеличении платы за ружье оружейным мастерам. В целом же вооружение принципиально не менялось⁸⁷. Лишь драгуны получили на вооружение два пистолета вместо одного и обоюдоострые шпаги вместо палашей (последнее было не очень удачным и требовало в России опять-таки строительства шпажного завода).

Гораздо более существенным было уменьшение расходов на провиант и фураж (решения по 7 пункту)⁸⁸, достигнутое в основном за счет понижения табельных цен (то есть закупочных цен на продовольствие и фураж по табели 1720 г.), мотивированное тем, что прежние табельные цены были установлены в год высоких цен на продовольствие. Стоимость четверти муки понижалась на 20% (с 1 р. 50 коп. до 1 р. 20 коп.), овса — на 10% (с 50 коп. до 45); круп — на 20% (с 2 р. до 1 р. 50 коп.)⁸⁹.

Поскольку на 1724–1731 гг. как раз пришелся период стремительного понижения хлебных цен, пик которого совпал с 1730–1731 гг.⁹⁰, снижение цен на подобную величину может показаться действительно обоснованным, так как средняя цена четверти ржи по Европейской России действительно колебалась в пределах рубля, но уже в 1732 г. цены начали расти; к тому же новые табельные цены не учитывали региональных колебаний цен, а значительная часть полков была расквартирована в Северном регионе, где цены часто превышали табельные.

Частичное сокращение расходов по этой статье было достигнуто также и за счет сокращения количества рационов офицерскому составу (более чем на 30%)⁹¹, а также за счет учета собираемого с украинских жителей натурой провианта на стоящие там драгунские

⁸⁵ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 133–165.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 257–258.

⁸⁷ Висковатов А. В. Указ соч., С. 116–123.

⁸⁸ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 90–113.

⁸⁹ Там же. С. 99.

⁹⁰ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). — Л., 1985. С. 49. (график движения хлебных цен); приложение, таблица 1. Далее — данные по этому источнику.

⁹¹ Подсчитано по: ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 113.

полки⁹². В последнем случае сокращение расходов было фиктивным, так как просто была учтена и ранее остававшаяся за счет сбора провианта натурой сумма.

Еще ранее комиссией был решен вопрос о жалованье полкам — так же, как и голицынской, она решила выплачивать его по табели 1720 г., то есть равное русским и иностранным офицерам, и выплата его армии должна была начаться с 1732 г.⁹³. Все это дало возможность подвести финансовые итоги основного этапа деятельности комиссии, материализовавшиеся в целой группе табелей⁹⁴.

Таблицы 8 и 10 приложения 3, построенные на основании этих табелей и некоторых других материалов комиссии, дают возможность оценить общие итоги деятельности миниховской комиссии.

Несмотря на более радикальное сокращение личного состава, чем по голицынской, оно также было довольно незначительным и преимущественно проводилось за счет введения мирного штата: 4,4% в военное и 9,8% в мирное время⁹⁵. Поэтому значительная доля сокращаемых на армию средств пришлось на счет понижения расходов на материальное обеспечение, провиант и фураж, в результате чего общие расходы на армию планировалось понизить на 8,35% в военное и 14,9% — в мирное время. В абсолютных показателях это составило соответственно 334 033 р. и 596 455 р.⁹⁶ Если учесть другие факторы уменьшения расходов, не связанные с деятельностью комиссии (выбытие оклада лейб-регимента в связи с формированием конногвардейского полка, учтенный сбор провианта и фуража на украинские драгунские полки), сумма снижения должна была быть еще большей: 522 689 р. и 785 111 р., т.е. 13,07% и 19,63% оклада на полевую армию. Вместе с тем, сводная картина снижения расходов еще раз отчетливо рисует отличия в направлении деятельности миниховской и голицынской комиссий (таблица 9): учтенные голицынской комиссией итоги снижения расходов по трем статьям (жалованье, амуниция, расходы на лошадей) в сравнении с аналогичными по миниховской комиссии в военное время дают почти одинаковый результат (4,27% и 4,79%), но в мирное время резко разнятся (6,05% и 11,67%), что подтверждает наш вывод о сходстве многих направлений работы комиссий и обусловленности различий в основном более радикальным проведением принципа мирного штата армии в миниховской. Основной выигрыш в сокращении расходов миниховская комиссия должна

⁹² ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 97–98.

⁹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 146–147. Само же мнение о жалованье и расчеты сумм были подготовлены к 13 сентября 1731 г. (там же. Л. 260–271).

⁹⁴ Там же. Л. 281–332; ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 171–182.

⁹⁵ Таблица 8 приложения 3.

⁹⁶ См. таблицу 10 приложения 3.

была дать именно в мирное время. Помимо этого следует учитывать, что основную долю его давало сокращение расходов на провиант и фураж: в общей сложности 63,77% в чистом снижении расходов в мирное время и 53,12% в военное, а по отношению к итоговой сумме сокращения (графа 10 таблицы 10 приложения) еще больший результат — 76,8% и 57,5%, то есть успех работы миниховской комиссии во многом зависел от того, насколько новые табельные цены на провиант и фураж будут соответствовать реальным ценам рынка.

Как указывалось, главной социальной целью комиссии было снижение ставки подушной с крестьян, поэтому, получив в середине сентября 1731 г. вышеуказанные итоги финансовых мероприятий комиссии, Сенат незамедлительно отреагировал на них собственными расчетами снижения подушной⁹⁷. Исходя из максимума снижения, предусмотренного комиссией (то есть 522 689 р. и 785 110 р.) и вычтя из общих сумм сокращения расходов на армию все еще ничем не покрытый армейский дефицит, возникший в 1725 г. после снижения ставки подушной на 4 коп., Сенат определил возможное снижение ставки подушной до 63,75 коп. с души в военное и 58,75 коп. — в мирное время. Таким образом, ставка подушной могла быть снижена соответственно на 6 и 11 коп. (8,7% и 16,02% ставки).

Очевидно, эти итоги в определенной степени должны были удовлетворить правительственные круги и убедить их в успешности решения Минихом поставленных перед ним задач. Однако, судя по планам комиссии, эти сокращаемые военные расходы далеко не полностью могли быть использованы для снижения подушной: 1) средства, полученные за счет мирного штата драгунских и подъемных лошадей, должны были оставаться в воинской казне и использоваться при переходе армии на штат военного времени для закупки лошадей⁹⁸, так же, как 2) и все деньги, полученные от снижения фуражной суммы, которые должны были оставаться в распоряжении армии в качестве резерва, используемого для закупки провианта в случае неожиданного повышения цен выше табельных («...но чтоб она из провианта и фуража против табельной цены убавка всегда была в воинской казне на такие ж приготовления, когда цены повышаться будут...»⁹⁹).

Помимо этого, Миних фактически лишь в перспективе обещал снижение расходов, могущее быть использованным для снижения подушной, а на ближайший срок (2–3 года) значительная его часть должна была быть израсходована на меры, обеспечивающие преобразования в армии и ее боеспособность: Миних требовал 100 тыс. р.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 342–343 об.

⁹⁸ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 73.

⁹⁹ Там же. С. 91.

на покупку лошадей для кирасир; 100 тыс. на основание конских заводов при кирасирских полках; 300 тыс. на создание полугодового резерва сукна на армию; 50 тыс. — на производство оружия; выделения средств на основание казенных суконных мануфактур и строительство нового шпажного завода; планируемое им создание сети мелких провиантских магазинов для снабжения полков на маршах также требовало средств. Следовательно, только на первоочередные мероприятия по обеспечению военной реформы Миних требовал не менее 550–600 тыс. руб. Хотя эти деньги предполагалось вернуть из военной казны, механизм возвращения был сложен и рассчитан на длительный срок. Кроме того, снижение было рассчитано на годовую сумму, в которой цена на лошадь учитывалась в течение срока ее службы, то есть в 6 лет, и только после этого могла быть возвращена, а покупка лошадей в кирасирские полки должна была быть произведена немедленно. Также и суммы на оружие, амуницию и другие вещи длительного пользования должны были быть возвращены в течение длительного срока, но требовали немедленных расходов.

Довольно неплохо продуманная с военной точки зрения система финансовых и социальных мероприятий, обеспечивающих реформу, просчитанная Минихом, не соответствовала ни финансовым возможностям государства, ни основной линии правительственной политики, нацеленной на экономию и снижение расходов, ни сложившимся сословным отношениям и сословной политике правительства. Поэтому большинство этих мер было самими объективными обстоятельствами обречено на неуспех, и потому уже с самого начала отвергнуто Сенатом. Следовательно, сразу становилось ясным, что планы частичной реформы в армии будут осуществляться медленно и с трудом и вряд ли достигнут намеченных результатов.

Оценивая в общем результаты работы миниховской комиссии, мы можем сделать вывод, что для него, так же как и для Голицына, доминировали в первую очередь военные цели. Тем не менее в целом армейские преобразования Миниха не были плодом его индивидуального творчества: в работе его комиссии отразился сложный процесс развития взглядов на военные проблемы России как представителей верхушки гражданской бюрократии, так и военных кругов. Очевидна преемственность многих его решений и с работой Воинской комиссии на ее первом этапе, и обусловленность расхождений с ней не только личными взглядами Миниха, но (и прежде всего) социальными целями правительственной политики, которые в большей степени пытался учесть Миних.

Единственным серьезным структурным преобразованием в армии была попытка реформы русской кавалерии. В целом же намечаемые военные преобразования не имели целью серьезную реви-

зию петровской военной доктрины. Как численность, так и прежняя структура армии в основном были сохранены.

Однако именно это, как и в деятельности голицынской комиссии, явилось серьезным препятствием на пути достижения социальных целей правительственной политики в военной области: несмотря на то, что очень интересная для того времени идея мирного штата армии была воплощена в деятельности миниховской комиссии гораздо последовательней, чем в голицынской, все же общее незначительное сокращение личного состава (9,8% в мирное и 4,4% в военное время) делало невозможным существенное снижение расходов на армию, а расхождение между военными планами и социальными целями, заложенными в программу комиссии, фактически сводило на нет и надежды на возможность в будущем снижения ставки подушной, планируемого Сенатом (на практике так действительно и не реализованной до конца царствования). Все это ставило под сомнение и осуществление внутривластной программы Анны Иоанновны в целом, немыслимое без достаточного финансового обеспечения, которое вряд ли могло быть изыскано без существенного сокращения расходов на армию.

Единственной возможной альтернативой планируемым преобразованиям, направленной на сокращении расходов на армию при одновременном укреплении ее боеспособности, могла бы быть реформа, связанная со значительным численным сокращением армейского состава. Но ни сами военные специалисты (как в миниховской, так и в голицынской комиссии), ни правительство в лице Сената, императрицы и ее ближайшего окружения не выдвигали подобных предложений, считая, видимо, петровские штаты армии почти оптимальными для России с ее протяженными границами, предусматривающими возможность открытия сразу нескольких театров военных действий с достаточно серьезными соперниками.

Хотя основные итоги деятельности комиссии и были подведены, программа ее не была до конца выполнена, и работа комиссии продолжалась. К середине декабря, в развитие предложений голицынской комиссии о необходимости централизации снабжения армии в Генеральном кригс-комиссариате и усилении его значения, была разработана новая инструкция для последнего¹⁰⁰, предполагавшая соответствующее изменение его структуры с подчинением ему Мундирной и Провиантской контор, а также замену третней отчетности полугодовой в связи с изменением порядка сбора подушной. 3 марта 1732 г. Воинская комиссия прислала в Сенат до-

¹⁰⁰ Инструкция Генеральному кригс-комиссариату 12 декабря 1731 г. (ПСЗ. Т. VIII. № 5904).

ношение о полковой отчетности, вводившее 29 форм полковых книг¹⁰¹, что Д. Ф. Масловский охарактеризовал как «историческое начало усложнения канцелярской работы»¹⁰². К апрелю 1732 г. был постепенно решен и вопрос о создании службы инспектирования полков, планируемой еще ВТС¹⁰³: 19 апреля назначенный генерал-инспектором Урусов уже уехал инспектировать полки в Поволжье¹⁰⁴, а 2 мая Сенатом было одобрено донесение комиссии по 10-му пункту «О смотре и мунстровании полков»¹⁰⁵. В конце мая Миних подал доклад императрице, представляя, что число членов Военной комиссии очень невелико в связи с назначением двоих из них инспекторами, и просил ликвидировать ее, предлагая завершить ее работу в Военной коллегии, президентом которой он недавно стал¹⁰⁶. Именно это и стало концом работы комиссии.

12 июня Военная коллегия подала мнение по 12 пункту «О солдатских детях», рассматривавшее солдатских детей как резерв для пополнения военного сословия и облегчения рекрутского бремени крестьян¹⁰⁷, основным средством мобилизации которого должны были быть гарнизонные школы. Запросив ведомости о числе детей солдат, она решила увеличить число вакансий в гарнизонных полках, на которых содержались ученики школ, до 64 (за счет их обучалось по 82 человека в полку), чтобы охватить все их наличное число, то есть 8 тыс. чел.¹⁰⁸ Обучение в гарнизонных школах представляло довольно рациональную систему подготовки кадров специалистов для полков со сравнительно небольшими затратами для государства. Предложения по 12 пункту были реализованы в указе 12 сентября 1732 г.¹⁰⁹

В течение 1732–1733 гг. были составлены и введены в действие «экзерциция пеша» и «конна»¹¹⁰, то есть реализован 11 пункт программы комиссии. Артиллерийские штаты, как мы видели, были составлены помимо ее работы; 14 пункт был частично реализован в указе о штате полевых аптек 3 сент. 1733 г.¹¹¹ Таким образом, программа деятельности комиссии оказалась почти полностью выполненной.

101 ПСЗ. Т. VIII. № 6003 от 29 марта 1732 г.; С. 669–736.

102 Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 94.

103 Там же.

104 РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 805.

105 Там же. Л. 826–839; ПСЗ. Т. VIII. № 6064.

106 Там же. Л. 856–857.

107 Там же. Л. 95.

108 Там же. Л. 954.

109 ПСЗ. Т. VIII. № 6188.

110 Достоинства и недостатки их подробно охарактеризованы в работе А. К. Байова. (Байов А. К. Указ. соч. Т. 1. Гл. 2).

111 ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. К № 6674. С. 206–209.

§ 2. Реализация решений Воинской сухопутной комиссии 1730–1732 гг.

Как уже говорилось, подведение основных итогов работы Воинской комиссии осенью 1731 г. должно было вызвать удовлетворение в правительственных кругах. Однако это были только планируемые итоги, и неизвестно было, насколько они достижимы в практике реальной жизни. Очевидно, многое в правительственной военной политике зависело именно от того, насколько решения Воинской комиссии будут реализованы.

Проводиться в жизнь они начали с 1732 г. Именно в это время реально осуществлялось введение новых военных штатов и начала работать новая система военного управления, в которой практически все функции по снабжению армии были сконцентрированы в рамках единого Генерального кригс-комиссариата, в который, таким образом, стекалась и вся информация о реальных финансовых итогах практического осуществления армейских реформ.

Но по новой инструкции отчетность в нем была заменена полугодовой вследствие изменения порядка сбора подушной подати новым Камер-коллежским регламентом 23 июня 1731 г.¹¹² Новый порядок сбора подушной, несомненно, несколько облегчал положение крестьян.

Еще 25 июня 1729 г. сенатор М. М. Голицын объявил в Сенате указ, чтоб подушных денег в рабочую пору не править¹¹³; в 1727, 1728 и 1730 г., когда принималось решение о единовременном сокращении ставки подушной подати, осуществлялось оно путем отмены именно майской трети. Таким образом, была ликвидирована, вследствие уже давно наметившейся тенденции, наиболее обременительная для крестьян майская треть, на которую приходился пик неплатежеспособности крестьянства; теперь лишь дважды в год деревня подвергалась нашествию военных и гражданских властей, сопровождавшемуся вмешательством в жизнь крестьянского мира, взятками и злоупотреблениями¹¹⁴; немаловажное значение имело и то, что теперь практически весь процесс крестьянского производства становился свободным от вмешательства собирающих подушную чиновников. Ведь первый срок оканчивался мартом, то есть еще до начала подготовки к сельскохозяйственному сезону, а на второй срок она начинала собираться в сентябре, то есть с его окончанием. Это уже не создавало таких, как раньше, помех крестьянскому производству, которые при тогдашней практике сбора подушной, выражавшейся в посылке экзекуций и многодневном держании неплательщиков под арестом, были неизбежны.

¹¹² ПСЗ. Т. VIII. № 5789.

¹¹³ ПСЗ. Т. VIII. № 5451.

¹¹⁴ Готье Ю. В. История областного управления... Т. 1. С. 39–41.

Однако новый порядок отчетности создавал определенные неудобства для правительственных органов: первые результаты проведения в жизнь решений комиссии могли быть получены не ранее июня 1732 г. Тремя указами (6 июня, 18 августа, 17 сентября 1732 г.)¹¹⁵ Сенат попытался получить ведомости о сборе подушной и о размерах армейских доходов и расходов по основным статьям, но первые группы ведомостей, готовые только к 3 октября¹¹⁶, лишь подтвердили, что при огромных российских расстояниях и разбросанности полков такие сроки и формы отчетности трудноосуществимы: ведомости прислали 105 полков, и не прислали 21, т. е. 17% от числа полков. 24 октября были поданы чуть более полные ведомости по всем шести пунктам, отмеченным в сенатском указе. Последние три из них требовали привести данные по заготовлению провианта и ценам на него, о расходах на фураж и рационы, о реальных остатках подушной суммы по сравнению с расчетами Военной комиссии¹¹⁷. Комиссариат не располагал к тому времени полными сведениями, но даже отрывочная информация о перерасходе почти по всем статьям во многих регионах и о не слишком значительной сумме в комиссариатской казне заставляли усомниться в полном успехе работ комиссии. Сведения о перерасходе на провиант и фураж к тому же уже к сентябрю поступали и от гвардейских полков¹¹⁸.

Вероятно, изучение сводок октябрьских комиссариатских ведомостей в Сенате и Кабинете министров и затребованных дополнительных сведений о наличной денежной казне¹¹⁹ привело к появлению именного указа 4 декабря 1732 г.¹²⁰, отразившего явную обескураженность правительства итогами первого года работы армейского ведомства по новым штатам, ибо по расчетам его авторов в военной казне должно было оставаться около 7 миллионов, а комиссариат еще в сентябрьских ведомостях давал понять, что возможна нехватка денег на воинские расходы. Этим указом от комиссариата затребовали новую серию ведомостей, которые уже прямо должны были отразить практику осуществления решений Военной комиссии: 1) сколько собрано подушной, на что израсходовано и каковы остатки; 2) каковы подрядные цены на заготавливаемые в 1733 г. провиант, фураж и амунизию и какова переплата за них; 3) сколько переплачено офицерам за фураж и рационы и т. д.; но жестко определили совершенно нереальный недельный срок их изготовления, не принимая в расчет

115 РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 8, 24, 25.

116 Там же. Л. 62–63, 65–72 об.

117 Там же. Л. 105–175.

118 РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 47–51.

119 Указом 18 ноября 1732 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 178–180).

120 Там же. Л. 228–230.

того, что год еще не закончен и даже возможный срок подачи ведомостей за 1732 г. по инструкции еще не истек¹²¹. Анисим Маслов направил в Москву письмо, давая понять, что дело находится под контролем самой недовольной императрицы, подозревающей крупные злоупотребления в комиссариате¹²²; для «понуждения» были использованы гвардейский сержант и подпоручик, державшие под караулом «без выпуску» не только приказных служителей, но и самих членов комиссариата в генеральских и полковничьих чинах, 15 декабря допросившие руководство комиссариата по заранее подготовленным пунктам, но ведомости, естественно, так и не были готовы¹²³.

Истомленное «понуждением» руководство комиссариата в ответ на указ императрицы Сенату от 15 января 1733 г.¹²⁴ о взятии подлинных, «без закрытия и утаек», ведомостей подало 30 января 1733 г. достаточно откровенное доношение на имя императрицы¹²⁵, в котором вскрывались подлинные причины недостатков. Именно оно дало возможность впервые реально оценить результаты миниховской реформы: «...и против того нового статута и положенных в нем цен один только провиант, и то не во многих местах, в которых и приготовление не весьма великое бывает, дешевле положенной по статуту цены становится, а в протчих во всех местах... против того статута гораздо дороже становится...»¹²⁶. Далее сообщалось о большой переплате офицерскому составу за рационы и фураж (притом комиссия в свое время не учла даже того обстоятельства, что офицеры остзейских полков получают его не на шесть зимних и осенних месяцев, а на семь); о том, что подрядчиков на амуниционные вещи по образцам, представленным комиссией, не нашлось, а в основном предлагаются вещи худшего качества и выше табельных цен, к тому же образцы «...некоторые деланы в Петербурге, а протчие, и большая часть, выписаны из Прус, а почему какая вещь... ценами стали, того ис комиссии не объявлено...»¹²⁷. Далее комиссариат напоминал о недоимке по подушной и о сверхштатных расходах, определенных в 1732 г. именными указами. В целом комиссариатское доношение не оставляло сомнений в провале многих аспектов миниховской реформы.

Подавая это доношение, члены комиссариата не могли не сознавать, что идут на открытый конфликт с президентом Военной коллегии Минихом. Очевидно, боязнь этого вынуждала их воздержи-

¹²¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5904.

¹²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 178–180.

¹²³ Там же. Л. 231, 255–260.

¹²⁴ Там же. Л. 260.

¹²⁵ Там же. Л. 364–369.

¹²⁶ Там же. Л. 364 об.

¹²⁷ Там же. Л. 365 об.

ваться от столь откровенных оценок в предшествующий период (хотя комиссариат и не входил тогда организационно в структуру Военной коллегии). Но чрезвычайные обстоятельства, невозможность дальше скрывать действительное положение дел, а также крушение фавора Миниха у императрицы и его начавшаяся полупошла придали им решимости.

Самолубивый фельдмаршал не оставил этого без внимания: еще 24 января 1733 г. Военная коллегия, упреждая события, подала доношение с жалобой на неисполнение комиссариатом своих обязанностей¹²⁸, а в мае или июне 1733 г. — еще одно доношение с обвинениями и с предложением перевести Генеральный кригс-комиссариат из Москвы в Петербург, где его мог контролировать Миних¹²⁹. Началась своеобразная война Миниха с комиссариатом.

Уже весной 1733 г. выяснилось, что те образцы вещей, которые Миних в 1731 г. представил в Воинской комиссии, тогда же обошлись *каждый* от 28 коп. до 1 р. 02 коп. *дороже* назначенных им табельных цен, взятых, таким образом, «с потолка», и те минимальные цены, которые назначают подрядчики, в большинстве своем соответствуют или даже меньше реальных цен образцов¹³⁰, но гораздо выше табельных. В итоге переплата за амуницию в 33 тыс. р. должна была съесть более половины экономии в мирное время по этой статье (54, 97 тыс.)¹³¹. Переплата по отдельным видам амуниции составила 30% и более по отношению к табельной цене. Помимо этого выяснилось, что в России нет необходимого количества лосиных кож, и уже фактически с июня комиссариат вернулся к старым образцам из яловичных кож, что и было утверждено указом 16 сентября 1733 г.¹³², причем сразу же нашлось 17 подрядчиков (все — русские). После этого можно было даже ожидать экономии против нового штата в 22,7 тыс. р.¹³³, но вещи были худшего качества, и срок службы их должен был быть меньшим.

Несоответствие новых табельных цен действительным ценам на провиант и фураж было признано и самим Минихом, подписавшим в июне 1733 г. доклад Военной коллегии со сведениями о переплате по этой статье за 1732 г. по далеко не полным данным в 141 тыс. руб., то есть около 50% ожидаемого по ней сокращения¹³⁴.

Вероятно, вскрывшиеся таким образом «потемкинские деревни» Миниха были одной из причин усиления недовольства им со сторо-

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 370–371.

¹²⁹ Там же. Л. 596–599 об.

¹³⁰ Там же. Л. 543–546.

¹³¹ Там же. Л. 398–403, 548.

¹³² Там же. Л. 599, 657.

¹³³ Там же. Л. 647.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 1044.

ны императрицы, и возможно, что последовавшее вслед за этим поручение ему командования войсками в Польше в русско-польской войне 1733–1734 г. было своеобразной формой ссылки, в которой Миних всеми силами пытался реабилитировать себя при осаде Гданьска, но крайне неудачно: большие потери при штурме и подозрения в пособничестве бегству Станислава Лещинского на время лишь усилили недоверие к нему.

Ведомости комиссариата отразили и существенный рост военных расходов после деятельности комиссии. Остаточная сумма, определенная Военской комиссией после сокращения расходов, оказалась лакомым куском для военного ведомства, и серией именных указов 1732–1733 г. на ее счет были определены новые статьи военных расходов. Так, например, 12 мая 1732 г. дополнительно 53 тыс. руб. в мирное время на прибавку жалованья кирасирским полкам; 20 мая — 78,4 тыс. на размножение конских заводов; 5 июня — 63,4 тыс. на Кадетский корпус; 19 июня — 167,3 тыс. на выведенные из возвращаемых персидских провинций 5 пехотных полков и т. д.¹³⁵ Общая сумма этих достаточно стабильных статей расходов составила в мирное время — 355,6 тыс. руб., в военное — 373,6 тыс. руб. в 1733 г.¹³⁶ Уже в связи с этим дефицит армейского бюджета по комиссариатским подсчетам в случае перехода на штаты военного времени должен был составить 67,2 тыс. руб.¹³⁷ Помимо этих достаточно стабильных расходов на чрезвычайные нужды было истрачено из воинских сумм 104,3 тыс. руб. (причем только на формирование первого кирасирского полка и на покупку лошадей ему, снова порученную Мейеру и Вульфу — 86 820 руб.)¹³⁸.

Общая переплата на армейские штатные расходы против табельных цен даже по неполным данным составила 202 758 руб.¹³⁹, то есть 35,6% сокращения расходов в мирное время по данным комиссии. Общий же перерасход средств сверх нового воинского штата комиссариат определял в 606 013 руб. по положениям мирного времени и в 886 517 — по положению военного¹⁴⁰. Отсюда становилось вполне очевидным, что первоначальные планы сокращения ставки подушной, связываемые с сокращением воинских расходов, были не более чем фикцией, и с этого времени фактически серьезно и не обсуждались.

В связи с тем, что были созданы только два кирасирских полка, планы численного сокращения личного состава также не были

135 РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 719–720.

136 Там же.

137 Там же.

138 Там же. Л. 991.

139 Там же. Л. 900.

140 Там же. Л. 579 об.

реализованы, поскольку только за счет этого не было сокращено 1840 строевых и соответствующее количество лошадей. Решение о переходе с 1734 г. на штаты военного времени потребовало срочной закупки лошадей, чтобы восполнить уже осуществленный перевод на мирный штат, но осуществить покупку сразу такого количества голов оказалось сложно, и в 1733 г. правительство перешло к безденежному сбору лошадей по разверстке с крестьянства¹⁴¹, что фактически означало введение нового прямого налога на него, и следовательно — отступление от декларируемого правительством курса на отказ от повышения прямых налогов.

Неурожай 1733–1735 гг. и связанный с ним голод вызвали рост цен на продовольствие и фураж, что также, очевидно, должно было сказаться на соответствующих статьях армейских расходов. Кроме того, сам период комплектования армии по мирному штату (всего два года) оказался слишком коротким, а именно в это время и можно было ожидать сколь-нибудь существенных для положения крестьян результатов от миниховских штатов армии. Война 1733–1735 гг. за польское наследство привела к решению о прибавлении в полки по 12 внештатных рядовых¹⁴². Из всего этого становилось очевидным, что реальные результаты работы Воинской комиссии оказались очень скромными.

§ 3. Реформа управления армией

Хотя новая структура управления армией была создана в 1736 г., есть все основания рассматривать этот вопрос как не выходящий за хронологические рамки «довоенного» периода, поскольку разрабатывалась она в течение первой половины царствования, а сам закон о новой структуре Военной коллегии был подписан 26 января 1736 г.¹⁴³

В 1732–1733 гг. проверялась не только эффективность новых армейских штатов, но и эффективность нового управления снабжением армии в лице Генерального кригс-комиссариата, причем оба этих обстоятельства оказались взаимосвязанными. Именно в ходе проверки результатов миниховской реформы, вызвавшей конфликт комиссариата с Минихом, был дан и первый толчок изменениям в армейском управлении.

В подготовке реформы можно выделить две фазы, пришедшиеся: 1) на июнь — ноябрь 1733 г.; 2) весну — зиму 1735. В обеих исходной точкой были попытки реформы снабженческого ведомства — Генерал-кригс-комиссариата.

¹⁴¹ Указ 8 окт. 1733 г. ПСЗ. Т. IX. № 6497.

¹⁴² Журавский Д. П. Указ. соч. С. 33.

¹⁴³ ПСЗ. Т. IX. № 6872.

Начаты они были предложением Военной коллегии о переводе комиссариата из Москвы в Петербург, очевидно исходившим от Миниха и объективно направленным на усиление контроля со стороны военного ведомства над комиссариатом, не входившим тогда в структуру Военной коллегии и занимавшим достаточно самостоятельное положение как по официальному статусу, ставившему его в непосредственные отношения с Сенатом, так и по расположению его в Москве (Военная коллегия находилась в Петербурге).

Сенат в докладе 10 июня 1732 г. высказался за оставление комиссариата в Москве, приведя целый ряд доводов, сводившихся в основном к экономическим мотивам: местоположение центрального органа снабжения армии в центре страны, а не на петербургской окраине сокращало перевозки к полкам, позволяло поддерживать более эффективную и оперативную связь с ними, сокращать время на закупки материалов и заключение контрактов с подрядчиками, поскольку вся сеть предприятий, снабжающих армию, располагалась в Центре; немаловажным обстоятельством считалось и неминусовое с переводом в Петербург резкое увеличение объема переписки и волокиты в делах¹⁴⁴. Впрочем, понимая, что идея перевода в Петербург и сосредоточения там всех звеньев центрального управления не могла не показаться слишком соблазнительной, Сенат рассмотрел и возможность перевода туда самого Генерал-кригс-комиссариата с небольшим числом людей, оставив весь основной аппарат ведомства в Москве, ссылаясь при этом на порядки петровского времени¹⁴⁵. Одновременно Сенатом было высказано сомнение в эффективности комиссариатского управления в том виде, в каком оно сложилось по решениям Воинской комиссии, хотя скорее Сенат склонялся к иному, нежели миниховское, решению — он явно был на стороне существовавшего при Петре мощного и независимого ведомства снабжения армии, руководимого генерал-пленипотенциар кригс-комиссаром, подчинявшегося только Сенату¹⁴⁶.

Императрица утвердила решение о переводе комиссариата в Петербург, что вызвало сенатский приговор 19 августа 1733 г. о необходимости подачи совместного мнения Военной коллегии и комиссариата, как лучше организовать работу последнего¹⁴⁷.

В это время Россия готовилась к военным действиям в Польше, в августе серьезно обсуждались планы развертывания армии в случае возможной войны с Турцией, 1 сентября было принято решение

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 597–598 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 598–599.

¹⁴⁶ Там же. Л. 597 об. — 598.

¹⁴⁷ Там же. Кн. 494. Л. 89–90.

о переходе на штаты военного времени с начала 1734 г.¹⁴⁸, что резко увеличивало нагрузку на комиссариат.

Следствием всего этого и явилось доношение Генерального кригс-комиссариата от 28 сентября 1733 г.¹⁴⁹, подписанное обер-штер-кригс-комиссаром Григорием Наумовым и генерал-провиантмейстером Федором Полибиным, впервые ставившее вопрос о новой структуре комиссариата на практическую почву. Признавая, что функции комиссариата в его нынешнем виде слишком сложны и многочисленны, что по сравнению с прежней системой контор он проигрывает в численности служителей, а главное — в том, что отсутствует четкое разграничение дел, авторы предлагали разделить все дела по четырем «правлениям» или «апартаментам»: 1) собственно комиссариат; 2) подушный сбор; 3) мундир; 4) провиант; «...и быть особливыми правлениями, а оным правлениям состоять в дирекции Генерал-кригс-комиссара»¹⁵⁰.

В предлагаемом департаментском делении комиссариата с сосредоточением руководства в руках генерал-кригс-комиссара, а в департаментах — особых директоров, решающих сложные дела общим советом, нельзя не отметить влияния заработавшей к тому времени новой структуры Адмиралтейской коллегии, построенной именно на этих принципах. С этого времени идея департаментской реформы комиссариата стала ведущей. Вместе с тем тенденция к дальнейшей централизации снабжения армии в относительно независимом комиссариате даже усилилась.

Предлагалось всю амуницию, провиант и прочее заготавливать в комиссариате, поскольку это позволило бы избежать излишней конкуренции между армейскими снабженцами на рынке, ликвидировать мелкие подряды и регулировать подрядные цены. Подушную, значительная часть которой ранее оставалась при полках и лишь определенная квота высылалась в комиссариат, предполагалось теперь всю распределять по ассигнациям комиссариата, регулировавшего, с каких дистриктов на какие полки удобнее отсылать деньги в зависимости от мест квартирования полков, чтобы сократить излишние расходы на перевозку денег. Здесь было и рациональное зерно, но на практике это могло привести к росту бюрократизации и волокиты.

Вторая фаза обсуждения вопроса о реформе комиссариата, особенностью которой была более тесная связь с обсуждением вопроса о сборе подушной, приведшим к очередному изменению его порядка, началась весной 1735 г.

¹⁴⁸ ПСЗ. Т. IX. № 6472.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 16–19.

¹⁵⁰ Там же. Л. 17 об.

В течение 1734–1735 гг. в связи с голодом снова поднимаются вопросы налогообложения крестьян и идет поиск возможных вариантов перераспределения податного бремени, как это было показано в главе первой. Вынужденная на сей раз чрезвычайными обстоятельствами отмена сбора подушной на первую половину 1735 г. опять остро ставит вопросы финансирования армии. Рост недоимки в результате голода, сделавшего невыносимым для крестьянства экзекуции, посылаемые для ее взыскания, вызвал к жизни проведенную по инициативе А. Маслова проверку правильности сбора подушной офицерами, результаты которой стали известны правительству в основном к июлю—августу 1734 г.¹⁵¹ Несмотря на ее в значительной степени формальный характер, все-таки просочились сведения о крупных злоупотреблениях. Результатом всего этого явилось мнение В. Я. Новосильцева, поданное 24 марта 1735 г. и в основном повторявшее предложение комиссариата 1733 г., но предложившее отстранить от сбора подушной армейских офицеров и солдат и заменить их отставными, работающими под контролем губернаторов и воевод¹⁵².

Но обсуждение вопроса опять приостановилось и возобновилось только в августе 1735 г. Поскольку в июле Миних, получивший приказ о начале войны с Турцией, уже выехал к Украинской армии, и война началась, на первый план в обсуждении вновь выдвинулся вопрос о комиссариатской структуре, и даже в изменении порядка сбора подушной чувствовалось сильное стремление вернуть армейских офицеров и солдат, задействованных в нем, в полки. В связи с военными действиями упорядочение снабжения армии требовало срочных мер, и с этого времени вопрос о реформе комиссариата начал решаться быстрее, без перерывов и отсрочек.

10 сентября Новосильцев и Измайлов подали в Сенате доношение, предусматривающее департаментскую реформу комиссариата по образцу доношения 1733 г.¹⁵³, что в основном было одобрено и при обсуждении его 8 октября на совещании в Кабинете министров¹⁵⁴. Однако вскоре после 8 октября появился проект, исходящий от Кабинета министров (не подписан и не датирован, но принадлежность Кабинету министров видна из заголовка)¹⁵⁵, переводивший вопрос в другую плоскость и ставивший проблему реформы военного управления в целом. Представляя, что основную нагрузку по управлению армии несет комиссариат, а Военная коллегия слабо загружена делами, авторы проекта предлагали включить комиссариат в структуру Военной коллегии («соединить комиссариат с

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 843. Л. 963–1078.

¹⁵² РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 45–46.

¹⁵³ Там же. Л. 72.

¹⁵⁴ Там же. Л. 266–268.

¹⁵⁵ Там же. Л. 282–287 об.

Военной коллегией»), подчинив ее президенту и образовав в ее составе шесть экспедиций (1) о сборе рекрут; 2) о сборе подушных денег и о расходах; 3) о мундире; 4) амуниции; 5) провиантскую; 6) оружейную, к которым в примечаниях предусматривалась возможность прибавить еще две — артиллерии и фортификации)¹⁵⁶, причем «над каждою экспедициею учинить особливого генерального директора, которому заседание иметь в вышеписанной Военной коллегии... и каждому в положенных на него делах отвечать»¹⁵⁷. Тем самым фактически предлагался план соединения всех донные автономных военных ведомств в единую жестко централизованную структуру с общим руководством, с сохранением разделения функций внутри нее. Нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с реформой по тому же образцу, что и реформа Адмиралтейства 1732 г., и одним из основных авторов проекта, почти буквально повторяющего ее черты, вероятнее всего следует признать А. И. Остермана. Во всяком случае, на эту связь недвусмысленно указывал в последующем обсуждении и Н. Ф. Головин: «...позже и по известному примечанию из разделения экспедициев по новоучиненному штату при Адмиралтействе видна немалая к лутчему перемена и порядочное дел течение...»¹⁵⁸.

Далее, повторяя в основных положениях ранее поданные мнения о структуре комиссариата, проект поддерживает мнение о централизации сбора подушной и передаче его целиком в ведомство комиссариата. Поддерживается и идея передачи сбора гражданской администрации и определения к нему отставных офицеров и солдат, в мотивировке которой отчетливо сочетаются военные и социальные цели: 1) «О великом расходе, как в офицерах, так и в салдатех, к подушному сбору употребляемых, известно»; 2) «Известно и о многих же великих непорядках от тех к подушному сбору определенных офицеров, которые, за их офицерскими отлучениями и возвращениями в полки надлежаще исследованы быть не могут»¹⁵⁹. И действительно, ведомость, поданная 4 декабря 1735 г., свидетельствовала, что на 127 полковых квартир ежегодно отвлекались 294 офицера и 4257 рядовых, причем их содержание обходилось военному ведомству (даже без учета командировочных) в 132,6 тыс. руб.¹⁶⁰ Помимо этого в проекте предусматривалась и давно уже обсуждавшаяся¹⁶¹ возможность

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 283.

¹⁵⁷ Там же. Л. 283 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 310.

¹⁵⁹ Там же. Л. 285–285 об.

¹⁶⁰ Подсчитано по: там же. Л. 208–208 об.

¹⁶¹ Попытки частичной уплаты натурой выдвигались еще в записках верховников 1726 г. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 33. Л. 193), затем обсуждались в апреле 1731 г. (см. гл. 1 наст. работы).

замены части подушной натурой, в связи с чем вновь был привлечен выдвинутый еще в апреле 1731 г. проект подобной замены¹⁶².

Кабинетский проект в свою очередь поступил на обсуждение, прошедшее несколько этапов, в котором участвовали: Сенат, Военная коллегия, а также президенты Адмиралтейской коллегии (Н. Ф. Головин) и Юстиц-коллегии (И. Щербатов). До середины декабря появилась первая редакция сенатского мнения на этот проект¹⁶³; к концу 20-х чисел, после ее тщательного обсуждения в упомянутом кругу — вторая редакция¹⁶⁴, до 30 декабря обсужденная в Кабинете, высказавшем свои замечания, и уже на основании этого был составлен сенатский доклад 23 января 1736 г., окончательно определивший новую структуру Военной коллегии, высочайше утвержденный 26 января¹⁶⁵.

Новая административная структура при обсуждении редактировалась лишь относительно определения числа необходимых экспедиций и их целесообразности. Сенат высказался за создание должности вице-президента и советников при нем для решения текущих дел, отвергнув идею создания особой рекрутской и оружейной контор и введя в их число артиллерийскую и фортификационную, а также вообще предложил именовать экспедиции конторами¹⁶⁶. Военная коллегия, возразив против ликвидации рекрутской конторы, предложила создать особую счетную контору, куда поступали бы на ревизию все армейские счета, настаивая на оставлении комиссариатских контор в Москве¹⁶⁷. Все эти предложения были учтены и так или иначе отразились в окончательной схеме административной структуры коллегии (приложение 4).

Гораздо большее внимание привлек вопрос о новом порядке сбора подушной. В первой редакции Сенат, согласившись с передачей сбора подушной гражданским властям, высказался за привлечение к этому, кроме отставных солдат, городских рассыльчиков, предложив на 50% увеличить их численность (с 5448 чел. до 8232), а также перейти к поуездному сбору подушной. Вторым существенным дополнением Сената было введение в губерниях и провинциях земских комиссаров, отличавшихся по своим функциям от введенных Петром I: они не участвовали в сборе подушной, а были выборными представителями местного дворянства, единственной целью которых был контроль с его стороны за правильностью сбора подушной подати властями¹⁶⁸.

¹⁶² РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 138–144.

¹⁶³ Там же. Л. 289–293.

¹⁶⁴ Там же. Л. 313–317.

¹⁶⁵ Там же. Л. 443–450; ПСЗ. Т. IX. № 6872.

¹⁶⁶ Там же. Л. 289–290.

¹⁶⁷ Там же. Л. 313–317.

¹⁶⁸ Там же. Л. 291 об.

Предложения Сената в основном были одобрены, если исключить осторожное возражение Военной коллегии против сбора подушной натурой, предложившей первоначально проверить его возможность на одном или нескольких полках¹⁶⁹. Головин в связи с новым порядком сбора подушной предлагал провести новую ревизию и впредь проводить их через каждые пять лет, «...ибо та генеральная ревизия может предупредить побег крестьян из деревень, потому что всякий, ожидая в 5 лет ревизии, опасается с места на место переходить...»¹⁷⁰. Идея пятилетней ревизии была, конечно, малореальной, ввиду сложности проведения их процедуры, как выяснилось уже в ходе первой ревизии, но сама мысль о необходимости новой ревизии не была оригинальным изобретением Головина, а неоднократно высказывалась уже в ходе обсуждения проекта о ясачных в начале 1735 г.¹⁷¹

Вторая редакция сенатского мнения предложила заменить переменявшихся погодно отставных офицеров у сбора постоянными и назначить их не только в губернии и провинции, но и в дистрикты¹⁷², а также отложить переход к поуездному сбору подушной ввиду его практической трудноосуществимости (пришлось бы менять порядок отчетности, изготавливать новые окладные книги, а такие дела тянулись не месяцами — годами) до проведения новой переписи уже по этому принципу, сохраняя пока принцип сбора по полковым дистриктам.

Хотя в нее и вошло предложение о сборе части подушной натурой, но в ходе обсуждения Сенат не одобрил эту идею: «Что написано брать провиант натурою и платить за подушный сбор, и то выключить»¹⁷³. Как ни заманчива была идея частичной замены подушной натуральными поставками, как ни отвечала она стремлению правящей верхушки снять часть податного бремени с крестьян, еще более возросшего с переводом налогов в денежную форму¹⁷⁴, однако и гражданские, а тем паче военные власти осознавали технические сложности в ее осуществлении: требовалось поменять порядок заготовок, ввести еще более сложную форму финансовой отчетности, учитывать качество провианта, наладить еще более громоздкую систему учета уплаты подати налогоплательщиками. Очевидно, именно поэтому все эти планы так никогда и не были осуществлены: повсеместное денежное взимание подушной было гораздо проще и удобнее.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 319 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 312.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 16. Д. 104; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 482.

¹⁷² РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 299–300.

¹⁷³ Там же. Л. 337.

¹⁷⁴ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. С. 111.

Кабинет высказался за передачу в ведение коллегии даже 4-гривенного сбора и 120-копеечного сбора с купечества, поскольку это устранил излишние перевозки денег, позволит собирать все налоги на армию одними сборщиками и будет способствовать более четкому разграничению статей доходов между Штатс-канторой и Военной коллегией, в состав которой теперь включались и канцелярии артиллерии и фортификации¹⁷⁵. Однако идея учреждения должности земского комиссара, в которой, очевидно, можно было усмотреть отголоски хоть какого-то дворянского представительства на местном уровне, пусть даже и чисто гипотетически могущего повести к сплочению дворянства в процессе выборов, была с ходу отвергнута Кабинетом: «...от определения такого комиссара только управителей умножится, и, следовательно, в делах больше помешательства и конфузии быть может...»¹⁷⁶.

Замечания и предложения Кабинета были почти полностью учтены в окончательном варианте сенатского доклада 23 января 1736 г., утвержденном императрицей. На основании его и была создана новая Военная коллегия, все звенья которой переводились в Петербург. 19 февраля был определен ее новый состав, и в числе 24 вновь назначенных тогда ее членов не было ни одного иностранца¹⁷⁷. Но, конечно, президентом коллегии оставался Миних, а вице-президентом вскоре был назначен известный де-Геннин, наконец-то вырвавшийся с опротивевшего ему Урала.

Характерно также, что Миних не только не являлся автором реформы собственного ведомства, но и практически не принял в этом никакого участия, насколько об этом позволяют судить документы.

Таким образом, реформа военного управления разрабатывалась в тесной связи с вопросами податной политики, которые, в свою очередь, оказывали на нее серьезное влияние.

В итоге вновь был изменен порядок сбора подушной, который с этого времени окончательно передавался в ведомство гражданских властей, а армия удалялась из уездов. Это фактически означало в основных чертах возврат к политике верховников, от которой отказались в начале царствования.

С изменением порядка подушного сбора фактически была увеличена и сама ставка подушной: на содержание сборщиков ранее собиралось по деньге с рубля, а теперь — по 2 копейки, что было обусловлено привлечением к сбору отставных офицеров и солдат, которым надо было откуда-то платить жалование.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 356–357.

¹⁷⁶ Там же. Л. 375–376.

¹⁷⁷ Там же. Л. 500–501.

Несмотря на то что передача сбора подушной гражданским властям была выгодна помещикам, устраняя армию из их отношений с крестьянством, ограждая его от злоупотреблений практически не подконтрольных никому военных властей и тем самым одновременно увеличивая полицейскую власть самого вотчинника, что косвенно сказалось и в мотивировках принятия этого решения, значительную, и даже, возможно, доминирующую роль в данном случае играли армейские интересы, выразившиеся в стремлении избежать излишнего отвлечения офицеров и солдат от их непосредственных обязанностей, особенно актуального в условиях начавшейся масштабной войны.

Таким образом, можно сделать вывод, что оба изменения в порядке сбора подушной в аннинское царствование (в 1730 г., когда к нему возвращалась армия, и в 1736 г., когда он снова передавался гражданским властям) вызывались непосредственно преимущественно конъюнктурными, армейскими интересами, хотя во втором случае решение в конечном счете и имело своей подоплекой глубинные интересы господствующего класса.

Следовательно, податная политика в данном отношении не развивалась по какому-то заранее продуманному логическому плану, что отметил и Ю. В. Готье, оценивший указ 26 января 1736 г. как завершающий акт контрреформы петровского порядка сбора подати, характеризуя ее как имевшую ступенчатый и непоследовательный характер¹⁷⁸. Кроме того, как мы видели, вопросы податной политики при обсуждении проблем военного управления ставились и в более общем плане: доказательством этому служит поднятая Головиным проблема необходимости новой ревизии податного населения.

Реформа военного управления завершилась созданием типичной для 1730-х годов централизованной административной структуры с разделением функций по отраслям внутри нее, очевидно, достаточно эффективной в рамках бюрократического самодержавного государства.

§ 4. Общие итоги правительственной политики в отношении сухопутной армии в период 1730–1735 гг.

Общие итоги правительственной политики отражены в таблицах 1–7 приложений 1–3 к наст. работе. Они тем более интересны и важны, что период 1730–1736 гг. практически исчерпал военные преобразования аннинского правительства: русско-турецкая война серьезных изменений в полковой состав армии не внесла, и в дальнейшем, до конца царствования, они были незначительны. В 1738–1740 гг.

¹⁷⁸ Готье Ю. В. История областного управления... Т. 1. С. 42–43.

были учреждены три грузинские роты, окончательно сформированные уже в последующее время; в 1740 г. было решено переформировать еще один драгунский полк в кирасирский, но решение так и не было проведено в жизнь; уже в 1741 г. были утверждены штаты трех ранее сформированных гусарских полков¹⁷⁹. Последнее — создание гусарской кавалерии — было, пожалуй, наиболее серьезным нововведением.

1. При вступлении Анны Иоанновны на престол русская регулярная армия насчитывала в общей сложности 227 960 чел. в составе 155 полков, 2-х пехотных батальонов и 2-х эскадронов гарнизонных драгун; из этих 155 полков 108 были пехотными и 47 кавалерийскими¹⁸⁰. Основную ее ударную силу составляла полевая армия в количестве 92 полков (59 пехотных и 33 кавалерийских, учитывая гвардию и 17 полков Низового корпуса). Остальное приходилось на долю гарнизонных и ландмилицких частей.

К концу 1736 г. армия увеличилась в общей сложности до 166 полков, 4-х батальонов и 2-х эскадронов, то есть на 11 полков и два пехотных батальона. Однако собственно полевая армия за это время не увеличилась, а сократилась в общей сложности на 6 полков (с 92 до 86). Наибольшие изменения в ней произошли в 1730–1732 гг.: в 1732 г. в соответствии с решениями комиссии были расформированы 2 полка на укомплектование остальных, а в 1733 г. должны были быть расформированы 5 полков Низового корпуса в связи с выводом его из Персии и сокращением источника его финансирования. Сокращение было частично компенсировано созданием в 1730 г. Измайловского гвардейского полка.

Одновременно с этим происходили изменения и в кавалерии: в конце 1730 г. на базе одного из драгунских полков (Лейб-регимента) был сформирован конногвардейский; в 1731 г. еще один, а в 1732 г. — два полка были переформированы в кирасирские, но в целом программа создания кирасирских полков, предложенная Военской комиссией, так и не была выполнена. Сокращение полевой армии, таким образом, произошло в основном за счет частей, созданных целевым назначением для действий в персидских провинциях, собственно же полевая армия практически не изменилась.

Следовательно, увеличение полкового состава пришлось в основном на счет формирования новых ландмилицких и драгунских полков, создававшихся преимущественно для охраны пограничных линий и комплектовавшихся в основном из местного населения: наиболее крупные изменения здесь были вызваны формированием

¹⁷⁹ Висковатов А. В. Историческое описание одежды... С. 105; Журавский Д. П. Указ. соч. С. 38–39; РГВИА. Ф. 23. оп. 1/121. Д. 468; таблица 1 приложения 1 к наст. работе.

¹⁸⁰ См. таблицу 1 приложения 1.

14 ландмилицких полков на Украинской и Ново-Закамской линиях. Помимо этого 18 мая 1734 г. было решено учредить Уфимский и Оренбургский драгунские гарнизонные полки¹⁸¹ как военную силу для осуществления целей, поставленных перед Оренбургской экспедицией¹⁸²; 7 сентября 1736 г. — еще один подобный полк в Сибири «...из тамошних дворян, казаков и их детей»¹⁸³. Этим же указом создавался и пехотный гарнизонный батальон в Сибири, чем фактически исчерпывались все изменения в гарнизонной пехоте, ибо созданный в 1735 г. Ладожский канальный батальон¹⁸⁴ только по штатам и форме был гарнизонной частью: он финансировался за счет доходов, собираемых с канала, и занимался преимущественно не охраной канала, а ремонтными работами¹⁸⁵.

Таким образом, в общих итогах изменений в полковом составе отчетливо проявился правительственный курс на создание более дешевых ландмилицких и гарнизонных частей, обусловленных конкретными задачами и комплектовавшихся и финансировавшихся из источников, непосредственно не связанных с подушной и владельческим крестьянством.

2. Численность русской регулярной армии в 1736 г. возросла до 240 405 чел.¹⁸⁶ Активный состав ее был несколько ниже: 200 097 нижних чинов и 6167 офицеров¹⁸⁷, то есть нестроевые в составе армии занимали чуть более 14%. По сравнению с 1729 г. штатная численность к этому времени увеличилась на 5,9%¹⁸⁸. Вместе с тем собственно полевая армия (включая Низовой корпус и гвардейские полки) даже несколько сократилась к этому времени: на 3307 чел. или 1,6%¹⁸⁹. Однако этот показатель был ниже запланированного воинской комиссией для военного времени (4,4%), причем в основном он был достигнут за счет сокращения Низового корпуса. Армия же в границах деятельности Воинской комиссии (без гвардии, Низового корпуса) практически осталась на уровне численности 1729 г., даже увеличившись на 327 чел., или на 0,2%.

Таким образом, планируемое комиссией сокращение не удалось как вследствие неудачи с формированием кирасир, так и из-за образования новых гарнизонных частей. Основной же прирост численности, как и следовало ожидать по изменениям полкового состава, пришелся на ландмилицкие части.

¹⁸¹ Висковатов А. В. Указ. соч. С. 105.

¹⁸² Инструкция И. К. Кириллову от 18 мая 1734 г. (ПСЗ. Т. IX. № 6576).

¹⁸³ ПСЗ. Т. IX. № 7051.

¹⁸⁴ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. К № 6697. С. 213.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1092. Л. 921–934.

¹⁸⁶ См. таблицу 2 приложения 2.

¹⁸⁷ См. таблицу 7 приложения 3.

¹⁸⁸ Таблица 2 приложения 2, итоговая графа.

¹⁸⁹ Подсчитано по таблице 2 приложения 2.

Динамика численности штатного состава, естественно, практически повторяет процессы изменений в полковом составе. Наибольший рост численности — 7,83% — пришлось на 1731 г. и был связан с созданием новых гвардейских и ландмилицких частей (которые, однако, далеко не сразу были сформированы); наименьшие численные показатели пришлось на 1733 г., когда армия переводилась на мирные штаты, но и тогда сокращение было относительно скромным — 2,28%, в то время как Воинская комиссия планировала сокращение в мирное время на 9,8%. Оно могло быть почти достигнуто на практике, но рост других подразделений армии очень существенно погасил его. Помимо этого, в 1734 г. Миних затребовал в полки, в связи с военными действиями в Польше, по 12 внештатных рядовых, что должно было дать по армии увеличение около 8 тыс. чел.¹⁹⁰

Естественно, что, пользуясь показателями штатного состава, мы имеем дело прежде всего с идеальным состоянием, то есть с тем, каким должен был бы быть численный состав армии. На практике эти данные существенно искажаются зачастую большим некомплексом в полках и завершенными или незавершенными процессами формирования и расформирования частей¹⁹¹, и в конечном счете мы имеем здесь дело лишь с характеристикой *тенденций* правительственной политики. Важны они еще и в том смысле, что именно исходя из них строились финансовые расчеты и определялась финансовая политика правительства.

3. Максимальный рост штатных *расходов* также приходится на 1730–1731 гг. Уже в 1731 г. штатные расходы должны были вырасти на 3,1%, а в 1731 г. подскочить, с учетом реальных расходов на формирование гвардейских полков, даже в большей степени, чем выросла сама армия — на 9,3%¹⁹². Все это, как и данные о численном росте армии, должно было, очевидно, повлиять на ускорение работы Воинской комиссии. Ее результаты в особенности сказались в 1733 г., когда штатные расходы должны были достичь максимального снижения на 8%. Однако ранее мы уже видели, что эти идеальные данные на практике сильно корректировались дополнительными расходами, вызванными несоответствием табельных цен реальным. Более того, за 1732–1734 гг. мы располагаем данными о чрезвычайных и сверхштатных расходах на армию, с учетом которых, и с учетом расходов на нерегулярные части, общие штатные расходы должны были уменьшиться всего на 1,7%, а в

¹⁹⁰ Журавский Д. П. Указ. соч. С. 33.

¹⁹¹ Указанные процессы в определенной степени характеризуют данные сводки о численности армии на 1734 г., где например, 5 полков Низового корпуса показаны нерасформированными (Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 50).

¹⁹² См. таблицы 4, 5 приложения 3 к наст. работе.

1732 г., несмотря на начатый переход на мирные штаты — даже вырасти на 3,12%. В 1734 г. реальный рост военных расходов должен был составить 3,8%.

За последующий период у нас нет данных о внештатных и чрезвычайных расходах, но даже и без их учета общие расходы на армию должны были сократиться в 1735 г. всего на 0,8%, а в 1736 г. — даже вырасти на 1,3%.

Таким образом, цели правительственной политики, предусматривавшей сокращение расходов на армию, не были в конечном счете достигнуты. Однако общий рост расходов, составивший, например, в 1734 г. по сравнению с 1729 г. 205 339 р., или 3,8%, следует признать все же весьма умеренным, ибо за аналогичный период с 1725 по 1729 г.¹⁹³ военные расходы выросли на 277,7 тыс. руб., или на 5,42%, а в 1756 г. только утвержденные новые штаты Военной коллегии определялись в 6,7 млн. руб., то есть были больше известных нам военных расходов 1734 г. на 18,3%¹⁹⁴ (то есть росли за указанный период в среднем почти по 1% в перерасчете на год, и это без вполне вероятного роста внештатных расходов). Следовательно, даже не реализовавшись, вышеуказанные цели правительственной политики все-таки проявили себя в линии на *сдерживание роста* военных расходов, весьма ощутимой в начальный период в практике аннинского царствования.

Помимо этого, следует иметь в виду, что основной рост штатных расходов пришелся преимущественно на долю ландмилицких и гарнизонных частей, относительно дешевых и комплектовавшихся и частично финансировавшихся за счет особых категорий населения. Значительную часть расходов на содержание ландмилиции несли одноворцы; сибирский драгунский полк и пехотный батальон формировались там из прежних служилых людей, а провиант и фураж шли из местных сибирских сборов или непосредственных сборов с населения; более того, указом 23 мая 1737 г. фактически все расходы на эти части перекладывались на население Сибири¹⁹⁵. К сожалению, рост расходов на эти части не был компенсирован даже ранее задуманным в связи с ним расформированием 6 армейских полков. Таким образом, правительственная политика объективно вела к перераспределению податного бремени с владельческого крестьянства на другие слои населения.

4. Однако и в этом отношении преимущественно она проявилась в тенденции к сдерживанию роста повинностей. Планы снижения подушной провалились, не более успешной оказалась и линия на

¹⁹³ Принимая за основу сумму военных расходов на 1725 г. в 5 млн. 119 тыс. р. (Троицкий С.М. Указ. соч. С. 224).

¹⁹⁴ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 230.

¹⁹⁵ ПСЗ. Т. X. № 7621.

облегчение рекрутчины — возможно, наиболее тяжелой повинности крестьянства¹⁹⁶, так как существенного снижения численности армии не произошло, а период действия мирных штатов оказался весьма кратковременным.

Учитывая практику покупки рекрута населением, даже при минимальной цене в 100 руб. при наборе со 120 душ (как было в 1738 и 1739 гг.), еще не самом большом, плата с человека должна была составить 83,3 коп., то есть почти на 1/5 больше годовой ставки подушной. Автор проекта 1732 г. определял расходы мира на покупку рекрута в 100–120 руб., «...и с другими подмогами, которые они тем рекрутам или сродникам его дают, как они, рекруты, сами сказывают, учинит 170 или 180 рублей...»¹⁹⁷. Не случаен, наверное, и тот факт, что при проверке правильности сбора подушной в 1734 г. из 11 жалоб, отмеченных в сенатском экстракте, 7 жалоб — на злоупотребления при рекрутском наборе, и только 3 — при сборе подушной, причем и здесь в двух случаях одновременно жаловались на сборщиков рекрут¹⁹⁸.

Хотя армия в 1730-е гг. была численно меньше, чем в елизаветинское время, она тем не менее составляла 4,12% податного населения мужского пола, определяемого в 5,9 млн. душ¹⁹⁹, но и этим не исчерпывается тяжесть рекрутской повинности: в гораздо большей степени она зависит от периодичности, частоты и размеров рекрутских наборов. Как показывает таблица 6, за 10 лет аннинского царствования в ходе рекрутских наборов было изъято 275,5 тыс. чел., то есть около 5% от учтенного числа душ, или по 0,48% ежегодно, что более, чем в любое другое царствование (в том числе и чем в конце петровского), исключая часть екатерининского (если учитывать только годы тогдашней турецкой войны). Следовательно, ежегодная убыль армии в аннинское царствование составляла более 10%.

Правда, за первую половину царствования (1730–1735 гг.) было взято 41,9% этого числа, но и в этом случае податное бремя велико и выше средних показателей в предшествующий и последующий периоды, то есть в конечном итоге рекрутчина в аннинское царствование оказывается наиболее тяжелой в сравнении с другими периодами XVIII века. Осознание объективной тяжести рекрутских наборов в правительственных кругах отразилось в ряде проектов, направленных специально на ее облегчение.

¹⁹⁶ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 123.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 457 об.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 848. Л. 993 об.–998. См. также: Александров В. А. Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.). М., 1976. Гл. V. С. 242–292; особенно — 271–273.

¹⁹⁹ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 115; таблица 6 приложения 3 к наст. работе.

§ 5. Планы комплектования русской армии в контексте истории европейских армий

То огромное влияние, которое оказывало на все стороны жизни общества и государственную политику наличие такой значительной армии в России, несомненно. По данным, обобщенным Андрэ Корвизье²⁰⁰, русская армия в 20-х гг. XVIII в. составляла примерно 1/64 часть всего населения, а к концу XVIII в. (1796 г.) это соотношение даже снизилось до 1/120-й²⁰¹. На разное время ее по этому показателю опережают такие страны, как Швеция (1/25-я на конец XVII в.; 1/13 на 1709 г.; 1/45 на конец XVIII в.), Пруссия (1/27 на 1740; 1/14 на 1760; 1/29 на 1786), Пьемонт (1/54 на 1734), однако Россия на изучаемый период опережала по нему даже почти постоянно воевавшую Австрию (1/80-я в 1705; 1/96 в 1786), не говоря уже о Франции и об Англии, первая из которых приблизилась к уровню России только к 1710 г., но и тогда его не достигла. Таким образом, Россия явно относилась к числу стран с уровнем милитаризации выше среднего, хотя и не выделялась из их ряда.

Но относительная слабость русской экономики обуславливала тот факт, что давление армии на государственный бюджет было гораздо более значительным, и по этому показателю Россия могла занимать исключительное место. Военные расходы России в 1725 г. поглощали 71,6% бюджета²⁰², тогда как расходы Пьемонта, государства с наибольшими военными издержками в Европе, даже в годы войны в 1733–1740 гг. не превышали 68,1%²⁰³, а военные расходы Франции составляли: в 1726 г. — 35,6%; в 1751 г. — 38,9%²⁰⁴, а к концу 80-х гг. — лишь 30%²⁰⁵. Положение усугублялось еще и тем, что расходы на армию и рекрутская повинность ложились на население крайне неравномерно; большей частью они приходились на русское население, положенное в подушный оклад, не распространяясь на Украину и Прибалтику и некоторые другие территории с особым статусом населения, а также на неподатные его слои. Поэтому основную тяжесть содержания армии нес примерно 71% населения России, в первую очередь — русское

²⁰⁰ Corvisier A. Op. cit. P. 126.

²⁰¹ Расчеты Корвизье относительно России вполне объективны, ибо приведены данные на петровское время по численности населения в 14 млн. чел. и армии — в 220 тыс. чел., что примерно соответствует действительности.

²⁰² Троицкий С. М. Указ. соч. С. 224.

²⁰³ Corvisier A. Op. cit. P. 125.

²⁰⁴ Подсчитано по: Maurineau M. Budgets de l'états et gestion des finances royales en France au dis-huitième siècle // Revue historique. 1980. № 536. P. 315.

²⁰⁵ Corvisier A. Op. cit. P. 125.

крестьянство. Некоторые особенности русской армии делали это бремя еще более тяжелым.

Европейские постоянные армии, развитие которых длилось к началу XVIII в. лишь 50–70 лет, начавшись по большей степени с эпохи Тридцатилетней войны, в значительной степени сохраняли старые черты. Вооруженные силы были неоднородны и представляли собой пестрый спектр формирований, различавшихся как принципами комплектования, так и предназначением: 1) различного рода милиционные формирования, как в локальных рамках, предназначенные для охраны порядка и различных видов сторожевой пограничной службы, так и национальные милиции (ополчения), служившие вспомогательной силой для армии и резервом для комплектования постоянных частей; 2) сохранение прежних разверсток на выставление в случае нужды определенного количества солдат с феодальных владений и отдельных провинций, как в Австрии и Польше; 3) постоянные части, комплектовавшиеся путем вербовки и приглашения наемников. Широкая вербовка иностранцев, прямые наборы с населения — все это зачастую сосуществовало в рамках одной страны²⁰⁶. Подобное сочетание имело и свои преимущества: тогда как в России пополнение армии приводило к изъятию из производства работников и ложилось на собственное население, в других странах иногда намеренно пользовались вербовкой иностранцев: «Вербовка, при помощи которой теперь стали пополнять войска, не исключала приема иностранцев, — наоборот, кантональное устройство было лишь вспомогательным средством... Чем больше удавалось заполучить иностранцев, тем, казалось, лучше обстояло дело, так как таким путем сберегали для страны рабочую силу. Подданный приносил больше пользы, когда он зарабатывал и платил подати, чем когда он служил»²⁰⁷. Фридрих Великий в 1742 г. определил даже, что 2/3 роты должны состоять из иностранцев, и 1/3 — из собственных подданных. Поэтому переход к мирным штатам и сокращение армии после окончания войны легко осуществлялись роспуском наемных частей и отказом от услуг иностранных формирований.

Особенности феодального строя России и крестьянского производства обусловили ранний переход к системе рекрутских наборов с собственного населения (в Пруссии рекрутские наборы начались только с 1714 г.²⁰⁸; Франция проводила наборы раньше, но это — наборы в ландмилицию²⁰⁹; Австрия производила правильные рекрутские наборы с 1722 г.²¹⁰). При господстве феодального способа

²⁰⁶ Corvisier A. Op. cit. P. 31–72.

²⁰⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 219, 220.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Corvisier A. Op. cit. P. 65.

²¹⁰ Пузыревский А. К. Указ. соч. С. 7.

производства, обусловившего относительную малочисленность свободного населения, которого явно не хватало для обеспечения нормального развития торговли и промышленности, комплектование армии путем вербовки населения было практически невозможным, и попытка ее в начале царствования Петра быстро привела к исчерпанию контингента добровольцев и вынудила с 1705 г. перейти к рекрутским наборам²¹¹.

Помимо этого, сельскохозяйственное производство в России, в котором огромную роль играла община и которое было построено на труде крестьянской семьи, делало практически невозможным изъятие из семьи работника на длительный срок, необходимый для подготовки высокопрофессионального солдата с длительным сроком выучки. Изъять работника непосредственно из семьи было невозможно, ибо семью некому было бы содержать во время его отсутствия, а вернувшемуся спустя десятилетие солдату трудно было бы завести семью и организовать собственное хозяйство и производство. Слишком короткий срок службы вызвал бы необходимость в частых наборах, следовательно — помехи в работе уже сложившихся и нормально работающих крестьянских хозяйств, их дезорганизацию. Таким образом, по самим условиям производства в России сложно было бы изъять работника на время, не внеся сбой в нормальное развитие хозяйства. Гораздо проще и дешевле была та система, которая объективно сложилась, очевидно, не без влияния этих причин — система рекрутских наборов с пожизненной службой в армии, основным объектом которых на практике, как правило, была неженатая молодежь, бобыли или мобилизованные самим крестьянским миром представители различных прослоек свободного населения.

Эта система комплектования определила высокий профессионализм русской армии и однородность ее национального состава, что обуславливало высокую степень боеспособности и морального духа армии, однако одновременно — и необходимость сохранения того же состава армии в мирное, что и в военное время. Вызванное этим постоянство податного бремени, связанное с содержанием армии, было уже в определенной степени негативным моментом, так как военные издержки в России тяжелее раскладывались во времени, чем при содержании европейских армий, способных быстро за счет наемников во время мира сократить свой состав.

Осознание этого недостатка привело к попытке его преодоления за счет использования мирного штата армии, имевшего в России свою специфику: так как невозможно было, как в европейских армиях, сокращать целые части, состоящие из наемников, оставался путь сокращения личного состава частей при сохранении их кадровых структур, тем более что в случае необходимости можно было быстро укомплек-

²¹¹ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 153–155.

товать армию уже обученными рекрутами из гарнизонных частей, служивших в данном случае резервом. Этот путь широко обсуждался в России в 1725–1731 г., но его конкретное осуществление в аннинское царствование не дало значительных результатов как в силу незначительной разницы между штатами мирного и военного времени, так и в силу кратковременности перевода армии на мирный комплект. Оставался и еще один путь — путь непосредственного облегчения рекрутской повинности, что, как мы видели, частично отразилось в деятельности Военной комиссии и в первоначальных планах расширения ландмилицких частей; частично — в попытках облегчения ее за счет изменения характера и порядка комплектования армии, в первую очередь — проведения рекрутских наборов.

Один из первых проектов облегчения рекрутской повинности принадлежит П. И. Ягужинскому. Он был подан в Сенат в 1731 г. и почти уже начал осуществляться на практике в виде эксперимента, проводимого в Московской губернии²¹², однако опала Ягужинского, очевидно, помешала этому.

План имел целью не изменить кардинально сам порядок набора рекрут, а лишь упорядочить его расположение с тем, чтобы более равномерно разложить рекрутское бремя прежде всего на различные слои дворянства. Для этого предполагалось расписать население по рекрутским компаниям в 500 чел., делившимся в свою очередь на участки по 50 чел. Каждый из этих участков должен был поставить в один из наборов 1 рекрута, затем очередь переходила к следующему участку и т. д. Для раскладки рекрутов требовалось составить по участкам окладные книги, по которым правительство могло бы достаточно эффективно контролировать наборы. Сама система расписания по компаниям, однако, была достаточно сложной, сплошь и рядом приходила бы в противоречие со сложившимися границами дворянских владений, должна была породить столь же сложную систему складок и компенсаций в поставке рекрута, тем более что норма взятия рекрутов от набора к набору сильно колебалась. Тем не менее, очевидно, этот проект казался привлекательным, поскольку и в 1732 г. отмечаются попытки возвращения к нему: 18 сентября 1731 г. Сенат затребовал от офицеров, посланных для расписания по компаниям, ведомости о сделанном, а 12 сентября 1732 г. отложил слушание вопроса о рекрутских компаниях, указав навести справки о прежних проектах²¹³.

Содержание второго проекта, обсуждавшегося не ранее середины 1732 г.²¹⁴, достаточно подробно изложил С. М. Соловьев²¹⁵, сделав-

²¹² Указ 25 мая 1731 г. (ПСЗ. Т. VIII. № 5672).

²¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 44 об.; Кн. 1905. Л. 353.

²¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 457–467.

²¹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 473–474.

ший предположение об авторстве Миниха. Оно не безосновательно, ибо автор — военный, неплохо разбирается в вопросах, входивших в компетенцию Военной коллегии, осведомлен о комплектовании европейских армий и главное — косвенно, но достаточно недвусмысленно панегирически оценивает деятельность Миниха на строительстве Ладожского канала. Однако в содержании имеются и оспаривающие его авторство моменты: 1) проект можно точно датировать временем с января по 29 июля 1731 г., так как автор знает уже о формировании двух новых гвардейских полков, но предлагает учредить при гвардейских полках кадетские роты, то есть не знает еще о формировании Кадетского корпуса; 2) поэтому трудно согласуется с авторством Миниха предложение о введении мирного штата армии с убавкой по 20 человек в пехотных полках и по 15 в драгунских (комиссия Миниха, работавшая в это время, предлагала, как мы видели, иные решения).

Автор проекта видит тяжесть рекрутских наборов прежде всего в тех тратах, которые несет крестьянский мир на наем рекрута, оценивая их суммарно по стране в 2–3 миллиона руб., то есть в сумму, немногим меньшую годового оклада подушной. Очевидна для него и военная неэффективность набора, так как покупаемые рекруты — либо бобыли, либо «гулящие люди», а цвет крестьянства избегает службы. Главную причину этого он видит в ее пожизненном характере, предлагая заменить ее 10-летней, после которой крестьянин может уйти в отставку и вернуться к хозяйству. Достоинство новой системы, при которой все крестьянское население должно быть охвачено системой набора в рекрутском возрасте и поставлять из своей среды необходимое число людей по жребию, он усматривал в том, что все крестьянство пройдет через воинскую службу и армия в случае срочного призыва получит квалифицированных солдат из отставных. Намечался и ряд мер, которые позволят сократить количество собираемых с населения рекрут: кроме упомянутого мирного штата армии это: 1) закрепление солдатских детей в воинском сословии (что частично на практике попыталась сделать и Воинская комиссия); 2) насильственное привлечение в армию «бурлаков»; 3) поставка за себя рекрут офицерами, переходящими в штатскую службу или повышенными воинским чином (по примеру европейских армий).

Оценивая в общем проект, нельзя не отметить, что в некоторой степени он соприкасался с определенными чертами еще не созданной в то время в Пруссии «кантон-системы» и имел свои положительные стороны, но предложенный срок службы в 10 лет, как кажется, все же слишком велик для крестьянского хозяйства России.

Оригинальным для России направлением в этой линии правительственной военной политики были планы частичного перехода

к наемному комплектованию армии иностранцами, отразившиеся в черновой записке, сохранившейся среди бумаг Ягужинского, найденных уже после его смерти в принадлежавшем ему доме²¹⁶. Поскольку 25 мая 1731 г. в Сенате при слушании проекта Ягужинского о рекрутских кампаниях, результатом которого было решение провести эксперимент в пределах Московского уезда, в присутствии самого Ягужинского «было рассуждение, чтоб солдат вербовать и из других государств»²¹⁷, есть все основания, несмотря на отсутствие датирующих признаков, отнести ее именно к 1731 г. и предположить авторство последнего.

Считая крайне тяжелыми и вредными для страны рекрутские наборы («Наборами солдатскими весьма государство в людях оскудевает. Причины тому, что возрастных всегда выбирают, которых жены остаются... а устарелые також бесплодны, отчего иные деревни... [оскуде?]вают, от найму же иностранцев оные русские деревни, паки у людей...»²¹⁸), автор мотивирует переход к вербовке иностранцев в основном тремя обстоятельствами: 1) произойдет сокращение изъятия крестьян из экономики, которое должно привести к «расположению деревень»; 2) «многие из оных наемных, прибыв с женами и детьми, в вечном подданстве останутся и будут платить подати»; 3) расчетом на то, что среди них окажутся ремесленники, могущие способствовать расцвету ремесел в России.

Понимая, естественно, что использование наемников дорого и для русского бюджета практически непосильно, автор предлагает ввести дополнительный 20-копеечный налог с души, которого, по его мнению, должно хватить на двойную ставку оплаты наемников по сравнению с платой русскому солдату, и на привлечение их из-за границы, ибо цена вербовки определяется им после консультаций с иностранными офицерами не менее чем в 12 талеров: «...я весьма ведаю, что во всем государстве с охотою по 20 коп. ... заплатят, чтоб солдат не брать...»²¹⁹.

Сознавая, что наемники лишь частично могут заменить русские войска, он предлагает использовать их в соответствии с ситуаций и их качествами («...немцы для походов далеких и временем случающихся недостатков в провианте не так терпеливы и способны»²²⁰), для чего наиболее подходящим считается создание специальных иностранных частей (своеобразных «иностранных легионов») и замена ими гарнизонных русских полков на азиатских

216 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 215. Л. 258.

217 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1901. Л. 59.

218 Текст записки несколько испорчен.

219 Там же.

220 Там же.

пограничных окраинах России с переводом русских полков в состав полевой армии.

Все эти планы и проекты не были реализованы в аннинское царствование, но они во многом характеризуют существенные черты правительственной военной политики, поэтому автор счел нужным остановиться здесь на их характеристике.

* * *

Общие итоги рассмотрения правительственной политики по отношению к сухопутной армии в первой половине аннинского царствования показывают, что она была неоднородна во времени, и в ее развитии можно выделить по меньшей мере два периода: 1) 1730–1731 гг.; 2) 1732–1735.

На протяжении *первого периода* происходила выработка основного курса правительственной политики в военной области, определялись основные цели и задачи, стоящие перед ней. Характеристика этих целей достаточно убедительно свидетельствует, что в правительственной политике в отношении сухопутной армии начала царствования интересы военного ведомства не были основной определяющей силой: хотя они сознавались и учитывались правительством, доминировали все-таки социальные мотивы, и линия, направленная на сокращение военных расходов, оказалась наиболее отчетливо, ибо от нее во многом зависел успех внутривластной программы начала царствования в целом.

Эти социальные мотивы проявили себя не только в серии военных мероприятий, охарактеризованных во второй главе, но и (и даже более определенно) в задачах, поставленных перед Военской комиссией 1730–1732 гг. Пик роста военных расходов, связанный с созданием новых гвардейских полков и расширением ландмилиции, пришедшийся на конец 1730 — начало 1731 гг., очевидно, еще более усилил эти тенденции и привел к пересмотру в указанном направлении результатов первого этапа работы Военской комиссии, порученному Миниху, сказавшись, возможно, и на сжатых сроках ее работы на втором этапе, причем полученные результаты, видимо, удовлетворили правительство.

В определении круга социальных целей, ставившихся правительством в военной области, отразились, очевидно, не остывшие еще политические страсти, разожженные событиями 1730 г., выявившими насущные потребности дворянства, а также то, что формулировавшие эти цели Сенат и ближайшее окружение императрицы объединяли в своем составе главных действующих лиц этих событий и бюрократическую верхушку двух последних царствований, при немалом личном участии которой уже тогда определились многие составляющие внутривластного курса Анны Иоанновны.

Не были игнорированы в военной правительственной политике и чисто военные цели, что сказалось не только в господствовавшем в бюрократической верхушке России убеждении в необходимости для России мощной сухопутной армии, но и в обширной чисто военной программе работ Воинской комиссии, направленной на повышение боеспособности армии. Зачастую социальные мотивы выражались преимущественно в *форме* реализации военных целей, как, например, произошло в случае с расширением ландмилиции, предполагавшем, безусловно, и чисто военную цель обеспечения охраны вновь создаваемых пограничных рубежей.

Уже на этом этапе определилось известное расхождение в целях между правительственными кругами и военным ведомством, пытавшимся отстоять и провести в жизнь собственные военные интересы, что отчетливо выразилось в деятельности Воинской комиссии на обоих ее этапах. Этот диссонанс уже на стадии разработки конкретных военных мероприятий во многом определил неуспех военной политики правительства.

На *второй период (1732–1735 гг.)* пришелся основной этап практической реализации правительственного курса в военной области. Характерно для него, в первую очередь, значительное снижение *активности* правительства в военной области, вызванное, очевидно, как ожиданием практических результатов намеченного на первом этапе курса, так (позднее) и разочарованием в них, не оправдавших надежд. Истинные результаты, выявившиеся для правительственных кругов только к середине 1732 г., надолго отбили охоту еще раз вернуться к серьезным планам сокращения военных расходов и облегчения за счет этого положения крестьянства.

Ослабление политической напряженности в стране, развивавшейся относительно благополучно, без серьезных военных потрясений и неурожаев, вступление абсолютистского государства в нормальную фазу своего развития, когда государыню от насущных проблем замкнул тесный круг фаворитов (тем более что проблемы не заявляли серьезно о себе) — все это привело к тому, что дела были предоставлены своему неспешному естественному течению.

На этом фоне, окрашенном явственным ослаблением значения Сената и существенным ростом влияния Кабинета, выросла активность ведомственной политики, в том числе и политики Военной коллегии, возглавлявшейся Минихом, что выразилось на этом этапе в доминанте интересов военного ведомства в области военной политики. Проявилось это в постепенной «ползучей» ревизии военной правительственной политики, в увеличении числа статей внештатных военных расходов и в общем росте последних, съевшем всю намеченную комиссией экономию. Насущные потребности, вызванные активизацией политики на национальных окраинах и на по-

границе, привели к созданию новых военных частей. Польские события и расцениваемая как возможная в 1733 г. угроза войны с Турцией служили оправданием Военной коллегии и благоприятствовали росту военных расходов. Плюс ко всему сказались тенденции к потенциальному росту военных расходов, заложенные в решениях комиссии и первоначально блокированные Сенатом, а также просчеты в ее решениях, коррекция которых тоже повела к увеличению военных расходов.

Однако общий рост военных расходов был достаточно умеренным. В этом сказались социальные и финансовые мотивы правительственной политики, заложенные на первом этапе, хотя и не реализованные на практике, но проявившиеся на этой стадии в тенденции к *сдерживанию роста* военных расходов и повинностей крестьянства. Не случаен, очевидно, и тот факт, что военное ведомство не выдвигало планов каких-то серьезных преобразований, связанных с существенным ростом военных расходов.

Социальные и финансовые мотивы правительственной политики в этот период проявились прежде всего в частичном расформировании в 1732 г. Низового корпуса. Кроме того, определенный всплеск этих мотивов отмечается в 1735 г. и связан с новой попыткой облегчения податного бремени крестьянства, вызванной голодом 1734–1735 гг., вновь обострившим социальные проблемы. Проявился он в ходе ускоренной русско-турецкой войной реформы военного управления, произведенной в конце 1735 г. по образцу и подобию новой структуры Адмиралтейской коллегии 1732 г. и отразившей общую тенденцию аннинской административной политики к департаментским структурам. Социальные и финансовые мотивы сказались в изменении порядка сбора подушной и в планах замены части подушной натурой, обсуждавшихся в ходе подготовки реформы, а также в высказанной одновременно с ними идее проведения новой ревизии.

Не только правительственные цели, но и планы военных оказались реализованными не до конца. Реформа кавалерии, задуманная Минихом, несмотря на предпринятые им в этот период усилия, так и не была осуществлена в полном объеме.

Таким образом, расхождение целей военных и правительственных кругов привело к тому, что планы обеих сторон были реализованы лишь частично. Серьезной неудачей был провал планов сокращения военных расходов, так как он в конечном счете определил и общий неуспех реализации внутривнутриполитического курса Анны Иоанновны в целом. Даже умеренный итоговый рост военных расходов, вызывавший пусть и не очень большой дефицит военного бюджета, в конечном счете вновь обострил финансовую напряженность в армейском бюджете, увеличиваемую выросшей во второй половине царствования недоимкой.

§ 6. Военная политика второй половины царствования (1736–1740)

Период «правительственной активности» в отношении сухопутной армии ограничился первой половиной 1730-х гг., на которую пришлось все основные армейские преобразования, произведенные в аннинское царствование. Они были фактически закончены с началом «большой» русско-турецкой войны в 1736 г.: на самое начало этого года пришлось последние крупные мероприятия — реорганизация военного управления (в январе) и украинской ландмилиции (с преобразованием ее в марте в особый ландмилицкий корпус).

Последнее в условиях войны было достаточно актуальной акцией, а вот реформа военного управления, вероятно, не могла не сказаться на обеспечении первой значительной военной кампании. В начале войны Генерал-кригс-комиссариат находился в процессе реорганизации: по донесениям руководства последнего, еще летом 1736 г. продолжалось формирование снабженческих контор новой Военной коллегии, а старая структура комиссариата была уже в значительной степени разрушена, к тому же значительная часть служителей была откомандирована в формируемый по предложению Миниха Походный кригс-комиссариат²²¹. Возможно, еще и поэтому снабжение армии в 1736 г. не было должным образом организовано.

Русско-турецкая война не была отмечена сколь-нибудь серьезными мероприятиями по реформированию существующей военной структуры и управления, а также созданием новых армейских частей и подразделений. Единственные акции в этом направлении — уже отмеченное нами формирование новых гарнизонных частей на юго-восточных окраинах России в 1736 г. — были практически не связано с войной и инициировалось прежде всего руководством Оренбургской экспедиции. Война велась прежним штатным полковым составом сухопутной армии. У армейского руководства, занятого почти непрерывно на театре военных действий просто не было времени на серьезные изменения в армейских штатах. Миних и Ласси далеко не во все кампании появлялись в Петербурге даже в январе — феврале, когда обычно обсуждались и утверждались стратегические планы очередных военных кампаний или были заняты крайне сложным обеспечением военных операций. Да изменения и не требовались: наличных частей в условиях подобной войны (где армия практически не сталкивалась в боях с равными по силам группировками регулярных подразделений противника, ограничиваясь походами и осадами крепостей) вполне хватало. Отсутствие изменений в штатах предполагало достаточным обычное «штатное» армейское финанси-

²²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1116. Л. 128–131.

рование. Поэтому новые чрезвычайные налоги с населения в период войны не вводились — а следовательно, отсутствовал действенный стимул для пересмотра военных расходов, сопряженного с возможным упразднением или преобразованием армейских подразделений. Неизбежные в условиях войны чрезвычайные военные расходы покрывались за счет государственных резервов или же перераспределения «мирных» статей государственного бюджета.

Вследствие всего этого армейские преобразования военной поры были в большинстве случаев «косметическими», связанными с изменениями в тактике полевой армии, определенными конкретным опытом ведения войны.

Может быть, наиболее существенным из них были лишь перемены в артиллерии: как мы уже отмечали, в 1737 г. в связи с опытом кампании 1736 г. полковая артиллерия была увеличена вдвое (до четырех орудий в полевом пехотном полку и двух в драгунском) и в том же году были разработаны новые штаты осадной артиллерии уменьшенного состава, осуществившие давнее намерение разделить ее на три корпуса. Как первое, так и второе, было, очевидно, связано с особенностями «войны в степях»: 1) легкая полковая артиллерия была достаточно эффективна для рассеяния на дистанции конных групп крымских и буджакских татар, предпочитавших не вступать в прямые и долговременные сражения, а действовать внезапными наездами; 2) боевые действия обычно велись двумя основными армейскими группировками, что уже само по себе требовало разделения осадной артиллерии; объектом атак после взятия Азова были гораздо менее мощные крепости; существенным фактором успешности военных операций обеих армий было обложение обоза для транспортировки осадных орудий.

В остальном же мы не будем анализировать здесь ход, а также стратегические и тактические особенности кампаний и операций русско-турецкой войны — это требует специального (и очень масштабного) исследования военного специалиста (уже фактически осуществленного в начале века А. К. Баиовым). И, кроме того, при несовершенстве (и даже намеренной фальсификации Минихом) официальной военной статистики — тщательного анализа «первичной» (полковой) армейской отчетности. Кроме того, это не входит в нашу задачу, поскольку мы анализируем преимущественно *правительственную* военную политику, а в годы войны она в максимальной степени была ориентирована на удовлетворение текущих военных потребностей и простое обеспечение военных операций, к тому же почти целиком определялась самим военным ведомством.

Более значительные перемены в армейской структуре намечались в финале царствования, когда военное ведомство и правительство (Кабинет министров и Сенат) освободились от груза военных проблем. Именно тогда появилась возможность заново осмыслить внут-

риполитический курс страны (а также опыт русско-турецкой войны) и попытаться внести в сферу военной правительственной политики необходимые коррективы. Война показала и слабость «штатного» военного бюджета, почти не имевшего резервов, что также вновь поднимало вопрос о необходимости каких-то перемен в нем. И вовсе не случайно последние заметные преобразования в «военной» политике России пришлось именно на 1739–1740 гг.

* * *

Но и этот период оказался для правительственных кругов далеко не безоблачным, так как наряду с осмыслением функций и структуры армии в период наступившего мира пришлось решать задачи подготовки к новой войне — весьма вероятной уже в 1739 г. войне со Швецией, стимулированной неудачным ходом русско-турецкой.

В начале августа 1735 г. был подписан новый союзный оборонительный договор между Швецией и Россией, повторивший условия Стокгольмского договора (1724 г.) и продолживший его действие еще на 12 лет. Но уже самое начало войны с Турцией ободрило в Стокгольме сторонников реванша — партию «шляп», противостоявшую в риксдаге более умеренным и прагматичным сторонникам компромиссов с Россией, получившим прозвище «колпаков». «Шляпы» уже в ноябре 1736 г. подталкивали короля и правительство к войне, однако еще год шведский кабинет сопротивлялся²²².

Но по мере увязания России в войне позиции сторонников ревизии Ништадта все больше укреплялись. Одновременно шло сближение с Турцией, естественно желавшей скорейшего выступления Швеции против России. В Стамбуле предложили сделку: в обмен на линейный 72-пушечный корабль и 30 тысяч мушкетов ликвидировать «турецкий долг», образовавшийся во время проживания бежавшего из-под Полтавы Карла XII в Бендерах.

В конце 1738 г. в Турцию был действительно отправлен шведский линейный корабль, благополучно затонувший по дороге у берегов Испании. Однако переговоры о шведско-турецком военном союзе все же начались, одновременно шведам помогли деньгами в Париже. В апреле 1739 г. риксдаг фактически принял решение о начале войны в случае неудачной для России летней кампании.

Все эти акции оказали свое влияние на результаты русско-турецкой войны. В 1739 г. России во что бы то ни стало следовало избежать войны на два фронта. При этом угроза шведского вторжения отвлекала все больше сил: крепости по финской границе и балтийскому побережью лихорадочно укреплялись и чинились, а Миних, уже начавший поход в Молдавию и перешедший через Днепр, вынужден был срочно отправить назад к столице пять полков. В июне

²²² Некрасов Г. А. Роль России... С. 239–243, 249.

на Балтике появилась французская эскадра, союзная шведам и направлявшаяся к Стокгольму.

Срыв военного союза Швеции и Турции стал насущной необходимостью, однако попытки, сделанные русским правительством в этом направлении, привели скорее к обратному эффекту. В июне 1739 г. русские офицеры по приказанию Миниха убили в Силезии ехавшего под чужой фамилией из Стамбула секретного шведского агента капитана Синклера²²³. Убийство прогремело по всей Европе и подтолкнуло шведов к переброске в Финляндию 10-тысячного корпуса и вооружению флота в Карлсруне. Обстановка все больше накалялась: Кронштадт был поднят по тревоге, ибо обыватели приняли один из кораблей за приближающийся шведский флот²²⁴.

Именно в это время российское правительство начало срочно принимать меры по укреплению границ на случай возможной войны с Швецией и вновь обратило внимание на состояние российского корабельного флота (что будет подробнее проанализировано в четвертой главе).

Но Швеция в 1739 г. еще не была готова к войне — с момента получения французских субсидий прошло не так уж много времени. Крайне драматическая для России ситуация разрешилась вполне удачно: 17 августа 1739 г. Миних наконец-то в блестящем сражении при Ставучанах разгромил турецкую армию и фактически решил тем самым исход войны. Однако русская дипломатия почти не воспользовалась плодами этой победы: Россия предпочла как можно скорее заключить бесславный мир с Турцией, и одной из причин этого было ожидание шведского вторжения.

В 1740 г. обстановка коренным образом переменилась в пользу России, но угроза войны не исчезла, и весной 1740 г. Россия начала масштабную переброску войск в Прибалтику, а также подготовку приграничной полосы в Финляндии к будущей войне. В немалой степени благодаря этим вовремя проведенным подготовительным мероприятиям исход русско-шведской войны 1741–1743 гг. оказался столь благоприятным для России, но сам процесс подготовки к войне, несомненно, осложнил принятие внутривластных решений (в том числе и в военной области) в финале аннинского царствования. И все же последний «аннинский» год был отмечен целым рядом попыток обсуждения и практического осуществления «долгосрочных» военных проблем.

* * *

Первый комплекс послевоенных «армейских планов» аннинского правительства был связан с русской кавалерией, и, очевидно, определялся двумя факторами: 1) реакцией на опыт ее боевого использования

²²³ Соловьев С.М. История России... Кн. X. С. 602–604, 607–609, 686–690.

²²⁴ Некрасов Г.А. Роль России... С. 294–301.

в русско-турецкой войне; 2) попыткой вернуться к планам преобразований, намеченных Военской сухопутной комиссией в 1731–1732 гг.

Война в степях выявила потребность в легкой кавалерии, привычной к длительным маршам и способной эффективно противостоять отрядам и тактике кочевников, во многом используя опыт последних.

Поэтому вряд ли случайно именно в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. фактически родились российские гусары как специфический вид русской кавалерии. Именно в годы войны началось создание первых русских гусарских полков, а после войны — оформление их штатов.

Правда, у истоков создания гусарских частей стоял еще Петр I.

Уже в 1723 г. (в период очередного кризиса в русско-турецких отношениях, чреватого войной) Петр I принял решение о формировании нескольких сербских гусарских полков и поселении сербов на территории России. Очевидно, они (как и в Австрийской империи) должны были нести в основном пограничную службу, и тем самым — частично облегчить бремя рекрутчины для основного населения России. И вряд ли случайно план создания гусарских полков возник одновременно с первым этапом формирования украинской ландмилиции. Однако он не был тогда реализован, вероятно, по двум причинам: 1) в силу незначительности сербских переселенцев в Россию (к тому же не очень стремившихся нести военную службу); 2) в связи с тем, что долгое время не решался вопрос о месте компактного поселения их на территории России.

Выходцы из Сербии с 1726 г. содержались на сборах Малороссийской коллегии, но число их и тогда было еще не очень значительно — их не хватало на полноценную полковую структуру, и даже «сербские роты» в тот период существовали скорее как номинальные, чем как реальные боевые единицы. Вопрос же об их поселении начал решаться только с 1727 г. В 1729 г. М. М. Голицын предлагал поселить сербский гусарский полк на территории малозаселенного пограничного Изюмского слободского полка, но сербы настаивали на поселении в Полтавском полку Гетманщины — более «обустроенном», безопасном и населенном. Вероятно, не последним фактором для них было и наличие более удобных и прочных связей (по Днепру и через Молдавию) с югославянскими территориями.

Однако русское правительство (видимо, не желая вторгаться на территорию украинской «гетманской» автономии и нарушать тем самым ее привилегии), даже приняв весной 1733 г. решение о завершении формирования сербского гусарского полка за счет вербовки в него украинцев вместо недостающих до необходимого комплектного числа сербов, летом 1736 г. не разрешило поселить полк на Полтавщине, оставив прежнее решение в силе²²⁵.

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1097. Л. 508–510.

Вероятно, это не слишком стимулировало дальнейшую миграцию сербов. Поэтому гусарские полки начали разворачивать только в годы русско-турецкой войны фактически путем вербовки местного (преимущественно украинского) населения, а также на основе попыток использовать для их формирования такие же контингенты «мигрантов» других национальностей (грузин и «волохов» — румын и молдаван). Но на театре военных действий первые части гусар оказались достаточно эффективными, что, вероятно, и привело к мысли создать на их основе новый род и структурное подразделение русской кавалерии и ввести его в армейский штат. Таким образом, наметилось движение к новой структурной реформе русской кавалерии, идущей в направлении, противоположном «миниховской», определившейся в начале царствования и ориентированной на создание корпуса тяжелой кавалерии.

Однако и планы «миниховской» реформы не были забыты — в 1740 г. формирование тяжелой кавалерии было продолжено: было принято решение о создании четвертого кирасирского полка (правда, так и не осуществленном на практике). И одной из причин неудачи стала, очевидно, проблема конского состава, резко обострившаяся в годы войны не только для кирасир, но и для всей русской кавалерии, что и привело после завершения войны к реанимации планов строительства конских заводов, выдвинутых еще Воинской комиссией. Таким образом, после окончания русско-турецкой войны мы вновь сталкиваемся с попыткой реализации планов военной реформы, предложенной ранее Минихом и не завершенной в силу объективных причин в первой половине 1730-х гг.

Первым ее звеном стала новая фаза строительства государственных конских заводов, рассчитанных на обеспечение нужд армии, начавшаяся в 1739–1740 гг.

* * *

Попытки строительства конских заводов, несмотря на неодобрение финансовой их программы Сенатом, все же были сделаны еще в период завершения работ Воинской комиссии. А. П. Волынский, руководивший дворцовым конюшенным ведомством, планировал разместить государственные конные заводы, создаваемые по указу 1732 г. для обеспечения русской кавалерии качественными лошадьми, преимущественно в однодворческих районах, содержащих ландмилицию: 33 участка из отводимых под них 57 должны были располагаться в Воронежской и Белгородской губерниях²²⁶. Указом 20 мая 1732 г. на основании заводов было ассигновано 78,4 тыс. р. из военного бюджета²²⁷ (то есть более трех четвертей того, что

²²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1102. Л. 1–7.

²²⁷ См. § 2 наст. главы.

запрашивал Миних). Однако, очевидно, планы их строительства тогда реализованы не были, и оставшаяся актуальной проблема была вновь поднята в конце царствования при активном участии все того же Волынского.

И эту новую попытку строительства конских заводов вряд ли стоит рассматривать исключительно сквозь призму пристрастия Бирона к лошадям и желания угодить фавориту (хотя, наверное, и это имело место).

Проблема обеспечения армии лошадьми была действительно серьезной — ввиду невозможности укомплектовать кавалерию путем покупки в годы войны пришлось перейти к конским мобилизациям. Серьезные трудности возникали даже с обеспечением конским составом обыкновенных армейских драгунских полков. Покупка не давала драгунских лошадей нужного качества и роста даже после повышения табельных цен в штате 1732 г. до 18 р. за голову, в связи с чем в годы войны (в том числе и с целью экономии средств) вернулись к прежней табельной цене в 12 р. Но при массовой гибели лошадей в тяжелых степных походах только «чистые» потери армии за годы войны составили примерно 70–80 тыс. голов, а всего для ее комплектования поступило около 130 тыс. лошадей (то есть более чем два штатных состава)²²⁸. Пополнение далеко не всегда соответствовало требованиям военных — в связи с этим даже для драгунской кавалерии требовались новые более надежные источники комплектования лошадьми.

Еще более острой была проблема обеспечения конским составом тяжелой кавалерии — кирасир и конногвардейского полка. Ее пытались решить указом 5 апреля 1737 г., предписывая лифляндским землевладельцам при возобновлении аренд государственных мыз ставить по одной лошади с каждых 10 гаков. Поставившим 5–10 лошадей предоставлялись определенные льготы и преимущества. Разрешался беспощинный вывоз из-за границы и беспощинная торговля лошадьми на прибалтийских ярмарках²²⁹. Однако результаты применения указа на практике были, видимо, не очень утешительны.

Тяжелая кавалерия (кирасиры и конногвардейцы), за исключением отдельных подразделений почти не участвовала в основных походах русско-турецкой войны. И, очевидно, не только из-за своей неэффективности в столкновениях с легкой кавалерией кочевников-степняков.

Вероятно, свою роль сыграли и опасения потерять дорогих, к тому же купленных за границей, лошадей. Проблема с последними особенно обострилась к концу войны, когда пришла пора менять

²²⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1262 об.; ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 84, 87, 88.

²²⁹ ПСЗ. Т. X. № 7221.

отслуживший свой срок (шесть лет) конский состав в полках, созданных в 1731–1733 гг. Снова требовалось закупать дорогостоящих лошадей за границей или же принимать какие-то иные меры по обеспечению ими тяжелой кавалерии из внутренних источников.

Поэтому А. П. Волынский уже осенью 1739 г. выдвинул проект основания сети конских заводов для скрещивания русских кобыл с покупными немецкими жеребцами и выведения новых пород. По его мнению, они должны были быть годны под тяжелую кавалерию и могли даже качественно превзойти в российских условиях немецких лошадей, тяжелых и неспособных к длительным маршам. Кроме того — позволили бы сохранить в государстве деньги, вывозимые за границу. Проект, утвержденный 24 октября 1739 г. и обнародованный указом 19 ноября 1739 г., предусматривал основание государственных конских заводов на монастырских и архиерейских землях (с поставкой с владельцев земель со 100 душ по кобыле), а также покупку для них 100 немецких жеребцов. А в перспективе — содержание 20 000 голов на заводах в монастырских деревнях и малороссийских полках²³⁰.

Однако при попытке его осуществления, вероятно, выявились серьезные проблемы, вызвавшие к жизни новый проект, сохранившийся в делах Кабинета министров²³¹. Второй проект, очевидно, принадлежал все тому же Волынскому (в частности, он исходил из тех же расчетов по числу монастырских крестьян, что и первый) и, скорее всего, относился к концу 1739 — началу 1740 г.

План строительства заводов в монастырских деревнях, часто расположенных в малопригодных для коневодства местах (в связи с чем монастыри могли быть весьма неравномерно обременены повинностями по их содержанию), был признан не слишком удачным.

Взамен было предложено ввести с монастырских крестьян новую денежную повинность на содержание заводов в размере 40 коп. с души. Эта сумма рассматривалась как эквивалент оброчного четырехгривенного сбора с государственных крестьян. На собираемые ежегодно 303 520 р. 80 к. планировалось содержать конные заводы непосредственно при полках, расположенных на Украине (где уже с 1738 г. была предпринята не слишком удачная попытка разведения кавалерийских лошадей), а также в Воронежской и Белгородской губерниях. Считалось, что это принесет экономию — в уходе за лошадьми будут использовать солдат и полковых специалистов (коновалов и прочих). Автор проекта надеялся довести число лошадей на заводах в семь лет до 36 000 (это почти полностью покрывало потребности армии в конском составе). Кроме того, у Волынского были и другие планы основания конских заводов за счет шляхет-

²³⁰ ПСЗ. Т. X. № 7923, 7954.

²³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 476–481 об.

ства: судя по краткому изложению аналогичного проекта, отобранного у Волынского в период следствия, он, вероятно предусматривал обязательное учреждение дворянских конских заводов пропорционально количеству душ, «...чтоб в завод было со 100 душ по кобыле, и в зоре на всякой год было по лошади»²³².

Проанализированный выше второй «монастырский» проект Волынского предусматривал введение нового налога с монастырских крестьян — и, возможно, именно поэтому (а также в связи с арестом Волынского) не был реализован. Но проблема осталась, и после опалы Волынского строительство казенных конских заводов пошло в значительной степени в русле сделанных им предложений.

Указами 11 и 13 июля 1740 г.²³³ (принятыми в развитие личного распоряжения императрицы от 5 июня 1740 г.²³⁴) было решено основать конские заводы при конногвардейском, кирасирских и драгунских полках. Завод под конногвардейский полк на 400 иноземных кобыл должен был располагаться в Ямполе и Батурине на территории бывших мазепинских владений и содержаться за счет сборов с них. Более мелкие заводы при других полках (на 80 кобыл и 10 жеребцов), финансировавшиеся за счет средств, остаточных от неполного комплекта людей и лошадей, — преимущественно в окраинных лесостепных губерниях. Предусматривалось даже использование конфискованных владений репрессированной знати в Пензенской и Симбирской провинциях²³⁵.

Но и эти указы в аннинское царствование не успели дать должного эффекта. Очевидно, работа по устройству заводов к концу царствования только разворачивалась. Завод конногвардейского полка не имел и половины предусмотренного конского состава²³⁶. Указом 3 октября 1740 г. было решено передать Гадяцкий замок и отписные маетности Кантакузиных на содержание кирасирских конных заводов, где уже были построены помещения для 1130 (также почти половины планируемых) лошадей²³⁷.

Таким образом, строительство конских заводов в аннинское царствование вряд ли решило в оставшиеся два-три месяца проблему комплектования армии лошадьми, и практические результаты его, скорее всего, были достаточно скромными.

Следовательно, новая попытка продолжения частичных армейских реформ, намеченных еще в начале 1730-х гг., сделанная в конце царствования, в очередной раз не удалась — ни новые полки

²³² РГАДА. Ф. 6. Д. 199. Л. 155.

²³³ ПСЗ. Т. XI. № 8168, 8171.

²³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1197. Л. 3.

²³⁵ Сб. РИО. Т. 146. С. 350.

²³⁶ Там же. С. 376.

²³⁷ ПСЗ. Т. XI. № 8255.

тяжелой кавалерии, ни эффективно работающая на армию сеть конных заводов в конечном счете так и не были созданы.

Однако обсуждение военных проблем в финальный год аннинского царствования (осень 1739 — осень 1740 гг.) не ограничивалось только этой попыткой.

После завершения русско-турецкой войны военные проблемы пытались обсуждать и под другим углом зрения, сочетавшим социальные и финансовые проблемы, поставленные в начале царствования, с приобретенным в военные годы армейским опытом. Вновь поднимался вопрос о сокращении военных расходов, а следовательно — и о новой реформе армии. И инициатором снова оказался А. П. Волынский, так как старая идея начала 1730-х гг. впервые была высказана в его «Генеральном проекте о поправлении внутренних государственных дел», разрабатываемом почти параллельно с планами строительства конских заводов в конце 1739 — начале 1740 г.

* * *

К сожалению, «Генеральный проект...» А. П. Волынского до сих пор не обнаружен, и о его содержании мы можем судить только по реконструкции, добросовестно проделанной Ю. В. Готье по кратким и отрывочным показаниям на следствии знакомых с ним лиц²³⁸. Только они и дают основание для характеристики «военной части» проекта.

Судя по ним, Волынский, вполне в русле курса 1726–1732 гг., ставил задачу сократить бюджетные расходы («в государстве бедность стала, и не так государство правится, великие-де расходы денежные»²³⁹) и с этой целью, как и в 1730–1732 гг., планировал военную реформу.

Последняя предусматривала, как и тогда, сокращение расходов на армию путем введения мирного штата («рописание о убавке из армии людей в мирное время», по которому «...может оставаться в казне денег 1 800 000 рублей»²⁴⁰). Однако в отрывочных сведениях о предполагаемом сокращении расходов никак не обозначены (в отличие от дворянских документов 1730 г.) планы сокращения подушной с крестьян. Любопытно также, что (по показаниям Кубанца) Волынский начал сочинять записку о сокращении армейских расходов вследствие своего разговора об этом с Бироном²⁴¹.

Сведения о предполагаемой военной реформе вообще крайне неясны. Известно только, что планы Волынского предусматривали

²³⁸ Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волынского // Дела и дни. Пг., 1922. Кн. III. С. 18–24.

²³⁹ Там же. С. 24.

²⁴⁰ Там же. С. 22.

²⁴¹ Записка об Артемии Волынском... С. 147.

сохранение «драгунских и пехотных только 60 полков, а остальные раскасовать»²⁴² (то есть сокращение армии (всей армии из 166–167 полков?) почти на 2/3?).

Скорее всего, столь значительное сокращение все-таки предусматривалось лишь на мирное время. Но и тогда цифра сокращаемых частей кажется сильно завышенной в связи с приведенными выше данными «расписания» (ибо экономия 1,8 млн. р. в мирное время означала полную ликвидацию *максимум* 60 полков). И даже относительно суммы расходов на всю армию, составлявшей (без гвардии, артиллерии и инженерных частей) приблизительно 4,5 млн. р., она предполагала бы в лучшем случае сокращение чуть более трети ее состава, но уж никак не половины и тем более не двух третей.

Правда, совершенно неясно, идет ли речь при предполагаемом сокращении только: 1) о *полевой* армии в составе 70 пехотных и кавалерийских полков; 2) *регулярной* армии, входящей в штат (70 полевых + 54 гарнизонных = 124 полка), или же о 3) вообще *всей сухопутной* армии (+ остатки Низового корпуса, ландмилиция и гвардейские полки, что составляло, в совокупности с отдельными батальонами, более 167 полков). Понятно, что в зависимости от каждого из этих конкретных исходных рубежей сокращения сухопутных сил наша оценка замыслов А. П. Волынского может измениться в очень широком диапазоне — от полного авантюризма в решении армейских проблем до вполне вероятного хотя бы относительно трезвого подхода.

Ничего конкретного невозможно сказать и о намечаемом размещении армии «в слободах» по границам²⁴³ — был ли это аналог ландмилицкой системы, чего-то подобного будущим военным поселениям или просто казарменное расквартирование отдельных армейских корпусов по границам?

Таким образом, не имея конкретного текста «проекта» Волынского, трудно судить об общем характере намечаемой им военной реформы — можно лишь отметить, что план столь кардинального сокращения армии был малореален, и, скорее всего (если он не искажен в показаниях на следствии), изрядно отдавал духом авантюризма, порой свойственного Волынскому.

Однако вполне возможно, что он дал толчок *второму этапу* обсуждения планов военной реформы в последний год аннинского царствования, и вовсе не исключено, что этот новый этап имел своим исходным пунктом именно выявленные на следствии предложения Волынского. К сожалению, этот этап реконструируется нами пока лишь гипотетически и требует новых подтверждений в источниках, однако обнаруженный нами документ все же свидетельствует в его пользу.

²⁴² Готье Ю. В. Проект... С. 22.

²⁴³ Там же.

* * *

Сохранившийся в делах Кабинета министров проект военной реформы («Ведомость о числе полков Ея Императорского величества полевую армию и гарнизоны по табели 1720 г. и по Воинскому статусу содержать положено; и что на содержание их денежной суммы определено, и сколько полков ныне состоит, и *впредь по рассуждению содержать надлежит*, и по тому содержанию что из положенной суммы денег будет оставаться в казне»)²⁴⁴ мог быть гораздо более серьезным по своим последствиям, чем план, предложенный А. П. Волынским.

История его появления, к сожалению, не вполне ясна: он отложился в 1182 книге фонда Сената, сохранившей, в крайне разрозненном и перемешанном виде, документацию Кабинета министров в последние годы его существования (1739–1741 гг.). Документ не датирован и не подписан. Правда, в его текст вклинивается лист с данными о рекрутских наборах со сведениями о взятых разночинцах «по 741 год»²⁴⁵ (но при этом, как ни странно, отсутствуют итоговые данные по рекрутскому набору 1739 г.)

И тем не менее он, скорее всего, должен быть отнесен ко времени Анны Иоановны: 1) заголовок с упоминанием армии «Ея Императорского Величества» не позволяет отнести его ко времени правления Иоанна Антоновича; 2) расчет недоимки подушной приводится по 1739 г.²⁴⁶; 3) сведения о современном состоянии армии не учитывают в ее составе гусарских полков, созданных в 1740–1741 гг.²⁴⁷; 4) книга содержит дела Кабинета министров, то есть не может быть отнесена ко времени Елизаветы, и, кроме того, 5) известные нам материалы по планам первых елизаветинских преобразований в армии, инициированным указами 1 и 12 декабря 1741 г. и обсуждавшимся в 1742 г., предлагают иное решение армейских проблем²⁴⁸.

Таким образом, этот документ, скорее всего, может быть отнесен к 1740 г.

Однако, даже если он появился уже в 1741 г., решающим импульсом к работе над ним, скорее всего, следует считать «дело Волынского». Предлагаемое направление военной реформы и объемы сокращения средств во многом напоминают известные по отрывочным показаниям военные проекты Волынского.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1149–1173 об.

²⁴⁵ Там же. Л. 1163.

²⁴⁶ Там же. Л. 1151 об.

²⁴⁷ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения русских войск. С. 105; Журавский Д. П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности. СПб., 1859. С. 38–39; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 468.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 501. Л. 12–229.

* * *

Речь действительно идет о кардинальной военной реформе, снова использующей предложенные в 1726–1732 гг. принципы и методы. Основные направления этой реформы позволяют оценить построенные нами по материалам проекта таблицы 19–22 и диаграммы 1–2 приложения 11.

Целью реформы было существенное сокращение военных расходов и введение воинских соединений, находящихся за пределами армейского штата (финансируемого за счет подушной подати в общем объеме почти 4 млн. р.), в штат. К таким «сверхштатным» соединениям относились оставшиеся от Низового корпуса 12 пехотных полков и созданные уже в аннинское царствование новые гарнизонные части (4 полка и один батальон).

Поэтому в расчетах не учитывались (или учитывались особо и только частично): 1) гвардия, 2) артиллерия и Инженерный корпус и 3) нерегулярные войска, финансировавшиеся из других источников. Таким образом, учтенные в документе расходы на сухопутную армию (4 514 050 р.) меньше номинальных действительных (колебавшихся с учетом сверхштатных в 1733–1736 гг. от 5,36 до 5,66 млн. р.)²⁴⁹ примерно на 1 млн. (только за счет гвардии, артиллерии и Инженерного корпуса — почти на 785,3 тыс. р.).

Нетрудно заметить, что авторы документа поставили себе целью в основном сохранить сложившийся полковой состав регулярной сухопутной армии. Она сокращалась (таблица 19) лишь на 1 расформируемый гарнизонный полк (со 164 полков и 1 батальона до 163 полков и 1 батальона).

Таким образом, авторы попытались сохранить «зависшие» без устойчивых источников финансирования 12 полевых пехотных полков Низового корпуса и вновь созданные при Анне гарнизонные части, лишь уменьшив расходы на них.

Цель достигалась в основном путем перевода этих частей (прежде всего полевых полков Низового корпуса) в гарнизонные и ландмилицкие, содержание которых обходилось гораздо дешевле. Расформировывался один штатный гарнизонный астраханский полк, после чего все внештатные 16 полков становилось возможным включить в штат и содержать в пределах общей суммы в 4 млн. р. Гарнизонные части и ландмилиция увеличивались соответственно на 8 и 7 полков и вырастали в численности на 15,4% и 32,3% (то есть на 1/6 и почти на 1/3).

Наибольшим изменениям подвергся при этом Низовой корпус, сосредоточенный во время русско-турецкой войны в основном вокруг Азова. Он из полевой пехоты преобразовывался в гарнизонные

²⁴⁹ Таблица 4 приложения 3 к наст. работе.

и ландмилицкие части, и (помимо одного полка, остававшегося в Кизляре), рассредоточивался в основном по южным степным пограничным регионам, преимущественно по низовьям Волги и Дона. 2 полка переводились в Азовский гарнизон, 6 — на Волгу (2 — на Царицынскую линию, 2 — расселялись по Волге ниже Царицына; еще 2 — выше Царицына, где с середины 1730-х годов были поселены по Иловле волжские казаки, которых, вероятно, планировалось переселить), 1 — на Закамскую линию в новостроящиеся крепости. И лишь 2 полка отправлялись за пределы региона — в прибалтийские (остзейские) гарнизоны.

Таким образом, только 3 полка (2 остзейских и кизлярский) получали двухтретное «остзейское» жалованье, другие — половинное. Кроме того, селимые на Волге и в Закамье полки фактически переводились в ландмилицкие и (после периода обустройства в течение пяти лет) часть их должна была содержать себя сама²⁵⁰. Все это позволяло получить существенную экономию — 57% от прежнего содержания Низового корпуса, а с учетом расформирования одного гарнизонного полка — и еще большую.

Таким образом, авторы проекта, как и члены Воинской сухопутной комиссии 1730–1732 гг., пошли по пути расширения прежде всего более дешевых гарнизонных и ландмилицких частей и увеличения их численности в структуре армии.

Вторым направлением сокращения армейских расходов стало (как и в работе Воинской комиссии 1730–1732 гг.) применение принципа мирного штата армии.

Он был использован даже в отношении ландмилицких частей украинского корпуса. Правда, при этом сокращалась не их численность, а жалованье (в мирное время они уравнивались в жалованье с обычными гарнизонными полками, тогда как ранее получали двухтретное остзейское). Это позволяло сэкономить только на 20 ландмилицких полках 105 270 р., а в общей сложности расходы на ландмилицию сокращались более чем на треть (на 35%). Зато в военное время ландмилицкие полки уравнивались в жалованье с полевыми, что увеличивало расходы на ландмилицию на 17%²⁵¹.

Однако эти перемены в армейском составе при сохранении почти прежней численности бывших «сверхштатных» полков (одинаковой в мирное и военное время) не могли дать сокращения армейских расходов, достаточного для введения их в финансовые рамки армейского штата.

Поэтому преобразования неминуемо должны были затронуть *полевую армию*, где намечались куда более радикальные изменения, чем в 1730–1732 гг.

250 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1165–1166.

251 Там же. Л. 1166 об.; таблица 20 приложения 11.

* * *

Частично эти изменения были вызваны, вероятно, опытом русско-турецкой войны.

Прежде всего он отразился на кавалерии.

Вероятно потому, что кирасирские полки оказались малоэффективными в степях и чрезмерно дорогими (реальное содержание полка в 57,1 тыс. р. ощутимо превышало штатное в 46,9 тыс. и тем более содержание драгунского в 40,97 тыс.²⁵²), автор предложил сократить корпус тяжелой кавалерии. Он планировал заменить половину кирасирских полков легкой гусарской кавалерией (как выяснилось позднее, эффективной не только в степях²⁵³), и сформировать 5 кирасирских и 5 гусарских полков²⁵⁴ — это позволяло сократить расходы на кавалерию за счет меньшей стоимости содержания гусарского полка.

Таким образом, планировалась новая реформа русской кавалерии, отличная от предлагавшейся в 1731 г. — корпус тяжелой (кирасирской) кавалерии уменьшался наполовину, а расходы на сохранявшиеся полки в значительной степени уравнивались меньшим содержанием корпуса легкой гусарской кавалерии, создававшегося вместо сокращаемых в тяжелой кавалерии частей. Реформа была своеобразным компромиссом, отвечавшим на возможность использования русской армии на двух несхожих театрах военных действий — на степном турецком с преобладанием у противника легкой иррегулярной конницы (где тяжелая кавалерия при длительных маршах была малоэффективна), и на густонаселенном европейском, где пришлось бы действовать и против «регулярного» противника, располагающего тяжелой кавалерией. И, судя по всему, этот пункт проекта был достаточно разумным и учитывающим реальные финансовые возможности и конские ресурсы России.

Более того: проект даже предложил сократить число строевых в каждом кирасирском полку на 100 чел. и ввести в них (и в конногвардейский) по сотне гусар — это позволяло сократить расходы на полк на 2260 р. в год²⁵⁵.

Но и другие полевые полки подверглись значительному сокращению, уже никак не связанному с опытом прошедшей войны, а вызванному прежде всего финансовыми соображениями.

В проекте гораздо радикальнее, чем в 1730–1732 гг., применялся принцип мирного штата и сокращение численности полевой армии даже в военное время. При этом, в отличие от начала аннин-

²⁵² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1153–1154 об.

²⁵³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 501. Л. 13–15.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1162.

²⁵⁵ Там же. Л. 1162–1162 об.

ского царствования, сокращение проводилось преимущественно за счет ее *боевых* порядков (*строевого* состава).

Автор был решительно нацелен на уменьшение численности именно строевых подразделений. Кирасирская рота сокращалась на 10 человек (14,5%) — с 69 до 59 чел. В драгунских полках роты сокращались: в военное время — на 12 чел. (с 92 до 80, или на 13%); в мирное — на 32 чел. (с 92 до 60, или на 34,8%); в полевых пехотных — на 35 чел. в военное (со 160 до 125, или на 21,9%) и на 60 чел. в мирное время (со 160 до 100 чел., то есть на 37,5% своего состава)²⁵⁶. При этом число нестроевых в отдельных случаях даже росло — за счет увеличения специалистов в полках (введения в драгунские и пехотные роты по 1 слесарю, прибавки кузнецов и коновалов в пехотные и драгунские полки — в итоге за счет этого общие армейские расходы возрастали на 11,4 тыс. р.).

Следовательно, наиболее сильному сокращению подвергалась как в мирное, так и в военное время полевая пехота (более чем на 1/5 строевого состава в военное и более чем на треть — в мирное время). Почти столь же сильно сокращались драгунские части — основа русской кавалерии.

Однако, очевидно, именно это позволяло, по мысли автора, сохранить прежнее число частей в полевой армии (70 полков) и существенно сократить при этом расходы.

* * *

Расходы сокращались не только за счет уменьшения численного состава полевой армии, но и за счет экономии на других статьях, особенно значительной с переходом на штаты мирного времени.

Еще более кардинально, чем людской (особенно в мирное время), предполагалось сократить конский состав в полках: на 16,5% по драгунским лошадям в драгунском полку в военное время и почти на 3/4 (на 72,2%) — в мирное (лишь половина строевых мирного штата должна была иметь лошадей).

Но опыт русско-турецкой войны, очевидно, предостерег от поспешных шагов в отношении подъемных лошадей. Полковой обоз в военное время сохранял прежние штаты (120 лошадей) в драгунском и даже увеличивался на 5% в пехотном полку. Однако это компенсировалось резким его уменьшением в мирное время — в драгунском полку на 2/3, а в пехотном — на 45%. Более того — по штатам мирного времени практически полностью ликвидировался обоз в артиллерии, где на 9/10 сокращалось число лошадей и возчиков.

На общем сокращении числа лошадей в армии и артиллерии (а также, возчиков и обозных, обслуживающих обоз) надеялись по-

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1162–1164.

лучить значительную экономию, составившую в совокупности в мирное время 239 тыс. р.²⁵⁷

Таким образом, главным методом экономии военных расходов стало радикальное применение мирного штата армии.

Помимо 1) сокращения конского состава и обоза, значительную экономию должны были дать также 2) ликвидация в мирное время денщиков у офицеров; 3) уменьшение на этот период последних на 2/3 рационов и фуражных денег; 4) экономия на отпусках, куда в мирное время должны были отправляться теперь не 1/3 как ранее, а половина офицеров.

К сожалению, расчеты, сделанные в проекте, не позволяют детально оценить вес каждого фактора в общем сокращении армейских расходов при переходе на мирные штаты. Однако таблица 22 и построенная на ней диаграмма 3 приложения 11 учитывают факторы, дающие экономию 992 187 р. из 1 486 570 р. (подсчитано с учетом сокращения по артиллерии и инженерным частям) — то есть фактически 2/3 (66,7%) урезаемой в мирное время суммы. (Очевидно, неучтенная здесь треть в основном обусловлена сокращением численного состава полевой армии.)

Нетрудно заметить, что указанные выше четыре фактора составляют (см. диаграмму 2) почти 2/3 (62%) учтенной нами суммы, то есть почти половину (41,2%) общего планируемого сокращения армейских расходов.

Однако именно в этой части проект во многом выходил за рамки реальности.

Полная ликвидация денщиков у офицеров, резкое уменьшение расходов последних на фуражирование лошадей вряд ли позитивно сказались бы на состоянии армии и, скорее всего, были бы негативно восприняты офицерством. Полная ликвидация обоза в артиллерии и резкое сокращение числа лошадей в кавалерии, при котором часть мирного штата строевых не имела постоянных лошадей (а для боевых действий и перестроений требовалась серьезная выучка); проблемы с массовой закупкой лошадей при переходе с мирного штата на военный — все это, скорее всего, негативно сказалось бы на боеспособности русской армии.

Трудно сказать, как отразилось бы на ней и уменьшение числа строевых в ротном составе — в соответствии с этим менялись размеры и боевые порядки полков, эскадронов и батальонов, а следовательно — и тактика, и соотношение их сил с аналогичными соединениями европейских армий. Переход к штатам мирного времени при рекрутской системе с пожизненным сроком службы тоже мог создать серьезные трудности. Таким образом, решения, предлагаемые проектом, были по меньшей мере дискуссионными.

²⁵⁷ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1164–1164 об., 1167 об.

* * *

Но, очевидно, именно эти меры позволяли решить главную задачу — ввести сверхштатные подразделения в армейский штат, содержащийся на подушную в 4 млн. р. (реально ее «окладная» сумма была чуть меньшей — около 3,8 млн. р.).

Как видно из таблицы 20 приложения 11, планируемые расходы в военное время едва вписывались в эти рамки, но в мирное — предполагали экономию почти в 900 тыс. р.

Общие расходы на сухопутную регулярную армию в итоге значительно уменьшались — на 11,7% в военное время и почти на треть (на 31,3%) в мирное. Это было гораздо более существенным, чем сокращение, предложенное Военской комиссией 1730–1732 г. (8,4% в военное и 14,9% — в мирное время) — тем более что Военская комиссия не учитывала «заштатные» части. Однако достигалось это неадекватно дорогой ценой.

Уменьшения армейских расходов планировалось достичь (см. таблицу 19 и 20 приложения 11) *почти исключительно за счет полевой армии*, численность которой сокращалась в военное время на 23,3%, а в мирное — почти на 41% (соответственно урезались и расходы — на 12 и 37,2%). Как видно из таблицы 21 и диаграммы 2 приложения 11, именно полевая армия давала основную долю сокращения армейских расходов — 62,6% в военное время и 73% — в мирное.

Таким образом, основную идею планируемой реформы — увеличение гарнизонных и ландмилицких частей за счет количественного и качественного ослабления главного ударного ядра русских сухопутных сил — полевой регулярной армии — вряд ли следует признать достаточно разумной и оправданной.

* * *

Исходя из общего направления планируемой военной реформы, возможным кандидатом на авторство данного проекта следовало бы, вероятнее всего, считать человека не из среды профессиональных военных, хотя и глубоко знакомого с проблемами и состоянием армии.

Велик соблазн атрибутировать эту записку как «военную» часть проекта А. П. Волынского, тем более что многое в «проекте 1740 г.» напоминает известное об этой части по следственным материалам: 1) широкое применение, как и у Волынского, мирного штата армии; 2) поселение полков по границам (касающееся здесь рассредоточения остатков Низового корпуса) и даже 3) близкая к показанной на следствии (1 млн. 800 тыс. р.) сумма сокращения расходов на армию в мирное время (более 1,4 млн., а с учетом экономии от провиантского сбора на Украине — и выше 1,5 млн. р.).

Однако расхождения все же существенны, тем более что «конфидененты» Волынского свидетельствовали о намерениях значительно со-

кратить количество полков (чего в нашем проекте не прослеживается). Поэтому такое отождествление на уровне наших отрывочных знаний о «военной части» проекта Волынского весьма сомнительно.

Вместе с тем, отнюдь не исключен и тот вариант, что знакомство с «проектом Волынского» могло стать отправной точкой для идущего в том же направлении другого проекта военной реформы (только что проанализированного нами выше).

Он действительно мог появиться уже в 1740 г. в ходе попытки решить поставленные Волынским и уже давно назревшие проблемы сокращения военных расходов и обеспечить устойчивое финансирование «сверхштатных» военных частей, не положенных на подушную и не имевших определенных источников для их содержания. Удобным и логически обоснованным временем для появления проекта могло стать лето — начало осени 1740 г., когда была сделана попытка более или менее комплексного рассмотрения общегосударственных финансовых проблем. Однако не исключено, что он мог быть востребован и вынесен на обсуждение и чуть позднее, уже в 1741 г.

Но весьма характерно, что известные планы последних военных аннинских (и послеаннинских) преобразований (возможно, и случайно) вполне вписались в русло проекта. В 1740 г. намечалось (но не было осуществлено) формирование четвертого кирасирского полка. Елизаветинские сенаторы осенью 1742 г. упоминали 5 гусарских полков, «в которых людей всех чинов 963 чел., как то уже в Военной коллегии с фельдмаршалом Лессием в минувшем 1741 г. и штат оным сочинен...»²⁵⁸ — любопытно, что и к нашему проекту были приложены штаты пяти планируемых гусарских полков, но с меньшим числом людей в полку (603–601 человек)²⁵⁹.

Вместе с тем, при всей своей лаконичности, этот набросок военной реформы был одним из самых продуманных и разработанных проектов внутривластных мероприятий конца аннинского времени.

* * *

Но, вероятно, и эти попытки военной реформы с целью сокращения расходов на армию, предложенные в конце царствования А. П. Волынским и какими-то неизвестными лицами и во многом повторяющие прежние идеи начала 1730-х гг., закончились неудачей. Сложившаяся к 1736 г. армейская структура в конечном счете так и не претерпела до конца аннинского царствования серьезных изменений.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 501. Л. 16.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1171 об. — 1173 об.

Глава 4

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФЛОТУ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОИНСКОЙ МОРСКОЙ КОМИССИИ (1732–1738)

Любимое детище Петра I — флот — был особым объектом правительственной военной политики: вопросы его развития были поставлены и решались позднее, чем основные проблемы содержания армии, что в немалой степени, очевидно, объясняется источником его финансирования, не связанным столь тесно с социальными и экономическими проблемами, касающимися владельческих крестьян. Однако, даже и не будучи связанным с прямыми налогами с населения, флотский оклад в 1 млн. 400 тыс. руб., поглощавший примерно 36,7% от всех остальных видов сборов¹, а также даже более остро, чем в случае с сухопутной армией, заявившие о себе военные проблемы состояния флота, вскоре привели к тому, что вопросы развития флота заняли в правительственной политике подобающее место. Происходившее при этом переосмысление роли флота в военной политике России, сопровождавшееся проверкой петровской и послепетровской политики и косвенной ее оценкой, в не меньшей степени заслуживает нашего внимания, чем сама логика формирования правительственной политики.

§ 1. Вопросы финансирования флота в царствование Анны Иоанновны

Финансовое обеспечение флота в связи с общим состоянием государственных финансов было столь же важным фактором в определении правительственной политики, как и в случае с сухопутной армией, что подтверждается и историей финансирования его на протяжении всего царствования, испытывавшей помимо всего и влияние конъюнктурных факторов, связанных с позицией отдельных людей и борьбой в бюрократической верхушке страны. Борьба вокруг вопросов финансирования флота в это царствование насчитывает около 40 раундов, отмеченных очередными обсуждениями в Сенате².

¹ Подсчитано по таблице о доходной части бюджета на 1724 г. (Троицкий С.М. Указ. соч. С. 214). Данные таблицы можно смело распространить и на 1730 г., так как расходы почти не росли (там же).

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 542.

В решении вопросов финансирования флота в аннинское царствование можно выделить по крайней мере два этапа: 1) 1730–1734 гг.; 2) 1735–1740. Первый характеризуется борьбой руководства флота за новый порядок его финансирования и установлением его, второй — проверкой эффективности его на практике и своеобразным подведением итогов финансового состояния флота за 1730–1739 гг.

Общий ход обсуждения указанных вопросов трудно понять без оценки финансового состояния флота на 1730–1731 гг., показывающего, что и флот не избежал тех же финансовых проблем, что и остальные виды вооруженных сил. Своеобразная проверка новой системы распределения доходной части госбюджета по важнейшим статьям расходов, созданной в ходе реформы налоговой системы в связи с введением подушной, оказалась малоутешительной: флотский оклад, увеличенный уже после смерти Петра I до 1 млн. 400 тыс. руб.³, определенный в основном на таможенные и кабацкие сборы по 40 провинциям России, выбирался с громадной недоимкой. Она составила: в 1725 г. — 305 837 р. (21,8% оклада); 1726 — 280 110 р. (20%); 1727 — 348 567 (24,9%); 1728 — 326 089 (23,29%); 1729 — 344 073 (24,58%); 1730 — 420 301 (30,02%)⁴. Таким образом, средний размер недоимки за 1725–1730 гг. был равен 337 496 р. или 24,11% оклада.

Само Адмиралтейство размер недоимки на 15 февраля 1730 г. определяло в 2 186 978 р., то есть в 31,24% оклада⁵. Однако здесь учитывалась недоимка за последний год, очевидно, выбиравшаяся по большей части в следующем, и за счет этого данные несколько завышались. Так, например, по данным, использованным выше в подсчетах, недоимка на 1731 г. составляла 817 477 руб., то есть 58,4% оклада, что резко должно было зависеть и общий процент недоимки. Но неудивительно, что специфика взимания косвенных налогов, частично отданных на откупа с истечением срока в начале следующего года, должна была повести к задержкам в поступлении денег и сведений об их поступлении на только что закончившийся год.

Очевидно, столь значительная и стабильная недоимка лишила руководство флота надежды когда-либо получить всю сумму сполна. Это уже в 1729 г. привело главу Адмиралтейства — адмирала Сиверса к необходимости пересмотреть принципы финансирования флота и даже снизить флотский оклад на 200 тыс. р.⁶ Реально Си-

³ 29 июля 1724 г. Петр ассигновал на Адмиралтейство 1 200 000 руб., но вследствие доношения последнего от 18 авг. 1724 г. об увеличении этой суммы на 251,5 тыс. руб. в счет неучтенных расходов на провиант и соль 15 февраля 1725 г. по решению Сената оклад был увеличен до 1 млн. 400 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 226).

⁴ Подсчитано по сведениям о недоимке на начало 1732 г. (Там же. Л. 78).

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Доношение Сиверса от 14 января 1729 г. (Там же. Л. 20).

верс тогда рассчитывал на меньшее снижение оклада, так как предполагалось, что одновременно из государственных доходов помимо флотского оклада будет гарантировано 50 тыс. р. ежегодно на достройку Кронштадтского канала и доков. Но в 1729 г. решение по предложениям Сиверса принято не было.

В его доношении уже тогда проявились преувеличенные представления незнакомого с механизмом государственных финансов человека о надежности и могуществе государственной казны. Они выразились в стремлении получить наибольшую часть сумм из центральной государственной кассы и оставались лейтмотивом флотской политики на протяжении всего десятилетия: с губерний и провинций по специально предложенному реестру предполагалось собирать лишь половину суммы оклада — 630 444 р., а остальные 596 556 р. — отпускать в Москве и Петербурге из государственной кассы. По аналогии со сбором подушной Сиверс предлагал также, чтобы сборы на местах контролировались флотскими офицерами.

Основное содержание первого этапа как раз и составила борьба флотского ведомства (в основном с Штатс-конторой и Сенатом) за реализацию этих принципов финансирования, сформулированных в прошлое царствование и лишь несколько видоизмененных на практике.

Возможно, что на конкретные их формы повлияли и конъюнктурные моменты. Как мы видели, на начало 1731 г. пришелся период весьма существенного роста государственных расходов. По сообщению Маньяна от 23 августа 1731 г. для его частичного покрытия Минихом была высказана мысль о возможности обойтись исключительно галерным флотом, очень понравившаяся Бирону: «...эта мысль понравилась обер-камергеру на том основании, что из полученных таким образом сбережений царица в состоянии будет покрывать внутренние расходы на содержание своего двора, расходы очень значительные»⁷. Только в результате сильного сопротивления С. А. Салтыкова и опровержения со стороны адмирала Сиверса данный план был отвергнут.

Это подтверждается и реальными фактами. В начале августа Сиверс действительно приезжал в Москву. Ф. И. Соймонов, как прокурор коллегии, имевший столкновения с Сиверсом, спасаясь от его доноса на себя императрице, также отпросился в Москву, где очевидно от Ягужинского, выдвинувшего его в свое время и в очередной раз уверившего в поддержке, узнал, что доноса не последовало⁸. И Сиверс действительно приезжал вовсе не за этим.

Он представил в течение двух недель на заседаниях Сената (5, 10, 12, 17, 18, 19 августа)⁹ серию доношений, охватывающих в комплексе практически все вопросы состояния флота. Одним из них было и

⁷ Сб. РИО. Т. 81. С. 235.

⁸ Соймонов Ф. И. Из записок // Морской сборник. 1888. № 9. С. 103–104.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1901. Л. 232, 238, 240, 258.

доношение 5 августа 1731 г.¹⁰ (очевидно вовсе не случайно первое), предлагающее еще большее снижение флотского оклада (до 1 020 000 р.). В нем можно усмотреть косвенное подтверждение сведений Маньяна — оно, в таком случае, могло быть вынужденной реакцией на действия фаворита. В этом же доношении Сиверс настаивал на ранее предложенном им изменении принципов финансирования.

Сенат в основном одобрил мнение Сиверса, вследствие чего 13 августа 1731 г. оклад Адмиралтейства был уменьшен до 1020 тыс. р.¹¹, однако не утвердил тогда изменение принципа сбора, хотя на заседании 19 октября П. И. Ягужинским была даже высказана мысль о финансировании флота целиком из общегосударственной кассы: «...говорил, что не лутче ли положенную на Адмиралтейство сумму собирать губернаторам и воеводам и присылать в Камер-коллегию, а из оной коллегии на Адмиралтейство отпускать, ис чего может ускорение произойти. Тому и прочие соглашались...»¹².

Эта идея была поддержана и развита в доношении недавно созданной Военской морской комиссии от 17 апреля 1732 г.: «...и представляла, чтоб к лутчему Адмиралтейству и флотов содержанию потребные на оное суммы впредь отпускать из Камер-коллегии, в которой все таможенные и кабацкие сборы...»¹³. Комиссия предложила, однако, свой вариант уменьшенного флотского оклада в 1 млн. 200 тыс. р., введя, правда, в него и расходы на строительство кронштадтского порта, ранее производившиеся из других сумм. Именно этот бюджет, утвержденный указом 27 октября 1733 г.¹⁴, просуществовал всю середину XVIII в. и был подтвержден еще и в 1764 г.¹⁵. Согласившись с размерами оклада, Сенат, однако, не одобрил идею выплаты всей суммы из центрального казначейства. Он предложил компромиссный вариант с выплатой из него 595 556 р. и расписанием 630 644 р. по провинциям¹⁶, повторивший предложение Сиверса 1729 г. Однако теперь Адмиралтейство начало борьбу за увеличение той части суммы, которая должна была поступать из казначейства, до 722 605 р., одновременно предложив собирать определенную по провинциям сумму не с специальных статей доходов в них, а из общего оклада с каждой провинции¹⁷, что затем и проводилось на практике. Поскольку доходы на Адмиралтейство отсылались в пер-

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 22–28.

¹¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5831.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1902. Л. 146 об.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 229–230.

¹⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5937.

¹⁵ ПСЗ. Т. XIV. № 12069.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 231.

¹⁷ В основном отражено в: ПСЗ. Т. VIII. № 5937.

вую очередь, последнее решение должно было снизить недоимку на него — естественно, за счет тех ведомств, на содержание которых отсылалась оставшаяся часть оклада.

Запросы Адмиралтейства вызвали сопротивление Сената, объяснявшееся позицией Штатс-конторы, понимавшей очевидную практическую неосуществимость нового порядка сбора, увеличивавшего нагрузку на нее и ставившего под угрозу выплату сумм по другим статьям ее расходов. Полемика в конечном счете привела к тому, что сенатским указом 5 февраля 1734 г. было определено выплачивать Адмиралтейству 780 831 руб. непосредственно из провинций и губерний; 290 160 р. из казначейства в Москве и 120 000 р. — в Петербурге¹⁸. Несмотря на протесты Военской морской комиссии (далее — ВМК) в феврале 1735 г. этот порядок был сохранен.

Таким образом, из общегосударственной кассы не удалось получить не только 100% флотского оклада, но даже и первоначально требуемых 49,73%, а всего лишь 34,93%. На этом первый период фактически завершился частичной победой флотского ведомства, сумевшего в определенной степени настоять на своем варианте порядка получения средств на флот. Картина преследуемых этим мотивов, суммирующая доношения Адмиралтейства и ВМК, выглядит следующим образом: 1) упрощение порядка сбора; 2) обеспечение гарантированного и бездоимочного поступления средств из одного источника, определяющее регулярность их поступления, необходимую в связи с потребностями флота одновременно в крупных суммах; 3) ликвидация конфликтов и параллелизма в работе гражданской и военной администрации по сбору налогов; 4) возвращение флотских офицеров к местам их службы; 5) сокращение издержек по сбору налогов за счет централизации сбора и перевозок. В последнем предложении была своя логика: если бы, например, сбор подушной был централизован, это привело бы к росту расходов за счет двойных перевозок, так как собранные в центр деньги пришлось бы опять развозить по множеству мест квартирования полков, а это, вдобавок, увеличило бы сроки поступления денег; но флотские средства, требовавшиеся всего в 3–4 места, удобнее было получать в Москве и в Петербурге.

Мотивы, как видим, были вполне разумны, но реализация флотских предложений повела на практике к иным результатам, что выяснилось отчетливо на протяжении следующего периода.

Сведения, поступающие о недоимке, говорили о том, что она по прежнему остается значительной. Поэтому после упомянутого фев-

¹⁸ Цитируется по доношению ВМК от 10 февраля 1735 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 267–271 об.).

ральского доношения ВМК указом 6 марта 1735 г. велено было силами флотских офицеров начать следствие об адмиралтейской доимке. Первые его результаты были обобщены в доношении ВМК от 13 ноября 1735 г. с приложенным к нему экстрактом о недоимке по губерниям¹⁹. Они были неутешительны, ибо недоимка составила: в 1731 г. — 320 467 р. (22,89%); 1732 — 139 164 (11,6%); 1733 — 148 348 р. (12,36%); 1734 — 173 622 р. (14,47%); 1735 — 509 041 р. (42,62%)²⁰. Общая сумма недоимки оценивалась в 1 290 643 р., то есть в 17,93% оклада, но учитывая некоторое завышение за счет последнего года (что четко видно на примере вышеприведенных данных), средний размер недоимки за первую половину царствования можно определить в 15,63% годового оклада.

Учитывая, что оклад на Адмиралтейство был понижен на 200 тыс. р., или на 14,28%, мы можем сделать вывод, что переход к новому принципу получения средств ничего не изменил и даже несколько ухудшил положение. Надежды флотского руководства, что недоимка образуется за счет траты на местах флотской суммы на другие статьи расходов, не оправдались: на другие расходы было выплачено всего 146 652 р., то есть 2,03%. Основными причинами недоимки были другие: 1) большой недобор по косвенным налогам, 2) осложнявшийся еще и завышением суммы окладов их при составлении таблицы 1725 г. Последнее было отмечено и С. М. Троицким²¹; в нашем случае ярким примером является оклад сборов со Пскова, определенный по данным еще до 1710 г., в котором город после морового поветрия запустел²².

Стабильность высокой недоимки после перехода на новый оклад и новые принципы обложения вызывали постоянные жалобы флотского руководства на недостаток средств, а переход на частичное финансирование из общегосударственной кассы в конечном счете повел к взаимным претензиям и спорам со Штатс-канцелярией, еще больше обременявшим делами Сенат. Начавшаяся турецкая война потребовала вложения новых средств в развитие флота, к тому же в последние годы царствования положение осложнялось еще и конфликтом в бюрократической верхушке России, вылившимся в атаки А. П. Волюнского и его союзника Ф. И. Соймонова на Н. Ф. Голovina (руководителя морского ведомства и сторонника А. И. Остермана и Бирона), бывшего их главной мишенью²³.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 380–394 об.

²⁰ Подсчитано по: Там же. Л. 405 об. Оклад на 1731 г. принимался равным 1 млн. 400 тыс. р., на остальные — 1200 тыс. р.

²¹ Троицкий С. М. Указ. соч. С. 249–250.

²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 389.

²³ Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). — М., 1966. С. 90–93.

По предложению Соймонова, слушанному в Сенате 29 мая 1738 г., решено было затребовать ведомости из Адмиралтейской коллегии о ее приходах с 1731 по 1738 гг. и фактически начата ревизия коллегии, ускоренная в 1739 г. доношениями с взаимными обвинениями Адмиралтейской коллегии²⁴ и Штатс-конторы²⁵. Из них уже тогда выяснилось, что надежды на финансирование из центральной кассы не оправдались: 47,4% общей недоимки на Адмиралтейство составили суммы, недосланные из Московской и Санкт-Петербургской рентерей, хотя из них должно было быть получено всего 34,9% оклада.

Следствием этих доношений был общий счет между двумя учреждениями. Его итоги подведены в сенатском экстракте от 9 июня 1739 г., позволившем наконец уточнить реально полученную флотом сумму²⁶. За семь лет (1732–1738) Адмиралтейская коллегия получила в общей сложности 7.688 175 р.²⁷, то есть недосылка средств на флот, после учета некоторого завышения коллегией недоимки²⁸, составила 718 824 р.²⁹ или 8,56% оклада за эти годы. Однако в графе прихода числились долги Соляной и Монетной конторам, а также канцелярии генерал-поручика Волкова на общую сумму в 400 тыс. р., и, кроме того, засчитанные Штатс-конторой суммы, выплаченные ей Адмиралтейству по особым указам Сената и Кабинета, составившие 177 336 р.³⁰ То есть реально недоимка составила 1 296 160 р. или 15,43% оклада. Как видим, она отчасти компенсировалась выплатой Адмиралтейству денег из других источников доходов.

В дальнейшем, не только желая подорвать позиции Н. Ф. Головина, но, очевидно, понимая и полную невозможность выплаты огромной задолженности Адмиралтейству из Штатс-конторы (по данным Штатс-конторы сумма чрезвычайных (неокладных) расходов на 1739 г. составила 1 179 427 р.³¹), Ф. И. Соймонов, назначенный флотским генерал-кригс-комиссаром, незадолго до своего ареста по делу Волынского предложил списать долги Штатс-конторы флоту, к тому

²⁴ Донесение Адмиралтейской коллегии, поданное еще в 1738 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 504–507).

²⁵ Доношение Штатс-конторы от 14 марта 1739 г. (Там же. Л. 601–604).

²⁶ Там же. Л. 948–950 об.

²⁷ Там же. Сенатский экстракт основывался на так называемой «прокурорской» ведомости (за подписями прокурора, секретаря и бухгалтера коллегии), скорректированной затем еще одной специальной ведомостью, появившейся в связи с тем, что из-за двойного внесения в приход некоторых статей сумма его на 1731–1734 гг. оказалась несколько завышенной.

²⁸ В частности, оклад в 1 400 000 р. она продолжала считать по 1733 г., тогда как в 1732 г. был уже введен оклад в 1200 тыс.

²⁹ Там же. Л. 950 об.

³⁰ Естественно, что эти деньги коллегия считала своей задолженностью и при учете недоимки не считала.

³¹ Там же. Л. 608–608 об.

времени составившие 507 422 р.³². Это, несмотря на протесты Н. Ф. Головина, было утверждено сенатским указом 11 марта 1740 г.³³

Но, несмотря на то что надежды на улучшение финансового положения, связывавшиеся с переходом к выплате части оклада из центральной кассы, не оправдались, Адмиралтейская коллегия еще и 16 февраля 1740 г. продолжала настаивать на выдаче денег из нее, а не из таможенных и кабацких сборов³⁴. Даже Ф. И. Соймонов придерживался этого, предложив лишь перейти к ежемесячной выплате сумм на флот из Штатс-конторы, что на практике также было малоосуществимо. В донесении Штатс-конторы от 24 января 1740 г. указывалось, что приходы в рентереи в Москве и Петербурге не позволяют отпускать такие суммы, причем предлагалось вернуться к прежнему порядку отсылки таможенных и кабацких сборов прямо на Адмиралтейство³⁵. Однако флотских руководителей можно было понять: они не имели возможности содержать собственный аппарат на местах, в связи с нехваткой офицеров при флоте, что подтверждается и указом 3 апреля 1739 г. об отзыве флотских офицеров от следствия по адмиралтейской доимке³⁶.

Таким образом, итоги второго периода показали, что новые принципы финансирования флота, которых так добивалось флотское ведомство, себя в конечном счете не оправдали. Вынужденное снижение оклада не дало флоту ничего; недоимка флотского оклада почти не уменьшилась и финансовое состояние флота даже несколько ухудшилось. Удивительно, что руководство флота продолжало сохранять веру в неограниченные возможности общегосударственной кассы и настаивать на финансировании из нее вопреки очевидным фактам, говорившим о ее несостоятельности.

* * *

В результате охарактеризованных выше многочисленных обсуждений финансовых вопросов появился целый комплекс ведомостей, на основании которых мы можем достаточно подробно восстановить структуру флотских расходов за 1731–1734 гг. (см. приложение 5, таблицы 11 и 12). Она позволяет не только уточнить, как расходовался флотский оклад, но и выявить динамику расходов и понять, какими факторами в первую очередь определялись затраты на флот.

³² Первое доношение было подано Соймоновым 9 янв. 1740 г.; второе, опровергающее возражения Головкина, — 5 марта 1740 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 952–953; 1036–1041 об.)

³³ Мнение Головкина на доношение Соймонова от 9 янв. 1740 г. (там же. Л. 1030–1035); указ 11 марта 1740 г. (там же. Л. 1052–1053).

³⁴ Там же. Л. 1028–1029.

³⁵ Там же. Л. 1023–1027.

³⁶ ПСЗ. Т. X. № 7781.

Как видим, три наиболее крупные статьи расходов, превышающие, как правило, 10%, это: 1) жалованье; 2) провиант; 3) заготовление леса и материалов (которое не включает в себя еще расходы на его доставку, частично учтенные среди других в статье «транспортные расходы»).

При некоторой тенденции к повышению расходов на флот доля жалованья в флотских расходах за это время стабильно понижается, и тем не менее составляет от 50 до 32% общих затрат, сопровождаясь и абсолютным снижением (более чем на 100 тыс. р.). Как видим из диаграммы (приложение 5, таблица 12), характеризующей структуру уплаты жалованья, основной его объем выплачивался в два года: большей частью в первый год, хотя значительная часть жалованья на текущий год выплачивалась в следующем году (от 47 до 22,33%), что, очевидно, объясняется порядком поступления адмиралтейских сборов. Пенсионные и наградные выплаты составляли незначительную часть фонда жалованья, причем их доля постепенно росла за счет пенсионного фонда вдовам и сиротам, как показывает табель. Сопоставление реальных сумм выплаты жалованья с его окладом на 1731 г. в 600 699 р.³⁷ показывает, что на этот год (учитывая и выплаты на него в следующие годы), было недоплачено по меньшей мере 22,3% жалования, а реально, видимо, доля недоплачиваемого жалованья приблизилась к 25%³⁸. Учитывая абсолютное снижение выплат в последующие годы, можно предположить, что и дальше сохранялась примерно схожая ситуация³⁹. Как видим, это примерно соответствует размеру недоимки флотского оклада. Таким образом, проблема дефицита флотского бюджета решалась банально — путем урезания соответствующих расходов (в том числе и жалованья личному составу).

Медленно растут расходы на провиант и рационы офицерам, что объясняется, очевидно, постепенным повышением цен на продовольствие после 1731 г. и приготовлениями к экспедиции и самой экспедицией флота в Польшу в 1734 г.

Как видно из этого материала, расходы флота, несмотря на большую техническую оснащенность этого вида вооруженных сил, чем остальные, все же в основной своей части идут на живую силу (затраты только на жалованье и провиант колеблются от 61,7% до 50,4%) — даже в годы польского конфликта, когда приходится увеличивать долю оклада, идущего на вооружение флота.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 45.

³⁸ Поскольку в нашем распоряжении общая сумма жалованья, выплаченного на все предыдущие годы, в 165 тыс. руб., то, естественно, выплаты на прошедший год составляли лишь часть ее.

³⁹ Снижение абсолютных выплат объясняется как работой ВМК, сократившей численный состав флота, так и тем, что до решения ей вопроса о жалованье (так и неосуществленного) выплаты отдельным чинам были приостановлены. (МИРФ. Т. VIII. СПб., 1880. С. 276–277).

Расходы на заготовление материалов и строительство, как показывает таблица, остались достаточно стабильными, а сокращение транспортных расходов, очевидно, объясняется результатами работы ВМК, которой удалось снизить стоимость провоза леса.

Медицина и образование поглощали примерно 2,7–1,6% флотских расходов, хотя выплаты на содержание Морской академии из четырех лет производились только два, причем годовой оклад (22 459 р.)⁴⁰ был за 1731 г. выплачен не полностью, а за 1732 г. — только 1/3 его.

Общая тенденция в расходовании флотских средств (см. график расходов на флот в приложении 9) выражается в том, что расходы за мирные годы колебались примерно около годового флотского оклада, не превышая его, но первое же боевое использование флота под Гданьском сразу же вызывает резкий рост расходов (примерно в 300 тыс. р.), в результате чего они превышают флотский оклад на 15,35%. Графы 3 и 11 таблицы 11 прямо отражают траты на содержание балтийской эскадры, посланной к Данцигу (в особенности последняя графа, составляющая 12–13% в общей сумме расходов).

Следовательно, становилось ясным, что и при уменьшенном окладе финансовое положение флота даже без учета недоимки в случае боевых действий оказывается очень шатким и потребует привлечения дополнительных средств. Большая недоимка на флот еще более усложняла положение. Из всего этого, в особенности после снижения оклада в августе 1731 г., становилось очевидным, что для стабилизации положения нужно определенное сокращение затрат на флот. Это, вероятно, стало одним из мотивов создания и деятельности Воинской морской комиссии.

§ 2. Образование Воинской морской комиссии 1732–1738 гг.

История изучения Воинской морской комиссии, характеризовавшейся историками флота в основном по публикации ее материалов в ПСЗ и VII–IX тт. «Материалов для истории русского флота»⁴¹, еще более скромна, чем Воинской сухопутной комиссии 1730–1732 гг. Точно так же она не была объектом самостоятельного специального исследования, отразившись в основном в обзорных работах по истории русской армии и флота⁴²; точно так же не ставились при этом и цели определить мотивы правительственной политики.

⁴⁰ Троцкий С. М. Указ. соч. С. 224. Прим. 2.

⁴¹ ПСЗ. Т. 44. Ч. 1; МИРФ. Т. VII–IX. СПб., 1880.

⁴² Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота. Вып. 1. СПб., 1893. С. 75–81, 85–114; Баюв А. К. Указ. соч. Т. 1; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 68–69.

Общая оценка результатов деятельности комиссии, данная впервые в работе В. Н. Берха⁴³, а затем развитая и уточненная в указанном выше труде Ф. Ф. Веселаго, была сдержанно-нейтральной, хотя во многих аспектах авторы склонялись к положительной оценке ее решений. Та же тенденция к одобрительной в целом оценке работ комиссии прослеживается и в единственной специальной статье, посвященной флоту в царствование Анны Иоанновны, автор которой скрылся под инициалами В. Е.⁴⁴, написанной по материалам опубликованных незадолго до этого VII–IX тт. МИРФ. Сделав вывод о довольно осторожной политике по отношению к флоту в начале царствования Анны Иоанновны и в общем благожелательно оценив позицию А. И. Остермана по отношению к флоту, автор считал, что ухудшение отношения к флоту, вызвавшее его упадок, началось со второй половины 1730-х гг. и было прежде всего связано с деятельностью главы флотского ведомства Н. Ф. Головина, теоретически неплохо подготовленного моряка, но человека неделательного и царедворца, отдававшего предпочтение дворцовым интригам. Чувствовавшееся в сдержанности оценок влияние стереотипа «бироновщины» еще очевиднее проявилось в советское время в работе Л. Г. Бескровного, где стал уже обосновываться тезис об упадке русского флота и вине в этой Военной морской комиссии⁴⁵.

Однако материалы комиссии⁴⁶ показывают, что ее создание и деятельность были результатом гораздо более сложных процессов, чем влияние «бироновщины».

Во-первых, она имела свою предысторию, так как планировавшаяся первоначально в 1727 г. военная комиссия должна была рассмотреть вкуче состояние флота и армии. Во-вторых, даже в царствование Анны Иоанновны до нее по меньшей мере дважды предпринимались попытки обращения к нуждам флота.

21 июля 1730 г. именным указом «О содержании галерного и корабельного флотов по регламентам и уставам»⁴⁷ было в очередной раз подчеркнуто стремление поддержать на должном уровне боеспособность вооруженных сил страны. Затем еще раз, в августе 1731 г.

⁴³ Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота. Ч. 1–3. — СПб., 1831–1834. Оценка комиссии содержится в жизнеописании Н. Ф. Головина (Ч. 2. С. 226–312).

⁴⁴ Русский флот и его управление в царствование Анны Иоанновны. (Исторические наброски) // МС. 1882. № 8.

⁴⁵ Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 68–69.

⁴⁶ Основными источниками послужили: делопроизводство Сената по Военной морской комиссии (РГАДА. Ф. 248. Кн. 544); подготовительные материалы и мнения, отложившиеся в делах Сената по Кабинету министров (Там же. кн. 1083, 1089); материалы комиссии, содержащиеся в Т. 44 ПСЗ и Т. VII–IX МИРФ; РГА ВМФ. Ф. 146 (Воинских морских комиссий). Д. 1–6, 13, 26, 34, 40, 46, 58.

⁴⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5593.

в Сенате подвергся обсуждению комплекс донесений Сиверса, касавшихся почти всех аспектов состояния флота, что должно было дать сенаторам достаточно полное представление о флотских проблемах, тем более что непосредственным поводом к этому обсуждению могла, вероятно, быть позиция Бирона по отношению к флоту.

Одновременно завершалась основная работа Военской сухопутной комиссии и подводились ее общие финансовые итоги, заслушанные в Сенате 18 октября⁴⁸. И хотя обсуждение проблем флота не вошло во внутриполитическую программу 1 июня 1730 г. и в программу работ созданной тогда Военской комиссии, сосредоточившейся на сухопутной армии, генетическая связь последней с созданием аналогичной комиссии по флоту очевидна: именно после вышеописанных событий, тесно связанных во времени, 13 декабря 1731 г. при обсуждении вопроса о штате Адмиралтейской коллегии сенаторами было предложено: «...не соизволит ли ЕИВ-во учредить особую комиссию и об оной коллегии, и рассматривать таким же образом, каким и об оной коллегии рассматривано...»⁴⁹. Очевидно, определенное влияние на постановку вопроса о создании комиссии оказал и готовившийся переезд двора в Петербург.

Именной указ 15 декабря 1731 г.⁵⁰ (появившийся через два дня после предложения сенаторов), которым предписывалось «...к прибытию Нашему в Санкт-Петербург все к тому надлежащие об оном флоте ведомости всеконечно изготовить, дабы тотчас и неотложно в оное дело вступить было можно», подтверждает, что инициатива образования комиссии принадлежала, всего вероятнее, Сенату. Это подтверждается и тем, что вскоре после переезда в Петербург 22 января 1732 г. появляется уже и указ о создании самой комиссии о флоте⁵¹.

Содержание указа прямо демонстрировало преемственность в работе миниховской военной комиссии о сухопутной армии и комиссии о флоте: «Для каких причин Мы запотребно рассудили учредить особливую комиссию для рассмотрения и приведения в порядок сухопутной нашей армии и с каким плодом ко всемилостивейшему нашему удовольствию и государственной пользе оная производится, о том обо всем известно. И понеже в содержании флота и морской нашей силы не меньше нужды, пользы и безопасности нашего государства состоит, того ради... запотребно рассуждено учинить особливую ж комиссию для рассмотрения и приведения в такой же доброй... порядок нашего флота, как корабельного, так и галерного, Адмиралтейства и всего, что к тому принадлежит...»⁵².

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1092. Л. 130 об.-131.

⁴⁹ Там же. Л. 293.

⁵⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5908.

⁵¹ Там же. № 5937.

⁵² Там же.

Однако указ оказался менее детальным, чем указ 1 июня 1730 г. о создании сухопутной комиссии, и не дал подробно разработанной программы ее деятельности, лишь очертив ее основную область. Очевидно, программа работы комиссии не была ясна пока и для самих авторов указа и должна была определиться после консультаций с флотским руководством, ибо через два дня, 24 января, последовал указ о подаче флагманами в Кабинет министров мнений о состоянии флота⁵³. Не были в указе четко определены и цели, ставившиеся перед комиссией, но напряженное финансовое состояние русского флота, охарактеризованное в предыдущем параграфе, усугубленное недавним снижением оклада на флот, а также известная правительству низкая боеспособность русского флота, приводили к мысли о необходимости серьезных изменений в его составе, долженствующих укрепить боеспособность флота при одновременном снижении расходов на него. Главой комиссии был назначен А. И. Остерман.

Первой стадией подготовительных работ комиссии стало, очевидно, изучение состояния флота на конец 1731 г. по двум комплексам ведомостей: 1) затребованному у Сиверса уже указом 6 ноября 1731 г.⁵⁴ и 2) поданному по силе указа 15 декабря 1731 г.⁵⁵, дававшим в совокупности довольно подробную картину личного состава, расходов на флот и состояния корабельной части.

Основным фактором, определявшим боеспособность флота, был, конечно последний. Поскольку главным здесь было положение корабельного флота, состоявшего из трех- и двухпалубных линейных кораблей (100–50-пушечных), фрегатов (44–16-пушечных) и шняв (разведывательных и дозорных судов с вооружением в 18–20 пушек), именно он и будет объектом нашего внимания, так как вспомогательные и обслуживающие флот суда имели, несомненно, меньшее значение.

На конец 1731 г. русский корабельный флот, как показывает таблица 15 приложения 7⁵⁶, числил в списках 50 судов⁵⁷: 36 линейных кораблей, 12 фрегатов и 2 шнявы. Однако невнимание к флоту в послепетровский период серьезно сказалось на его состоянии. Как показывает более детальный анализ, полностью боеспособными были

⁵³ ПСЗ. Т. VIII. № 5939.

⁵⁴ Эти ведомости были поданы в Кабинет 22 ноября 1731 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 5–54 об.).

⁵⁵ Ведомости этого комплекса также составляют достаточно компактный массив в кн. 1089 (Л. 63–95), но основная часть их, очевидно, отложилась в книге 544 Сената, и в основном по ним и будет характеризоваться состояние флота.

⁵⁶ Составлена по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 73–76 об.; 69 об.; 178.

⁵⁷ Все расчеты по степени годности судов и сроках их службы сделаны по списку судов, поданному по указу 15 дек. 1731 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 73–76 об.).

лишь 29,63% штатного числа линейных кораблей. Еще 18,52% штатного числа Россия могла вывести в море, но они были боеспособны только на Балтике в самый благополучный период навигации и не были готовы к боевым действиям в период осенних штормов. Всего Россия могла вывести в море 13 линейных кораблей: 8 — полностью боеспособных и 5 — в ближнее плавание, что составляло 47,9% штатного числа и 36,11% наличного числа кораблей. Положение еще не было катастрофическим (реально боеспособное число кораблей других флотов также зачастую не достигало штата⁵⁸), однако в ближайшей перспективе могло существенно ухудшиться.

В таблице 15 все корабли поделены на 4 группы по степени их боеспособности. Средний возраст судов первой группы — 5 лет 7 мес., а без учета «Слутельбурха» постройки 1714 г., тимберованного (ремонтированного с почти полным обновлением корпуса) в 1725 г., — 3,9 года. Таким образом, это в основной своей части суда недавней, послепетровской постройки (исключая «Принца Евгения», сошедшего с голландских верфей).

Средний возраст судов второй группы (ограниченно годных к плаванию) — 14 лет и 5 месяцев, а без учета «Нарвы» русской постройки 1725 г. — 16,5 лет, и практически вся эта группа представлена судами английской и голландской постройки 1713–1715 гг. (4 корабля из 5).

Суда третьей группы (годные на рейде, то есть могущие еще держаться на плаву) прослужили в среднем 10 лет 11 мес., а без учета одного голландского судна постройки 1713 г. — 9 лет 1,5 мес. Тот же показатель для судов четвертой группы, практически уже просто гниющих в гавани, равен 11 годам 10 месяцам.

Кронштадтская гавань была полна гниющими судами, поскольку отслужившие свой срок корабли разбирались обычно в связи со специальным решением. Суда петровского флота, за исключением нескольких, до работы ВМК практически не разбирались, да и одобренная комиссия ломка старых судов была осуществлена в основном в 1736 г., а затем приостановлена. Поэтому не следует, конечно, судить о сроке службы судов по конечным датам, приводимым Ф. Ф. Веселаго в «Списке русских военных судов».

Из строя выбыли практически все суда крупных рангов (трех- и двухпалубные — 80, 90, 70 и более пушек), вошедшие в состав русского флота к концу Северной войны. В группе боеспособных оставался единственный 100-пушечный корабль «Петр Первый и Второй», спущенный на воду в сентябре 1727 г. (заложенный в 1723 г. самим Петром по его собственному чертежу и достроенный после его смерти всеми корабельными мастерами); пять 66-пушечных и семь

⁵⁸ Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. — М., 1985. С. 248; Его же: Роль России... С. 51.

56–62-пушечных кораблей. Срок службы кораблей первой группы в 3,9 года в сравнении со сроком службы английских и голландских кораблей второй группы, а также тот факт, что в составе обеих групп было лишь одно судно русской постройки 1725 и ни одного — 1721–1724 гг., говорит о невысоком качестве русского кораблестроения петровского времени (особенно последних лет) и о том, что корабли русской постройки реально боеспособными были не более 6–8 лет службы. Тот же срок службы корабля (7 лет для судов с корпусами из ели (очевидно, лиственницы) и 8 лет — из дуба) называл в 1723 г. по своим практическим наблюдениям и служивший в петровском флоте английский капитан Д. Ден⁵⁹.

Следовательно, было горькой реальностью, что все наиболее боеспособное ядро петровского флота из кораблей крупных рангов более не существовало. В строю находились лишь 66–54-пушечные корабли, и именно из этой неутешительной стартовой ситуации комиссия должна была исходить в своей работе.

Несколько благополучнее дело обстояло с фрегатами, где число боеспособных кораблей даже превышало штатное. Таким образом, стало очевидным, что наиболее серьезной проблемой для комиссии будет состав линейных кораблей, и изначальное положение таково, что должно потребовать серьезных перемен в нем.

Положение флота определяется не только наличием боевых кораблей на плаву, но и наличием надлежаще обученного личного состава флота. Штатный состав флота насчитывал в общей сложности 26 809 чел., распределение которых по его структурным подразделениям дано в таблице 13 приложения 6. Основную его часть представлял личный состав корабельного и галерного флотов (58,3%), однако достаточно велика была и доля технического персонала Адмиралтейства и обслуживающих флот лиц (30,9%). По данным Сиверса, на начало 1732 г. флот требовал в комплект 2867 рекрутов, то есть общий некомплект по флоту в целом составлял 10,7%, а для корабельного и галерного флотов — 12,93%⁶⁰. При столь значительном некомплекте судов он особенной опасности не представлял: главное зло скорее составляло отсутствие обученных экипажей, так как даже корабли, бывшие на плаву, в последние годы не полностью выходили даже в сравнительно недолгие крейсерские плавания. Но руководящий состав флота в большей степени беспокоило отсутствие надлежащей выучки офицеров (как это видно из мнений флагманов, поданных до начала работы комиссии), ибо рекруты во флот набирались преимущественно из крестьян-поморов и были знакомы с морем.

⁵⁹ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. — СПб., 1999. С. 125.

⁶⁰ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 72.

Офицерский корпус (см. таблицу 14 приложения 7) был почти полностью укомплектован. В основном он сложился еще при Петре, и особенности его комплектования тогда отразились на составе 1732 г. Среди старших офицеров (вплоть до капитана III ранга) преобладали иностранцы, поскольку именно они, будучи приняты Петром в офицерские чины, по правилам выслуги и старшинству, быстрее продвигались по службе. Однако в самом верхнем этаже руководства флотом (от флагманов (адмирального ранга) до капитан-командоров) соотношение между русскими и иностранцами было примерно равным, что отражает итоги политики Петра I по укреплению национального начала в руководстве флотом. Низший офицерский состав в своем подавляющем большинстве был русским и комплектовался из выпускников созданных Петром военно-учебных заведений (Морской навигацкой школы и Морской академии), попадавших по окончании их в роту гардемарин, из которой затем, по мере освобождения вакансий, производившихся в офицерские чины⁶¹.

В галерном флоте соотношение было приблизительно тем же, за исключением одной особенности: галерный флот комплектовался в основном венецианскими офицерами, преимущественно с греческими и югославянскими фамилиями. Типичный пример этому — судьба контр-адмирала, югослава-католика Матвея Змаевича, принятого в службу П. А. Толстым по рекомендации С. Л. Рагузинского⁶².

Верхний эшелон русского флота, насчитывавший в апреле 1732 г. 10 флагманов (один из которых, Н. Ф. Головин, был внештатным вице-адмиралом, но после смерти вице-адмирала Вильстера в июне 1732 г. соответствие штатному числу восстановилось), состоял в основном из опытных моряков. В 1731 г., накануне открытия комиссии, он был немного иным по составу, но отнюдь не по характеру, как об этом свидетельствуют данные о флагманах, подавших мнения о состоянии флота накануне комиссии.

Флагманами назывались командиры эскадр, носящие собственные флаги на судах, от генерал-адмирала (которого на данный момент в русском флоте не было) до контр-адмирала, имевшего в послепетровском русском флоте голландское название шаутбенахта.

Все подавшие мнения флагманы были опытными моряками, воспитанниками самых разных европейских военных флотов: адмирал Питер Сиверс, тогдашний фактический глава Адмиралтейства — датского; шотландец адмирал Томас Гордон; вице-адмирал Томас Сандерс; контр-адмиралы Мартин Госслер и лорд Дуффус — английского; контр-адмирал Питер Бредаль был норвежцем; вице-адмирал Вильстер служил в шведском флоте и одержал морскую победу над

⁶¹ Наши выводы по составу флота в основном совпадают с уже полученными в литературе (Русский флот и его управление...) // МС. 1882. № 8. С. 89).

⁶² *Берх В. Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 1–48.

датчанами (возможно, отсюда известный антагонизм и неприязнь между ним и Сиверсом). И даже русские флагманы — вице-адмиралы Николай Федорович Головин и Наум Акимович Сенявин, а также контр-адмирал Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов в молодости прошли стажировку в английском и датском флотах. Таким образом, вкупе они имели опыт знакомства с разнообразными морскими традициями и различной организацией европейских флотов.

Однако они отнюдь не были чужаками в русском флоте и в большинстве своем были взращены и выпестованы Петром: средний срок службы всех этих флагманов в русском военно-морском флоте к 1731 г. — около 21,5 года⁶³. Лишь два человека — Вильстер и Дуффус прослужили в нем к началу 1732 г. примерно 10 лет; Гордон и Сандерс были приняты Петром на службу во время его пребывания во Франции в 1717–1718 гг. в чине капитан-командоров; Сиверс и Бредаль начали службу в российском флоте с 1704 г. (капитаном) и 1703 г. (ундер-лейтенантом). Дата вступления в службу Мартина Госслера, «любимого капитана Петра I», точно неизвестна, но начал он службу с малых чинов, и, во всяком случае, до 1710 г. О русских флагманах говорить не приходится — они проделали практически весь путь с рождающимся российским флотом, будучи в основном среди первых выпусков Навигацкой школы и успев поучиться за границей. Большинство адмиралов русского флота имело достаточно солидный стаж боевой службы и административного руководства флотом (или отдельными его подразделениями — адмиралтейскими конторами, портами и гаванями).

Таким образом, основная часть флагманов на своем личном опыте испытала все перипетии становления русского флота. И судьбу его в царствование Анны Иоанновны определяли отнюдь не заезжие и случайные «иностранцы», а (как и петровская бюрократическая верхушка — основы внутривосточного курса начала царствования) фактически прежнее руководство еще петровского флота. Именно из его числа и был назначен весь состав Военной морской комиссии, что произошло уже после того, как были поданы и изучены в Кабинете министров адмиральские мнения о состоянии и путях совершенствования русского флота.

Для анализа этих записок, обнаруженных в делах Кабинета министров⁶⁴, автор применил примитивную методику формализации их текста и количественной обработки полученных показателей, изложенную в примечаниях к таблице 16. Она, однако, как ему кажется, годится для удобства учета мнений флагманов, определения степени их ориентировки в различных факторах, влияющих на состо-

⁶³ Здесь и далее все указанные факты и подсчеты приводятся по вышеуказанной работе В. Н. Берха.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 677–757.

ание флота, и выявления степени их влияния на решения, принятые в последующем ВМК. Таблица 16 приложения 8, построенная на основании этого, дает сводную картину мнений флагманов.

В таблице охарактеризованы в общей сложности записки 9 флагманов корабельного флота, поданные в Кабинет. Наиболее тесно признаки группируются в 5-й и 6-й графах таблицы, характеризующих факторы, влияющие на качество строительства кораблей и на ситуацию с обеспечением его лесом, по которым высказалось большинство флагманов, что говорит о их общей озабоченности состоянием русского кораблестроения. Остановимся на этом позднее, поскольку общие позиции авторов по отношению к флоту и особенностям использования его в России определились прежде всего во взглядах на состав флота (то есть количество и ранги судов в корабельном и галерном флотах), нашедших отражение в графах 1–3 и 14 таблицы.

Всего по корабельному составу высказались 7 из 9 флагманов (лорд Дуффус и Госслер определенного мнения не высказали, хотя последний склонялся, судя по косвенным данным, к петровскому штату). Высказывавшиеся разбились на три группы относительно числа кораблей: 1) Сиверс, Гордон, Сандерс, Вильстер и Бредаль высказались за увеличение числа кораблей; 2) Дмитриев-Мамонов — за сохранение прежнего штата; 3) и лишь один Н. А. Сенявин (первый российский капитан, одержавший в мае 1719 г., пусть и с превосходящим числом кораблей, первую победу в морском корабельном сражении у о. Эзель, ознаменованную взятием русскими единственного за всю Северную войну шведского линейного корабля) высказался за значительное сокращение числа линейных кораблей.

Большинство флагманов, предусматривающих увеличение количества кораблей, также, однако, склонялось к петровским штатам. Ибо Сиверс, Сандерс и Гордон увеличивали флот соответственно на 3, 5 и 3 корабля только с целью создания резерва кораблей, которые в случае нужды должны были заменить погибшие или выбывшие из строя, а следовательно, не требовали увеличения в личном составе, и в минимальной степени — в оснастке и вооружении (которые могли быть использованы и с вышедших из строя кораблей). И только Бредаль и Вильстер планировали увеличить постоянный состав флота на 2 и 4 линейных корабля.

Мнения о рангах кораблей выявили несколько иную группировку флагманов. Их можно представить в виде краткой сводки:

1. **Гордон** — замена 2-х 80-пушечных кораблей 100-пушечными, и, таким образом, наличие в штате 3-х 100-пушечных кораблей, а все остальное — по прежним штатам⁶⁵.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 684.

2. Вильстер — 1) 98-пушечных кораблей — 3; 2) 88-пушечных — 6; 3) 78-пушечных — 10; 4) 64-пушечных — 7; 5) 52-пушечных — 5⁶⁶.

3. Сандерс — просто указание на снижение рангов⁶⁷.

4. Дмитриев-Мамонов — 1) 90-пушечный — 1; 2) 76-пушечных — 2; 3) 66-пушечных — 12; 4) 56-пушечных — 12. 80-пушечных кораблей не иметь⁶⁸.

5. Сенявин — 1) 100-пушечный — 1; 2) 76-пушечных — 3; 3) 66-пушечных — 12; 4) 54-пушечных — 6⁶⁹.

6. Бредаль — 1) 100-пушечный — 1; 2) 90-пушечный — 1; 3) 80-пушечный — 1; 4) 70-72-пушечных — 6; 5) 64-пушечных — 8; 6) 50-пушечных — 12⁷⁰.

Таким образом, поскольку по этому вопросу Сиверс подробно не высказался, то оставшиеся шесть человек разбились на две группы с противоположными тенденциями решения проблемы: Гордон и Вильстер стояли за увеличение среднего ранга кораблей по сравнению с петровскими штатами флота (их мнения отражены в графе 3 таблицы 15 приложения); Сандерс, Дмитриев-Мамонов и Сенявин — за его снижение. Своего рода промежуточную позицию между ними занял Питер Бредаль.

Все это отражалось напрямую и на суммарной орудийной мощи флота, которую также можно представить в виде краткой сводки:

1. Петровский штат 1720 г. с планируемыми самим Петром изменениями — 1854 пушки (100%)⁷¹.

2. Гордон — 1864 (100,54%);
с резервом кораблей — 2238 (120,7%).

3. Вильстер — 2310 (124,7%).

4. Дмитриев-Мамонов — 1706 (96,02%).

5. Сенявин — 1444 (77,9%).

6. Бредаль — 1802 (97,2%)

или — 1804 (97,8%).

7. Штат 1732 г. (ВМК) — 1754 (94,6%)

со 100-пушечным кораблем — 1854 (100%).

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 687 об.

⁶⁷ Там же. Л. 712–712 об.

⁶⁸ Там же. Л. 741–741 об.

⁶⁹ Там же. Л. 719 об.–720.

⁷⁰ Там же. Л. 736.

⁷¹ Петровский штат кораблей подсчитан по рангам и числу кораблей 1720 г., но учтено вступление в строй одного 100-пушечного корабля, заменившего 90-пушечный.

Таким образом, Гордон высказался за замену двух оставшихся 90-пушечных флагманов эскадр 100-пушечными кораблями, за счет чего суммарная огневая мощь флота должна была незначительно вырасти (примерно на полпроцента; если же учитывать и планируемый им резерв флота, то рост должен был быть более значительным — примерно 21%, хотя, как уже говорилось, корабли резерва могли и не укомплектовываться сразу орудиями).

Вильстер был приверженцем наиболее резкого увеличения состава флота — до 31 линейного корабля. При этом, хотя он и оставлял то же количество рангов, что имелось по штатам 1720 г., среди них не было практически ни одного, существовавшего в то время в русском флоте (см. таблицу 16 приложения 8), и кроме того, он планировал еще и существенное приращение кораблей крупных рангов (19 против 9), за счет чего количество пушек во флоте должно было увеличиться почти на 25%. Из всего этого очевидно, что программа Вильстера была нереальной: новый виток строительства новых типов тяжелых кораблей в сравнительно короткие сроки не выдержала бы ни кораблестроительная база (которой к тому же попросту не хватило бы леса), ни тем более финансы русского флота, поскольку общая стоимость даже очень умеренной кораблестроительной программы, предложенной в последующем ВМК, составила 2 674 239 р.⁷² — то есть более 2,5 годовых бюджетов флота. При этом данные ВМК учитывали лишь строительство кораблей и не включали стоимость оснастки и вооружения. Это становится ясным при сопоставлении суммы на строительство 66-пушечного корабля, приводимой в ее табели⁷³ в размере 47 772 р., с реальной общей его стоимостью в 103 510 р. — 89 960 р.⁷⁴ (в зависимости от оснащения медными или чугунными пушками).

Во второй группе мнений Сандерс высказался лишь за снижение ранга кораблей, не указав конкретного их состава. Дмитриев-Мамонов предложил резко сократить число кораблей крупных рангов и вовсе упразднить 80-пушечные корабли, следствием чего был рост доли кораблей низших рангов при не очень значительном в итоге сокращении оружейного парка флота (примерно на 8%).

Наиболее радикальным сторонником снижения не только ранга, но и числа кораблей оказался вовсе не иностранец, а русский флагман Н. А. Сенявин: хотя в общем его предложения относительно рангов кораблей напоминают программу Дмитриева-Мамонова, но за счет сокращения числа кораблей до 21 планируемый артиллерийский состав флота был меньше петровского на 22%: «...однакож для славы российского флота один 100-пушечный корабль всегда

⁷² МИРФ. Т. VIII. С. 301–303.

⁷³ Там же. С. 295–296.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1137. Л. 960–961 об.

содержать надлежит»⁷⁵. Этот корабль сам Сенявин при подсчете не учитывал в штате флота, поэтому штатное число кораблей в его записке меньше, чем в действительности предложенное им, на один, и флот реально сокращался им на 5 кораблей (но все равно почти на четверть).

Промежуточную позицию между двумя группами занял Бредаль, склоняясь к намерению сократить число кораблей крупных рангов, высказанному представителями второй группы; но за счет того, что основными в составе флота становились 70–72-х и 64-пушечные корабли, орудийная мощь флота оставалась фактически эквивалентной петровскому (понижаясь всего на 2–3%).

Таким образом, в общей сложности 4 из 6 высказавшихся по этому вопросу флагмана склонялись к понижению среднего ранга кораблей в русском флоте в первую очередь за счет трехпалубных судов, в результате чего основными в составе русского флота должны были стать 76–64-пушечные корабли. Принятие этих предложений могло повести к существенному сокращению расходов на флот, и наоборот, предложения противоположной группировки вели к увеличению расходов на кораблестроительную программу, даже за счет резерва кораблей, не сопровождавшегося ростом численности флота.

Обоснование своих позиций дала в основном вторая группировка флагманов (отчасти, возможно, потому, что сторонники сохранения прежних штатов флота не посчитали нужным останавливаться на ней). При этом мотивировки Сандерса, Сенявина и Дмитриева-Мамонова были сходными: в основном необходимость снижения ранга кораблей объяснялась ими не только военными, но и объективными техническими факторами мореплавания и судостроения. Сандерс: «Наши корабли надлежит строить большеины против подобных других земель, которые с нами могут воевать, а самых больших кораблей нам строить трудно, понеже лесу для строения больших кораблей в здешнем государстве не очень довольно, и гавень наша не очень глубока, также и море, и фарватер не бес страху кораблям, который глубоко ходит, того ради покорно и при сем прилагаю, чтобы не строить кораблей выше осьмидесяти пушек, а глубиною против тех рангов кораблей, но токмо фут 8 или 10 подлиннее нынешней пропорции»⁷⁶. Дмитриев-Мамонов: «Мнится впредь к лутчему содержать в 90 пушек один корабль для славы государственной... для того, что за умалением лесов на большие корабли находят ныне в великой трудности; они же ране вводятся в гавани, и в глубокой осени в море опасны от штурмов, мелей, камней и протчего, а особливо на Остзее; к тому ж и под парусами за тягостию всех снастей пользы не признавается, и в дальний вояж посы-

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 720.

⁷⁶ Там же. Л. 713.

лять неудобны... Мнится сей пропорции (80-пушечных — Н.П.) не иметь...»⁷⁷. Сенявин: «Ежели же заблаговременно тех больших кораблей не убавится и строением отставлено не будет, то весьма через краткие лета не токмо на те большие корабли принципиальные деревья, но и наименьше уж того сыскать трудно будет... К тому ж такие большие корабли... привозу лесов через великий наем с пристаней до Санкт-Петербурга через 2 или 3 лета потребуют великово кошту... а когда и построится, то по худобе здешнего дуба через 3 или 4 года великой починки востребует... к тому же еще и сие донести могу, что на здешнем море такие большие 3-палубные корабли неспособны суть, за непространством сего моря и за многими подводными камнями и банками, от которых еще и доднесь неведомо... да и в прошедшую двадцатилетнюю войну большее действие было от малых кораблей...»⁷⁸.

Экономически штаты флота попытался обосновать лишь один тогдашний глава Адмиралтейской коллегии Питер Сиверс, отметив, что финансы флота это выдержать смогут⁷⁹.

Состояние галерного флота, насчитывавшего 120 галер, для которых по предложению Сиверса 1726 года в 1728 году был введен своеобразный мирный штат, заключавшийся в том, что постоянно на флоте содержалось 90 галер на плаву, а еще на 30 галер (четверть флота) были приготовлены обработанные для скорейшей сборки их леса, привлекло внимание лишь 5 флагманов из 9 (графа 13 таблицы 16 приложения). Сиверс предложил сохранить уже введенный мирный штат галер, Сандерс коснулся его лишь в связи с общим своим мнением об излишестве офицерских рангов в русском флоте, считая, что и здесь нужно упразднить капитан-командоров и капитан-лейтенантов. Следовательно, относительно обстоятельно проблемы галерного флота затронули лишь два русских флагмана (Сенявин и Дмитриев-Мамонов) и один иностранный (Питер Бредаль, прослуживший в русском флоте с 1704 г. и отличившийся в Гангутском сражении, где основную роль сыграли галеры, частью которых он командовал). Впрочем, это могло объясняться и тем, что проблемы галерного флота анализировались комиссией отдельно с учетом мнений офицерского состава галерного флота⁸⁰ — однако, как кажется, руководство флота, обязанное мыслить стратегическими категориями, все же должно было учитывать и анализировать проблемы взаимодействия обеих его составных частей.

В основном флагманы высказались за сохранение мирного штата и прежнего количества галер, предложив лишь изменить соотноше-

⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 741.

⁷⁸ Там же. Л. 720–720 об.

⁷⁹ Там же. Л. 677 об.

⁸⁰ История отечественного судостроения. Т. 1. С. 154–156.

ние между отдельными их видами (Бредаль, Дмитриев-Мамонов). Наиболее обстоятельным вновь оказалось мнение Н. А. Сенявина, единственного, связавшего друг с другом изменения в корабельном и галерном флоте, ибо уменьшение количества линейных кораблей в его предложении частично компенсировалось увеличением количества галер до 150 при одновременном пересмотре их мирного штата (100 галер на плаву, на остальную треть (50) — леса), вызвавшем и увеличение личного состава галерного флота. При этом предполагалось изменить соотношение между видами галер и использовать в их изготовлении другие породы леса.

Сенявин же был и единственным, кто обосновал взаимосвязанные перемены в корабельном и галерном флотах особенностями использования русского флота как единого целого в боевых операциях: «...и ежели ВИВ-во толикое число как кораблей, так и галер впредь содержать соизволите, то можем еще в здешнем море противу других не токмо свободны ис порты выходить, но по времени и сами кого запереть, понеже когда бы где и больше кораблей имелось, токмо ЕИВ-ва корабельному флоту великая помощь от галер, что и в прошедшую 20-летнюю войну ими действовали больше, нежели кораблями, чего ради и впредь иметь на них большую надежду...»⁸¹.

Как мы уже видели, предлагаемые флагманами штаты кораблей обуславливались: 1) техническими условиями мореплавания; 2) возможностью использования кораблей в бою (реже) и 3) возможностями и проблемами русского кораблестроения (чаще всего).

Проблемы русского кораблестроения и факторы, влияющие на них, отражены в графах 4 и 5 таблицы 16.

Первостепенное значение здесь должен был играть вопрос о темпах строительства кораблей, ибо достижение планируемых штатов при положении, в котором оказался флот, лишившись основного ядра кораблей, зависело во многом именно от этого. Учитывая средний срок службы корабля русской постройки в 9 лет (а в реальности, как мы видели, он не достигал, вероятно, и этого), можно определить, что для сохранения полной боеспособности штатного состава нужно было строить при штате в 27 кораблей по 3 корабля в год, а с коррекцией на уже существующий недостаток кораблей до штата — еще больше.

Но из высказавшихся по этому поводу пяти флагманов лишь двое — Гордон и Сандерс — правильно определили темпы, предложив строить по четыре корабля в год (правда, с учетом предложенного ими резерва кораблей этот темп можно считать и не обеспечивающим потребностей). Госслер, как кажется, склонялся к тому, чтобы строить по определению Петра I по два корабля и одному фрегату ежегодно; на удивление недальновидным оказался Сиверс, предложив строить по одному кораблю в год, до создания ремонт-

⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 723 об. — 724.

ной базы в виде доков в Кронштадте, а после не строить, только починивая старые, что могло привести флот в полный упадок. Сенявин, не назвав число кораблей, четко определил, что надлежит строить по пропорции кораблей, выбывающих из комплекта, а для информации о их числе ввести трижды в год инспектирование флота с участием корабельных мастеров.

Однако главной проблемой в русском кораблестроении все авторы мнений считали плохое качество леса, из которого строились корабли, что наглядно демонстрирует тесная группировка признаков в графах 5 и 6. Указывая на плохое качество русского дуба вообще⁸², флагманы главным злом считали все-таки нарушения технологии его заготовки (использование сырого, переросшего и рубленного не вовремя (то есть весной и летом, во время сокотечения)) леса⁸³, а также неправильное хранение его (предложив сохранять его от воды под крышей⁸⁴), дополнявшееся неудовлетворительной его предварительной обработкой, ведущей к порче леса и повышению стоимости перевозок (на которую обратили внимание преимущественно русские флагманы)⁸⁵. Серьезную проблему они видели в недостаточных запасах дубовых лесов в России, не позволяющих развернуть программу строительства крупных кораблей⁸⁶.

Для ликвидации этих проблем ими вкупе был предложен целый комплекс мер, в общей сложности направленный на: 1) улучшение лесоохраны и лесной службы⁸⁷; 2) частичную предварительную обработку леса на месте, чтобы сохранить его⁸⁸ (Госслер предложил уже на месте заготовки леса обмазывать торцы бревен смолой, чтобы не впитывали влагу) и не возить лишнего; 3) соблюдение сроков рубки⁸⁹; 4) переход к восстановлению запасов леса высевом новых лесов (Сиверс); 5) возможные закупки леса за границей (Вильстер и Н. А. Сенявин, предложивший даже эксперимент: купить леса на один небольшой корабль или фрегат и посмотреть, во что это обойдется); 6) частичную замену дуба в корпусах судов другими породами дерева (Сенявин, П. Бредаль). Поскольку главную проблему представлял именно дуб для корпусов, так как в других породах леса в России недостатка не было, Сенявин предложил использовать для них архангельскую лиственницу⁹⁰.

82 Признак 63 указали лорд ДUFFУС и Сенявин.

83 Признаки 53, 67, 67б назвали 3 человека из 6, остановившихся на вопросе о лесе; признаки 54, 66 указали в общей сложности 8 раз.

84 Признак 69в. назвали 4 чел. из 6.

85 Признаки 56 и 69а указали Сенявин и Дмитриев-Мамонов.

86 67а — Сенявин, Дмитриев-Мамонов, Сандерс.

87 Признак 64 указали 4 человека из 6.

88 67в, 67г, 68б.

89 Признак 66 указали 4 человека.

90 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 721 об. — 722, 723.

(Предложение Сенявина об использовании архангельской ливневницы и возобновлении военной верфи в Архангельске неувидительно, поскольку именно его родной брат И. А. Сенявин командовал довольно сложной по условиям осеннего времени проводкой первых четырех построенных «архангелов» из Архангельска на Балтику в 1714 г.; да и в составе отряда кораблей, которым он сам командовал в принесшем ему славу Эзельском сражении 1719 г., было четыре «архангела»⁹¹.)

Проблемы собственно строительства кораблей, отразившиеся в записках, не связанные с лесом непосредственно, были охвачены менее широко. Недостатки петровской практики кораблестроения последнего периода прямо отразились во мнениях Вильстера и Бредалья, требовавших сократить срок пребывания корабля на стапелях, что особенно рельефно выразил Питер Бредаль: «...а когда впредь корабли вновь заложены, то дабы оных не больше года на штапелях в строении иметь (яко то прежде сего бывало, что некоторые годы на штапелях стояли, а потом были спущены на воду, то от долгого времени весьма вредно есть)»⁹². Частичные изменения в технологии предложил Сандерс, советуя смолить доски корабельного корпуса не только снаружи, но и с трюмной поверхности⁹³. Единственным человеком, планировавшим замену песчаного корабельного балласта на чугунный, указывая на отмеченное позднее и в литературе⁹⁴ отрицательное влияние первого на качество кораблей и здоровье экипажа, был Мартин Госслер⁹⁵. Он не скрывал своего недоумения по поводу того, что используется песчаный балласт, который гниет, впитывая воду и мусор, гноит днище корабля и продовольственные запасы в трюмах, и очень неудобен в загрузке (особенно в случае течи корабля), когда в России никакого дефицита в чугуне нет. Но вероятно, это произошло потому, что флот формировался первоначально в значительной степени из английских офицеров, русские моряки проходили стажировку в английском флоте, где использовался песчаный балласт; к тому же и корабельные мастера в основном были англичанами (Най, Козенц и Браун).

Только два человека подняли вопрос о расширении кораблестроительной базы: это были Н. А. Сенявин и П. Бредаль, предложившие восстановить строительство кораблей в Архангельске. Остальные флагманы практически единодушно высказали мнение о необходимости скорейшего завершения строительства ремонтной базы флота в Кронштадте, преимущественно связываемого с первоочеред-

⁹¹ Берх В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 226–273; Ч. 2. С. 73–109.

⁹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 737 об.

⁹³ Там же. Л. 713.

⁹⁴ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. — СПб., 1875. Ч. 1. С. 469.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 734.

ным строительством там доков⁹⁶. В связи со строительством доков двое — Сандерс и Бредаль — предложили отложить пока планируемое строительство каменной кронштадтской гавани, так как очевидной была нехватка сил и средств на одновременное сооружение того и другого. Вероятно, в связи с последним Сиверс предложил оставить только 6 из 11 стапелей при Адмиралтействе, на которых строились и чинились суда при Петре. Для всех же в целом было очевидным, что починка кораблей в доках гораздо экономичнее и надежнее, чем на стапелях и эллингах (при втаскивании и спуске с которых часто повреждались корабли, к тому же требовалось большее количество рабочих и материалов).

Уже сам факт, что большинство флагманов никак не отметили состояние гаваней и портов, говорит о том, что оно было удовлетворительным, на что прямо указал Вильстер⁹⁷.

Личный состав флота был еще одним существенным фактором, определяющим его боеспособность. Поскольку он обуславливался количеством и рангами кораблей, то большинство флагманов, склонявшихся к петровским штатам, никак не высказались об изменениях в нем, исключая Вильстера и Сенявина: первый планировал увеличение корабельного флота, и, естественно, только штат «подлого людства» у него увеличивался до 16 395 чел.⁹⁸ (тогда как ранее весь состав корабельного и галерного флотов вместе — 15 626 чел. (см. таблицу 13 прилож. 6); Сенявин — увеличение галерного флота на 250 чел. за счет сокращения корабельного. Но судя по тому, что Сенявиным в корабельном флоте сокращалось как минимум 5 кораблей, это решение должно было привести и к сокращению флота в целом.

В основном же личный состав флота оказался объектом внимания флагманов-иностранцев⁹⁹, сразу же подчеркнувших невозможность введения мирного штата во флоте России, практикующегося в других флотах, о чем прямо говорили Сиверс и Вильстер. Поскольку у России не было собственного торгового флота, а значит — и контингента обученных матросов, которые набирались из него в случае нужды в военные флоты всех иностранных государств, подготовить их можно было только в военном флоте, а срок обучения рекрута был достаточно большим¹⁰⁰.

Для флагманов-англичан, сравнивавших ситуацию с английским флотом, излишним, во-первых, казалось число офицеров в русском флоте вообще и флагманов в частности; и во-вторых, само количе-

⁹⁶ Призрак 92 назвали 7 из высказавшихся о портах 7 человек.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 689.

⁹⁸ Там же. Л. 692.

⁹⁹ См. графу 7 таблицы 16 приложения.

¹⁰⁰ Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. С. 247.

ство офицерских рангов, о чем говорили не только Сандерс и Дуффус, но и Питер Бредаль (Сандерс: «В английском флоте имеется военных кораблей больших и малых 236, на которых во время войны служителей 63 000 человек, при которых имеется только 9 флагманов... а в русском флоте (очевидно, вместе с галерным. — *Н. П.*) 12 человек на 27 кораблях...»; Бредаль: «...во флоте ВИВ-ва флагманов во излишестве, да к тому ж и другие обер-офицеры, яко капитан-поручики и капитан-командоры...»; лорд Дуффус: «...ныне более в жалованьи офицеров имеется, нежели потребно на тоlikое число кораблей...»)¹⁰¹. Сиверс объяснил в своем доношении причины этого: Петр при создании русского флота брал за образцы английский, голландский и датский флоты, и из совмещения систем их чинов, осложненного затем еще и влиянием французской, получилось излишне дробное число офицерских рангов вообще¹⁰².

Сиверса прежде всего беспокоило положение с кандидатами в нижние офицерские чины, число которых казалось ему излишним и из-за медленности произвождения отбивавшим охоту к офицерской службе. И действительно, при флоте было 160 мичманов, гардемаринская рота в составе не менее 170 чел., 100 штурманских учеников, то есть не менее 360 кандидатов при 80 штатных ундер-лейтенантах — самом нижнем офицерском чине, в который они могли быть произведены. Учитывая произвождение в следующий чин примерно через три года, нетрудно посчитать, сколько из них имели шанс стать офицерами, и понятны слова Сиверса: «...особливо гардемарины многие имеютя в службе по 15 лет, и по их наукам к произвождению достойные...»¹⁰³. Поэтому Сиверс предлагал упразднить мичманский чин, сохранив роту гардемарин и уменьшив наполовину (до 50 человек) число штурманских учеников.

Одновременно он, поддерживаемый и лордом Дуффусом¹⁰⁴, предлагал очистить состав русского флота от не желающего служить знатного шляхетства¹⁰⁵. Кстати, в той же книге 1089 имеется дело об освидетельствовании по специальному указу морских офицеров, уклоняющихся от службы под предлогом болезней и значительная часть их, из представителей знатных фамилий, по осмотру врачебной комиссии оказалась здоровой¹⁰⁶.

В связи со всем этим английские флагманы предлагали сократить число флагманов и число офицерских рангов, преимуществен-

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 716, 739, 728.

¹⁰² Там же. Л. 680 об.; частично это отмечено в кн.: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк... С. 423–424.

¹⁰³ Там же. Л. 680 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 728.

¹⁰⁵ Там же. Л. 680 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 123–126.

но за счет капитан-командоров, капитан-лейтенантов и ундер-лейтенантов, с частичной компенсацией этого увеличением числа лейтенантов. Предложили они сократить и число интендантов, но ввести намеченную еще при Петре должность офицера, отвечающего за технические стороны жизни корабля, аналогичного «мастеру» в английском флоте (Сандерс)¹⁰⁷ и в какой-то степени — позднешему русскому старпому, а также иметь на каждом корабле высококлассного мастера-плотника — специалиста по сложным починкам корабля (Гордон)¹⁰⁸.

Не устраивало многих флагманов (опять преимущественно иностранных — Сиверса, Вильстера, Гордона и Сандерса) качество подготовки личного состава флота. Они предлагали высылать хотя бы одну эскадру для крейсирования на Балтике сроком на 2–3 или 3–4 (Вильстер) месяца, а также выдвигали идею особых учебных плаваний для гардемарин на нескольких судах (Вильстер), вскоре развернутую в проекте о посылке в такое учебное плавание в связи с организуемой экспедицией Беринга двух фрегатов через Атлантический и Индийский океан к берегам Камчатки с командой преимущественно из гардемарин и части неопытных матросов¹⁰⁹. Ту же цель морской практики матросов на судах китоловной флотилии побочно преследовал своим предложением о заведении в Архангельске особой эскадры и П. Бредаль. Вильстер, прямо ссылаясь на основанный только что Сухопутный кадетский корпус, предлагал реформировать военно-морское образование, создав Морской кадетский корпус и придав ему явно сословный шляхетский характер¹¹⁰.

Управление флотом также привлекло внимание преимущественно английских флагманов (см. графу 8 таблицы 16 прилож.), соотносящихся с состоянием европейских флотов (преимущественно английского, где управление, и особенно хозяйственная часть, были поставлены со свойственной англичанам основательностью). Предлагалось отделить управление хозяйственной частью флота от управления его боевой частью, подчинив, однако, и то и другое единому руководству Адмиралтейской коллегии, разделив ее на: 1) управление боевой частью флота; 2) Адмиралтейство, ведавшее строительством и сохранением судов; 3) Комиссариат, занимавшийся снабжени-

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 717–718 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 684–685.

¹⁰⁹ Там же. Л. 548–552. Опубликовано в кн.: Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979. С. 534–538. Этот проект почти полностью повторяет всеподданнейшее доношение Н. Ф. Головина от 12 октября 1732 г. (Опубликовано в кн.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М., 1984. С. 113–116.)

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 694 об.

ем и подрядом материалов; или на: 1) боевую часть и 2) комиссариат с автономным положением Адмиралтейской конторы.

Вторым общим требованием было постоянство управления Адмиралтейской конторы (введение должности постоянного директора) и наличие постоянного штата специалистов и офицеров, отвечающих за снабженческо-хозяйственные функции, чтобы выправить вызывавшее их наибольшие нарекания дурное состояние финансовой и хозяйственной отчетности, слабость контроля за хранением и использованием флотского имущества. Предлагая в директора Адмиралтейской конторы своего соотечественника Купора (по их словам, нанятого именно для этой цели Петром I), они преимущественно считали необходимым составить комиссариат из постоянных русских членов. Сандерс, например, писал: «...многое число в государственной Адмиралтейской коллегии члены иноземцы, которые не знают здешней ценою всяких материалов в здешнем государстве, также прямих мест, где купить...»¹¹¹.

Единственный, кто затронул вопросы финансирования, — Сиверс — повторил свои прежние предложения о финансировании флота из общегосударственной кассы.

Из русских флагманов только Сенявин затронул управление боевой частью флота, предложив разделить его на три эскадры с постоянным составом. Подобное разделение было в последующем почти общепринятым в европейских флотах.

Вопросы **базирования флота** и распределения его по различным структурным подразделениям (графы 9, 12) затронули 7 флагманов из 9. Подавляющее большинство косвенно высказалось за сохранение в качестве основного порта и базы флота Кронштадта — за исключением Вильстера, предложившего сделать основным портом базирования российского флота Рогервик. Последнее намерение имел и Петр I, и этот порт в 48 верстах от Ревеля строился во все последующее время, включая и первые годы царствования Анны Иоановны¹¹². Но предложение Вильстера вряд ли было осуществимо на практике.

Неудобства Кронштадта, указанные Вильстером¹¹³, были очевидны для всех — мелководье, не позволявшее держать крупные корабли; короткий срок навигации (ибо море рано покрывалось льдом); слишком пресная вода с большим количеством микроорганизмов, ускоряющих процессы гниения дерева. Но исторические условия создания на Котлине основной базы русского флота с 1709 г., когда другого удобного места

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 714 об.

¹¹² См. таблицу 11 приложения 5 к наст. работе о расходах флота, учитывающую его строительество, а также: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк... С. 517–519.

¹¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 689 об.– 690.

просто не было, близость его к Петербургу, нахождение на прочно утвержденной за Россией территорией, с русской юрисдикцией и прочно колонизированной русским населением; значительная сумма вложенных в него средств, созданная уже вокруг него инфраструктура, и, соответственно, невозможность вложения значительных средств по простой причине их отсутствия в Рогервикское строительство; наличие в Кронштадте уже готовой гавани, жилого городка для личного состава флота; продолжение здесь строительства ремонтной базы флота — все это ставило под сомнение возможность осуществления предложения Вильстера, что и оправдалось впоследствии.

В остальном круг предлагаемых решений был ограничен: 5 из 6 флагманов, высказавшихся по графе 12, из-за больших расходов на обслуживающий персонал на берегу и прибалтийской дороговизны провианта и других припасов, предложили ликвидировать в мирное время Ревельскую эскадру; помимо этого лишь двое (Вильстер и Бредаль) выдвинули идею создания отдельного морского соединения на Белом море, в Архангельске.

Следует отметить и еще одну существенную сторону мнений — их умолчания, характеризующие те области, в которых в русском флоте дело обстояло сравнительно благополучно. Помимо уже отмеченного состояния гаваней и портов, не вызывавшего особых опасений, малые нарекания, видимо, вызывало состояние верфей и снабжения флота, а также морской артиллерии, бывшей всегда сильной стороной русской армии: «артиллерия... при флоте в совершенно добром состоянии и поправления не требует» (Вильстер)¹¹⁴.

* * *

Оценивая в общем мнения флагманов, мы можем убедиться, что в них достаточно наглядно поставлен довольно широкий круг вопросов, определивших основные болевые точки русского флота, который во многом повлиял на программу работ создаваемой ВМК.

Признавая необходимость обусловленных объективными обстоятельствами перемен в штатном составе русского флота, выдвигая идеи сокращения числа кораблей крупных рангов, основная часть флагманов, как мы видели, в большинстве случаев не слишком уходила от тех параметров флота (прежде всего размеров его оружейного парка), которые были определены Петром. В сложной финансовой ситуации, в которой находился флот, вряд ли были приемлемы предложения противоположной группировки, предусматривавшей увеличение мощи русского флота, поэтому уже на этой стадии становилось очевидным, что идеи первых, вероятнее всего, найдут большее отражение в работе комиссии.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 689.

Поставив довольно широкий круг проблем, большинство авторов мнений, как правило, не обосновывало предлагавшиеся ими решения обстоятельной формулировкой целей и задач русского флота, особенностями использования его в политической и военной ситуации, могущей сложиться на Балтийском море, недооценивая обычную роль галерного флота и часто даже не упоминая о нем.

Последнее, вероятно, объясняется сразу несколькими обстоятельствами: 1) состояние галерного флота было достаточно благополучным и не внушало опасений; 2) иностранные моряки с самых первых своих шагов на датском и английском флотах, базировавшихся и действовавших на море и в Атлантике против корабельных флотов, где операции галерного флота были просто невозможны, усвоили мысль о превосходстве корабельного флота и недооценку галерного; 3) недостаточным вниманием к морской доктрине вообще и неумением в комплексе оценить роль флота.

Характерно, что большинство флагманов, как правило, слабо увязывало отдельные проблемы флота друг с другом. По сути, единственным человеком, попытавшимся выявить взаимосвязь многих проблем и увязать развитие обеих частей флота с особенностями его использования, то есть сформулировавшим элементы русской военно-морской доктрины, был Н. А. Сенявин, но и он не дал четкой формулировки этой доктрины.

По таблице 16 приложения мы можем оценить степень и глубину осмысления авторами мнений флотских проблем. Все выделенные факторы, существенно влияющие на состояние флота, не учел никто. Наибольшее их количество учли Сиверс, Сандерс и Сенявин (по 12). Если же мы попытаемся оценить мнения по количеству проблем, отмеченных в них, и предложенных их решений (что можно грубо оценить хотя бы по количеству признаков, указанных ими во всех графах), то на первом месте оказывается Н. А. Сенявин (38), за которым следуют: Томас Сандерс (36); Сиверс (31); Вильстер, Дмитриев-Мамонов и Бредаль (29, 28 и 27). Замыкают ряд Гордон, лорд Дuffус и Госслер (15, 13 и 11), что и неудивительно, так как наиболее лаконичными были мнения лорда Дuffуса и Госслера (3 и 4 листа сенатского дела).

Большая часть мнений была получена уже к 7 февраля, после чего в Кабинете министров была на основании их и поданных ранее ведомостей подготовлена сводка кратких тезисов по основным аспектам состояния флота¹¹⁵ и на основании ее запрошены дополнительные комплексы ведомостей о нем. Их реестр насчитывает 74 ведомости¹¹⁶. Это говорит о весьма обстоятельной подготовке к началу работ комиссии.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 670–676.

¹¹⁶ Там же.

Состав комиссии, в которую кроме А. И. Остермана вошли вице-адмиралы Томас Сандерс и Наум Синявин, шаутбенахты Василий Дмитриев-Мамонов и Питер Бредаль, а также срочно отозванный с поста русского посланника в Швеции и произведенный в вице-адмиралы граф Н. Ф. Головин, как видно из предыдущего, объединил флагманов, наиболее обстоятельно оценивших состояние флота, — преимущественно сторонников сокращения кораблей крупных рангов. Томас Гордон (любимый флагман Петра I¹¹⁷), очевидно, не попал в него как единственный полный адмирал, на которого возлагалось руководство коллегией. Анализируя состав комиссии, не следует недооценивать и степень компетентности А. И. Остермана в вопросах развития флота: он начинал свою карьеру в России как секретарь вице-адмирала К. И. Крюйса (с именем которого связано становление линейного Балтийского флота) и, несомненно, разбирался во флотских проблемах.

К сожалению, не попал в комиссию адмирал П. Сиверс, прекрасно разбиравшийся в хозяйственных проблемах флота и (в отличие от других флагманов) великолепно владевший русским языком (он был, по свидетельству Д. Дена, любимцем Ф. М. Апраксина и фактически руководил русским флотом уже в заключительные годы царствования Петра I¹¹⁸).

Сиверс, которого Ф. И. Соймонов считал на тот момент способнейшим руководителем адмиралтейства¹¹⁹, по доносу Миниха попал в опалу, и 18 февраля ему был объявлен указ об отставке и отправлении в деревню¹²⁰. Миних впоследствии в покаянном письме императрице Елизавете сам признался в этом: «...кроме покойного адмирала Сиверса, который публично сказал: корона-де ее императорскому высочеству принцессе Елизавете принадлежит... я о том по должности моей донести принужден был»¹²¹. Очевидно, это произошло во время упомянутой в первой главе присяги наследнику, в ходе которой окончательно определилась победа немецкой группировки, и к которой в Петербурге действительно должен был приводить высших чинов именно Миних. Напомним, что во время нее в Москве был смещен руководитель другого военного ведомства — фельдмаршал В. В. Долгорукий.

Очевидно, почти одновременное устранение высшего руководителя военно-морского ведомства не было просто случайным совпадением, так как в деле Фика, сосланного в Сибирь практически в те же дни, которое вел тот же Миних, имеются сообщения о беседах

¹¹⁷ Ден Д. Указ. соч. С. 77, 93–95.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Соймонов Ф. И. Указ. соч. // МС. 1888. № 9. С. 103.

¹²⁰ МИРФ. Т. VII. С. 275.

¹²¹ Русский архив. 1866. Кн. 2. Ст. 171–185.

Сиверса и его окружения с князем Д. М. Голицыным, в которых затрагивались (хотя и теоретически) и вопросы о формах государственного правления.

Вильстер уже с 1729 г. был в ссоре с датчанином Сиверсом, руководившим Адмиралтейством, и был отстранен от командования.

Таким образом, все эти обстоятельства, как кажется, довольно убедительно объясняют состав комиссии.

В большинстве своем в него входили опытные и заслуженные военные моряки — за исключением двух, которым, вероятно, «сделали» карьеру. В. А. Дмитриев-Мамонов в 1724 г. был только капитан-лейтенантом, но в 1726 г. был произведен сразу в советники Адмиралтейств-коллегии (из 8-го в 5-й класс), а в 1730 г. — уже в контр-адмиралы. Н. Ф. Головин в 1721 г. был только капитаном 3-го ранга, тогда как основная масса флагманов в то время — уже на худой конец капитан-командоры, то есть 4-й морской ранг; с 1721 г., получив через генерал-адъютантство от флота (чин, эквивалентный капитану 1-го ранга), — посланник в Швеции; в 1730 г. — контр-адмирал; в 1732 г., уже после назначения в комиссию, отозван из Швеции и в апреле того же года произведен в вице-адмиралы. В апреле 1733 г. он уже полный адмирал и президент Адмиралтейской коллегии. Все это подтверждает выявленный делом Волынского факт, что Головин был креатурой Бирона и Остермана¹²².

Следовательно, уже к середине февраля 1732 г. комиссия была сформирована и готова начать работу.

§ 3. Работа Военской морской комиссии

Несмотря на то что указ о создании комиссии не содержал детальной программы деятельности, материалы комиссии показывают, что подобная программа была сформулирована на подготовительной стадии работ комиссии и во многом следовала тому же принципу, что и программа Военской сухопутной комиссии.

На первом этапе ее работы (февраль — май 1732 г.) решались основные вопросы, определяющие будущие параметры всех основных частей и подразделений флота — 1) о штате кораблей; 2) о бюджете и порядке финансирования флота; 3) об основных флотских портах и базах; 4) определялась принципиальная стратегия сохранения лесных ресурсов и использования леса в строительстве кораблей. Все это осложнялось необходимостью решения более мелких вопросов, связанных с сиюминутными проблемами флота.

Второй этап, занявший гораздо более длительный промежуток времени (с июня 1732 г. по 1737 г., хотя комиссия числилась «по

¹²² Берх В. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 109–113; С. 266–312.

бумагам» еще и в 1738 г.) был посвящен детальной разработке на основе решений, принятых на первом этапе, штатов отдельных подразделений: определению их личного состава, обмундирования и амуниции для них. Все это, вероятно, должно было завершиться составлением общего штата флота и подведением общих финансовых итогов работы комиссии.

Два первых доношения комиссии были поданы уже 28 февраля 1732 г. Первое из них касалось строительства каменной гавани в Кронштадте. Предложенное Сиверсом еще в 1726 и 1727 гг. решение о строительстве было утверждено только после посылки специальной комиссии в 1730 г. указом Сената 14 марта 1731 г. Но из-за затяжки подготовительных работ строительство должно было начаться с весны 1732 г., поэтому требовалось принять срочное решение. Комиссия решила не начинать строительства, пока не будет решен вопрос о Рогервикской гавани: «...оной гавани, пока и о Рогервицкой гавани рассмотрено не будет, не строить, ибо по представлению адмирала Сиверса, она может и деревянным в той гавани строением простоять с малой починкою лет 20...»¹²³.

Второе доношение касалось основного вопроса — о корабельном штате, который комиссия решила оставить в числе 27 линейных кораблей, определенном Петром. Кроме определения общего числа кораблей, комиссия предложила в нем не строить более шняв вследствие их ненужности, 16-пушечных фрегатов, а также специальных судов для брандеров, брандвахт и госпиталей, так как для них можно было использовать отслужившие, но еще бывшие на плаву суда. Результатом обсуждения этого доношения 16 марта в Сенате и Кабинете Министров был указ 16 марта «О приведении флота в положенное число 27 кораблей»¹²⁴.

К этому обсуждению был подготовлен специальный документ, докладывавшийся, вероятно, императрице, который условно можно назвать «Рассуждением о принципах содержания флота»¹²⁵. На листе 470 имеется заголовок: «№ 7 Морской комисси», вверху листа 471 помета: «записано марта 16 дня 1732 г.». Документ не датирован и не подписан, но, судя по этим признакам, а также потому, что книга 1083 аккумулировала в большинстве своем представления, поданные Сенатом в Кабинет в этот ранний период его работы (фактически в первые полгода-год его существования), вероятнее всего он мог быть докладом Сената. Не исключен также и вариант результата совместного обсуждения Сената и комиссии, оформленного докладом. Как кажется, маловероятно авторство Кабинета (но и оно не исключается до конца).

¹²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 57.

¹²⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5989.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 471–473.

Документ давал представление о том, исходя из каких условий определялось предназначение флота в системе вооруженных сил русского государства.

Основным определяющим моментом была признана способность флота противостоять вероятному противнику, и, следовательно, необходимость иметь примерно эквивалентный ему флот:

«Оборона государственная учреждается не только по силе государственной, но и больше и наипаче по препорции тех опасностей или неприятельских нападений, которые с какой стороны приключиться могут.

Оная препорция берется от силы тех государств, от которых или по соседству, или по каким иным причинам такие неприятельские наступления быть могут»¹²⁶.

Поскольку таковым противником признавалась Швеция («...России безспоримо надлежит всегда иметь опасение от Швеции»)¹²⁷, то считалось необходимым иметь флот, эквивалентный шведскому.

Значительное место было уделено обоснованию необходимости для России корабельного флота, невозможности ограничиться только галерным, а также роли галерного и корабельного флотов в возможных морских операциях на Балтике: «...со временем флот равно так против шведского стоять будет, как и сухопутное войско, которое такожде сначала против шведского стоять не в состоянии было»; «...галерному флоту без защиты корабельного действовать едва ли можно, ибо не будучи от корабельного защищен, самое малое число неприятельских хотя легких кораблей при случаях весь галерный флот разорить может»¹²⁸. В этом трудно не усмотреть еще одного подтверждения сообщений Маньяна о высказанном Бироном намерении ограничиться одним лишь галерным флотом.

«Рассуждение» исходило преимущественно из того, что корабельный флот нужен России прежде всего для обороны собственной территории, а также для обеспечения наступательных действий сухопутной армии в случае нужды и на шведской территории, перебрасываемой туда галерным флотом; в этом последнем случае функции корабельного флота сводились к прикрытию галерного.

«Рассуждение» в определенной степени обобщило мнения флагманов, однако в нем есть то, чего не хватает большинству из них — обоснование необходимости определенной структуры и размеров флота исходя из условий, их определяющих. То есть в нем фактически в основных чертах, пусть и не очень совершенно, сформулирована военно-морская доктрина России, исходящая в основном из оборонительных функций флота и принципа соответствия силам ве-

¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 471.

¹²⁷ Там же. Л. 471 об.

¹²⁸ Там же. Л. 473.

роятного противника. Учитывая отсутствие ее во мнениях флагманов, а также тот факт, что дипломатия, как ни одна из отраслей государственной деятельности, требует четкого учета целей, программы действия, внимания к соотношению сил и средств, мы могли бы высказать предположение о вероятной значительной роли в составлении ее Остермана. Однако, поскольку сам документ вероятнее всего является докладом Сената, его влияние могло идти скорее через ВМК, в которой он председательствовал, чем через Кабинет министров. Конкретные особенности этой доктрины будут раскрыты в доношении комиссии о рангах кораблей, поданном 22 апреля.

Пока шло рассмотрение и утверждение мнения о количестве кораблей, комиссия занялась другими неотложными вопросами. Поданными 22 марта доношениями решался вопрос о Ревельской эскадре.

Решение о Ревельской эскадре¹²⁹, довольно скромной военной силе, состоявшей всего из 6 судов (в том числе 3 кораблей и 2 фрегатов), лишь подтвердило согласно высказанное почти всеми флагманами мнение об упразднении ее в мирное время, что позволяло сократить расходы примерно на 5 тыс. р.¹³⁰ Естественно, что это соединение не могло противостоять сколько-нибудь значительным морским силам противника и содержалось в Ревеле просто потому, что там раньше, чем в Кронштадте, открывалась навигация, и его корабли могли до выхода основных сил из Кронштадта нести охрану коммуникаций и дозорную службу. Причем одновременно ВМК постаралась избавиться еще от некоторой доли расходов, передав часть ревельской крепости, находившуюся в ведении флотского ведомства, на баланс сухопутных крепостей.

На деле экономия от этой меры была временной и незначительной: уже 30 сентября 1734 г. эскадра (в составе 5 кораблей и 2 фрегатов, и с числом служителей при порте, равным Архангельскому (251 чел.)) была опять восстановлена¹³¹. Но она достаточно наглядно продемонстрировала, что одной из главных целей, ставившихся правительством перед комиссией, было сокращение расходов на флот. Эта цель тут еще более ярко обнаружила себя: почти одновременно (доношения ВМК от 24 марта и 17 апреля 1732 г.)¹³² комиссией было принято решение о пониженном до 1 млн. 200 тыс. р. (на 14,3%) окладе на флот.

Другими доношениями 22 марта открывался первый этап решения вопроса о корабельных лесах (как мы видели по мнениям флаг-

¹²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1083. Л. 118–120.

¹³⁰ Там же. Л. 20 об.

¹³¹ Там же. Л. 121.

¹³² РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 46–47; 158–159 (в изложении).

манов, одного из самых важных). На этом этапе решались преимущественно вопросы сохранения, поддержания и изыскания новых запасов корабельного леса. Поскольку ресурсы леса были очень ограничены (в Свияжском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии числилось 12 корабельных роц общей площадью 3396 десятин, в которых считалось 539 332 дерева)¹³³, комиссия пошла по пути принятия решения о выселении 12 деревень с территории известных и охраняемых корабельных роц, уже давно предложенного Адмиралтейской коллегией. Впервые эта мера обсуждалась в 1728 г., но тогда Сенат выступил против (он пытался сопротивляться и сейчас, но все-таки 9 июня 1732 г. вынужден был послать указ об ускорении вывоза крестьян)¹³⁴. Одновременно комиссия разработала «Инструкцию о разведении и посеве корабельных лесов»¹³⁵, и третьим доношением предложила начать поиск новых дубовых лесов в предполагаемом районе их произрастания в башкирских землях.

Позднее, после того как надежды на то, что помещики будут сами поддерживать леса и сеять их, соблазнившись выгодами поставки дуба в Адмиралтейство, не оправдались, оно само предприняло попытку высадки лесов «желутками» на площади 3,9 десятины. (Нежелание помещиков сеять лес немудрено: в возраст, годный для кораблестроения, посаженные флотом леса должны были прийти через 300 лет¹³⁶).

Поиск новых дубовых лесов в Башкирии тоже не дал значительных результатов: посланные казанским губернатором П. И. Мусиным-Пушкиным для тайного осмотра лесов под видом закупки лошадей на Царицынскую линию армейский капитан и корабельный ученик Порошин нашли, что имеющийся в Амзинской волости дубовый лес плох, а по Каме и Белой башкиры их не пустили¹³⁷.

Обсуждение мнений ВМК в Сенате проходило несколько иначе, чем в случае с Воинской сухопутной комиссией. Сенат уже полностью потерял свое обособленное положение, и после присылки в него первых доношений комиссии даже затребовал указ: имеет ли он право рассматривать их? (В случае с Воинской сухопутной комиссией у сенаторов даже мысли такой не возникало.) Получив утвердительный ответ императрицы, подчеркивающий обычный статус комиссии (хотя во главе ее стоял могущественный член недавно созданного Кабинета А. И. Остерман), Сенат в дальнейшем пропускал доношения комиссии без серьезных замечаний, чаще всего просто утверждая их.

¹³³ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 88, 90.

¹³⁴ Там же. Л. 90–101, 114, 115.

¹³⁵ Там же. Л. 128–131 (проект); ПСЗ. Т. VIII. № 6027.

¹³⁶ МИРФ. Т. VII. С. 324.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 146–147, 164–174.

Но в данном случае дело обстояло совсем не так: некоторые пункты инструкции о лесах вызвали его противодействие, особенно жестокость наказаний за порчу лесов, ибо это затрагивало интересы помещиков. Пункт 18 инструкции наказывал смертной казнью за пожар в заповедном лесу; битьем кнутом, вырезанием ноздрей со ссылкой вечно в каторжную работу — за порчу и порубку деревьев. Сенат предложил дифференциацию системы наказаний: шляхетство наказывалось штрафом в 10 рублей за дерево; крестьянство и другие «подлые» — битьем кнутом без вырезания ноздрей и ссылки на каторгу, «...понеже такие подлые люди положены в подушный оклад, и за них будут платить оставшие, от чего не бес тягости признается»¹³⁸. Однако инструкция в конечном счете была издана без предложенных Сенатом изменений.

Следующая серия доношений появилась почти через месяц. Доношение 17 апреля 1732 г. в целом определяло пути развития Кронштадтской базы флота¹³⁹: на обсуждение был поставлен вопрос, не дешевле ли будет вместо доков построить 3 эллинга, как это намечалось при Петре I.

Строительство канала и доков (гавань строилась с 1712 г.) на Кронштадтской базе флота началось с 1719 г., но только в 1724 г. полностью перешло в руки Адмиралтейской коллегии. Окончательно планы строительства были скорректированы незадолго до смерти Петра, в 1725 г. Они включали в себя строительство двух доков и нескольких эллингов, и уже в том же 1725 г. подверглись критике со стороны Адмиралтейской коллегии с предложением самого дешевого варианта решения проблемы: сделать на повороте канала 2 шлюза, чтобы полученный отрезок можно было использовать как док для починки трех кораблей (а эллингов, по причине их неудобства, не строить вообще), но ответа на него не последовало, и этот отрезок канала был застроен¹⁴⁰.

Для обсуждения были привлечены флагманы и корабельные мастера, которые в конечном счете пришли к выводу, что доки не только удобнее для ремонта судов, но и дешевле, поэтому строить нужно именно их. (На этом примере мы можем оценить процедуру работы комиссии: решение всегда принималось после сбора необходимых сведений и консультаций с техническими специалистами.)

Правда, возможность осуществления этих планов вызывала серьезные сомнения: на строительство четырех доков требовалось 800 448 р., как возможный срок его окончания намечался 1737 г.¹⁴¹,

¹³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 133.

¹³⁹ Там же. Л. 189–199.

¹⁴⁰ Веселаго Ф. Ф. Очерк... С. 506–516; РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 190.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 195–196.

но поскольку средства на строительство должны были отпускаться теперь из общего флотского бюджета в 1200 тыс. р., выбиравшегося с большой недоимкой, строительство затянулось, и постройка Кронштадтского канала, например, завершилась только в 1752 г.¹⁴²

В планы Петра было внесено и еще одно частное изменение: комиссия решила не строить башню над аркой, соединяющей берега канала. Обнаружилось, что фундамент под башню, возводившуюся с 1722 г., непрочен; строительство нового может повредить канал, а рухнувшая башня — завалить его; к тому же функционально она не нужна.

Основные итоги этих решений были отражены в указе 2 мая 1732 г.¹⁴³

Донесение о кронштадтском строении было первым в серии апрельских докладов, во многом определивших будущие параметры и перспективы развития русского флота. 22 апреля 1732 г. комиссия решила наконец вопрос о рангах кораблей¹⁴⁴.

Характер этого решения позволяет уточнить черты военно-морской доктрины России того времени, основы которой были заложены в вышеупомянутом «Рассуждении».

Поскольку с самого начала было ясно, что при столь значительной убыли кораблей крупных рангов строительство мощного флота в сложной ситуации с финансами было малореальным, комиссия, суммировав мнения флагманов и положив в основу своего рода компромиссный вариант, сообразуясь с принципом соответствия силам вероятного противника, каким признавалась Швеция, и с «неудобностью здешнего моря», не позволяющего строить большие корабли, упростила состав флота, сократив количество рангов кораблей с 4-х до 3-х (см. таблицу 15 приложения). Фактически рангов, как и в последнем петровском штате, оставалось четыре, так как комиссия пришла к решению «для славы российского флота» всегда иметь в его составе один 100-пушечный корабль.

Комиссия сократила и число кораблей крупных рангов, сделав основными во флоте 66-пушечные корабли. Мотивировка выбора 66-пушечных кораблей как основного ранга во флоте была следующей: 1) особенности русских 66-пушечных кораблей позволяют им «носить пушки, такожде калибры, как в других государствах семидесятные» и в бою они вполне могут «лежать в линию» против 70-пушечных; 2) корабли этого ранга уже существуют в русском флоте, поэтому при выбытии их из строя часть их оснастки и артиллерии можно использовать для новых кораблей. (Последнее

¹⁴² Веселаго Ф. Ф. Краткий очерк... С. 106.

¹⁴³ ПСЗ. Т. VIII. № 6040.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 176–178. Указ 1 мая 1732 г. (ПСЗ. Т. VIII. № 6035).

было весьма существенно: артиллерия и оснастка могли составлять в общей сложности от 28,6 до 38,3% стоимости всего корабля¹⁴⁵.) Поэтому отныне корабли 66-пушечного ранга должны были представлять 59,3% состава русского флота. И все же во флоте, несмотря на высказанное многими флагманами мнение о неудобстве трехпалубных кораблей, сохранялись и четыре 80-пушечных корабля.

Оценивая русскую военно-морскую доктрину, отразившуюся в «Рассуждении» и в предложениях комиссии по конкретному составу флота, нужно отметить, что она была в общем достаточно реалистична и обоснована ситуацией. В сущности, основных ее положений, то есть преимущественно оборонительной и подчиненной роли флота на европейском театре военных действий, Россия продолжала придерживаться всю свою историю.

Тем более обоснованной она была в 30-е годы XVIII века. Серьезных противников у России на Балтике, кроме Швеции, которая по своим экономическим возможностям более уже не могла кардинально изменить ситуацию, не было; формирование коалиции государств, имеющих на Балтике флоты и направленной против России, было малореально, что в последующем было подтверждено и практикой. В случае же возникновения такой коалиции или присоединения к одной из сторон английской эскадры Россия не смогла бы все равно противостоять им силами собственного флота, так как по своим финансовым возможностям не могла бы содержать флот, эквивалентный соединенным флотам или значительной части английского. Это доказала и «голштинская авантюра» 1726 г. (попытка войны с Данией из-за Шлезвига, когда русская армия, готовая помочь герцогу голштинскому, была уже посажена на суда, но флот был заперт в Кронштадте и не смог выйти в море после появления там союзной Дании английской эскадры в 21 корабль)¹⁴⁶.

Содержание мощного флота, фактически океанского в петровские времена по своей структуре, было просто ненужным и неэффективным и по конъюнктурным моментам.

Следует учитывать, что достаточно серьезной ремонтной базы флота у России тогда еще не было, да и навигационное обеспечение плаваний было не на высоте: до 1738 г. Россия не имела надежных карт Балтийского моря. Первая часть перевода голландской лоции Балтийского моря «Зеефакел» вышла из печати в 1734 г., а карты к ней в достаточном количестве — только в 1738 г.; русские картографические работы на Балтийском море также были не завершены¹⁴⁷. Но даже и имевшиеся на тот момент карты и лоции были несовершенны — в 1732 г. один из русских офицеров, пользуясь

¹⁴⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1137. Л. 960–961.

¹⁴⁶ Некрасов Г. А. Роль России... С. 47–73.

¹⁴⁷ Гольденберг Л. А. Указ. соч. С. 109–111.

голландской картой, разбил пакетбот у острова, местоположение которого было неверно на ней указано¹⁴⁸.

Кроме того, ненужным оно было и учитывая короткий срок службы корабля, требовавший каждые 10 лет полного обновления состава флота; вероятнее всего, и кораблестроительная база не выдержала бы такой нагрузки. Не случайно определенный комиссией состав флота не менялся до царствования Екатерины: за это время по меньшей мере два-три состава мощного флота бесполезно сгнили бы на якоре.

Помимо всего этого следует учитывать, что планируемый комиссией состав флота, несмотря на уменьшение среднего ранга корабля, по орудийному парку был фактически эквивалентен последнему штату петровского, так что существенного снижения его боевой мощи на деле не должно было произойти.

Вторым доношением 22 апреля решался вопрос о темпах строительства кораблей, от которого зависело, насколько реально достижимым будет намеченный состав флота: планировалось заложить один 80-пушечный корабль и два 66-пушечных, а после их достройки — два 80-пушечных и один 66-пушечный¹⁴⁹. Таким образом, темпы строительства были оценены не совсем правильно: требовалось строить по 3 корабля в год, а здесь новые 3 корабля закладывались только после окончания постройки первых, но строительство их занимало, как это будет показано дальше, более года. Следовательно, полная боеготовность штата кораблей вряд ли когда-нибудь могла быть достигнута.

Что же касается самих принципов кораблестроения и параметров и типов кораблей, то в них комиссия не внесла особенных новшеств: их основой оставалась петровская «Табель о корабельных пропорциях»¹⁵⁰. Как отметил П. А. Кротов, «...в 1732 г. главные размерения кораблей по „Табели“ 1723 г. были включены в новый корабельный штат»¹⁵¹, сохраняясь и в дальнейшем как основополагающие при реализации кораблестроительных программ Анны Иоанновны и Елизаветы.

Следующей группой доношений 22 апреля решался вопрос об общих основах политики по отношению к охране и использованию лесов, а также о конкретных изменениях в применении лесов в кораблестроении.

Отдельным доношением определялся общий подход к корабельным лесам: во-первых, констатировалось, что детально количество

¹⁴⁸ Соймонов Ф. И. Указ. соч. // МС. 1888. № 9. С. 97–99.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 184–189.

¹⁵⁰ Характеристика «Табели» 1723 г. — История отечественного судостроения... Т. 1, гл. 18, С. 411–426.

¹⁵¹ Там же. С. 425.

и качество лесов неизвестно, поэтому требуются новые лесные описания; во-вторых, что неизбежно определенное ужесточение лесного законодательства, либерализированного в правление ВТС в 1727 г.

Ограничения на использование лесов, пригодных для кораблестроения, начали проводиться уже с первых лет строительства флота. В 1723 г. были выработаны общие основы законодательства по использованию лесов: запрещалась рубка леса по крупным рекам, впадающим в Балтийское, Белое и Черное моря (Волге, Дону, Днепру, Северной и Западной Двинам) в стороны по берегам на 50 верст, а по малым рекам, которые впадают в них и имеют плавное течение, позволяющее сплавливать лес в них, — по берегам на 20 верст, «...а дубу и далее тех верст...».

В 1727 г. Верховный тайный совет в общем русле мероприятий, направленных на развитие торговли и промышленности и на ограничение в связи с этим мешающих ему монополий, а также на ликвидацию «тягостей народных» (в первую очередь казенных монополий) либерализировал это законодательство: ограничения теперь касались только тех рек, «откуда свободно и безубыточно ко всем адмиралтейским делам сплавливать»; запретная зона для рубки сужалась до 15 верст по большим рекам, а по малым, в них впадающим, вовсе ликвидировалась¹⁵².

Комиссия подвергла указ 1727 г. критике, ибо «...во многих местах годные к корабельному строению леса простые люди, не токмо не рассуждая в них к государственной пользе недостаток, но за непристойным изведением и самим себе впредь нужды, на малые определения тратят, и тем оных многим числом изводят...»¹⁵³, а потому вынуждена была ужесточить запрет. Она расширила заповедную зону для рубки лесов даже в большей степени, чем это было по петровскому законодательству: по большим рекам в стороны запрещалась рубка в стороны на 100 верст, а по малым, впадающим в них, — «на 26 верст дубу, клену, ильму, ясеню, вязу, лиственницы и сосны, которая толщиной на корню в диаметре 12 вершков и более, а дубу и далее тех верст... без позволения Адмиралтейской коллегии не рубить»¹⁵⁴. Несомненно, что это способствовало сохранению корабельных лесов, но крайне отягощало положение местных жителей и особенно жителей городов и нижнего течения Волги, куда большие партии леса можно было доставлять только сплавом.

Вторым отдельным доношением о лесах 22 апреля было принято решение о частичной замене дубовых лесов в некоторых деталях корабельного корпуса, особенно не в несущих его конструкциях (после совета с корабельными мастерами) другими породами (сосно-

¹⁵² ПСЗ. Т. VIII. № 6048.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

вым и еловым лесом)¹⁵⁵; частично то же намечало и первое доношение, в котором для сохранности лесов было предложено некоторые детали кораблей делать из низкокачественного новгородского дуба, не годившегося на корпуса судов. Доношением 29 апреля предлагалось строительство сараев для хранения лесов, в «которые леса класть... по рангам и по сортам»¹⁵⁶ (доношение от 28 июня определяло и место их постройки — Новая Голландия)¹⁵⁷, а доношение 7 июня определяло порядок осмотра лесов на местах, запрещающий их напрасную рубку и перевозку, без освидетельствования еще на корню степени их пригодности¹⁵⁸.

Сокращению стоимости перевозок леса уделялось особое внимание, так как вырубка леса и вывоз его на пристань на один 66-пушечный корабль обошлись в 12 765 р., а с провозом до Петербурга — в 14 653 р.¹⁵⁹, то есть более 14% стоимости судна. (Любопытно, что примерно такой же (14–15 тыс. р.) она была и в петровское время¹⁶⁰.) Ф. И. Соймонов еще до работы комиссии осведомился о стоимости провоза лесов, узнав, что купцы резко завышают ее. Получив счета, свидетельствующие о том, что провоз обходится не дороже 5 коп. за пуд (вместо 12), он по-приятельски сообщил об этом В. А. Дмитриеву-Мамонову, доложившему эти данные на заседании ВМК. После этого была организована проверка (провоз лесов организован флотскими офицерами), позволившая сократить стоимость перевозок¹⁶¹. (Частично материалы этой проверки опубликованы в МИРФ¹⁶²; сведения о сокращении стоимости провоза подтверждаются и данными таблицы 11 о расходах на флот.)

Как видим, вопрос о лесах, столь единодушно поставленный флагманами во мнениях, почти во всех своих аспектах был рассмотрен комиссией в качестве одного из первоочередных.

В тесной связи с вопросом о лесах находится и еще одно важное, но принятое комиссией гораздо позднее решение о возобновлении Архангельского порта и кораблестроения при нем, связанного с использованием местной лиственницы для корабельных корпусов,

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 235–238 об.; указ 1 мая 1732 г. (ПСЗ. Т. VIII. № 6032).

¹⁵⁶ Там же. Л. 319–320. Указ об этом (ПСЗ. Т. VIII. № 6047) был издан одновременно с «Инструкцией...» и «Манифестом о сбережении и употреблении корабельных лесов и о местах, в которых леса рубить позволяется», разъясняющим ее публике, развивающими донесения ВМК от 22 апреля (ПСЗ. Т. VIII. № 6048, 6049 от 11 мая 1732 г.).

¹⁵⁷ Там же. Л. 460.

¹⁵⁸ Там же. Л. 411 об.

¹⁵⁹ МИРФ. Т. VII. С. 305.

¹⁶⁰ Ден Д. Указ. соч. С. 126.

¹⁶¹ Соймонов Ф. И. Указ. соч. // МС. 1888. № 9. С. 103, 107–108.

¹⁶² МИРФ. Т. VII. С. 305, 322–324.

предложенное, как мы видели, Бредалем и Сенявиным (доклад ВМК от 4 августа 1732 г.)¹⁶³.

Запоздание объясняется большой подготовительной работой комиссии: еще 8 марта для приговления леса к корабельному строению и оценки годности архангельской лиственницы на корабельные корпуса в Архангельск был послан корабельный подмастерье Брант. Прибыв в начале апреля, он выбирал место для верфи и отправил в комиссию образцы лиственницы, но комиссию они не удовлетворили, и она запросила новые, представленные в Петербурге на экспертизу корабельным мастерам. Но и после этого у нее оставались сомнения, рассеянные только после осмотра днища одного из «архангелов» постройки 1712 г., выброшенного на берег у Лисьего носа и показавшего отличные качества дерева, пролежавшего около 20 лет¹⁶⁴.

Строительство кораблей в Архангельске при Петре имело, скорее всего, вынужденный характер — строились они в первые годы основания флота, когда не было еще строительной базы на Балтике, а при Архангельске был опыт строительства и кадры рабочих, а также готовые купеческие верфи. Но вряд ли Петр имел тогда серьезные намерения основать здесь постоянную верфь, от которого могли отвлечь и сложности в проводке построенных здесь кораблей на Балтику. В них он сам отчасти и был виноват, требуя немедленной отправки кораблей: построенные к середине лета, они не могли быть вооружены и отправлены в море ранее осени, а по общим недостаткам конструкции судов того времени не могли противостоять жестоким осенним штормам Белого и Северного морей.

Возобновление Архангельского порта и верфи, задумываемой теперь как *постоянная* строительная база для военно-морского флота (прежде всего для строительства кораблей низших рангов), имело большое значение не только потому, что постройка кораблей занимала здесь более короткое время и требовала меньших затрат, чем на Балтике, но и (как это будет показано далее) по перспективе, которую открывало перед флотом России в XVIII в. создание второй основной кораблестроительной базы.

Правда, оно вошло в некоторое противоречие с потребностями купеческого судостроения, успешно развивавшегося там. Возникла угроза Быковской верфи Крыловых (если бы не Брант, нашедший, что удобнее строить военную верфь на Соломбале). Ближайшим следствием основания последней был и запрет на рубку лиственницы (не очень мешавший купцам, строившим свои суда в основном из сосны), и более тяжелый запрет на рубку мачтовой сосны, отмененный не полностью только после вмешательства Коммерц-колле-

¹⁶³ МИРФ. Т. VII. С. 316–321.

¹⁶⁴ Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875. Гл. IV–V; С. 70; МИРФ. Т. VII. С. 317.

гии по жалобам голландских купцов (Крылову рубка была запрещена до 1734 г., Баженину так и не разрешена). Морские власти действовали в данном случае в корыстных целях — стремились создать препятствия верфи Бажениных, чтобы переманить на казенные верфи квалифицированных мастеров¹⁶⁵.

Однако вместе с тем это оживило экономику Архангельска и прежде всего Архангельской провинции с ее 73 тыс. душ крестьян, почти половину из которых составляли купечество и черносотенные крестьяне, получившие возможность приработка в строительстве кораблей и в обеспечении верфей материалами (рубка и провоз лесов и многие другие виды работ проводились подрядами и оформлялись договором с крестьянским «миром» и артелями¹⁶⁶).

Но главное — оно позволило сохранить весьма ограниченные в России запасы дубового леса.

Следовательно, это решение, предусматривающее также возможность создания особой морской эскадры на Белом море и то, что проводка кораблей от Архангельска до Петербурга на Балтику вокруг Скандинавского полуострова может стать хорошей практикой для экипажей кораблей, было вполне зрелым и разумным.

Командиром Архангельского порта был назначен один из инициаторов его возобновления Питер Бредаль, прибывший в Архангельск в октябре 1733 г. В 1734 г. там была уже учреждена морская школа, числившая через год 31 ученика, а к 1741 г. на Соломбальской верфи было 4 эллинга, 1 сухой док, основные необходимые постройки (хотя и не был завершен еще канал между реками Курьей и Соломбалкой¹⁶⁷).

До перехода ко второй части работы комиссия успела решить еще вопрос о передаче признанных убыточными Сестрорецких пороховых заводов из Адмиралтейства в ведомство сухопутной артиллерии. Убыток, правда, составил за шесть лет всего 420 р., но заводы действительно не были полностью загружены в связи с не очень значительными потребностями флота в порохе¹⁶⁸. Однако дело о передаче заводов из-за несогласия принять их со стороны сухопутного ведомства тянулось более трех лет, несмотря на неоднократные именные указы об их приеме (март 1734, 21 апреля 1736), что создало временные трудности с обеспечением флота порохом во время польской кампании 1733–1734 гг., и завершилось тем, что Сестрорецкие заводы после передачи их в ведомство Главной артиллерии (по крайней мере до конца 1738 г.), так и не работали¹⁶⁹.

165 МИРФ. Т. VII. С. 72–74, 92.

166 Там же. С. 101.

167 Там же. С. 82, 121–123; план Соломбальской верфи в приложении.

168 РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 326–328.

169 Там же. Л. 326–411; Кн. 1137. Л. 76–76 об.

Второй этап работы комиссии. После того как ранги кораблей, их штат, количество портов и верфей было определено, решен вопрос о лесе и кораблестроении, естественно было приступить к рассмотрению вопросов о личном составе флота и о его материальном обеспечении, определяемом в конечном счете вышеуказанными параметрами. Это вылилось в пересмотр штатов личного состава, управления флотом, составление различных регламентов и т. д.

Как мы видели, несмотря на значительную техническую оснащенность флота, основную часть расходов поглощало содержание личного состава флота, и естественным становилось стремление комиссии искать возможной экономии на этом пути.

Доказательством этому можно считать доношение 7 июня 1732 г. о мундире¹⁷⁰, послужившее началом второго этапа работы комиссии. В общей его тональности заметно прямое заимствование опыта Военской сухопутной комиссии: стремление сократить расходы за счет снижения норм отпуска материалов на отдельные вещи, предусматривающее в некоторых случаях улучшение качества вещей, но при господствующей тенденции к увеличению срока их службы. Уменьшалась, например, длина материи, выдаваемой на пару галстуков; нижнее белье матросы теперь должны были шить за счет своих средств; увеличен срок службы матросской шапки с двух до трех лет, кафтана до трех лет; отменена одна пара башмаков, выдаваемых матросам, и так далее. Прямое влияние сухопутной комиссии можно усмотреть и во введении для солдат береговой службы рабочего мундира на 1/4 их комплекта (почти аналогичное проделанному Минихом для гарнизонных частей). Для последних упразднился также ранее выдававшийся им матросский мундир и оставался за счет этого только солдатский; одновременно проявилась и тенденция к унификации и удешевлению мундира, выразившаяся в сближении его с мундиром полевой армии (чтобы не заготавливать мелкими партиями сукон других цветов, каких-то деталей мундира, сложных в изготовлении).

Сводная таблица особенно наглядно демонстрирует выявленные выше тенденции.

	Сокращение стоимости всего мундира	% к 1731 г.	Сокращение стоимости в расчете на год	% к 1731г.
1. Морским служителям	10 859	14,56%	14 434	26,75%
2. Береговым солдатам	5212	7,73%	11 328	18,21%
итого	16 071	11,32%	26 736	21,25%

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 424–429; в ПСЗ отражено под 3 июля 1732 г. (ПСЗ. Т. 44. К № 6115. С. 6–14).

Она показывает, что стоимость мундира в расчете на год дает большее сокращение (21,25%), чем в расчете на весь мундир в целом (11,32%), то есть сокращение произведено преимущественно за счет увеличения срока службы мундирных вещей. Если принять за общую сумму сокращения снижение оклада в 200 тыс. р., то одно только снижение расходов на мундир должно было дать 13,4% этой суммы.

Следующим крупным нововведением ВМК была реорганизация управления флотом, выразившаяся в первую очередь в реформе самой коллегии, обоснованной в доношении 28 июля 1732 г.¹⁷¹

По петровскому регламенту Адмиралтейская коллегия состояла из флагманов, бывших в данный момент на берегу, заседавших по старшинству (в числе не менее 5), и представляла собой, по сути дела, военный совет с лишь относительно постоянным составом, имевший в подчинении 11 контор, каждая из которых непосредственно обращалась к высшему руководству. Частая сменяемость руководства конторами, отсутствие постоянного состава коллегии и вынужденность флагманов — высших морских офицеров, не владеющих часто к тому же русским языком, — заниматься несвойственными им хозяйственными функциями вели к беспорядку в делах, и требование постоянства состава так или иначе отразилось во мнениях многих флагманов, особенно иностранцев. Очевидно, реорганизация созданной Петром структуры назрела, и речь шла лишь о ее форме.

Комиссия предложила создать коллегия с постоянным составом членов и реорганизовать конторы, заменив их экспедициями с более широкими функциями, управляемыми постоянными чиновниками, собрание которых и составляло коллегия (основные дела решались бы общим советом, а исполнение проводилось экспедициями).

Создавалось 4 экспедиции.

1) Все снабжение флота передавалось в ведомство **комиссариата**, объединившего прежние 5 контор (генерал-кригс-комиссара, казначейскую, провиантскую, контролерскую, цалмейстерскую). Комиссариату переходили и их функции — раздача жалования, приготовление мундира, денежные и провиантские доходы и расходы, все покупки и подряды (кроме заготовки леса), заготовление всяких материалов и финансовая отчетность обо всем.

2) **Экипажская экспедиция** ведала хранением и использованием такелажа и вооружения судов.

3) **Сарваерская**, включив в себя Вальдмейстерскую контору, заведовала верфями и кораблестроением, заготовкой и охраной лесов.

¹⁷¹ Если предшествующие доношения комиссии в том или ином виде вошли в ПСЗ, то это — не вошло (РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 472–518 об.), а вошел лишь разработанный на основе него штат Адмиралтейской коллегии 22 ноября 1732 г.

Комиссия признавала, что логично было бы соединить ее с экипажской, но для лучшего порядка и сохранности материалов решила выделить последнюю в отдельную экспедицию.

4) **Артиллерийская** экспедиция осуществляла руководство морской артиллерией.

Управлялись они фактически единолично распоряжавшимися директорами; адмиралтейские заводы и учебные заведения поступали в ведомство двух советников коллегии, работавших постоянно в присутствии при президенте.

Реформа эта по традиции, идущей от В. Чубинского¹⁷², оценивалась в основном положительно¹⁷³, ибо во многом соответствовала представлениям о тех сравнительно удобных бюрократических структурах, которые были современны первому автору. В действительности же ее влияние не было, наверное, столь однозначным.

Несомненными достоинствами реформы было упрощение структуры, ликвидация множественности звеньев управления, что (так же как и введение постоянного состава управления коллегией и ее отдельными подразделениями), в конечном счете, делало его более гибким и эффективным.

Однако новая структура ограничивала принцип коллегиальности в управлении, заменяя его единоначалием (хотя, конечно, следует признать, что реально принцип коллегиальности в силу сложившихся в обществе отношений осуществлялся в гораздо более узких рамках, чем был формально декларирован).

Авторы доношения прекрасно видели ту сторону реформы, которая была направлена против коллегиального принципа в том его виде, в каком он реализовался в петровских коллегиях, и выдвинули ряд контраргументов: 1) из недостатков петровской организации коллегии (непостоянства состава и т. д.) выводились преимущества экспедиционной формы ведения дел с постоянным руководством экспедициями; 2) понимая, что единоначалие в экспедициях приведет к отсутствию беспристрастности в коллежском собрании, состоящем из их директоров, авторы доношения представляли, что принцип коллегиальности нарушается не до конца, так как общее собрание определяет основные направления деятельности экспедиций и контролирует выполнение в них принятых им решений: «Да сверх того все дела, до каждой экспедиции касающиеся, будут в коллежском собрании наперед рассмотрены, и не им одним (т. е. руководителем экспедиции. — *Н. П.*), как прежде сего было; и тако ему бессовестные свои намерения, хотя б он такие и имел, не так

¹⁷² Чубинский В. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. — СПб., 1869. С. 56–68.

¹⁷³ Веселаго Ф. Ф. Краткая история... С. 84; Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. 2. С. 242.

легко в действо производить можно, ибо натурально есть, что, будучи кто один, легче и скорее концы схоронить может, нежели когда он дела свои, со общего и генерального собрания определенные, отправлять имеет»¹⁷⁴.

Таким образом, реформа в определенной степени выразила достаточно ярко проявившуюся в 1730-е гг. тенденцию к обюрокрачиванию управления, материализовавшуюся в идее разделения учреждений на обособленные департаменты, в которые выделялись отдельные их функции; сравнительно немногочисленные (2–5) и управлявшиеся единоличным директором. И это, как и тенденция к свертыванию коллегиальности, прослеживается во всей истории административных изменений в 1730-х годах, а особенно ярко — в создании Генерал-берг-директориума, заменившего Берг-коллегию¹⁷⁵. Реформа в этой своей грани отразила ведущее направление административного развития России в XVIII в., обуславливаемого господством самодержавия, была сравнительно удобна и долго сопротивлялась возврату к старому.

Несмотря на то что возврат к петровской структуре управления был провозглашен Елизаветой, переписка о ее восстановлении шла 16 лет; экспедиции были упразднены только в 1751 г., а новая структура, восстанавливающая многочисленные конторы, введена в 1757 г. Но уже в 1763 г. новая Военная морская комиссия фактически восстановила прежние принципы и даже структуру 1732 г.¹⁷⁶

Носителем вышеуказанной идеи, по всей вероятности, был А. И. Остерман, частично попытавшийся реализовать ее в департаментской реформе Сената в 1730 г.; очевидно, влияние главы ВМК отразилось и в указанной реформе Адмиралтейской коллегии.

21 августа доношение было утверждено императрицей¹⁷⁷, а окончательно новая структура коллегии была закреплена в доношении комиссии от 22 ноября 1732 г., вводившем новый штат¹⁷⁸. Ликвидация излишних звеньев, постоянство состава контор и управления ими значительно повысили ответственность адмиралтейских управленцев, позволив разгрузить ее центральный орган — собственно коллежское собрание, решавшее все основные дела. Вместе с тем, будучи одним из первых удачных мероприятий в области реформ учреждений, осуществленных по плану А. И. Остермана, в некоторых чертах она предвосхитила екатерининские и даже александровские реформы, наметившие и реализовавшие тенденцию к созданию министерской системы управления, построенной на жестких бюрократических принципах.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 475 об.

¹⁷⁵ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 119.

¹⁷⁶ Чубинский В. Указ. соч. С. 65–66, 93; Очерки русской культуры... С. 242.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 518 об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 573–580 об., ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 14–25.

Сенат выдвинул кандидатов на руководящие посты в коллегии: в президенты — Н. Ф. Головин, Н. А. Сенявин, вице-адмирал И. М. Головин (руководитель галерного флота); в советники — капитан-командоры Захарий Мишуков и Никита Вильбоа; в генерал-кригс-комиссары — В. А. Дмитриев-Мамонов и статский советник Вадковский; генерал-директоры Экипажской экспедиции — капитан-командор Иван Козлов и капитан 2-го ранга Петр Пушкин; генерал-директоры над верфями — капитан-командор Василий Урусов и капитан I ранга Конон Зотов; обер-цехмейстеры — полковник Брунц¹⁷⁹.

Несмотря на то что императрица существенно изменила состав кандидатов в члены коллегии, назначенный Сенатом, утвержденный ею состав был почти полностью русским: генерал-кригс-комиссар — М. М. Голицын-младший; советники — Василий Урусов и З. Мишуков; генерал-экипажмейстер — Тран; генерал-интендант — Александр Головин (обер-цехмейстер сразу не был назначен)¹⁸⁰. Президентом коллегии был назначен Н. Ф. Головин — явная креатура Бирона и Остермана.

Кроме того, есть сведения, что последний пост Остерман готовил отчасти и для себя. Это подтверждается и ликвидацией контролирующего звена — должности прокурора коллегии: «...в комиссии Остерман главным находился, он надеялся на любовь и покровительство себе герцога Бирона, уповал быть президентом, и для того усилил комисских членов, чтобы вице-президенту и прокурору впредь не быть...»¹⁸¹. Остермана, очевидно, привлекал не столько пост главы коллегии, сколько чин генерал-адмирала, позволявший ему подняться на верхние ступеньки Табели о рангах, что он и попытался реализовать в царствование Анны Леопольдовны.

Новый штат коллегии, принятый 22 ноября, дает возможность оценить общие изменения в составе флотских подразделений.

Таблица 13 показывает, что наибольшим изменениям подверглось Адмиралтейство, обновивши свыше 28% состава, но верхний этаж управления подвергся изменениям в наименьшей степени: само коллежское присутствие сократилось всего на 1 единицу (с 15 до 14 чел.)¹⁸², а аппарат управления экспедициями даже вырос с 25 до 30 человек, то есть на 16,7%, тогда как число приказных служителей сократилось с 278 до 214 (на 64 чел., или на 23%).

Следовательно, наибольшие изменения пришлось на среднее и нижнее звенья экспедиций. Почти общим здесь было сокращение отдельных команд солдат и должностей офицеров, выполнявших

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 579–580 об.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Соймонов Ф. И. Указ. соч. // МС. 1888. № 9. С. 110.

¹⁸² РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 615–615 об.

охранные и контрольные функции при прежних конторах. Их, видимо, частично должны были заменить отдельные подразделения из реорганизуемых сухопутных сил при флоте, причем процент сокращения этих звеньев был гораздо выше, чем по каждой экспедиции и флоту в целом. Ликвидация отдельных должностей и подразделений (штата упраздненной флотской пивоварни, особых счетчиков денег, особых флотских офицеров, сообщающих с мест сведения о ценах на материалы и провиант) особенного ущерба флоту, вероятно, не нанесла.

Общие же результаты изменений¹⁸³ по главным структурным подразделениям Адмиралтейства выглядели следующим образом:

1. Комиссариатская экспедиция	-75,14%;
2. Экипажская	-32,63%;
3. Сарваерская	- 7,94%;
4. Артиллерийская	-14,08%;
5. Госпитали	+28,0%.

Как видим, в наименьшей степени сократился личный состав Сарваерской (или экспедиции над верфями и строениями), отвечавший за техническую сторону флота и наиболее насыщенной техническими специалистами. Изменения внутри нее были наиболее сложными, о чем свидетельствует и картина их по группам ее состава:

1. Нижние чины	-90,07%;
2. Мастера	+ 7,58%;
3. Подмастерья	+21,56%
4. Ученики	+54,75%;
5. Мастерские	- 8,47%.

Из этого видно, что за счет сокращения рядового состава экспедиции шло насыщение флота техническими специалистами. Оно производилось преимущественно за счет роста числа учеников и подмастерьев, которые, при наименьших затратах на жалованье, могли под руководством мастеров приобрести высокую техническую квалификацию. При этом оно сопровождалось и пересмотром номенклатуры их должностей, вызванным потребностями технического развития флота. Например, число инструментальных мастеров уменьшалось, но за счет этого и сверх этого увеличивалось количество кузнечных, столярных мастеров, вводился мастер по домкратам, по сверлильным инструментам и работам и т. д., с соответствующими штатами учеников и подмастерьев; за счет некоторого сокращения корабельных, прибавлялось число галерных, ботовых (шлюпочных) мастеров. Учитывая снижение среднего ранга кораблей по новому штату, а следовательно, и уменьшение объема работ по их строительству, мы можем признать, что незначительное сокращение (8,5%) по этой экспедиции представляется естественным и вполне обоснованным.

¹⁸³ Подсчитаны по штату Адмиралтейства и флота.

В отличие от сарваерской с ее большим штатом (сократившимся с 5.568 до 5126 чел.) артиллерийская экспедиция в силу своего небольшого состава (71 чел. по старым штатам, 66 по новым), а также сохранения в прежнем виде оружейного парка флота не претерпела существенных изменений. В большей степени они коснулись штата медицинской части флота. Общее его увеличение и конкретные направления изменений в нем, учитывая высокую заболеваемость во флоте, следует признать одной из самых положительных сторон работы комиссии.

Штат госпиталей, существовавших в пяти основных портах, увеличился почти на треть. И если при этом технический персонал госпиталей увеличился на 9,6%, то «медицинский чин» — на 158% (почти втрое). При госпиталях были введены ранее не фигурировавшие в штате прачки («портомой»); в 3 раза увеличено число поваров и хлебников; в 6,1 раза увеличено число работников (т. е., очевидно, санитаров); в 2,5 раза (на 5 чел.) увеличен штат пивоваров и квасников. Ликвидировался один доктор из трех, но вместо него прибавлялись три штаб-лекаря, 7 подлекарей; был введен штат аптекарей (14 чел.). были созданы и введены в штат флотские аптеки. С 1733 г. при Санкт-Петербургском и Кронштадтском госпиталях вводились лекарские школы¹⁸⁴. Таким образом, даже из структуры штата видно, какое серьезное значение придавалось улучшению медицинского обслуживания, гигиены и питания в госпиталях. Два независимых свидетельства иностранцев из вполне благополучных западноевропейских государств позволяют косвенным образом оценить результаты деятельности комиссии на данном направлении.

Шотландский хирург Джон Кук, прибывший в Россию в 1736 г. и некоторое время проработавший в главном военном госпитале в Петербурге (составной частью которого был и госпиталь, обслуживающий флот), был достаточно высокого мнения об уровне этого заведения и особенно отмечал заботу о положении больных: «Доклады о количестве поступивших, вылеченных, умерших и остающихся больных еженедельно регулярно посылаются в канцелярию с названиями болезней. Во всякого рода обслуживающем персонале недостатка нет. По приказам врачей больные получают в изобилии лучшую еду, а также всевозможные напитки и лечебные отвары. При необходимости не жалеют и самых дорогих вин. Если на врачей, хирургов или на их помощников поступает жалоба за непоявление в один день, их лишают месячного жалованья, а те, кто не облечен никаким званием, подвергаются телесному наказанию»¹⁸⁵. Вполне удовлетворительно оценил состояние госпиталя и побывав-

¹⁸⁴ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. С. 236.

¹⁸⁵ *Беспых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1994. С. 404.

ший почти в то же время в России шведский ученый Карл Рейнхольд Берк, обучавшийся, помимо Швеции, в Лондоне и Париже¹⁸⁶. Следовательно, усилия комиссии по улучшению «медицинской части» флота, вероятно, не пропали даром.

Наиболее значительные изменения, пришедшие на долю комиссариатской и экипажской экспедиций, отразили еще одну тенденцию в работе комиссии — стремление опереться на хозяйственные рычаги и частично уменьшить использование административных методов в управлении. Это проявилось в стремлении увеличить подрядную заготовку материалов и производство работ подрядом, а также перейти к сдельной оплате части работ и избавиться за счет этого от штата контролеров и надзирателей: «Для надзирания за работами дозорщиков и у них помощников ныне определить комиссия не рассуждает, а чтобы мастеровые каждой поспешнее дела свои отправляли и втуне время не проводили... определять из офицеров и унтер-офицеров по рассмотрению коллегии Адмиралтейской... и тщиться в том лучший порядок и учреждение учинить отдачею мастерств на уроки или за задельное жалованье, как прибыльнее и в работах поспешнее рассудится...»¹⁸⁷.

Положительным явлением в работе комиссии следует признать и определение офицерских рангов мастерам и некоторым другим техническим специалистам, позволившее им занять определенное официальное положение и утвердить свой статус в рамках сословно-бюрократической структуры России. Не случайно того же для горных чинов так упорно добивались почти в то же время В. де-Геннин и В. Н. Татищев.

Структура коллегии пронизывала всю организацию флота и повторялась и в структуре портов, где низшие звенья экспедиций были представлены соответствующими чинами. Спорным можно считать решение о ликвидации Адмиралтейской конторы в Москве, учитывая центральное положение «второй столицы» и ее роль в организации снабжения (но непосредственной связи с портами и морем она все-таки не имела).

Трудно объективно оценить все эти многочисленные изменения, обусловленные, конечно, в первую очередь стремлением к сокращению флотских расходов, — их достоинства и недостатки могут выявиться только на практике — однако общий характер пересмотра штатов кажется вполне разумным и обоснованным.

22 ноября были оформлены еще два донесения комиссии: 1) о штатном числе флотских морских служителей на кораблях; 2) о штатном числе чинов во флоте (то есть фактически новый штат

¹⁸⁶ *Беспярых Ю. Н.* Указ. соч. С. 135–136.

¹⁸⁷ ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 20.

самого флота), в ПСЗ попавшие в виде высочайше утвержденных докладов Сената 28 декабря 1732 г.¹⁸⁸

Этот **новый штатный состав собственно флота** демонстрирует несколько иную картину:

1. Офицерский состав	-6,08% (-42,7%; +36,19%)*;
2. Технические специалисты и унтер-офицеры	-4,73% (-20,29%; +15,56%);
3. Матросы	+5,11%;
4. Все остальные нижние чины	+11,04%;
5. Вспомогательный состав при флоте и флагманах	+310,0%.

(* Цифры в скобках отражают общий размах изменений в том или ином подразделении, так как итоговый результат часто не дает о нем представления.)

Из этих данных видно, что принятие многих предложений флагманов привело к тому, что сильнее всего изменился офицерский состав флота.

Признав, что количество флагманов излишне и можно обойтись лишь пятью, комиссия одновременно ввела вместо бытовавших на флоте трех флагов единый андреевский флаг. В Англии, по образцу которой были введены три флага, флот очень велик, и разделение его на три эскадры с особыми флагами, учитывая и то, что Англия — соединенное королевство с сохранением значительных следов автономии в трех его составных частях, было вполне обоснованным, а для России комиссия признала это ненужным, так же как и большое число флагманов.

Ликвидировался также чин капитан-командора; упразднялось (не совсем удачно) деление капитанского чина на ранги, при одновременном некотором увеличении числа капитанов (комиссия решила, что каждым судном (в том числе и фрегатами и прамами, а не только линейными кораблями) должен командовать капитан, чин которого приравнивался к полковнику сухопутной армии); упразднялись чины капитан-лейтенантов и ундер-лейтенантов, скомпенсированные увеличением числа лейтенантов и мичманов и передачей им части капитан-лейтенантских и унтер-лейтенантских функций. Число лейтенантов в общей сложности увеличивалось вдвое, мичманов — на 18,6%; первые приравнивались к майору, вторые — к поручику сухопутной армии и становились нижним офицерским чином во флоте. Кроме того, упразднялась должность корабельного секретаря, функции которого передавались старшему писарю («клерку», содержавшемуся на меньшем жалованье), была

¹⁸⁸ ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 29–30; 30–35.

введена предложенная Сандерсом должность «мастера» — словом, в значительной степени были реализованы предложения флагманов-иностранцев, направленные на ликвидацию излишней дробности офицерских чинов по образу и подобию английского флота. При этом учитывались не только финансовые, но и сословные мотивы, ибо большинство членов комиссии стояло за укрепление шляхетского состава офицерского корпуса: «...чинов при флоте весьма много и таких обретается, которых при других флотах не имеется. Ежели кому все те чины происходить, как по регулам надлежит, то довольное время человеческой жизни на оное потребно, понеже при флоте таких частых и многих вакантей не бывает, как при сухопутном войске, и от того происходит, что ЕИВ-ва подданные, особливо шляхетство, от морской службы сколько можно уклоняются и больше при сухопутной армии употреблены быть стараются...»¹⁸⁹. Поэтому в развитие предложений Сиверса был упразднен весь состав штурманских учеников.

Однако Сиверс предлагал только половинное сокращение, а полное упразднение могло повести и к негативным последствиям, хотя, впрочем, вряд ли значительным, ибо штурманскими навыками овладевала большая часть учеников военных училищ, а кроме того, обучение штурманскому делу велось штурманами и непосредственно на кораблях.

Унтер-офицерский состав реформировался в схожих направлениях: 1) была упразднена излишняя дробность чинов (ликвидированы шхиманы и шхиманматы и за счет этого прибавлено число боцманматов); 2) увеличено число специалистов на кораблях (штурманов — на 11 чел. (14%)), введена должность **тимермана** — корабельного плотника). Количество матросов, несмотря на уменьшение рангов кораблей, увеличилось на 5%; увеличение по графе 4 в основной своей части было связано с увеличением числа кают-юнгов, набравшихся из матросских детей. Последнее отразило характерный для того времени сословный подход к комплектованию армии (чтобы представители военного сословия «из службы не выходили», и, следовательно, сокращалось число рекрутов — практически полная аналогия решениям Военской сухопутной комиссии о солдатских детях и полковых школах).

Оценивая общие изменения в составе флота в целом (таблица 13 приложения 6), мы можем подтвердить уже сделанный вывод о том, что, поскольку основные расходы флота шли на живую силу, комиссия не могла, планируя сокращение расходов, избежать и сокращения личного состава флота, в общей сложности уменьшившегося на 5,4–6%. Однако состав собственно флота, в первую очередь определяющий его боеспособность, при этом даже увеличился на 4,7%. При

этом следует учитывать, как уже говорилось, что в решениях по личному составу флота комиссия не могла пойти по пути мирного штата армии, так как резерва матросов на торговом флоте не было, а обучение матроса из рекрута, по доношению Н. Ф. Головина, занимало не менее 5 лет¹⁹⁰.

После принятия этих новых флотских штатов работа комиссии замедлилась, и остальной (гораздо меньший, чем уже сделанный) объем работы растянулся более чем на год.

Только 6 апреля 1733 г. комиссия подала доношение о галерном флоте (утверждено 9 мая)¹⁹¹, впервые оформившее его штат.

Процедура принятия решения по нему была такой же, как и по корабельному: в 1732 г. были запрошены мнения офицеров галерного флота о его состоянии и перспективах развития. Центральное место в них занял вопрос о рангах и типах галер.

Вопрос имел длительную предысторию. До 1718 г. Россия на Балтийском море при строительстве парусно-гребного флота ориентировалась не только на использование югославянских офицерских кадров, но и на применение средиземноморских «турецких» технологий в строительстве галер. В связи с этим в период 1711–1718 гг. в составе флота почти безраздельно доминировали сравнительно легкие галеры и полугалеры, построенные «турецким маниром». Именно эти суда и стали главным ядром парусно-гребного флота после того, как в ходе морских кампаний 1712–1714 гг. выявилось их явное преимущество перед бригаantinaми, строительство которых в этот период было практически свернуто. «Турецкие» галеры сыграли основную роль в первых морских сражениях, выигранных русскими в Северной войне, в том числе и в знаменитой морской битве при Гангуте.

Однако после своего второго «заграничного путешествия» 1716–1717 гг. Петр I обратился к опыту иных галерных флотов и с 1718–1719 гг. пытался определить возможность использования для России принципов французского и венецианского «галеростроения», пригласив из этих стран опытных мастеров. И, хотя в 1721 г. была построена в виде «опытного образца» трехмачтовая галера «Двина» «венецианского типа», предпочтение было отдано «французскому маниру», в связи с чем с 1719 г. после прибытия французского галерного мастера К. Ниуллона он стал основным для российского флота, а строительство «турецких» галер на Балтике было прекращено¹⁹². «Новоманерные» галеры до конца Северной войны еще успели принять участие в русских десантных операциях на побережье Швеции, существенно ускоривших заключение Ништадтского мира.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 503.

¹⁹¹ ПСЗ. Т. IX. № 6396.

¹⁹² История отечественного судостроения. Т. 1. С. 157–163.

«Французские» галеры имели свои преимущества (прежде всего в мореходности и остойчивости при волнении), однако уступали турецким в «материалоемкости» (что было немаловажно в связи с проблемами с корабельным корпусным лесом), легкости, простоте управления и маневренности в шхерах Балтики. Поэтому большинство офицеров галерного флота (капитаны А. Ф. Миющик, Ф. М. Хорват, С. М. Крамер, А. П. Деопер, Л. Лиц; лейтенанты И. М. Кукарин, С. Б. Коновницын, М. Д. Санторинио и др.) в целом ряде отдельных мнений высказались в пользу преимущества «турецких» галер¹⁹³. Правда, галерный мастер Ф. Диконти (вероятно, отстаивая собственные интересы) пытался утверждать, что после постройки «Двины» в 1721 г. Петр I решил перейти на галеры венецианского образца, но свидетельства других строителей галер явно расходились с этим¹⁹⁴. Однако комиссия, учтя другие мнения (например, капитана П. С. Рагозо) и принимая во внимание большую надежность «французских» галер в открытом море, высказалась за сохранение петровской стратегии строительства галер по «французскому маниру», а также прежних петровских судовых штатов галерного флота.

Все это и было закреплено в указе 9 мая 1733 г.

Указ сохранил прежний штат в 130 галер и распределение их по рангам (19 — 22-баночных; 41 — 20-баночная; 70 — 16-баночных галер). 20 галер из последнего (самого многочисленного) класса были «конными» (предназначенными для транспортировки кавалерии) и могли в общей сложности вместить до 300 лошадей.

Однако указ ввел новое разделение галер (как и боевых кораблей), по трем эскадрам, а также соответствующую ему систему офицерских рангов, ликвидировавшую (как и в корабельном флоте) их излишнюю дробность. На галерный флот распространялась уже выработанная для корабельного структура офицерских чинов и размеры жалования им.

В итоге вместо 50 офицеров по штату 1720 г. в нем оставалось всего 24 (6 капитанов (по 2 в эскадре), уже не делившихся, как ранее, на ранги, и 12 лейтенантов (по 3 в эскадре)). Ликвидировались ранги капитан-лейтенантов, а функции унтер-лейтенантов частично выполняли 6 мичманов, находившихся в распоряжении капитанов на эскадрах. Указ упразднял (может быть, не совсем обоснованно) постоянное высшее командование галерным флотом в лице особых флагманов «...для того, что, пока галерный флот в гавани обретається, над ним команду и надзирание могут иметь из других корабельного флота флагманов, а когда оной для какой экспедиции отправиться, то главную команду иметь командующему над войском генералу»¹⁹⁵. Но

¹⁹³ История отечественного судостроения. Т. 1. С. 154–156.

¹⁹⁴ Там же. С. 165.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 638.

одновременно галеры были обеспечены штатными единицами «искусных людей, знающих навигацию» (штурманов и подштурманов), что, несомненно, повышало жизнеспособность галерного флота в экстремальных условиях, когда он мог рассеяться на маленькие отряды с выделением из них одиночных судов.

Таким образом, галерный флот в еще большей степени, чем корабельный, сохранил определенные Петром I состав и структуру. Изменения в основном коснулись лишь его организации и управления.

Через месяц, 22 мая 1733 г., комиссия подала доношение (утверждено 7 июня)¹⁹⁶, которым все сухопутные силы при флоте, создававшиеся в разное время отдельными командами каждая для своего конкретного случая, сводились в два трехбатальонных пехотных полках. Из них во все места, где необходимы солдаты, выделялись боевые единицы полков разного уровня с соответствующим по штату командным составом, что в известной степени помогло сократить и излишних офицеров, ибо «...из оных корабельного флота состояли ни полками, ни ротами, сколько на каком корабле по великости иметь положено, и от того, когда б случилось собрать и совокупить полк или несколько батальонов, то по надлежащему воинскому порядку оных недостает, а другие излишнее, и главных штабов, которые бы при оных надлежащую воинскую экономию соблюдать и содержать, над оными не учреждено, и тако порядочно содержать их было невозможно...»¹⁹⁷. Предусматривалось, очевидно, что в случае нужды они могут действовать и как сухопутные полки (так как при них, как и при полевых полках, предусматривалось иметь артиллерию, знамена и т. д.). Но основное назначение их было типичным для военных флотов того времени, имевших комплекты солдат для ближних действий на кораблях в морском бою и для обеспечения их поддержки на берегу. Реформа сухопутных флотских частей также была проведена не без стремления к экономии: общее их сокращение составило 13,11%, а изменениям в той или иной мере подверглось более 16% их состава.

Практически тем же стремлением к порядку и строгой организации, отмеченным, очевидно, печатью «административного гения» Остермана, были пронизаны и основные принципы реформы морской артиллерии, намеченные доношением 2 апреля 1734 г.¹⁹⁸ Вся морская артиллерия сводилась в единое подразделение, подчинявшееся единому командованию — корпус морской артиллерии, состоявший из четырех трехротных батальонов (1 бомбардирская и 2 канонирские роты). Уже потом, едиными командами, соответствовавшими разного уровня корпусным структурным подразделени-

¹⁹⁶ ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 35–37.

¹⁹⁷ Там же. Л. 647 об.; ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 37–39.

¹⁹⁸ Там же. Л. 692–696; ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. С. 37–39.

ям, они разводились по кораблям разных рангов, другим судам и портам. При этом в мотивах создания корпуса явственно читались и социально-сословные: «...понеже по прежним регламентам и указам оных чинов состояло число, а наипаче офицеров, не той пропорции, как бы регулярно и порядочно служителей всегда при команде содержать особливо возможно, ибо офицеров большею частию было меньше положено, нежели как нужда требует, отчего и в произведении за малым числом офицерских вакансий многое шляхетство коснели; а наипаче команду невозможно было порядочно содержать...»¹⁹⁹.

Так же, как и в сухопутной артиллерии, создавался штаб корпуса: при общем руководстве в лице обер-цехмейстера находились три советника, руководившие артиллерией в эскадрах. В итоге всего этого артиллерийский личный состав увеличивался примерно на 5%, причем количественное увеличение офицерского состава в ней, всегда требовавшей высококвалифицированных специалистов со знанием специфики дела, каких-то начатков баллистики, высокой сложности принятия решений, наверное, может быть расценено положительно.

Спорным может представляться вопрос об оценке общего принципа, легшего в основу весьма ограниченного реформирования морских сухопутных сил и артиллерии — выделения их в особые воинские подразделения под единым командованием, с делением их на более дробные подразделения, что создавало двойное подчинение (старшему в своем роде войск и корабельному начальству). Однако единство командования по роду войск не только позволяло навести порядок, но и обзирать, ставить и решать профессиональные проблемы в масштабах всего флота в целом, совершенствовать технический уровень и профессиональную подготовку.

С выделением корпуса морской артиллерии реформаторская работа ВМК практически завершилась, если не считать подготовленных ею до конца 1735 г. форм материальной и финансовой отчетности по флоту, так, однако, и не введенных на практике, поскольку не были выработаны штаты жалованья и вещевого довольствия²⁰⁰.

Точную дату окончания работ комиссии определить довольно трудно. Хотя еще в феврале 1737 г. она существовала как учреждение²⁰¹, ее личный состав к тому времени оказался в значительной степени на театре турецкой войны, и в целом работа комиссии не была завершена.

Очевидно, вначале предполагалось, что комиссия завершит работу подведением таких же итогов, что и сухопутная, содержащих и

¹⁹⁹ ПСЗ. Т. 44. Ч. 1. Л. 692.

²⁰⁰ МИРФ. Т. VIII. С. 147, 256–257.

²⁰¹ Там же. С. 281.

подсчеты общей суммы сокращения²⁰². Но работа комиссии постепенно замедлилась: штаты жалованья, вещевого довольствия, обеспечения личного состава провиантом и фуражом, несмотря на подготовительную работу, проведенную Адмиралтейской коллегией²⁰³, так и не были составлены. В связи с этим регулярно недоплачивались значительные суммы на жалованье, и коллегия сама в феврале 1737 г. на основании существовавших до 1732 г. норм расходования вещей, провианта и материалов, а также штатного жалованья, подготовила штат расходов Адмиралтейской коллегии²⁰⁴. Именно он в самой общей форме позволяет оценить итоги работы комиссии. В определенной мере медленность работы комиссии была обусловлена как постепенным снижением остроты проблем для правительственных кругов, так и тем, что сумма снижения оклада в 200 тыс. р. была определена уже с самого начала.

Как мы уже видели, экономия средств была достигнута как за счет принятия менее мощного корабельного состава флота, так и за счет сокращения личного состава, уменьшенного не менее чем на 5,4%. Как показывает штат, составленный в 1737 г. Адмиралтейской коллегией, даже проведенный комиссией объем работы позволил не только покрыть снижение оклада, но и еще больше снизить штатные расходы. Коллегия определяла их в 964,5 тыс. р., планируя остаток в 235,5 тыс. р. до флотского оклада в 1200 тыс. р. тратить на кронштадтское строительство²⁰⁵. Однако, как мы уже видели, большая недоимка по сборам на флот практически лишала коллегию такой возможности.

Планы работы ВМК так же корректировались в реализации на практике, как и планы сухопутной. Но эту корректировку можно проследить только после оценки выполнения ее кораблестроительной программы, попытка которой предпринимается в следующем параграфе.

§ 4. Некоторые итоги развития кораблестроения в царствование Анны Иоанновны и реализация планов Военской морской комиссии 1732–1738 гг.

Боеспособность флота зависит прежде всего от реального числа кораблей в строю, и именно по этому показателю можно оценить его развитие в ту или иную эпоху. Поскольку стартовые позиции в аннинское время были не столь благоприятными, наиболее объективной будет оценка по вводу кораблей в строй. Но возможна она только

²⁰² МИРФ. Т. VIII. С. 276, 281.

²⁰³ Там же. С. 277, 278.

²⁰⁴ Донесение Адмиралтейской коллегии в ВМК от 15 февраля 1737 г. (Там же. С. 275–281).

²⁰⁵ Там же. С. 278–279.

при наличии общих показателей в этой области, достигнутых в предшествующий и последующий периоды, а еще лучше — в общем контексте развития русского кораблестроения в XVIII веке. Возможность для воссоздания его предоставляет изданный Ф. Ф. Веселаго «Список русских военных судов с 1668 по 1860 г.»²⁰⁶. Следует сразу же оговориться, что автором анализировалось строительство только **линейных** кораблей Балтфлота, но поскольку основным объектом анализа было время с 1708 по 1762 г., когда Черноморского флота не существовало, эти показатели объективно характеризуют и развитие флота в целом. Анализ «Списка...» по ряду имеющихся в нем показателей позволил построить таблицы и графики (приложение 10: таблица 18, графики 1 и 2), характеризующие состояние кораблестроения и выполнение кораблестроительных программ. Оно определяется: 1) темпами закладки и строительства судов; 2) средними сроками строительства кораблей (как в общем, так и по рангам), отражающими в конечном счете уровень кораблестроения.

Наблюдения за **сроками закладки** судов определенных рангов, ярче всего характеризующими намерения флотского ведомства, позволили выделить отдельные периоды в истории кораблестроения, определяющиеся кораблестроительными программами; а за сроками ввода судов в строй — реализацию последних. Характеристику кораблестроительного процесса целесообразно начать с петровских программ, ибо уже в них закладывались многие проблемы, которые пришлось в частности решать и в аннинское царствование. Тем более что кораблестроительные программы Петра — практически единственные, подвергшиеся специальному изучению²⁰⁷, позволяющему проверить на частном примере правильность наших построений.

Первый период в истории отечественного кораблестроения — его начальный период — 1708–1714 гг. В это время строились суда самых разных рангов (50, 60, 64, 68, 70, 52, 90 пушек), и в этом строительстве трудно уловить какой-то план и определенную систему. Правда, П. А. Кротов сделал вывод о наличии программы строительства флота в 27 линейных кораблей, включавшей и суда крупных рангов (до 80 пушек), сформировавшейся у Петра еще в 1709–

²⁰⁶ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1760 г. СПб., 1872. С. 8–49.

²⁰⁷ Некрасов Г. А. Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715–1722 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. — М., 1961.; его же: Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. М., 1969; Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1987; его же: Создание линейного флота на Балтике при Петре I // ИЗ. Т. 116. — М., 1988. С. 313–331; его же: История отечественного судостроения. Гл. 9, 11.

1710 гг.²⁰⁸, однако реальная картина свидетельствует, что в последнем звене тогда она вряд ли могла быть реализована. Тогда строились в основном 50–60-пушечные корабли, поскольку в тот момент какая-то значительная программа вряд ли могла быть осуществлена, так как для строительства кораблей более крупных рангов не было ни опыта, ни кораблестроительной базы. По указанным причинам в России по 1714 г. включительно вступили в строй всего 11 кораблей, два из которых погибли (так что в строю на этот период было всего 9 кораблей русской постройки). Это вынудило Петра для скорейшего формирования флота провести закупки кораблей за границей, ограничившиеся тремя годами (1712–1714), когда было куплено сразу 16 кораблей, в основном также 50–54-пушечных (лишь один 60- и один 70-пушечный), а также вести строительство военно-морских судов на Архангельской верфи. На последней в 1713–1715 гг. было построено семь 52-пушечных «архангелов» (корабли назывались исключительно именами архангелов). Закупка кораблей за границей была реализована, очевидно, и благодаря сворачиванию с 1712 г. строительства Азовского флота после поражения под Прутом, высвободившего значительные денежные средства.

Петр вынужден был торопиться, так как после блистательной Полтавы война приняла затяжной характер из-за отсутствия флота, не позволявшего перенести операции на шведские территории Скандинавии. Поэтому купленные корабли составили основное ядро тогдашнего русского флота (15 кораблей из имевшихся в строю 24-х, ибо один купленный корабль был захвачен шведами). Однако даже закупки не обеспечили России паритета с шведским военно-морским флотом, хотя и позволили с 1713 г. открыть для торговли Петербург (впрочем, во время Северной войны петербургскую торговлю так и не удалось утвердить в полной мере²⁰⁹). Вот почему в 1715–1722 гг. начинает реализовываться вторая кораблестроительная программа Петра по созданию более мощного ядра флота в общем штатном числе в 27 линейных кораблей крупных рангов, оформленная в апреле 1715 г.²¹⁰

Кораблестроительный период 1715–1722 гг. в основном связан с реализацией вышеописанной программы Петра I, хотя и несколько раз скорректированной уточненными штатами флотов (помимо штата 27–30 апреля 1715 г. были приняты штаты: 14 октября 1715 г.; 3 октября 1717 г.; 1 мая 1718 г.; 11 июля 1720 г.)²¹¹. Однако в основ-

²⁰⁸ Кротов П.А. Создание.. // ИЗ. 1988. С. 316.

²⁰⁹ Репин Н.Н. Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 174–192.

²¹⁰ Там же. С. 315.

²¹¹ Там же. С. 315–316, 324.

ных чертах она осталась той же и в штате 1720 г. (см. таблицу 15 приложения²¹²): 27 линейных кораблей, в числе которых три 90-пушечных флагманских, предназначавшихся для командующих эскадрами; четыре — 80-пушечных; два — 76-пушечных корабля; 12 — 66-пушечных; 6 — 50-пушечных и 6 фрегатов в 32 пушки. Поскольку 50-пушечные корабли в составе флота уже имелись, основные силы были брошены на строительство тяжелых кораблей.

Осуществление такой масштабной программы строительства кораблей (одновременно в 1717 г. их строилось 11), очевидно, не было обеспечено ни достаточной строительной базой, ни ресурсами, ни материалом. Большое количество кораблей, находившихся одновременно в постройке, вело к распылению сил и средств, к спешке с обеспечением их материалами, приведшей к тому, что корабли строились из сырого леса, и в конечном счете отразилось на затянувшихся сроках их строительства (средний срок строительства заложенных в это время кораблей — 3 года 9 месяцев), а также на их качестве. Плохое качество строительства судов в петровское время было отмечено, как мы видели, и во мнениях флагманов.

Поэтому, несмотря на принятие программы в 1715 г., Россия до 1718 г. имела на Балтике лишь один 70-пушечный корабль «Леферм», купленный в Англии в 1713 г. (В 1717 г. вошел в строй один 70-пушечный корабль; в 1718 — один 70-пушечный и один 90-пушечный, однако на флоте они могли появиться не ранее следующего за их постройкой года, так как они были спущены на воду в ноябре 1717, июне и июле 1718 г., а их нужно было еще провести на понтонах в Кронштадт и вооружить.) Основное ядро тяжелых кораблей вступило в строй в 1719–1721 гг., Это в конечном счете привело к решающему перелому в заключительной стадии Северной войны, позволив обеспечить крупномасштабные операции сухопутных сил на основной территории Швеции, не имевшей теперь возможности содержать эквивалентный России флот. С 1719 г. новые военные суда в Швеции не строились²¹³, и в 1721 г. Швеция вооружила лишь 11 линейных кораблей²¹⁴.

В связи с одновременным строительством большого числа кораблей в 1717 г. новых кораблей не было заложено; в 1718 г. — 2; в 1719 — 3; в 1720 — вновь не заложено, так как в постройке на начало года находилось 10 кораблей. Закладывались в эти годы в основном недостающие до штата 64–66-пушечные корабли.

Кораблестроительный период 1723–1730 гг., пришедшийся на последние годы царствования Петра I и правление ВТС, был самым печальным в истории русского кораблестроения.

²¹² На основе: РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 69 об.

²¹³ Юхт А. И. Государственная деятельность... С. 169–170.

²¹⁴ Кротов П. А. Строительство... С. 15–16.

Флот в начале него находился в зените боеспособности: тяжелые корабли, недавно вошедшие в строй, были все на плаву, если не считать того, что постепенно начинали сходить корабли низшего ранга (50-пушечные, в основном построенные (и частично купленные) до 1715 г. Строительство в этот период в первую очередь предусматривало замену этих кораблей. В этот же период начинает осуществляться на практике и измененный Петром в 1723 г. штат корабельного флота: «...а в 1723 г. по учиненному о препорции кораблей табелю предписанием ЕИВ-ва собственные руки вышеописанная препорция кораблям (т. е. штат 1720 г. — *Н.П.*) отменена, а означено следующих рангов, а именно: кораблей 100, 80, 66, 54-х... а коликое число какого рангу, того не изображено...»²¹⁵. Это выразилось в строительстве 54-пушечных кораблей и закладке в 1723 г. первого 100-пушечного корабля, построенного в 1727 г., каковым был уже упоминавшийся «Петр Первый и Второй». Очевидно, намерение заменить 50-пушечные корабли 54-пушечными появилось у Петра в 1720–1721 гг., так как закладывались они уже в 1721 г.

Однако в целом активность в кораблестроении резко снижается: закладывается не более 1–2 судов в год (см. график 1 приложения 10).

Как мы уже видели, сохранение полностью боеспособным штатного состава флота было возможно при строительстве трех судов в год; следовательно, это обстоятельство не было учтено уже при Петре, что особенно ярко демонстрируют указанные показатели за последние четыре года его царствования, а также и общие данные по всему царствованию Петра: в среднем строилось 2,25 судна в год; закладывалось — 2,35 (таблица 18 приложения 10). Таким образом, небоеспособность значительной части флота, учитывая низкое качество строительства, была запрограммирована уже при Петре.

Почти катастрофическим положение стало после его смерти. В 1726 г. был заложен всего один 54-пушечный корабль, а с 1727 по 1730 г. ни одного корабля вообще не было заложено (график 1), а только входили в строй заложенные при Петре корабли. За пять лет (1726–1730) их было построено всего 6, причем средний срок строительства резко возрос (5 лет и 2 месяца). Ухудшение положения наглядно демонстрируют и другие показатели: среднее число построенных кораблей — 1,2 в год; заложенных — 0,4. Очевидно, что столь медленные темпы закладки и строительства судов объяснялись как 1) недооценкой перспективы замены судов, объяснявшейся довольно удовлетворительным состоянием новопостроенного флота (тем, что его основное ядро было построено за короткий срок и было достаточно свежим), и 2) тем, что практика одновременного строительства большого количества судов в силу распыления средств и нехватки людей и леса доказала свою неэффективность;

так и (главным образом) 3) виной конкретного руководства флота (прежде всего Ф. М. Апраксина, а после его смерти — в основном Сиверса), поскольку строительство кораблей производилось за счет общей суммы, положенной на флот, и, по логике вещей, не требовало никаких дополнительных ассигнований и указаний со стороны правительства (хотя вина, конечно, лежит и на Верховном тайном совете, совершенно упустившем проблемы флота). Бездействие флотских властей вряд ли оправдывается даже большой недоимкой до флотского оклада в 1,4 млн. р.

Однако сама значительность этой недоимки и нереальность получения такого флотского оклада, а также особенности процесса кораблестроения при Петре I и его недостатки, слабость строительной и ремонтной базы, усугубляемая ограниченностью запасов леса, позволяют говорить о том, что флотское руководство могло бы лишь улучшить положение. Но оно вряд ли смогло бы обеспечить сохранение полной боеспособности петровского штата кораблей, в условиях России того времени скорее всего просто нереального, так как он не обеспечивался ни материальными, ни финансовыми возможностями страны, что еще раз свидетельствует об обоснованности решений ВМК в 1732 г. Так, например, справки Адмиралтейской коллегии ставили под сомнение обеспеченность лесами даже гораздо более умеренной программы строительства, определенной штатом 1732 г.: «...леса весьма вывелись и для того приискиваются годные от Казани по реке Суре на 800 верстах, и там дерево от дерева по полуверсте, по версте; а нужнейшие и по пять верст и более дерево от дерева, а от пристаней многие, и паче принципиальные, находятся от 50 до 80 и до 150 верст, откуда в привозе к рекам великая трудность... И по той трудности и дальности невозможно и на один корабль лесов изготовить меньше трех лет...»²¹⁶.

Кораблестроительный период 1731–1740 гг. так же как и предыдущие, далеко не однороден, поскольку на начало его пришелся целый клубок проблем, оставленных предыдущим периодом развития русского кораблестроения.

Первый импульс к развертыванию строительства кораблей был дан уже в начале царствования: после упоминавшихся уже указов 21 июля 1730 г.²¹⁷ и 15 декабря 1731 г.²¹⁸ в январе 1731 г. был заложен первый 66-пушечный корабль «Слава России», и еще два корабля — в феврале и мае 1732 г.

Однако закладка последнего из этих трех кораблей была уже началом реализации новой кораблестроительной программы, определенной предложенным ВМК новым штатом флота в апреле

²¹⁶ МИРФ. Т. VIII. С. 323.

²¹⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5592.

²¹⁸ Там же. № 5908.

1732 г. В дальнейшем ее ходе можно отметить два всплеска: первый пик строительства кораблей приходится на 1734–1735 гг., когда закладывалось 3–4 судна в год; второй, связанный с угрозой русско-шведской войны, а также с завершением русско-турецкой войны, получением А. И. Остерманом звания генерал-адмирала и поручением ему руководства флотом — на 1739–1741 гг. (см. график 1). Спад и даже перерыв в закладке судов падает на годы русско-турецкой войны, когда в 1736–1738 гг. было заложено всего два судна, поскольку в это время велось усиленное строительство Днепровской и Азовской флотилий.

Таким образом, реальные результаты правительственной политики в отношении флота надо оценивать в это царствование с того периода, когда она начала активно проявляться, то есть с реализации программы ВМК (по крайней мере, с 1733 г.). Но и без этого видно (таблица 18 приложения 10), что кораблестроение в сравнении с царствованиями Елизаветы и Петра не выделялось резко в худшую сторону: в среднем за все царствование строилось 1,6 корабля в год, а если мы учтем период с 1733 по 1740 г. (даже не исключая период турецкой войны и строительства судов на Дону и Днепре, поглощавшего значительные силы и средства) — то 2,11 корабля в год, что уже близко к коэффициенту нормального возобновления флота. Собственно, кораблестроительная программа была даже интенсивнее, чем при Елизавете, так как закладывались по 2 корабля в год против 1,57. При Екатерине II с 1763 по 1782 г. было построено 44 судна, то есть по 2,2 судна в год — следовательно, царствование Анны Иоанновны не представляет собой какой-то аномалии, когда негативное отношение к флоту вело к большему его упадку, чем в другие. Ведь даже при Екатерине и Елизавете строительство судов не приближилось к показателю, достаточному для нормального возобновления флота до полной боеготовности штата (очевидно, русский флот так никогда и не имел его, если только не произошло резкого улучшения качества кораблей), несмотря на то что и строительная, и ремонтная база флота не идут ни в какое сравнение с тем, что было после Петра.

В связи с последним следует отметить, что аннинское царствование сыграло громадную роль в развитии строительной базы и в обеспечении дальнейших перспектив развития русского флота. Именно тогда была создана Архангельская военно-морская верфь — вторая основная строительная база флота, очень быстро прогрессирующая, как показывает ее история в XVIII в.

Открытая в 1734 г., вначале она задумывалась как база для строительства судов низших рангов, преимущественно 54-пушечных. И, хотя и продолжала сохранять эту особенность до конца столетия, уже в 1737 г. на ней был заложен первый 66-пушечный корабль, а с 1783 г., когда в Петербурге начала осуществляться

программа строительства 100-пушечных судов, на ней перешли к строительству 74-пушечных кораблей (ранг, определенный при Екатерине II).

Ее роль определилась уже при Анне и Елизавете, что видно из общей картины кораблестроения с распределением построенных судов по верфям:

	Петербург					Архангельск				
ранг судов	54	66	80	100	всего	54	66	80	100	всего
1. Анна	2	6	—	1	9	7	3	—	—	10
2. Елисавета	—	4	8	2	14	6	19	—	—	25

Таким образом, уже в царствование Анны Иоанновны в Архангельске было построено 52,6% всех судов, несмотря на то что строительство началось с 1734 г., а в царствование Елисаветы — 64,1%. Общая же картина строительства судов по верфям с 1731 по 1799 г. может быть представлена следующим образом (по заложенным судам):

	Петербург (с Кронштадтом)							Архангельск					
ранги	54	66	74	78	80	100	всего	54	66	74	80	100	всего
кол-во	2	19	10	1	10	13	55	14	67	20	—	—	101

Построено же к 1799 г. в Петербурге было 50 судов (3 из заложенных вошли в строй в следующем столетии, 2 — разобраны на стапеле), следовательно, в Архангельске до конца столетия было построено 66,9% кораблей Балтфлота²¹⁹. Таким образом, как мы видим, только перспектива открывает истинное значение решения ВМК об открытии Архангельской верфи: создание ее давало возможность быстро и оперативно в случае нужды развернуть строительство большого количества кораблей, используя при этом местную лиственницу и сэкономив достаточно ограниченные ресурсы корабельного дуба в России. Возможно даже, что без обращения к архангельской лиственнице выполнение кораблестроительных программ и вообще стало бы довольно проблематичным.

Архангельская верфь стала фактически основной базой для строительства русского флота, на которой было построено свыше 2/3 кораблей для Балтики. Наличие в большом количестве квалифицированной рабочей силы (плотники-поморы); меньшие сроки и более благоприятные условия транспортировки леса; лучшая ее организация, обусловленная контрактами с мирами черносошных крестьян и тем обстоятельством, что в это время здесь были квалифицированные ре-

²¹⁹ Подсчеты автора не учитывают строительство на Черноморских верфях, но кораблестроение там развивалось в основном с 1870-х гг.

суды, ранее ориентированные на транспортировку товаров к Архангельскому порту, закрытому в 1722 г. и так и не возобновившему своих оборотов в начале 30-х гг. после открытия, — все это привело к снижению стоимости и сроков строительства кораблей по сравнению с Петербургом.

График 2 и таблица 10 показывают, что в аннинское царствование произошло и общее снижение *почти вдвое* средних сроков строительства кораблей, приблизившихся к оптимальным. И его нельзя объяснить только тем, что по штату 1732 г. строились в основном 66-пушечные суда, не требовавшие, естественно, столь длительного времени для строительства, как петровские 80–90-пушечные. Об этом свидетельствует и таблица, обобщающая средние сроки строительства судов по рангам:

период	50–60 пушек	64–70 пушек	свыше 70 (80–100)
1. 1708–1722	1 г. 9,6 мес.	3 г. 7,2 мес.	4 г. 2 мес.
2. 1723–1730	4 г. 5,5 мес.	8 л. 3 мес.	4 г.
3. 1731–1740	1 г. 3,3 мес.	1 г. 5 мес.	4 г. 1 мес.*
4. 1741–1761	1 г. 1,1 мес.	1 г. 2,3 мес.	2 г. 3,4 мес.

* Строки по этой графе в правление ВТС и царствование Анны Иоанновны даны по строительству единственных 100-пушечных кораблей, требовавшему все-таки большего времени, чем 80–90-пушечные суда.

Очевидно, снижение сроков строительства судов было вызвано более рациональной структурой управления и организации работ, а также снятием излишней нагрузки с Петербургской верфи и передачей части ее Архангельской, равно как и ограничением числа судов, одновременно находящихся в постройке.

К сожалению, оно не повлияло на реализацию задуманной комиссией программы: 80-пушечные суда в царствование Анны Иоанновны не строились, и, таким образом, оказались вымытыми из состава русского флота. Высшим его рангом в силу этого фактически оказались 66-пушечные суда.

Кораблестроение для Балтики не ограничивалось только Петербургом и Архангельской верфями — более мелкие суда (не относящиеся к линейному корабельному флоту флейты и шмаки) строились и на Олонецких и Лодейнопольских верфях²²⁰ — «прародительницах» Балтийского флота, имевших теперь вспомогательное значение.

В ходе царствования Анны Иоанновны произошла и смена поколений корабельных мастеров: работавшие при Петре I и в начале

²²⁰ История отечественного судостроения... Т. 1. С. 187.

1730-х гг. Най, Козенц, Браун и Брант были сменены в основном русскими (Окунев, Батаков, Качалов, Щербачев). В аннинское царствование предпринимались и попытки использовать опыт иных школ кораблестроения, отличных от господствовавшей в русском флоте с начала XVIII в. английской: «французский манир» проник не только в строительство галер — возвратившиеся после обучения во Франции мастера-кораблестроители Г. Окунев и И. Рамбург по сдаче экзамена в Адмиралтейской коллегии заложили в декабре 1731 г. фрегат «Митау» по французской технологии²²¹. Однако английская кораблестроительная школа оставалась господствующей и сохранялась в практике кораблестроения, закрепившей традиции, окончательно определившиеся в последние годы Петра I — 50 из 56 66-пушечных кораблей, заложенных в период с 1731 по 1771 г., «строго соответствовали петровской пропорции 1723 г., а остальные лишь незначительно отличались своими размерениями»²²².

Царствование Елизаветы характеризуют **пятый и шестой кораблестроительные периоды (1741–1750; 1751–1760)**, начинающиеся обычно с известного спада в кораблестроении в начале и знаменующиеся подъемом в конце, отмечающим, как правило, очередную кораблестроительную программу. Десятилетний срок, отделяющий ее от предыдущей, наводит на мысль, что необходимость принятия ее во многом определялась завершением срока службы очередного поколения судов, а не какими-то стратегическими планами.

Первый выделенный период вообще очень схож с предыдущим царствованием. Очевидно, спад в закладке судов в начале его был вызван как сохранением старого руководства Адмиралтейством (до 1743 г. его главой был Н. Ф. Головин), так и иллюзией относительного благополучия во флоте, вызванной вводом в строй в 1742–1743 гг. по три судна последней кораблестроительной программы аннинского времени. Завершение 10-летнего цикла службы судов, заложенных в первый пик строительства при Анне Иоанновне, вызвало необходимость ускоренного строительства: в 1745 г. было заложено 2; в 1746 — 1; 1747 — 3; 1748 — 3; 1749 — 2 судна (см. график 1). В среднем за этот срок закладывалось по 2,2 судна в год, что даже меньше, чем с 1732 по 1741 г. при Анне и Иоанне Антоновиче (тогда — 2,3); в строй, кроме 100-пушечного корабля, заменившего построенный в 1737 г. 100-пушечник «Императрица Анна», вошел лишь один 80-пушечный корабль, заложенный еще в 1741 г. Таким образом, ни по темпам строительства, ни по рангам построенных кораблей этот период ничем не отличается от аннинского царствования.

Только самый конец царствования Елизаветы отмечен после 1754 г. новым всплеском строительства судов (связанным, очевид-

²²¹ История отечественного судостроения... Т. 1. С. 181.

²²² Там же. С. 426.

но, с Семилетней войной). Он отметил более интенсивную и осмысленную программу строительства кораблей, включившую наконец-то и 80-пушечные суда. За 6 лет, с 1755 по 1760 г., на которые пришелся период интенсивной закладки кораблей, было заложено 15 судов, в том числе и шесть 80-пушечных, то есть в среднем по 2,5 корабля в год.

§ 5. Проблемы развития флота в конце царствования Анны Иоанновны

Хотя развитие кораблестроения в аннинское время и не отличалось особенно в худшую сторону и даже повело к весьма существенным сдвигам в сроках строительства судов, кораблестроительная программа 1732 г. была выполнена лишь частично. Причиной этому были как напряженность флотского бюджета, вызванная значительной недоимкой (недополучение средств по флотскому окладу почти в 9% даже после его уменьшения было немалой величиной в почти 110 тыс. р., что как раз составляло стоимость строительства 66-пушечного корабля), так, очевидно, и отмеченное историками флота неудовлетворительное руководство флотом Н. Ф. Головина²²³.

В связи с последним следует отметить, однако, что указанными авторами все-таки было недооценено участие России в русско-турецкой войне и его влияние на состояние русского флота.

Эффект от деятельности Военной морской комиссии, особенно ощутимый в 1733–1735 гг., был быстро исчерпан. И основной причиной этого стала именно русско-турецкая война, вынудившая резко ограничить программу строительства линейных кораблей и сосредоточить усилия на постройке Донской и Днепровской флотилий. Следствием стал заметный к концу царствования новый упадок линейного корабельного балтийского флота.

Однако причиной его стал не Головин, а фельдмаршал Миних. Именно он добился переброски основных флотских сил и кадров мастеровых на театр русско-турецкой войны в Днепровскую и Донскую флотилии. Но отсутствие у военного руководства (и прежде всего — именно у Миниха) продуманной военно-морской стратегии на Черном и Азовском морях и четкого понимания функций флота в этой войне закончилось плачевно. Минихом не были приняты во внимание и природно-географические особенности театра военных действий в русско-турецких войнах: строительство флота велось на реках в значительном отдалении от побережья Азовского и Черного морей, и качественные его параметры во многом диктовались состоянием и

²²³ Веселаго Ф. Ф. Краткий очерк... С. 95–96, 99; Морской сборник. 1872. № 8. С. 99.

глубиной их русел (что уже само по себе ограничивало флот сравнительно небольшими судами, неспособными действовать на море, особенно против корабельного флота, которым располагала Турция). Существовали и «ограничительные» факторы, связанные с конкретными особенностями двух основных рек Азово-Черноморского бассейна: ранги и размер судов Днепровской флотилии лимитировались днепровскими порогами, а Донской — характеристиками песчаной отмели (бара) в устье Дона при впадении его в мелководное Азовское море, небольшие глубины которого существенно затрудняли вывод в море даже построенных на Дону и сплавленных к Азову судов. Все это в полной мере сказалось на эффективности боевого использования обеих флотилий на фронтах русско-турецкой войны.

Действия Донской флотилии при армии Ласси были еще вполне оправданы той помощью, которую моряки под командованием вице-адмирала Питера Бредалья оказали сухопутным войскам при взятии Азова и в походах в Крым и на Кубань. Уже при осаде Азова прамы (плавучие артиллерийские батареи) из флотилии Бредалья сыграли весьма заметную роль в бомбардировке азовских укреплений со стороны реки.

Но на море флотилия не представляла никакой реальной силы в сравнении с турецким флотом, так как не обладала кораблями, и даже имевшиеся в ней галеры никак не удавалось вывести в Азовское море через песчаный бар в устье Дона. Как констатировал в одном из своих донесений фельдмаршал Ласси, все сделанные в 1737 г. попытки были безуспешны даже в период высокой весенней воды в Доне: «Вице-адмирал Бредаль о выводе в море галер как до прибытия, так и по прибытии моем сюда всячески старался, и для пробы послана была без грузу одна галера з довольными людьми, токмо и оной, много трудясь, за мелкостью воды провесть не смогли; и как здешние казаки объявляют, что из них такой малой воды ретко кто помнит...»²²⁴. Поэтому основу Донской флотилии, реально действовавшей на море, составляли дубель-шлюпки с сравнительно невысокой мореходностью, терпевшие большой урон от штормов при переходах по Азовскому морю, ибо высокий рельеф его берегов по «крымской стороне» часто не позволял укрыться от непогоды. В итоге максимально эффективной она оказалась во время Крымской экспедиции П. П. Ласси в 1737 г., позволив транспортировать по морю значительную часть войск и провианта для сухопутной армии Ласси, и даже оказав достойное сопротивление турецкому флоту огнем батарей, составленных из выгруженных с флотилии на берег пушек. В походе 1738 г. боевое применение флотилии было уже менее эффективным; кроме того, она понесла огромные потери от летних штормов.

²²⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17 а. Л. 171.

Днепровская флотилия оказалась неспособной принести даже такую пользу — и прежде всего потому, что с самого начала не нашла себе четкого и осмысленного места в стратегии ведения войны.

Очевидно, Миних (неоднократно делавший серьезные ошибки в планировании сухопутных «степных» кампаний) вообще не имел ясного представления о стратегических и тактических задачах и возможностях флота на этом участке театра военных действий.

Днепровская флотилия наспех строилась из сырого и рубленного не вовремя леса в окрестностях Брянска. Она включала, как и Донская, преимущественно малые — вспомогательные транспортные и в основном речные суда (дубель-шлюпки). Входившие в ее состав прамы и галеры не удавалось провести через днепровские пороги, но даже и малые суда с трудом проходили через них. Но эти суда могли выполнять в основном лишь транспортные функции на реке — они совсем не были приспособлены к плаванию на бурном и глубоководном Черном море, так как даже на Азовском несли в непогоду большие потери. Миних же, очевидно, планировал использовать их в морской кампании, ставя перед флотилией изначально невыполнимую задачу.

Второй проблемой оказалось отсутствие надежной гавани — захваченный в 1737 г. Очаков был неудобен и мал даже для таких судов. Об этом достаточно недвусмысленно сообщал в донесении от 27 сентября 1737 г. перебазировавшийся в Очаков с сравнительно небольшим числом судов контр-адмирал В. А. Дмитриев-Мамонов: «И когда протчие суда при Очакове долговременно будут стоять на якорях, то опасно и всем оным нещастия, понеже погоды жестокие так, что и якоря не держат — бросает на мель. А тамо никаким судам не токмо гавенов — и никаких прикрытий от погод и льду нет»²²⁵. Дмитриев-Мамонов высказывал обоснованные опасения, что если придут от порогов все наличные 440 лодок, а также галеры и прамы, то их просто некуда будет поставить, и неприятель может легко сжечь их в гавани, а для вытаскивания на берег просто нет необходимого числа людей и материалов²²⁶. Оборудование же совершенно неприспособленной при турках гавани требовало больших материальных и людских ресурсов, а без этого было просто опасно перебрасывать туда наличный состав флотилии, не имевший даже минимальных условий для базирования судов и тем паче зимнего квартирования людей. Однако Миних торопил с перебазированием флотилии в Очаков, не останавливаясь перед масштабными лесозаготовками (истощавшими скудные ресурсы и без того разоренной войной Украины), вероятно, так толком и не представляя себе при этом ее роли в дальнейших военных операциях.

²²⁵ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 7. Л. 136 об.

²²⁶ Там же. Л. 138.

Результатом стала бесполезная гибель большей части личного состава флотилии и значительной части адмиралтейских мастеровых во время чумы 1738 г. — как в очаковской бухте, так и в последующем карантине в районе порогов, куда флотилия была отведена после оставления русскими войсками Очакова.

Последствия этого «отсутствия стратегии» рельефно и кратко охарактеризовал в свое время даже симпатизировавший Миниху Манштейн: «Русские извлекли весьма мало выгоды из этого нового флота. Он пригодился только в одном случае: по взятии Очакова на нем привозили припасы для русского там гарнизона. Но ни один офицер не соглашался употребить эти суда в Черном море. Через этот флот Россия лишилась почти всех своих старых матросов и многих хороших флотских офицеров из иностранцев»²²⁷.

О том, что это далеко не голословные обвинения, свидетельствует и донесение Адмиралтейской коллегии о состоянии флота от 18 мая 1739 г.²²⁸

Согласно ему, Адмиралтейство почти лишилось квалифицированных кораблестроителей («...люди мастеровые разных художеств в Днепровскому и Донскую экспедиции без остатку командрованы, и, по-видимому, там и останутся...»²²⁹). Вероятно, именно поэтому кораблестроение в годы войны фактически переместилось в Архангельск: 8 из 10 линейных кораблей, заложенных в 1735–1740 гг., строились в Архангельске. Из 10 314 командированных на театр русско-турецкой войны морских служителей уже к весне 1739 г. погибло или бежало более трети — 3522 чел. (34,15%). При этом большие потери понесла фактически не участвовавшая в боевых действиях Днепровская флотилия — 2107 чел. из 5676 (37,1%), тогда как в Донской выбыло 30,5% (1415 из 4638).

При этом в донесении именно о погибших в Днепровской экспедиции отмечалось: «...те служители не от опасной болезни померли, но более от беспокойства, понеже для жилья казарм не зделано, а жили чрез целую зиму в землянках, також в пустых местах, и от недовольства провианта...»²³⁰.

Нельзя сказать, что руководство флотилии не пыталось бороться с проблемами. Сменивший Н. А. Сенявина и тоже умерший позднее от чумы контр-адмирал В. А. Дмитриев-Мамонов отдал было распоряжение выдавать матросам бесполезно гниющий под дождями на берегу морской провиант из расчета половинной дневной его порции. Но выдачи, производившиеся с января по июнь 1739 г., прекратились после сделанного 1 июня распоряжения Миниха вычи-

²²⁷ Манштейн Х. Г. Записки... С. 106.

²²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 842–846.

²²⁹ Там же. Л. 845.

²³⁰ Там же. Л. 845 об.

тать у них из жалования стоимость этого провианта, существенно превышавшую размеры самого жалования²³¹.

Результат снова не замедлил сказаться. К августу 1739 г. из оставшихся под началом нового командира Днепровской флотилии контр-адмирала Якова Савича Барша (Баржа у В. Н. Берха²³²) 1303 морских служителей 562 чел. (43%) были больны²³³. Они занимались при этом непосильной и почти совершенно бесполезной работой по починке и поддержанию на плаву разбросанных по 12 пунктам 683 безнадежно рассыхающихся из-за некачественной постройки из сырого леса судов. 192 судна (почти четверть всех 875, находившихся в годы войны в списочном составе флотилии) к этому времени уже затонуло²³⁴.

Но и тогда Миних не оставлял надежд на использование флотилии в морских походах вдоль побережья.

Однако предпринятая в 1739 г. морская военная экспедиция в Аккерман («Белгород») закончилась закономерной неудачей. С трудом отобранные для похода еще держащиеся на плаву суда с десантом на них, едва выйдя после 24 августа в Очаковский лиман, попали в сильный шторм и из-за сильных течей вынуждены были повернуть обратно («...едва водою из них выливатца могли, и помочило... немалое число провианта и патронов, и видя... великую в судах ветхость, что далее в надлежащей путь при обстоящих штурмах идти весьма опасно, возвратились назад...»)²³⁵. Тщетность надежд на эффективное использование судов подобного типа в морских операциях подтвердила и очередная кампания на куда менее опасном Азовском море. Лодочная флотилия выполняла там очень заметную (хотя в конечном итоге и вспомогательную) роль в обеспечении сухопутной экспедиции, направленной на завоевание части побережья Кубани. Она попала в жестокие осенние шторма чуть позднее (в середине сентября 1739 г.) и потеряла в них четверть своего судового состава (31 из вышедших в плавание 123 судов)²³⁶. Гибель на них значительной части артиллерийских припасов в немалой степени способствовала и общему неудачному исходу Кубанской экспедиции 1739 года.

Днепровская же флотилия просто агонизировала — ее бедственное состояние убедительнейше обрисовал в огромном донесении от 25 августа 1739 г. ее новый командир Я. Барш²³⁷: «...Оная флоти-

231 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739. Д. 17. Л. 342 об.-343.

232 *Берх В. Н.* Жизнеописания... Ч. 3. С. 280–291.

233 РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739. Д. 17. Л. 355–356 (ведомость о наличных людях).

234 Там же. Л. 353–354 (ведомость о наличных судах).

235 Там же. Л. 372–373 об.

236 Там же. Л. 399 об.- 400; 429–об.

237 Там же. Л. 331–344 об.

лия в немалом числе судов состоит, точию для самых нужнейших случаев, яко то есть для атаки неприятельских эскадр или каких при море лежащих крепостей весьма безнадежна...»²³⁸. Перечисляя далее как пришедшие в негодность практически все категории судов (к тому же в большинстве своем изначально не подходящие по своим параметрам и характеристикам к театру военных действий), командир флотилии обратил внимание и на еще одну серьезную проблему — полное отсутствие мест для базирования флотилии после оставления Очакова:

«Что же о неудобности реки Днепра <...> сим покорно имею донести: во-первых, форватеров постоянно не имеет, и ежегодно от сильного своего течения переменяет, и в летнее время весьма мелководна остается, не более как во многих местах воды на четыре фута и меньше, где во время плавания на низ и ходу вверх весьма многие бедства наносятся, понеже еще ко оному мелководству преумножение карч, а выше Сечи подводного камня; и одним словом сказать — самые неудобные места. Что же бы сделать где гавень к содержанию флотилии и при гавене для починок надлежащие элengi, того чрез весь Днепр от порогов и даже до Очакова удобного места нет, как чрез многих искусных офицеров нарочно посланных не нашлось, также и в мое неоднократное плавание не усмотрено. И самая крайняя нужда привлекла за удобнеее принять Хортицкой остров в той мере, что не потопляет его полая вода, к тому ж поблизости к порогам, и при том же Хортицком острове и судам расположитца в зимовании и в летнее время пред другими местами пространнее можно. Токмо всякую осень и весною, также и весною опасность иметь должно от идущего сильного льда, ибо закрытия никакого не имеетца, и может иногда суды вредить; и на нем же по осмотру афицеров и по осмотру подмастерья и тимермана эленгов сделать на никаких местах неудобно за прибылой водой, а высоких мест разрывать невозможно, понеже каменные берега. И уже для такой неудобности и починку производить за крайнюю нужду надлежит, разве таким образом: настав на низкие места бруссы и досок и таскать на оные из воды суда на берег и починивать...»²³⁹. Рассредоточение же флотилии по нескольким местам базирования, по мнению Барша, только усугубляло ее проблемы и делало сохранение оставшихся судов при крайне недостаточном наличном составе моряков попросту почти невозможным.

Все это настоятельнейшим образом ставило вопрос о дальнейшей необходимости существования флотилии.

Однако Миних, занятый боевыми действиями в Молдавии, не торопился принимать назревшее решение.

²³⁸ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739. Д. 17. Л. 331.

²³⁹ Там же. Л. 334–335.

Агонию совершенно небоеспособной и бесполезной теперь флотилии решил прекратить только фельдмаршал П. П. Ласси, принявший командование над войсками в этом районе после своего возвращения к Днепру от Перекопа. Он посоветовал просто ликвидировать флотилию, не имеющую мест базирования, еле держащуюся на воде и невозвратимую уже через пороги. Он отстаивал эту точку зрения и в донесении от 17 декабря 1739 г.: «...в содержании оной Днепровской флотилии негодных судов только происходит одно людям изнурение, а интересной пользы в таких негодных судах, хотя б и военное время еще было, не разсуждается, ибо как прошедшего лета оказалось, что некоторые из них и полутчее других оказались, но и в тех по отправлении к стороне Бела Града никакой за ветхостию их пользы не последовало, и в отправлении потребных ис той флотилии припасов и материалов за вышеписанными резоны только один напрасной убыток следовать может...»²⁴⁰.

* * *

Последствия отвлечения сил на театр русско-турецкой войны для балтийского флота были поистине плачевными. Корабельный флот был обескровлен.

Как свидетельствует то же донесение Адмиралтейской коллегии от 18 мая 1739 г., «...здесь (в Петербурге и Кронштадте. — Н.П.) налицо имеется матросов 3717 чел., в том числе старых осталось 1824 чел., а прочие из рекрут, которых за неимением случая к науке и в вояжи для обучения морской экзерциции и практики употреблять негде, ибо ни в какие моря ВИВ-ва военные корабли ныне не посылаются и не ходят, а в здешнем Балтийском море обучить... невозможно...»²⁴¹.

Не меньшие проблемы возникли и с руководящим составом флота.

Во флоте в аннинское царствование, очевидно, не наблюдалось сколь-нибудь существенного притока иностранцев. Русскому флоту это было просто не по карману, к тому же имелись и собственные кадры офицерского резерва, а фиксируемые с 1734 г. попытки нанять за границей опытных, принимавших участие в боевых действиях флагманов²⁴², так и не увенчались успехом. 29 октября 1734 г. А. Головкин доносил из Голландии, что годных кандидатур там нет: «...от нескольких лет сильного вооружения морского в республике не бывало, и потому никакого повышения в чинах морским офицерам не было, и следовательно, во флагманах здесь великое оскудение...»²⁴³; в ноябре А. Кантемир доносил из Лондона,

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1739. Д. 17. Л. 496 об.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 846.

²⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 765.

²⁴³ Там же.

что там надежной кандидатуры нет²⁴⁴, и только в конце царствования был принят в службу контр-адмирал Христофор О'Брайан. Вероятно, и отмеченная Д. Деном петровская практика, направленная на удержание иностранных моряков через затруднение их отставок, а также значительно ухудшившееся с падением вдвое за годы петровских реформ стоимости рубля их реальное материальное содержание²⁴⁵ действительно создали препятствия для привлечения во флот талантливых моряков.

Попытки нанять флагманов были вызваны значительным уроном, который понес долго не обновлявшийся состав флота в царствование Анны: выбыли почти все, подававшие мнения в 1732 г. (девять флагманов). В 1732 г. был отстранен от дел Сиверс; в том же году умерли Вильстер и лорд Дуффус; в 1733 г. — И. М. Головин и Томас Сандерс; в 1735 г. — Матвей Змаевич и Мартин Госслер; в 1738 г. умер от чумы на турецком театре военных действий Н. А. Сенявин, в 1739 — В. А. Дмитриев-Мамонов. Таким образом, еще в ходе работы комиссии корабельный флот лишился по меньшей мере пяти опытных флагманов, имевших боевую практику.

«Кадровая проблема» в верхнем этаже руководства флота окончательно «дозрела» в годы русско-турецкой войны (причем талантливые русские адмиралы Н. А. Сенявин и В. А. Дмитриев-Мамонов погибли от чумы именно в Днепровской флотилии). Кроме того, казалось и физическое старение оставшихся еще с петровского времени флагманов. Оно, очевидно, проявилось и в инциденте, произошедшем в накаленные ожиданиями войны со Швецией лето 1739 г., когда Кронштадт был поднят по тревоге, ибо обыватели приняли один из кораблей за приближающийся шведский флот. Следствием было установлено, что виновником «военной тревоги» был фактически не разобравшийся в обстановке адмирал Томас Гордон, освобожденный от всякого взыскания по причине старости и долговременной службы²⁴⁶. Вместе с тем, должной замены «петровскому поколению» в полной мере не было, так как линейный корабельный флот России уже более полутора десятиков лет не участвовал в боевых операциях — вероятно, именно мотив вливания «свежей крови» в руководство флота и объяснял попытки вербовки иностранцев в состав русских флагманов. Но, как мы видели, они закончились неудачей, хотя В. Н. Берх и оценивал позднее Х. О'Брайана как достаточно опытного и квалифицированного моряка, к сожалению, весьма недолго прослужившего в русском флоте (в 1741 г., по окончании срока контракта, он покинул Россию)²⁴⁷.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 770–771.

²⁴⁵ Ден Д. Указ. соч. С. 115–116.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 483–485, 547.

²⁴⁷ Берх В. Н. Жизнеописания... Ч. 2. С. 193–197.

Но флотские беды не ограничивались только кадровыми потерями — не менее серьезные проблемы возникали и с материально-технической частью флота.

После всплеска 1733–1735 гг., вызванного решениями ВМК, почти полностью прекратилось строительство и закладка новых линейных кораблей: за три года (1736–1738 гг.) было заложено всего два корабля. Строительство доков и других сооружений кронштадтской базы флота, намеченное окончанием на 1737 г., из-за недофинансирования (за период 1732–1736 гг. из затребованной на достройку канала и доков суммы в 1 230 458 р. 66 коп. было получено 353 575 р., то есть 28,74% требуемых средств²⁴⁸) и дефицита рабочей силы было далеко не завершено. Недостающих мастеровых Адмиралтейская коллегия предлагала набрать, как и в петровское царствование, из монастырей и архиерейских домов²⁴⁹.

Таким образом, корабельный флот на Балтике весной 1739 г., накануне весьма вероятной русско-шведской войны, был почти небоеспособен (прежде всего по причине дефицита опытных моряков) и настоятельно требовал экстраординарных мер для приведения его в боевую готовность.

* * *

Это, вероятно, тоже было использовано в интриге против Н. Ф. Головина и способствовало скорейшему завершению начатой весной 1738 г. ревизии флотских финансов.

Но дело было не только в антиголовинской интриге — назревавшая война со Швецией требовала принятия неотложных мер. Поэтому почти одновременно с завершением финансовой ревизии 17 июня 1739 г. было принято решение и о ревизии общего состояния корабельного флота и Кронштадского порта. Для этого была образована особая комиссия из сенатского обер-прокурора Ф. И. Соимонова, капитан-командора Н. Вильбоа и капитана над портом Калмыкова²⁵⁰.

Составленные ею к 8 июля 1739 г. ведомости²⁵¹ дали наконец правительству реальную картину состояния корабельного флота.

Полностью боеспособными считались 16 линейных кораблей (15 на Балтике и заложенный в разгар русско-турецкой войны первый 66-пушечный корабль, построенный (вероятно, в связи с нехваткой квалифицированных мастеров на петербургских верфях) в Архангельске). Еще 5 судов были ограниченно боеспособными, и 15 кораблей уже полностью выбыли из строя.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 362 об.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 845.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 622.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 266–279 об.

Это позволяет оценить общие итоги аннинской политики по отношению к флоту.

Во-первых, даже несмотря на срыв намеченной ВМК кораблестроительной программы, в аннинское царствование был все-таки достигнут определенный прогресс. Если по данным на конец 1731 г. были способны выйти в море лишь 13 линейных кораблей (8 — полностью боеспособных и 5 — в ближнее плавание), то есть 48% штатного числа в 27 кораблей²⁵², то на конец 1739 г. — уже 16 линейных кораблей (то есть 59,3%, или почти 2/3 штата флота) были *полностью* боеспособны (тогда как в 1731 г. — менее 1/3 (29,63%)).

Вместе с тем, эти же ведомости говорят и о том, что предназначенные ВМК на слом петровские корабли (скорее всего, по причине той же нехватки рабочей силы) разбирались крайне медленно, изрядно захлавив требовавшую чистки и углубления Кронштадтскую гавань. Поэтому ставший уже генерал-кригс-комиссаром Соймонов и генерал-майор Люберас планировали чистку гавани (вероятно, не ранее осени 1739 г.). Освобождение гавани должно было сопровождаться затоплением на подступах к ней корпусов отслуживших свой срок судов²⁵³. Предложения Любераса и Соймонова были утверждены в разгар следствия над Волынским 30 апреля 1740 г.²⁵⁴

К осени 1739 г. было, вероятно, осуществлено и пополнение рекрутами личного состава флота — по данным ведомости 27 октября 1739 г. личный состав корабельного и галерного флотов был укомплектован на 86% (наличествовало 14 840 от штатного числа в 17 225 чел.). Однако значительная его часть — 4217 чел. (почти треть (28,4%) от наличного и почти четверть (24,5%) от штатного) была по-прежнему откомандирована в Днепровскую, Донскую и Камчатскую экспедиции, а в Петербурге и Кронштадте находилось 8535 чел.²⁵⁵ Следовательно, основные базы Балтийского флота имели в своем составе немногим более половины наличного числа людей — и, вероятно, совсем мало опытных матросов. При достаточном числе кораблей это существенно снижало реальную боеспособность флота и отчетливо сказалось затем в русско-шведской войне 1741–1743 гг.

Однако и корабельный состав флота вызывал определенное беспокойство. Из 16 полностью боеспособных судов основная масса принадлежала к средним (шесть 66-ти пушечных) и низшим (восемь 54-пушечных) рангам линейных кораблей. После того как пришел в негодность первый русский 100-пушечник «Петр I и II», в строю находилась лишь 110-пушечная «Императрица Анна» и

²⁵² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 73–76 об.

²⁵³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 623–626.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 592 об.

²⁵⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 289–290 об.

один мало отличающийся от средних по классу 70-пушечный корабль²⁵⁶. Накануне весьма вероятной уже в 1739 г. русско-шведской войны из-за отмеченных выше проблем кораблестроения для Балтийского флота переживало серьезный кризис. Как отмечает современный исследователь, «в 1738 г. как в Архангельске, так и в Петербурге ни линейных кораблей, ни фрегатов не строили. Основное внимание уделили постройке вспомогательных судов и мелких плавсредств»²⁵⁷. Все это ставило вопрос о скорейшем возобновлении прерванной войной кораблестроительной программы ВМК, и поэтому уже в 1739 г. было заложено 2, в 1740 г. — 3, а позднее, в 1741 г. — сразу 5 линейных кораблей²⁵⁸, в числе которых был и 80-пушечный.

Восстановление боеспособности корабельного балтийского флота стало лишь звеном в масштабном плане укрепления балтийских границ, который начал обсуждаться еще 20 января 1740 г. (указ об организации работ опубликован 27 января)²⁵⁹.

Частью этого плана было и форсированное строительство и укрепление крепостей и флотских баз на Балтике. Уже к весне 1740 г. значительные силы (в том числе и перебрасываемые с украинского театра к северной столице 30 армейских полков) должны были быть задействованы на флотских работах и в кронштадтском строительстве²⁶⁰; указом 29 апреля 1740 г. была организована принудительная мобилизация 700 каменщиков из Ярославской и Костромской провинций²⁶¹.

* * *

Вместе с тем, получение новых комплексов ведомостей о состоянии флота вновь заставило обратить внимание на общие проблемы его стратегического и тактического использования.

Не исключено, что именно более подробное знакомство с состоянием флота осенью-зимой 1739/40 гг. отразилось в «проекте Волинского». Оно побудило Ф. И. Соймонова поставить в нем вопрос об окончании плана работ Воинской морской комиссии и каких-то неясных мероприятиях по укреплению промышленной и технической базы флота (из показаний о содержании проекта на следствии очевидно только, что речь шла «о неокончании о адмиралтействе

²⁵⁶ Подсчитано по ведомости 8 июля 1739 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 66–79 об.).

²⁵⁷ История отечественного судостроения... Т. 1. С. 187.

²⁵⁸ См. приложение 10, график 1 к наст. работе.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 101; ПСЗ-I. Т. XI. № 8014.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 117. Л. 1; указ 3 марта 1740 г. — ПСЗ-I. Т. XI. № 8025.

²⁶¹ ПСЗ. Т. XI. № 8083.

комиссии и о фабриках и о заводах и о сделании в Петербурхе вновь малого доку»)²⁶². Таким образом, ВМК оценивалась сторонниками Волынского в целом положительно (ставился вопрос не о ревизии ее планов, а лишь о завершении незавершенных работ комиссии). Однако их точку зрения, очевидно, разделяли далеко не все.

Вполне вероятно, что постановка вопросов развития флота в «проекте» Волынского могла отразиться и на дальнейшем осмыслении флотских проблем, продолженном уже без А. П. Волынского и Ф. И. Соймонова после их опалы и устранения с политической сцены.

Оно снова было начато с оценки возможностей основной военной базы флота.

Указом 24 мая 1740 г. было предложено изыскать способы для починки кораблей в Кронштадтском канале до окончания его строительства и решить вопрос о скорейшем строительстве доков²⁶³ — то есть снова поднимались проблемы, поставленные еще в 1731–1732 гг.

С этой целью к концу мая в Кронштадте была образована новая комиссия в составе фельдмаршала Миниха, основного строителя Кронштадта генерал-майора Любераса и произведенного 14 февраля 1740 г.²⁶⁴ в вице-адмиралы Х. О'Брайена. Члены комиссии подали ко 2 июня 1740 г. общее мнение о кронштадтском строительстве и предложенный О'Брайеном проект приспособления канала для ремонта судов и строительства доков²⁶⁵. Донесение Миниха от 22 июня 1740 г. об общих проблемах строительства Кронштадта предусматривало даже приглашение мастеров из-за границы, предложенное Люберасом.

Но дело отнюдь не ограничилось только этим.

В донесении 22 июня 1740 г. Миних снова поставил вопрос о военно-морской доктрине — он предложил пересмотреть состав флота и ограничить его более удобными на Балтике мелкими и средними кораблями²⁶⁶. Как видим, он в какой-то степени снова возвращался к идеям, высказанным им еще в начале царствования и с трудом блокированным тогда П. Сиверсом и С. А. Салтыковым.

Но он тут же получил решительный отпор. Кабинет настаивал на соблюдении штатов, принятых ВМК: «Какому флоту здесь быть и каких сортов кораблей, о том имянное ЕИВ-ва определение есть, в котором и корабли самого большого ранга именно оставлены; во оном же определении есть, сколько их содержать и сколько в каком году прибавить и построить. А чтоб большим караблям не быть, а вместо того построить средние корабли и фрегаты, то сие немалому

²⁶² Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел...» С. 24.

²⁶³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 606–609.

²⁶⁴ Там же. Л. 433.

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 11. Л. 364–365.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 614.

разсуждению подлежит, понеже такая фрегаты против швецкого флота не весьма могут быть способны, и могут служить только при малых каких экспедициях, а не к действию против больших караблей, каких у шведов до 30-ти и более имеется. Якоже и галеры без прикрытия большего флота не везде действовать в состоянии, но внешер (каковых мест при швецких берегах много) и довольно легко и свободно переняты, и при каком ветре от одного или двух караблей галерному флоту великое разорение приключено быть может, как о том искусныя персоны в морском плаваннии свидетельствовать могут. И потому Кабинет разсуждает, что флоту всегда такому надлежит быть, как в вышеупомянутом ЕИВ-ва имянном указе назначено...»²⁶⁷. Миних успел добиться 9 августа 1740 г. лишь очередной резолюции о чистке кронштадтской гавани и о разборе отслуживших свой срок караблей²⁶⁸.

Тем самым вопрос о новом пересмотре военно-морской стратегии России был закрыт. А при последующей закладке караблей было обращено внимание и на предусмотренные в кораблестроительной программе 1732 г., но не строившиеся в 1730-е гг. 80-пушечные карабли. Вероятно, здесь сказалась в первую очередь позиция бывшего руководителя ВМК А. И. Остермана, продолжавшего отстаивать правильность и целесообразность программы развития флота, выработанной комиссией.

* * *

Однако принятые в 1739–1740 гг. меры по приведению флота в боееспособное состояние, вероятно, не могли дать значительного эффекта уже просто в силу кратковременности их действия.

Кроме того, сказывались и проблемы, порожденные русско-турецкой войной. Компенсировать воздействие возникших в связи с ней негативных факторов было не так-то просто. На боееспособности флота в полной мере сказался как перерыв в реализации кораблестроительной программы Военской морской комиссии, так и недостаток квалифицированных руководителей высшего ранга, технических специалистов и особенно — кадров обученных моряков.

Как мы видели, русско-турецкая война резко усугубила последнюю проблему, всегда отличавшуюся для русского флота повышенной остротой. Еще Д. Ден отмечал, что неплохая мореходность русских военных караблей и вполне удовлетворительное снабжение их необходимой оснасткой и вооружением в значительной степени нивелируются недостатками личного состава, где не только нижние чины, но и морские офицеры, не имеющие опыта серьезных учебных океанских плаваний, плохо управляют парусами и недостаточно ква-

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1181. Л. 616 об.

²⁶⁸ ПСЗ. Т. XI. № 8197.

лифицированы в управлении кораблями при свежем ветре²⁶⁹. Свою роль сыграла и природная специфика России: навигация на Балтике из-за поздно раскрывавшегося в районе Кронштадта льда ограничивалась коротким сроком в летние месяцы, и неопытные матросы за зиму теряли навыки, приобретенные летом²⁷⁰. Ряд представителей флотского руководства еще в петровское время советовал поэтому сконцентрировать внимание на организации ежегодных качественных учебно-тренировочных плаваний на ограниченном числе судов даже в ущерб выводу в море основного состава флота, но это, по замечанию Дена, не встречало понимания у самого Петра I, сразу же начинавшего испытывать недоверие к этим людям²⁷¹.

Морская практика в аннинское царствование в связи с дефицитом и гибелью опытных моряков в годы русско-турецкой войны была еще менее удовлетворительной. Флот после Гданьской экспедиции 1733–1734 гг. почти не выходил в море, что особенно сильно сказалось на боевой подготовке личного состава, в основном укомплектованного неопытными рекрутами уже после войны, когда времени на их подготовку просто не оставалось.

Все это в полной мере отразилось затем на морских операциях русского линейного корабельного флота в русско-шведской войне 1741–1743 гг. и, очевидно, в значительной степени объясняет его пассивность в ходе боевых действий: в первую кампанию 1741 г. (начинавшуюся почти на грани осени с ее «свежими ветрами») флот вообще не выводился в море, а в 1742 г. вице-адмирал З. Мишуков так и не решился на активные действия. Объективные причины этого были очевидны для более или менее внимательного наблюдателя, каким был хотя бы все тот же Х. Г. Манштейн: «Война против турок унесла старых матросов и лучших офицеров русского флота; недоставало людей, чтобы укомплектовать экипажи судов, и императрица вынуждена была преобразовать один пехотный полк, чтобы поместить солдат во флот; хотя эти новые матросы едва были годны для морской службы, однако из них извлекли некоторую пользу, смешав их со старыми моряками на военных судах»²⁷². По сведениям Манштейна, к кампании 1743 г. императрица вынуждена была использовать для пополнения флота еще три пехотных полка²⁷³.

И все же в русско-шведской войне 1741–1743 гг. в море выходило не менее 14–17 линейных кораблей²⁷⁴, то есть свыше 50% штатного состава флота. Это все-таки означает реальное улучшение по сравне-

²⁶⁹ Ден Д. Указ. соч. С. 128–129.

²⁷⁰ Там же. С. 118.

²⁷¹ Там же. С. 129.

²⁷² Манштейн Х. Г. Указ. соч. С. 254.

²⁷³ Там же. С. 370.

²⁷⁴ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 98–102.

нию с началом 1730-х гг., когда, как мы уже отмечали, полностью боеспособными были лишь 30% штатного состава, а способными выйти в море — 48% штата кораблей.

Столь же частичными и непоследовательными были и успехи в развитии технической базы флота.

Теми же обстоятельствами (прежде всего дефицитом квалифицированной рабочей силы), а также финансовыми проблемами объясняется и медленный темп строительства сооружений в портах и гаванях (в первую очередь в Кронштадте), не слишком ускоренный даже после форсирования работ накануне русско-шведской войны. Но справедливости ради следует отметить, что и последующее царствование им не выделялось: строительство канала и доков, которое считалось возможным завершить в 1737 г., было окончено фактически лишь в 1752 г.

* * *

Подводя итоги обзору флотских проблем и работы Воинской морской комиссии, следует отметить, что:

1) С завершением основных работ комиссии можно считать формально реализованной ту программу пересмотра состояния армии и флота в целом, которая была намечена в проекте январского манифеста 1727 г. Однако сравнительно скромные успехи, достигнутые в ходе работ двух воинских комиссий — сухопутной и морской, не соответствовали более широким планам 1727 г., связанным с облегчением податного бремени крестьянства, так как реально к этому их деятельность не привела.

2) Сама форма реализации этих планов была иной: ревизия вооруженных сил в целом в единой комиссии с четко поставленными социальными целями была заменена раздельным анализом проблем армии и флота в отдельных комиссиях, заключенных в узковедомственные рамки, не выходящих на общегосударственные проблемы и не касавшихся всего комплекса вопросов влияния вооруженных сил на экономику России и на функционирование государственного аппарата. Поэтому в конечном счете в работе обеих комиссий оказались доминирующими военные проблемы.

3) Несомненно, что работа сухопутной комиссии оказала существенное влияние на появление и работу морской, не имевшей в отличие от нее изначально детально разработанной программы и не связанной так жестко социальными целями. Последнее обстоятельство во многом, наверное, объяснялось тем, что флот финансировался группой косвенных налогов и не так непосредственно был связан с положением крестьян, как армия, содержащаяся на прямой налог с них (подушную подать), а также снижением остроты проблем для правящего окружения императрицы по мере удаления во времени от острого социального конфликта 1730 г.

4) В связи с этим более значительную роль в работе морской комиссии с самого начала играли чисто военные и технические проблемы, связанные с флотом, однако и их решение тесно увязывалось с самого начала с сокращением расходов на флот.

5) Оно также оказалось насущно необходимым, ибо косвенные налоги выбирались с большой недоимкой, а государственный бюджет не располагал ресурсами для увеличения суммы на флот или хотя бы для покрытия недоимки за счет других статей.

6) Эти финансовые мотивы во многом определили общее направление работ комиссии, выразившееся в принятии комиссией нового штата кораблей, уступающего по мощи и рангам петровскому, и так же, как и в сухопутной — в сокращении личного состава, достаточно скромном и произведенном преимущественно за счет обслуживающих флот лиц при одновременном увеличении комплекта матросов на судах. Одновременно принятие первого решения во многом определялось также и ограниченностью материальных ресурсов России для выполнения масштабных программ кораблестроения, а также особенностями мореплавания при тогдашнем состоянии навигации.

7) Необоснованным поэтому представляется тезис об упадке флота, определяемом только по формальному критерию снижения боевой мощи флота в результате принятия новых штатов, приписываемому влиянию Остермана, руководившего комиссией, и явившемуся проявлением «бироновщины» во флоте. Как мы видели, большинство решений комиссии были прямой реализацией предложений флагманов русского флота, и многие из них были оформлены задолго до этого в доношениях главы Адмиралтейской коллегии П. И. Сиверса. Остерману, вероятно, принадлежала лишь заслуга согласования их между собой и оформления.

8) Очевидно, что работа комиссии к упадку флота не вела. Даже при частичной реализации ее планов положение с пополнением флота новыми кораблями после ее работы было ничуть не худшим, чем в другие царствования. А открытие Архангельской верфи и вообще сыграло громадную роль в последующем развитии русского флота. Многие негативные процессы в развитии флота объяснялись скорее виной как его руководства, так и руководства сухопутной армии, и даже в большей степени, возможно, конъюнктурными факторами — большим отвлечением флотских средств и потерями в личном составе в годы русско-турецкой войны, а также нехваткой средств во флотском бюджете.

9) Влияние Остермана, очевидно, в большей степени проявилось в реформе управления флотом, отразившей ведущую для 1730-х годов тенденцию к созданию достаточно эффективных и рационально организованных бюрократических структур с постепенным вытеснением принципов коллегиальности единоначалием, — тенден-

цию, соответствующую основной линии развития государственных органов в самодержавной стране.

10) Русско-турецкая война сорвала реализацию планов Военской морской комиссии, фактически прекратившей свою работу в этот период. Программа строительства Балтийского флота испытала серьезный сбой, флот потерял кадры квалифицированных кораблестроителей и опытных моряков (в том числе большую часть своего адмиральского состава). Все это негативно сказалось на боеспособности флота и вынудило форсировать его строительство и комплектование кадрами в период подготовки к русско-шведской войне в 1739–1740 гг. Вместе с тем, последние мероприятия продолжали базироваться на программе развития флота и на военно-морской стратегии, выработанных в свое время ВМК и не подвергнувшихся серьезным изменениям и пересмотру и в конце царствования. Однако урон, нанесенный флоту в период русско-турецкой войны, не удалось компенсировать к 1741 г. (когда началась русско-шведская), хотя боеспособный корабельный состав флота в начале ее не уступал тому, который был в наличии на начало аннинского царствования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ правительственной политики, проделанный в работе, показывает, что постановка вопроса о программе внутренней политики в аннинское царствование вполне правомерна.

Логически обусловленная необходимостью определить основные черты внутривнутриполитического курса нового правительства в начале его деятельности, обостренной политической борьбой и брожением в обществе в связи с событиями 1730 г., такая программа существовала и в главных своих чертах была сформулирована на протяжении 1730–1731 гг.

Основу ее составила серия указов 1 июня 1730 г., хронологически и объективно связанная с недавней коронацией Анны Иоанновны, во многом уже подготовленная решениями Сената в предшествующие месяцы; позднее это первоначальное ядро было дополнено предложениями Сената и других учреждений и лиц.

В самых существенных своих направлениях программа не была оригинальна: фундаментом ее был внутривнутриполитический курс, сложившийся в предыдущий период и оформленный после обсуждения записок верховников конца 1726 г. в проекте манифеста 9 января 1727 г. и в ряде развивающих его указов. Сердцевиной этого курса было стремление пересмотреть финансовую и податную политику русского государства и структуру государственного бюджета в направлении сокращения расходов с целью упорядочить финансовое положение страны и облегчить податное бремя крестьянства (в первую очередь владельческого). Последнее обстоятельство, очевидно, было вызвано не только стремлением господствующего класса перераспределить в свою пользу совокупную феодальную ренту, уменьшив при этом долю государства, но и прямой реакцией на рост налогообложения владельческого крестьянства при Петре I.

Поскольку возможности снижения расходов за счет экономии на административном аппарате и на других статьях бюджета были либо уже исчерпаны, либо слишком незначительны, а на урезание расходов на двор правительство бы не пошло, одним из основных направлений пересмотра государственного бюджета стало сокращение военных расходов, поглощавших свыше 2/3 его расходной части. Именно

от успеха мероприятий в этой области зависел и успех практической реализации внутриполитического курса в целом.

Этот мотив отчетливо выявился в серии мероприятий правительственной политики в военной области, и прежде всего, в деятельности двух воинских комиссий — сухопутной 1730–1732 гг. и морской 1732–1738 гг. Однако на практике их решения к желаемым результатам не привели, что и обусловило в основном общий неуспех реализации внутриполитической правительственной программы.

Неуспех этот определялся тем, что помимо этих мотивов, определявших правительственную политику в военной области, в ее разработке и осуществлении проявились и другие, приходившие в противоречие с первыми, что требует от исследователя изучения логики ее формирования в целом, механизма ее складывания, а это, в свою очередь, предполагает учет всего комплекса влиявших на нее факторов, определявших очередность постановки и разрешения основных вопросов в военной области.

Попытка такого рассмотрения дает основания для следующих выводов о факторах, определявших правительственную политику в военной области:

1. В целом, как кажется, в правительственных кругах доминировало представление о господствующей роли сухопутных вооруженных сил и об их особой важности для России (в сущности, верное и диктовавшееся сложившейся по окончании Северной войны военно-стратегической обстановкой, когда на первый план выдвигались, как возможные, сухопутные театры военных действий, особенно в связи с перенесением центра тяжести во внешней политике на черноморско-восточное направление). Это не вело к отрицанию роли флота, который при постановке военных вопросов неизменно фигурировал наряду с армией. Но ему отводились в большей степени оборонительные и второстепенные функции, так как основная задача флота в ходе прошедшей войны была уже выполнена — это, очевидно, было первым обстоятельством, обусловившим второстепенную постановку флотских проблем на очередь и общее направление их рассмотрения.

2. Важнейшим же обстоятельством, определившим ход правительственной политики в военной области, как уже говорилось, были вопросы финансовой политики и состояние государственного бюджета. Тесная взаимосвязь бюджетных и военных вопросов вполне естественна уже потому, что военные расходы поглощали свыше 70% госбюджета. Кроме того, сами возможности военных преобразований были резко ограничены величиной бюджетных поступлений и значительной недоимкой по сбору почти всех видов налогов, что отчетливо сказалось на основных направлениях военной линии правительственной политики и в конкретных изменениях в армии в начале 1730-х гг.

3. Вопросы бюджетные, а следовательно, и армейские, были столь же тесно связаны с податной политикой государства, с ее особенностями и допустимыми в сознании правительственных кругов границами налогообложения отдельных слоев населения. Поскольку налоговая политика в конечном счете является конкретным выражением в финансовой области политики социальной, носившей тогда ярко выраженный сословный характер, очевидна тесная взаимосвязь армейских проблем с основными линиями податной и сословной политики — тем более что армия и непосредственно вторгалась в сферу последней: 1) рекрутскими наборами, изымавшими значительную часть помещичьих крестьян или ложившимися на них дополнительным финансовым бременем, вынуждавшим господствующий класс время от времени искать возможности для сокращения этих изъятий и перераспределения, хотя бы частичного, рекрутской повинности на другие сословия и слои населения; 2) обязательной службой дворян, иногда значительно затрагивающей социально-экономические их интересы и в определенной степени — разрывающей грань между сословиями при их совместной службе в нижних чинах.

4. Именно различные сочетания всех этих факторов, проявлявшихся с разной степенью остроты, определявшей в конечном счете очередность постановки и решения военных проблем, обуславливали и логику формирования правительственной политики в военной области.

5. Наиболее отчетливо это проявилось при рассмотрении в правительстве проблем различных видов и подразделений вооруженных сил. Финансирование их из разных источников и разные способы их комплектования, естественно, обусловили и разную остроту связанных с ними финансовых и социальных проблем, определявшую в конце концов приоритеты правительственной политики в военной области.

Не случайно, очевидно, в первую очередь были поставлены проблемы сухопутной армии, непосредственно связанной с прямыми налогами с владельческого крестьянства и комплектуемой в значительной степени за счет рекрутских наборов с него (что привело, в свою очередь, к перераспределению податного бремени на другие слои населения), а вопросы развития флота, содержащегося косвенными сборами, отошли на второй план.

6. Сохранявшаяся раздельность источников финансирования и известная автономность отдельных частей армии были причиной столь же раздельного, автономного подхода к вопросам военной политики, что наиболее отчетливо проявилось в раздельном рассмотрении проблем армии и флота в правительственной политике.

7. Не следует сбрасывать со счетов и чисто военные проблемы, в большинстве случаев существенно влиявшие на формирование прави-

тельствственной политики, а также существовавшее (впрочем, и всегда существующее) несовпадение целей и задач военного руководства, наиболее глубоко и полно их выражающего, и правительства в военной области; наличие противоречий между ними и отражение их в планах и в конкретном проведении военных преобразований; а также разную степень информированности высшей военной и гражданской администрации в бюджетных и социальных вопросах. Это в конечном счете и послужило одной из главных причин неуспеха правительственной военной политики, заложенного уже на стадии планирования военных мероприятий, поскольку Миних и иные генералы зачастую правильно не могли определить границы допустимого, когда их решения вторгались в область сословной и податной политики.

8. Все эти факторы по-разному сказались на различных этапах правительственной политики в первой половине 30-х гг. В начальной стадии, связанной с разработкой основ правительственной политики по отношению к вооруженным силам, финансовые и социальные мотивы в ней заняли, пожалуй, господствующее положение, но на стадии практической реализации интересы военного ведомства брали верх, и доминировать постепенно стали военные мотивы. Все это в конечном счете и привело лишь к частичным успехам в военной области и к тому, что социальные и финансовые цели правительства были практически не реализованы. Это определило, наряду с другими факторами, и общий неуспех всей внутриполитической программы, сформулированной в начале царствования.

9. Тем не менее военная политика начала аннинского царствования, хотя и в искаженном виде, отразила основное содержание внутриполитического курса правительства, что проявилось в ней в виде тенденции к *сдерживанию роста штатных военных расходов* и численности армии, который на протяжении изучаемого периода был в общем незначительным. Учитывая все это, следует признать, что аннинское царствование не было каким-то аномальным явлением в политике по отношению к армии и флоту и не вело к сверхмилитаризации или, наоборот, к существенному подрыву обороноспособности страны.

10. Данная тенденция действовала на протяжении всего царствования, достаточно ярко проявившись и в его финале, когда вновь (как и в его начале) попытались реанимировать планы сокращения расходов на сухопутную армию и (с незначительными коррективами) продолжить военные преобразования, намеченные тогда. Однако эти попытки снова потерпели неудачу.

Список сокращений, употребляемых в работе

- ВТС — Верховный Тайный совет
ВМК — Воинская морская комиссия
Е. И. В. — ее императорское величество
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
РИО — Российское историческое общество
МИРФ — Материалы для истории русского флота
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ВИ — Вопросы истории
РА — Русский архив
ОВ — Осьмнадцатый век
ОЗ — Отечественные записки
РВ — Русский вестник
МС — Морской сборник
РС — Русская старина
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота

Приложение 1

Таблица 1

1. Полковой состав русской армии в 1730–1735 гг.											
полковые соединения										отд. части	
	пехота				кавалерия				вместе		
	поле- вые	гарни- зонн.	ланд- мил.	всего	поле- вые	гарни- зонн.	ланд- мил.	всего			
1729	59	49	—	108	33	4	10	47	155	2	2
1730	60	49	—	109	33	4	10	47	156	2	2
1731	58	49	5	112	33	4	19	56	168	2	2
1732	53	49	5	112	33	4	19	56	168	2	2
1733	53	49	5	107	33	4	19	56	163	2	2
1734	53	49	5	107	33	6	19	58	165	2	2
1735	53	49	5	107	33	6	19	58	165	3	2
1736	53	49	1	103	33	7	23	63	166	4	2

2. Изменения в полковом составе русской армии в 1730–1735 гг.																
	полевые части								гарнизонные			ландмилиция			Общий итог	
	пехота				кавалерия											
	гв- дия	пехо- та	Низ. кор.	всего	гв- дия	дра гун	кира- сир.	всего	пех. пол- ки	кав. бат- ны	всего	пехо- та	ка- вал.	всего	пол- ки	отд. части
1729																
1730	+1			+1	+1	—1		0							+ 1	
1731		—2				—1	+1	0				+5	+9	+14	+12	
1732						—2	+2	0							0	
1733			—5	—5											—5	
1734									+2		+2				+ 2	
1735										+1	+0,5					+1
1736									+1	+1	+1,5				+1	+1

Комментарии.

1. Полковой состав на 1729 г. приводится по штатным данным на конец года.

2. Самые крупные изменения произошли в 1731 г., когда указом 19 января количество полков украинской ландмилиции было увеличено на

10 (до 4 пехотных + 16 конных) и расформировано 2 пехотных полевых полка.

3. Исключая решение о расформировании 5 пехотных полков Низового корпуса в 1733 г., в дальнейшем в 1734–1737 гг. изменения происходили только в гарнизонных частях: в 1734 г. были созданы 2 драгунских оренбургских полка; в 1735 г. — батальон для охраны Ладожского канала; в 1736 г. — 1 драгунский полк и пехотный батальон в Сибири.

4. В общем русская армия увеличилась за это время на 11 полков и 2 пехотных батальона, но основное увеличение шло за счет гарнизонных и ландмилицких частей. Полевая армия сократилась за это время на 6 пехотных полков, из которых 5 низовых не были положены в армейский штат.

Приложение 2

Таблица 2

Штатный численный состав русской армии
в 1730–1735 гг.

	1. Полевая пехота			2. Полевая кавалерия		
	гвардия	пехотные	Низового корпуса	гвардия	драгунские	кирасирские
1730	6110	60 988	25 449	—	41 580	—
1731	8491	60 988	25 449	1423	39 060	977
1732	8252	53 466	25 449	1356	31 784	2931
1733	8252	53 462	16 884	1356	31 784	2931
1734	8252	59 432	18 768	1356	35 641	2931
1735	8252	59 432	18 768	1356	35 641	2931
1736	8252	59 432	18 768	1356	35 641	2931

	3. Общее по полевой армии		4. Гарнизонные войска		+	
	пехота	кавалерия	всего	пехота	кавалерия	всего
1730	92 547	41 580	134 127	66 761	5073	71 834
1731	94 928	41 460	136 388	66 761	4788	71 549
1732	87 167	36 071	123 238	65 169	4788	65 957
1733	78 602	36 071	114 673	65 169	4788	65 957
1734	86 452	39 937	126 389	65 169	7656	65 957
1735	86 452	39 937	126 389	66 922	7656	65 957
1736	86 452	39 937	126 389	66 545	8838	65 957

	5. Ландмилиция	6. Артиллерия и инженер. части	7. Генштаб	Всего	+ или — к 1730 г.	%
1730	10 842	10 198	319	226 960		
1731	26 274	10 198	319	244 728	+17 768	+7,83
1732	26 274	10 644	241	230 354	+3 394	+1,5
1733	26 274	10 644	241	221 789	—5 171	—2,28
1734	26 274	10 644	296	236 422	+9 468	+4,7 (+7,7)*
1735	26 274	10 644	296	237 181	+10 221	+4,5 (+8,03)
1736	27 693	10 644	296	240 405	+13 445	+5,92

* Цифрой в скобках указан процент увеличения в связи с прибавлением в полки по 12 внештатных рядовых в 1734 г.

Комментарии к таблице 2: Источники таблицы

1. Штатная численность частей полевой регулярной армии определена исходя из сведений о численности полков по табели 1720 г. и новым штатам 1731 г. в делах Сената по Военной комиссии (РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 537–547 об.). При этом учтено, что фактически перевод на новые штаты был осуществлен только в 1732 г. Состав на 1732 г. определен по мирному штату. Решение о переходе на штат военного времени было принято 1 сент. 1733 г. в связи с польскими событиями и возможной угрозой войны с Турцией (ПСЗ. Т. IX. № 6472), но поскольку армия должна была быть поставлена в комплект военного времени к марту 1734 г., то штатный состав по военному времени рассчитывается именно с этого года.

2. Численность Низового корпуса на 1729–1732 гг. учитывает 17 пехотных полков и рассчитана по штату полевого пехотного полка 1720 г. С 1733 г. — по мирному штату для оставшихся 12 пехотных полков, хотя, вероятнее всего, упомянутые 5 полков к этому времени еще не были расформированы, и остальные полки Низового корпуса и тогда оставались укомплектованными по штатам военного времени. С 1734 г. — по новым штатам 1731 г. для военного времени.

3. Гвардия на 1730 г. состояла из двух пехотных полков, общая численность которых подсчитана по штатам 1720 г. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 187–195); на 1731 г. — прибавлением к ним численности Измайловского полка по штату 27 сент. 1730 г. (Там же. С. 48–49). С 1732 г. — по новым штатам 9 декабря 1731 г. (Там же. С. 187–195). Конногвардейский полк: на 1731 г. по штату 2 окт. 1731 г. (Там же. С. 202–204); на 1732 г. — по штату 15 декабря 1731 г. (Там же).

4. Численность гарнизонных войск подсчитана по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 537–549 об. В 1735 г. увеличены на 753 чел. с созданием Ладожского канального батальона (штат — ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 213); в 1736 г. — созданием 1 батальона в Сибири (штат — по штату Великолуцкого пехотного батальона (Ф. 248. Кн. 389. Указ. лл.). Кавалерия — по тем же сведениям, в том числе и увеличение на 2 драгунских полка в Оренбурге в 1734 г. и 1 полк в Сибири в 1736. Численность гарнизонных драгун на 1734 г. определена с учетом перевода на штат военного времени, несколько отличающийся от мирного, в то время как численность пехотных гарнизонных частей была одинакова как в мирное, так и в военное время.

5. Численность ландмилиции на 1730 г. определена следующим образом: к данным о численности уже существующих 6 полков в 6282 чел. (Троицкий С. М. Указ. соч. С. 229) прибавлено штатное количество людей в двух регулярных и нерегулярных полках (РГАДА. Ф. 248. Кн. 2011. Л. 103–103 об.). Численность ландмилиции на 1731–1734 гг. заимствована у С. М. Троицкого (Указ. соч. С. 229), использовавшего архивный источник, хотя подсчет через штат полков дает несколько иную цифру (16 регулярных конных полков по 1059 чел. + 4 пехотных по 1281 чел. + 3 конных и 1 пехотный полк на Закамской линии по тем же штатам дают суммарную численность в 26 526 чел.). Численность на 1736 г. определена по штату Украинского корпуса (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 213–244) с прибавлением численности Закамской ландмилиции. (По данным А. К. Баюва (Указ. соч. С. 18) ее численность должна была составлять 4555 чел., по данным

Л. Г. Бескровного (Указ. соч. С. 61) — 4962 чел. Предпочтение отдано цифре, приводимой Л. Г. Бескровным, извлеченной из архивного источника.

6. Штатная численность артиллерии подсчитана по данным, приводимым в работе А. К. Баиова (С. 6–14). К ней прибавлен личный состав Инженерного корпуса по штату 1728 г. в 828 чел. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 48). Штаты генералитета (генштаба) — по данным Военской комиссии.

Реальное число людей в полках, как правило, не соответствовало штатному. Причины этого: 1) некомплект в частях; 2) различные отступления от штата; 3) а также то, что реально переход от мирного к военному штату и наоборот, а также расформирование и формирование частей не были одновременным актом, а занимали какой-то период времени.

Так, например, реальные данные о численности полевой армии по мирному и военному штатам на 1734 г., опубликованные в литературе (Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 55), показывают, что Низовой корпус по-прежнему исчисляется в составе 17 пехотных полков, хотя 5 из них должны были быть расформированы в 1733 г. Драгунские полки Низового корпуса, командированные из полевой армии, исчисляются по штатам военного времени, но в общей сложности в кавалерии не хватает до штата мирного времени примерно 100 чел. Численность гарнизонной кавалерии оказывается в 1734 г. почти на 1000 чел. меньше штатной, но, в первую очередь, потому, что не завершено формирование двух новых создаваемых гарнизонных полков, которые в самой таблице показаны в 6-ротном составе вместо 10-ротного.

Кроме того, по указу 22 окт. 1734 г. в связи с военными действиями в Польше в полки было прибавлено по 12 сверхштатных рядовых, и общая численность армии должна была увеличиться на 8000 чел. (Журавский Д. П. Указ. соч. С. 33), что и учтено в процентах, приводимых в последней графе таблицы на эти годы в скобках, однако в 1736 г., когда этот указ отменялся, сверхкомплектных было в общей сложности лишь 3103 чел. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1147. Л. 26–26 об.).

Несмотря на это, данные о штатном числе достаточно объективно отражают намерения правительства, тенденции в правительственной политике, и поэтому правомерно могут быть использованы при ее характеристике.

Таблица 3

Изменения в штатном численном составе русской армии в 1730–1736 гг.

	1731	1732	1733	1734	1735	1736
пехота						
1. Гвардия	+ 2381	–239				
2. Полевая пехота		–7 252		+5 966		
3. Низовой корпус			–8 565	+1 844		

Окончание табл. 3

	1731	1732	1733	1734	1735	1736
кавалерия						
1. Гвардия	+1 423	-67				
2. Драгуны	-2 520	-7 267		+3 857		
3. Кирасиры	+977	+1 954		+9		
вся полевая армия						
1. Вся пехота	+2 381	-7 761	-9 565	+7 850		
2. Вся кавалерия	-120	-5 839		+3 866		
3. Вся полевая армия	+2 261	-13 150	-8 565	+11 716		
гарнизонные войска						
1. Пехота		-1592			+753	+623
2. Кавалерия	-285			+2 868		+1 182
всего	-285	-1592		+2 868	+753	+1 805
особые подразделения						
1. Ландмилиция	+15 792					+1 409
2. Артиллерия и Инженерный корпус		+446				
3. Генштаб		-78		+55		
вся армия						
итого	+17 768	-14 374	-8565	+14 639	+753	+3224

Приложение 3

Таблица 4

**Динамика расходов на вооруженные сухопутные силы России
1729–1736 гг.**

	полевая регулярная армия				
	гвардия	полевая пехота	Низовой корпус	кавалерия	генштаб
1729	257 422	1 429 951	619 477	1 401 483	163 339
1730	319 170	1 429 951	619 477	1 401 483	163 339
1731	537 935	1 429 951	619 477	1 357 664	163 339
1732	440 232	1 147 981	619 477	1 161 452	114 710
1733	407 912	1 147 981	422 520	1 161 452	114 710
1734	415 297	1 271 405	422 520	1 308 248	128 992
1735	415 297	1 271 405	422 520	1 308 248	128 992
1736	415 297	1 271 405	422 520	1 308 248	128 992

	гарнизонные войска		ландмилиция	артиллерия и Инж. корп.	другие военные расходы
	пехота	кавалерия			
1729	872 558	90 575	65 752	300 000	79 810
1730	872 558	90 575	100 831	370 000	79 810
1731	872 558	90 575	252 486	370 000	79 810
1732	789 024	92 510	252 486	370 000	84 885
1733	789 024	104 010	252 486	370 000	84 885
1734	789 024	151 258	252 486	370 000	84 885
1735	804 381	151 258	252 486	370 000	84 885
1736	812 164	174 882	337 013	370 000	84 885

	Вся регулярная армия	+ или — к 1729 г.	%	расходы на нерегул. части	чрезвыч. и сверхшт. военные расходы
1729	5 282 367			114 287	?
1730	5 447 194	+164 827	+3,12	138 658	?
1731	5 773 795	+491 428	+9,3	140 003	?
1732	5 072 757	-209 610	-3,97	140 803	351 274
1733	4 854 980	-427 387	-8,097	141 526	309 042
1734	5 194 115	-88 255	-1,67	141 526	266 352
1735	5 209 472	-72 895	-1,38	141 526	?
1736	5 325 406	+43 019	+0,81	141 526	?

	Общая сумма военных расходов	+ или — к 1729 г.	%	Все военные расходы (с управлением)
1729	5 396 654			5 438 348
1730	5 585 852	+189 198	+3,58	5 627 546
1731	5 913 798	+517 144	+9,58	5 973 369
1732	5 564 834	+168 810	+3,12	5 624 405
1733	5 305 548	-91 106	-1,69	5 365 119
1734	5 601 993	+205 339	+3,8	5 661 564
1735	5 350 993	-45 656	-0,85	5 410 569
1736	5 466 932	+70 278	+1,3	5 526 503

Источники таблицы:

1. Оклад на гвардию на 1730 г. — 257 421 р. 99 к. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 386. Л. 128 об.). Процент недоплаты за предшествующий период расчитан по этому окладу, уменьшенному на стоимость окладного провианта (34 134 р.), источник получения которого не был определен. Если учесть его, то сумма недоплаты будет еще большей.

Расходы на Измайловский полк в 1730 г. были определены в 84 462 р. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 28), на Конногвардейский — в 195 044 р. (Там же. Л. 461). Фактические же расходы составили в 1731 г.: на Измайловский полк — 107 538 р. (там же. Л. 32); Конногвардейский — 205 588 р. (Там же. Л. 484 об.).

Расходы на 1732 г. приведены по ведомости о расходах на гвардейские полки (РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 63–66); расходы на 1734 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 183; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 289). Гвардейский оклад учитывает еще и жалованье отставному гвардейскому батальону в 13 176 р. (там же). Реальные расходы в 1733 г. несколько отличались от окладных, что отражено в таблице.

2. Расходы на полевую армию (пехоту, кавалерию, гарнизонные части, генштаб) определены через новые штаты полков для мирного и военного времени в соответствии с их реальным количеством (РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 327–329 об.; ПСЗ. Т. 43. Ч. 1). Расходы на Ладужский канальный батальон — 15 356 р. (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 213); на Сибирский — по штату расходов отдельного Великолукского пехотного батальона (РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 329 об.) — 7783 р.

3. Расходы на ландмилицию в 1730 г. определены суммированием приведенной С. М. Троицким цифры расходов на 6 полков — 55 960 р. с штатными расходами на вновь создаваемые 4 новых полка (подсчитаны по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 2011. Л. 103–104). Они должны составить 100 931 р., но так как сформирован был фактически только 1 полк, общая сумма расходов должна была быть 67 752 р., но реально была большей, так как еще на 2 полка были набраны люди и на них тоже тратились какие-то средства.

Расходы на Украинскую ландмилицию с 1731 г. определяются в 205 642 р. (подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 655. Л. 261 и далее). Сумма на Закамскую ландмилицию подсчитана исходя из штатных расходов на полки по табели 1730 г. (Там же. Кн. 2011. Л. 103–104) — 44 844 р. (По сенатскому докладу 1732 г. расходы на ландмилицию вместе с генералитетом должны были быть еще большими — 286 776 р. (Там же. Кн. 1083. Л. 285–286).

Расходы на ландмилицию после создания Украинского корпуса в 1736 г. определены по общей штатной сумме на этот корпус (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. С. 213–244) в 290 822 р. с прибавлением расходов на Закамскую ландмилицию, подсчитанных Журавским (Указ. соч. С. 33) в 46 191 р.

4. Расходы на Низовой корпус в 1730–1732 гг. — РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 334; на 12 полков Низового корпуса в 1733–1736 гг. — там же, Кн. 1108. Л. 183; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 229.

5. Расходы на артиллерию выросли с 24 февр. 1730 г. на 70 000 р., ассигнованных на строительство крепостей (ПСЗ. Т. VIII. № 5505), собственно же оклад на артиллерию остался прежним (300 000 р.).

6. В категории «другие военные расходы» учтены на 1730–1731 гг. различные выплаты, осуществлявшиеся в 1730 г. из штатной воинской суммы: расходы на кавалергардский и мекленбургский корпуса, на жалование комендантам и губернаторам, выплаты отдельным лицам на общую сумму в 79 810 р. (Кн. 389. Л. 266 об.). После 1731 г. они в большинстве своем были сняты с армейского оклада, и в этой категории учтены расходы на содержание Кадетского корпуса — 63 403 р. (Кн. 1108. Л. 176–219; *Троицкий С. М.* С. 228).

7. Неокладные расходы на 1732–1734 гг. подсчитаны по двум источникам: ведомости о неокладных и чрезвычайных расходах, выплаченных на 1734 г. из общегосударственных сумм (Кн. 1108. Л. 240, 222–223) и комиссариатской ведомости о сверхштатных расходах за 1731–1733 гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 719–720). Сверхштатные расходы по этой линии на 1734 г. подсчитаны по стабильным выплатам на предшествующие годы, которые должны были сохраняться и на этот год.

8. Расходы на нерегулярные войска учитывают в основном те суммы, которые выплачивались по ассигнациям из Штатс-конторы (кн. 1108. Л. 176–219).

9. Последняя графа таблицы учитывает еще и расходы на военное управление, поскольку часть суммы на содержание Военной коллегии (16 080 р.) и жалование служителям Генерального Кригс-комиссариата, еще увеличенное в 1732 г., выплачивалось из общегосударственных средств. До 1732 г. эти расходы составляли 41 694 р., после — 59 571 р. (подсчитано по: Кн. 1108. Л. 190–191).

В итоге мы можем получить несколько более подробную картину военных расходов, чем у С. М. Троицкого, хотя нет, конечно, никаких гарантий, что они учтены полностью.

Таблица 5

Изменения в составе расходов на армию в 1729—1736 гг.

	1730		1731		1732		1733		1734		1735		1736	
	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729	в руб.	% к 1729
1. Гвардия (вся)	+61 748	+23,99	+218 765	+108,97	-97 703	+71,02	-32 320	+58,46	+7538	+61,33		+61,33		+61,33
2. Полевая пехота					-	-19,72		-19,72	+123 424	-11,09		-11,09		-11,09
3. Полевая кавалерия			-43 819	-3,13	-	-17,13		-17,13	+146 796	-6,5		-6,5		-6,5
4. Низовой корпус							-196 957	-31,19		-31,19		-31,19		-31,19
Гарнизонные														
5. Пехота					-83 434	-9,56		-9,56		-9,56	+15 357	-7,81	+7783	-6,92
6. Кавалерия					+1935	+2,14	+11 500	+12,7	+47 248	+67,0		+67,0	+23 624	+93,08
7. Ландмилиция	+33 079	+48,82	+151 566	+272,26		+272,26		+272,26		+272,26		+272,26	+84 527	+397,42
8. Артиллерия и инж. части	+70 000	+23,33		+23,33		+23,33		+23,33		+23,33		+23,33		+23,33
9. Генштаб					-48 629	-29,77		-29,77	+14 282	-21,93		-21,93		-21,93
10. Другие военные расходы					+5075	+6,36		+6,36		+6,36		+6,36		+6,36
11. Нерегулярные войска	+24 371	+21,32	+1345	+22,5	+800	+23,2	+723	+23,83		+23,83		+23,83		+23,83
12. Неокладные расходы					+351 274	?	-42 232	?	-42 690	?				
13. Военное управление					+17 518	+42,0		+42,0		+42,0		+42,0		+42,0
14. Вся армия	+189 198	+3,58	+327 857	+9,58	-331 346	+3,12	-259 286	-1,69	+296 445	+3,8	+15 735	-0,85	+115 934	+1,3

Таблица 6

Рекрутские наборы в России. 1718–1773 гг.

№	Год	С дворов	С душ	Кол-во рекрут	Среднее кол-во за год	Общий и среднегодовой % к населению
1.	1718	50	194	15 398	7 лет 0,86 набора в год (1 набор в 1,17 года)	1,56%
2.	1719	89	345	14 112		
3.	1721	83	322	19 755		
4.	1722	115; 95,5*	408	10 003		
5.	1723	94,5	367	10 118		
6.	1724		250	20 550		
Итого за 1718–1724				89 936	12 848	0,23%
7.	1726		200	22 795	5 лет 0,6 (в 1,67)	0,99%
8.	1727		305	17 785		
9.	1729		323	15 662		
Итого за 1725–1729				56 242	11 248	0,2%
10.	1730		320	16 000	10 лет 0,8 (в 1,25)	4,83%
11.	1732		288,5**	18 654		
12.	1733		102	50 569		
13.	1734		169	30 129		
14.	1736		125	44 164		
15.	1737		98***	48 960		
16.	1738		120****	34 071		
17.	1739		120	32 936		
Итого за 1730–1739				275 483	27 548	0,48%
18.	1741	январь	157*****		18 лет	5,45% (5,32%),
19.	1741	сентябрь	160	0,5 (в 2 г.)		
20.	1743		220*****	21 131		
21.	1745		171	30 338		
22.	1747		121	44 242		
23.	1748		190	33 210		
24.	1754		100	61 509		
25.	1756		135	45 000		
26.	1757		194	30 000		
27.	1758		116	50 000		
28.	1759		128	45 000		
Итого за 1742–1759				360 430	20 024	0,34% (0,295)

Окончание табл. 6

№	Год	С дворов	С душ	Кол-во рекрут	Среднее кол-во за год	Общий и среднегодовой % к населению
29.	1767		300	22 342	7 лет 1,0 (в 1 г.)	4,84% (4,7%)
30.	1768		300	50 747		
31.	1769		150	49 583		
32.	1770		150	49 583		
33.	1771		100	73 874		
34.	1772		150	49 552		
35.	1773		100	73 844		
Итого за 1767–1773				369 525	52 789	0,69 (0,67)

Примечание.

Таким образом, за 55 лет было проведено 35 рекрутских наборов, то есть 0,64 набора в год, или 1 набор в 1,6 года в среднем.

Сведения о рекрутских наборах, составившие основу таблицы, содержатся в фонде Воронцовых (Ф. 1261. Оп. 12. Д. 4. Л. 1–2). Из текста видно, что они представляют собой копию справки Военной коллегии с какими-то подсчетами ее владельца. Сведения о количестве податного населения, с которого взимались рекруты, взяты из разных источников: 1) по 1739 г. использовались подсчеты Е. В. Анисимова (Податная реформа... С. 111). Далее — количество податного населения по II и III ревизиям из работы В. М. Кабузана «Народонаселение в России в XVIII — первой половине XIX века». М., 1963 (С. 59–64; 64–68). В скобочках указан подсчет к уточненному перед началом следующей ревизии числу душ. II ревизия — 6 614 529 (6 778 640); III ревизия — 7 632 060 (7 865 002). Нетрудно определить по таблице, что правительство часто исходило из других подсчетов общего числа душ м. п., но нас интересует **реальная** тяжесть для населения рекрутских наборов.

* Перевод дворов в души осуществлен следующим образом: суммированы данные по числу дворов и числу душ по основным губерниям России, приводимые П. Н. Милюковым («Государственное хозяйство России...» С. 408–412) на 1710 г., и из их отношения определено среднее число душ на двор (3,88 души).

** В 1732 г. был определен еще и набор с ямщиков в России с 39 душ, и с них же в Сибири — с 22,5 душ.

*** В 1737 г. рекруты не брались с однодворцев южных губерний и провинций (Воронежской, Белгородской, Тульской и Рязанской), которые обслуживали армейские перевозки, и было определено взять с церковников 7000 чел. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 4. Л. 1 об.)

**** В 1738 г. не брались с тех же губерний, в 1739 — также (Там же).

***** В 1741 г. с них же по обоим наборам брались рекруты по вдвое уменьшенной норме по сравнению с остальными (с 314 и 220 душ). Отсут-

ствие сведений по общему количеству рекрутов за эти годы объясняется тем, что в Военной коллегии не оказалось ведомостей, отосланных в Сенат (там же). Но год царствования Анны Леопольдовны был одним из самых тяжелых по двум своим наборам с незначительного количества душ, вызванным, вероятно, ожиданием шведской войны и необходимостью скомпенсировать потери турецкой. Строго говоря, его тоже можно было бы отнести к периоду аннинского царствования.

Средние расчеты по царствованию Елизаветы приводятся за те годы, по которым есть данные (с 1742 по 1759 г.).

***** В 1743 г. с купечества, дворцовых, монастырских крестьян и прочих категорий населения рекруты брались по уменьшенной норме — 330 душ, и только с помещичьих — с 220 (Там же).

Чем объяснить длительное отсутствие рекрутских наборов в начале царствования Екатерины II — непонятно. Вряд ли в справке пропущены сведения о них, ибо она достаточно скрупулезно фиксирует все особенности наборов, и даже ранние наборы 1710-х гг. по подворному числу.

Особое место занимает комплектование флота рекрутами. Обычно они собирались в ходе общих рекрутских наборов, а затем уже «ассигновались» Военной коллегией Адмиралтейству (12 янв., 18 авг. 1731 г. (ПСЗ. Т. IX. № 5667; 5837); 24 сент. 1733 г. (Там же. № 6490), но в 1737 г. (указы 19 сент. 1737, 14 мая 1738 гг. — ПСЗ. Т. X. №№ 7378, 7583) они должны были собираться с иноверцев Казанской губернии, однако частично и тогда были поставлены Военной коллегией из общего рекрутского набора.

Таблица 7

**Строевой состав русской армии в 1732 — 1736 гг.
(по штатам военного времени)**

Род войск	Офицеры	Рядовые
1. Гвардейская пехота	200	6796
2. Полевая пехота	1950	67 400
3. Гвардейская кавалерия	38	1080
4. Полевая кавалерия	1158	28 750
5. Гарнизонная пехота	1352	58 590
6. Гарнизонная кавалерия	259	7240
7. Ландмилиция	882	21 512
8. Артиллерия	252	7967
9. Инженерные войска	66	762
Итого	6167	200 097

(составлена по данным, приведенным в работе А. К. Баиова. Указ. соч. С. 1-19.)

1) Если взять за основание штат военного времени 1736 г., по которому общая численность сухопутной армии составила 240 405 чел., то процентный состав ее будет следующим:

офицеры — 2,57%; рядовые — 83,23%; нестроевые — 14,2%.

2) Таким образом, 1 офицер приходился в среднем на 39 солдат (вместе с нестроевыми); 1 офицер приходился в среднем на 31 строевого нижнего чина.

3) Общее количество офицеров в России было большим как за счет отставных, так и за счет офицеров, занимающих должности в гражданской администрации.

Таблица 8

**Изменение численного состава полевой армии в результате деятельности
Воинской комиссии**

	Голицынская комиссия					Миниховская комиссия			
	1720 г.	военное время	% к 1720 г.	мирное время	% к 1720 г.	военное время	% к 1720 г.	мирное время	% к 1720 г.
На 1 полк									
1. Пехотный полевой	1497	1659	+10,82	1625	+8,55	1564	+4,48	1407	-6,01
2. Драгунский полевой	1260	1366	+8,41	1353	+7,38	1229	-2,46	1096	-13,02
3. Драгунский гарниз.	1126	1211	+7,55	1211	+7,55	1182	+4,97	1056	-6,22
4. Остзейский гарниз.	1366	1366		1366		1325	-3,01	1325	-3,01
5. Губернский гарниз.	1336	1336		1336		1311	-1,87	1311	-1,87
В целом									
1. Пехота полевая	60 988	60 720		59 228		59 432	-2,6	53 466	-12,34
2. Кавалерия полевая	41 580	40 980		40 590		36 838	-11,4	33 882	-18,5
3. Кавалерия гарниз.	5073	5387		5387		5292	-4,32	4788	-5,6
4. Пехота гарниз.	66 761	66 761		66 569		66 169	-1,5	66 169	-1,5
Вся армия	174 402	173 848	-0,32	171 774	-1,51	166 731	-4,4	157 305	-9,8

Комментарии:

1. Численность полка по Голицынской комиссии получена прибавлением числа нестроевых, приведенных в материалах комиссии (РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 170-170 об.), к числу строевых в полку (Там же. Л. 164-166 об.).

2. Численность армии по материалам Голицынской комиссии подсчитана исходя из состава полков (36 пехотных + 1 батальон + 2 роты; 30 дра-

гунских; 4 драгунских гарнизонных + 1 эскадрон; 21 остзейский гарнизонный; 28 губернских + 1 батальон). Численность мирного состава примерно совпадает с подсчетами самой Голицынской комиссии — 171 792 чел. (получена суммированием общей численности строевых (Л. 164–166 об.) и общего количества нестроевых (л. 170–171 об.) и с подсчетами Миниховской комиссии по Голицынской (л. 562 об. — 565 об.) — 171 739 чел.

3. Расчет численности по Миниховской комиссии совпадает с данными Д. П. Журавского (Указ. соч. С. 29). Подсчитан по данным Миниховской комиссии через штат полков (л. 537–549 об.). Номинальный расчет штатной численности за дальнейшие годы — исходя из реального числа полков в армии, помноженного на их штат.

Таблица 9

Снижение расходов на армию по Голицынской и Миниковской комиссиям

Статьи расходов	Расходы по таблице 1720	Снижение по Голицынской комиссии				Снижение по Миниковской комиссии			
		Военное время	% к статье	Мирное время	% к статье	Военное время	% к статье	Мирное время	% к статье
1. Жалование	2 291 970	А. 47 713 Б. 55 595	2,08 2,042	63 550	2,77	87 840	3,83	213 952	9,34
2. Лошади	402 305	А. 22 144 Б. 28 693	5,5 7,2	57 512	14,29	7717	1,76	78 360	19,48
3. Амуниция	280 643	А. 54 895 Б. 57 922	19,5 20,64	58 672	20,9	31 449	11,21	54 969	19,59
4. Сумма по статье 1-3	2 947 918	А. 124 752 Б. 142 505	4,19 4,79	179 734	6,05	127 006	4,27	347 281	11,67
5. Общая сумма	3 974 670	—	—	—	—	334 034	8,46	596 455	15,10

Комментарии:

1. Таблица рассчитана на основе данных, источники которых приведены в комментариях к таблице 4 приложения 3.
2. Она учитывает лишь те статьи расходов, снижение по которым было просчитано обеими комиссиями, с тем, чтобы иметь их сопоставимую картину.
3. Поскольку по отдельным статьям расходов для военного времени есть два варианта решений Голицынской комиссии, то они учтены здесь под буквами А и Б.

Таблица 10

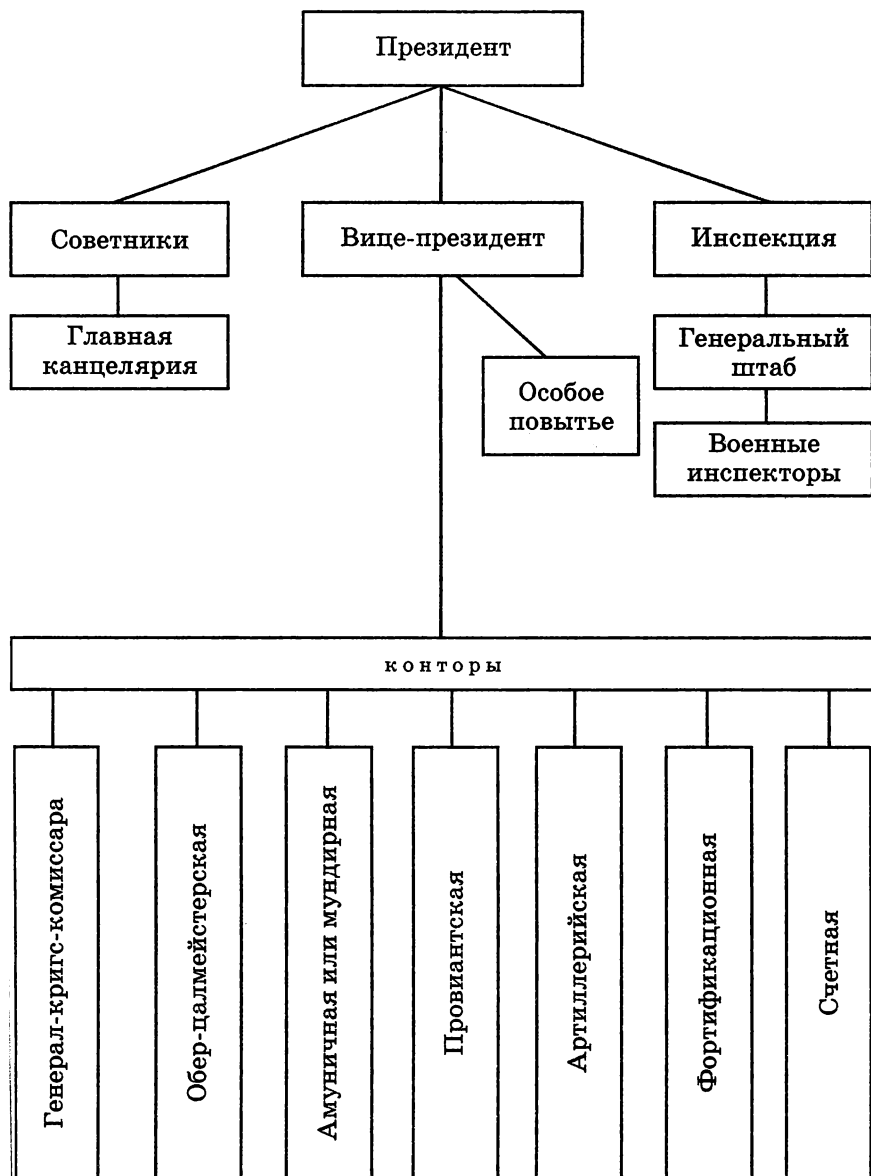
Снижение расходов на сухопутную армию по Миниковской комиссии

Статья расходов	Расходы по таблице 1720 г.	Военное время	% к статье	% в снижении	Мирное время	% к статье	% в снижении
1. Жалование, на мундир и мясных	2 291 970	87 842	3,83	21,87	213 952	9,33	33,14
2. Провиант и соль	843 755	188 755	22,38	46,19	226 463	25,37	35,08
3. Генералитетский и офицер- ский рацион	117 725	14 440	12,27	3,60	18 688	15,87	2,89
4. Канцелярские расходы (генералитет и гарнизоны)	11 552	3831	33,16	0,95	4022	34,81	0,62
5. Покупка строевых лошадей	74 833	+67 624	+90,36	+16,83	+49 032	+65,51	+7,60
6. Покупка подъемных лошадей	20 608	7547	36,62	1,88	10 975	53,25	1,70
7. Фураж лошадям	306 860	67 794	22,09	16,88	116 418	37,93	18,04
8. Ружье и амуниция	280 643	31 449	11,21	7,83	54 969	19,59	8,52
9. Итого (чистое снижение)	3 947 670	401 658	10,17	100,00	645 487	16,35	100,00
10. Снижение с учетом роста расходов по статье	3 947 670	334 033	8,46		596 455	15,10	100,00
11. Общее снижение за счет статей 1-8	4 000 000	334 033	8,35	63,91	596 455	14,91	75,97
12. Другие причины снижения	4 000 000	188 655	4,72	36,09	188 655	4,72	24,03
13. Снижение в целом	4 000 000	522 689	13,07	100,00	785 111	19,63	100,00

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 330 об. - 332.

Приложение 4

Новая структура Военной коллегии 1736 г.

Приложение 5

Таблица 11

Структура расходов на Адмиралтейство в 1731–1734 гг.

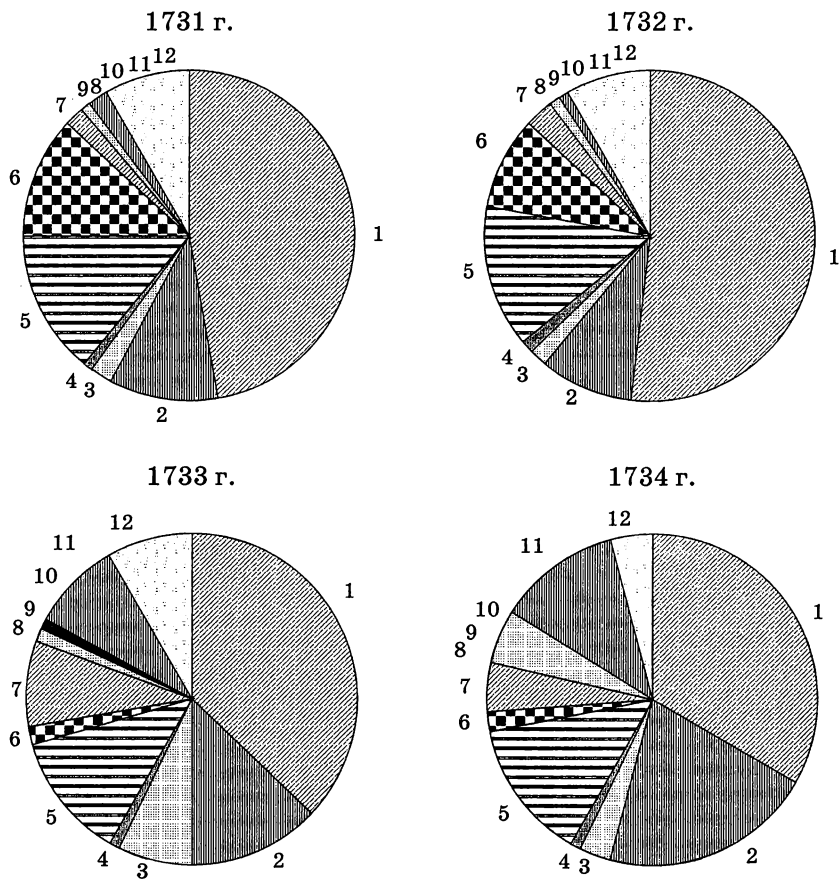
Статья расходов	1731	1732	1733	1734
1. Жалование	579 426	569 177	409 509	454 518
% в общей сумме	48,61%	51,25%	39,37%	32,38%
2. Провиант и рационы морским и сух. офицерам	81 432	117 054	114 505	275 544
%	6,83%	10,53%	11,01%	19,9%
3. Мундир	амуниция, порох	37 620	24 198	61 995
%	3,16%	2,18%	5,96%	3,32%
4. Медицина	10 133	10 624	8280	10 535
%	0,85%	0,96%	0,80%	0,76%
5. Материалы и лес	179 893	138 040	140 933	198 318
%	15,09%	12,43%	13,55%	14,33%
6. Транспортные расходы	107 040	68 186	15 722	26 140
%	8,98%	6,14%	1,51%	1,89%
7. Зарплата мастеровым	30 536	45 185	61 708	64 332
%	2,54%	4,07%	5,93%	4,65%
8. Строение Кронштадта и Рогервика	17 768	10 085	21 291	—
%	1,49%	0,91%	2,05%	—
9. Содержание Морской академии	21 588	7010	—	—
%	1,81%	0,63%	—	—
10. Уплата долгов	2000	879	3910	67 322
%	0,17%	0,08%	0,37%	4,86%
11. Чрезвычайные расходы в пути	—	—	139 155	167 384
%	—	—	13,38%	12,09%
12. Остальные расходы	124 839	120 245	63 192	74 162
%	10,47%	10,83%	6,07%	5,36%
Итого	1 192 095	1 110 683	1 040 200	1 384 259
%	100%	100%	100%	100%

Таблица подсчитана по данным о приходе и расходе на Адмиралтейство, содержащимся в перечневой ведомости 1735 г. о приходе и расходе по

годам (РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. ЛЛ. 680–689). В ней учтены наиболее значительные и стабильные статьи расходов на флот, суммы по которым, как правило, оказывались более 1% (исключение, пожалуй, составляет лишь статья о неходячей монете, отосланной для передела, которая за 1731 и 1732 гг. дает соответственно 7,55% и 3,07% расходов).

Диаграмма 1

Структура расходов на Адмиралтейство (1731–1734)

Приложение 6

Таблица 12

Структура уплаты жалованья Адмиралтейством
за 1731–1734 гг.

	1731	1732	1733	1734
1. Жалованье на текущий год	51,69%	65,56%	73,91%	67,93%
2. Жалованье на предыдущий год	47,24%	28,81%	22,33%	28,47%
3. Жалованье за предшествующие предыдущему годы		2,49%	0,72%	0,48%
4. Пенсионные и обеспечение от- ставных проездом и т. д., наградные	0,71%	2,31%	2,77%	3,11%

Примечание: Сумма по 1732 г. не дает 100%, так как в ней не учтены 0,83% жалованья, выплаченные на следующий, 1733 г.

Таблица 13

Количественные изменения в составе русского флота
в итоге работы Военской комиссии 1732 г.

	Табельное число до комиссии	Состав по решениям комиссии 1732 г.	Убыль или прибыль	%
1. Адмиралтейство	8638	7246	-1 392 (-1 919) (+527)	-16,11% (-22,22%) (+6,11%)
2. Корабельный флот	10 097	10 570	+473 (-459) (+932)	+4,69% (-4,55%) (+9,23%)
3. Галерный флот	1613	1686	+73	+4,53%
4. Сухопутные части флота	5746	4982	-763 (-861) (+98)	-13,29% (-14,99%) (+1,70%)
5. Морская артиллерия	1953	2043	+90 (-224) (+314)	+4,61% (-11,47%) (+16,08%)
Итого (без галерного)	26 434	24 841	-1 593 (-3 463) (+1 870)	-6,03% (-13,10%) (+7,07%)
Итого (с галерным)	28 047	26 527	-1 520	-5,42%

Таблица составлена на основе табелей, приложенных к соответствующим доношениям ВМК: гр. 1 — Кн. 544. Л. 622; гр. 2, 3 — Там же. Л. 636 об.; гр. 4 — Там же. Л. 652–659; гр. 5 — Там же. Л. 695. Большинство этих данных есть и в 44 т. ПСЗ, но там даны лишь итоговые данные о конечном составе и в большинстве случаев отсутствует графа об убыли и прибыли. Особенно сложное положение с графой 3 по галерному флоту. До комиссии он не имел строго утвержденного штата. В доношении ВМК (Кн. 544. Л. 638–644 (в ПСЗ — в виде доклада Сената от 9 мая 1733 г., Т. IX. № 6396) отсутствует личный состав галерного флота до комиссии. Поэтому он вычислен исходя из сведений, сообщенных во мнении Н. А. Сеньявина (2026 чел. минус состав трех солдатских рот, определенный в 413 чел. (Кн. 1089. Л. 723 об.; Л. 20 об.)). Скорее всего, данные о галерном флоте вошли в общие данные по корабельному флоту, так как в доношениях Сиверса, учитывающих их вместе, общий состав флота определялся в 26 809 чел.

* Иван Неплюев — русский посланник в Константинополе.

** В том числе — прокурор коллегии.

*** На Липецких заводах.

Всего офицеров:

1. Штат	272	100,0%
2. Наличных	274	100,74%
3. Русских	199	72,63%
4. Иностраных	75	27,37%
5. В отпуску	22	8,03%
6. В провинции	19	6,93%
7. В отпуску и провинции (вместе)	41	14,96%

Рассчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 487–504.

**Состав флота на 1732 г. и его
Штат**

№ по п/п	РАНГ	Штат 1720 года	Количество на 1732 г.			Штат 1732 г. (ВМК)		
			коли-чество	% в со-ставе	% к штату 1720 г	коли-чество	% к штату 1720 г	коли-чество
	корабли							
1.	100	-/+/*	1	2,78%	—	—	—	1
2.	90	3	3	8,33%	100	—	—	—
3.	88	—	4	11,11%	—	—	—	—
4.	80	4/+	—	—	—	4	100	—
5.	76	2	/2/**	5,55%	100	—	—	—
6.	68	—	1	2,78%	—	—	—	—
7.	66	12/+	10	27,78%	83,33%	16	133,3%	2
8.	64	—	2	5,55%	—	—	—	—
9.	56	—	1	2,78%	—	—	—	—
10.	54	-/+	10	27,78%	—	7	—	5
11.	52	—	1	2,78%	—	—	—	—
12.	50	6	—	—	—	—	—	—
13.	44	—	1	2,78%	—	—	—	—
	итого	27	36	100%	133,3%	27	100%	5
	фрегаты							
1.	44	—	3	23,08%	—	—	—	2
2.	32	6/+	7	53,85%	116,7%	6	100%	4
3.	28	—	2	15,38%	—	—	—	2
4.	16	—	/1/	—	—	—	—	—
	итого	6	12	100%	150%	6	100%	8
	шнявы							
1.	20	—	1	33,33%	—	—	—	—
2.	16	3	/1/	—	—	—	—	—
Всего судов		36	5	100%	141,7%	33	—	17

/+/* — ранги, которые Петр I планировал ввести в 1723 году.

// ** — знак судна, находящегося в ремонте.

Всего годных к плаванию — 47,88% штатного числа и 36,11% наличного числа кораблей.

Годных на рейде (через два года — негодны) и негодных — 58,34% (с ремонтом кораблей).

Годных к плаванию фрегатов — 9 (150% к штату), шнявы — 66,6% к штату 1720 г.

Всего годно к плаванию — 45,09% состава и 63,98% штатного числа всех судов. В ремонте — 7,84% судов.

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 544. Л. 69 об. (штат 1720 г.); Л. 69 об. (штат 1723 г.); Л. 178 (штат 1732 г.).

Таблица 15

соответствие штатам 1720 г.
1732 г.

На 1732 по боеиспособности								
боеиспособных		ограниченно годных			годных на рейде		негодных	
% в составе	% к штату 1720 г.	коли- чество	% в составе	% к штату 1720 г.	коли- чество	% в составе	коли- чество	% в составе
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	3	8,33%	—	—
—	—	—	—	—	4	11,11%	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	/2/	/5,55% /
—	—	—	—	—	—	—	1	2,78%
5,55%	16,6%	3	8,33%	25%	2	5,55%	3	8,33%
—	—	—	—	—	—	—	2	5,55%
—	—	1	2,78%	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	2,78%	4	11,1%
—	—	1	2,78%	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	2,78%	—	—
22,2%	29,63%	5	13,89%	18,52%	11	30,56%	10/2/	27,8% /5,5% /
15,38%	—	1	7,69%	—	—	—	—	—
30,77%	66,7%	—	—	—	—	—	3	25,0%
15,38%	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	/1/	—
61,54%	133,33%	1	7,69%	—	—	—	3/1/	25,0%
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	/1/	—
33,33%	47,22%	6	11,76%	16,67%	11	21,57%	13/4/	25,49% /7,84% /

Приложение 8

Характеристика мнений флагманов

Флагманы	1	2	3	4	5	6	7
1. Сиверс Питер	+3, 3	5		44а, 45	53, 54	64, 66, 67б, 68, 69в	73а, 74, 76, 76а, 76в, 77, 78, 79
2. Гордон Томас	+5, 3	24а 5		42а, 45, 47	54, 54а	—	79, 79а
3. Вильстер	+4, 2	24а, 26, 29а, 5		45	53, 54, 59, 59б	64, 66, 67, 67г, 69в	73а, 74, 79, 79б
4. Сандерс Томас	+3, 3	24	31, 32, 35	42а, 45, 48	54, 55, 59, 59б	64, 66, 67а, 67г, 68б, 69а, 69в	75, 75а, 76
5. Сенявин Н. А.	-6, -3	23, 27, 29а, 4	31, 33, 35	41, 44, 49а, 49б	53, 55, 56, 59б	61, 62, 63, 67а, 67в, 69а, 69в	71, 79в
6. лорд ДUFFY	—	25	—	49б	52, 54, 54а	63	75, 76а
7. Госслер Мартин	—	—	—	43, 45, 46, 48	59а	69б	76б
8. Бредаль Питер	+2, 2	24, 27, 6	35	44, 45а, 48, 49а	59	61, 64, 66, 68б	75, 75б
9. Дмитриев- Мамонов В. А.	0	23, 24, 27, 4	34, 31, 32, 33, 34	—	55, 56, 59б	61, 67а, 69, 69а, 69б	78, 79

- — указано 3 фактора.
 — указано 4 и более факторов.

Таблица 16

о состоянии флота

8	9	10	11	12	13	14	15
82, 83	92, 94, 95	101	115	121, 122	132		4 февраля
82, 83, 86	—		115				3 февраля
81, 83	91, 92		113, 114, 116	122, 123			31 января
82, 83, 84, 85, 86	92, 93			121, 122	135а	142, 144, 145	5 февраля
87	92			124	131, 133, 134, 135, 136	143, 144, 145, 146	5 февраля
81, 83, 84, 86	—		112				15 февраля
—	92			122			1 февраля
83, 84, 86	92, 93			122, 123	132, 134	142	17 февраля
81, 83, 86	92				132, 134	143, 144, 145	1 февраля

Методика анализа мнений флагманов русского флота

Для удобства учета мнений флагманов, определения степени их ориентировки в различных факторах, влияющих на состояние флота; выявления степени их влияния на решения, принятые в последующем комиссией, а также для того, чтобы определить господствующие в верхушке флотского руководства представления о состоянии и нуждах русского флота, автор счел удобным представить их мнения в виде таблицы 16.

Всего в таблице выделены 14 граф: 1 — «общее количество кораблей»; 2 — «ранги кораблей»; 3 — «причины, влияющие на определение рангов кораблей и их количества»; 4 — «кораблестроение»; 5 — «факторы, влияющие на состояние флота».

яющие на кораблестроение»; 6 — «корабельный лес»; 7 — «личный состав флота»; 8 — «управление флотом»; 9 — «порты и базы флота»; 10 — «финансирование флота»; 11 — «обучение личного состава»; 12 — «отдельные структурные единицы флота»; 13 — «галерный флот»; 14 — «факторы, определяющие необходимость того или иного флота для России»; 15 — «дата подачи флагманами мнения в Кабинет». В графах приводятся порядковые номера нижеперечисленных признаков (если их можно выделить несколько, то указываются все порядковые номера).

Выделение признаков. Графа 1. — Цифрой со знаком «+» или «—» показываются планируемые по отношению к петровскому штату изменения. 1 — изменения касаются основного состава; 2 — изменения имеют целью создать резерв кораблей.

Графа 2. «Ранги кораблей». Цифрой до десятка указывается общее количество рангов. 22 — строить корабли крупных рангов (3-палубные, свыше 80 пушек); 23 — не строить кораблей крупных рангов; 24 — сократить количество кораблей крупных рангов; 24а — увеличить количество кораблей крупных рангов (если не высказались по вопросу — прочерк), 26 — основной ранг кораблей — тяжелые; 27 — основной ранг корабля — 66-72 пушки; 28 — основной ранг корабля — 56-60 пушек; 29 — возможен мирный комплект кораблей; 29а — изменить штат фрегатов и шняв.

Графа 3. «Причины, влияющие на определение рангов кораблей и их количества». 31 — негодны для погодных условий Балтийского моря; 32 — фарватеры и глубины портов; 33 — недостаток леса для строительства; 34 — не играют определяющей роли в бою и без них можно обойтись; 35 — ориентация на флот вероятного противника.

Графа 4. «Кораблестроение» (включает мнения по темпам строительства кораблей, материалам, необходимым для них, и верфям). 41 — строить корабли до комплекта (в общей форме); 42 — строить, пока не придут в комплект, по 3 корабля в год; 42а — строить по 4 корабля; 43 — строить по 2 корабля в год; 44а — строить до комплекта по одному кораблю, а после можно только чинить; 44 — открыть строительство кораблей в Архангельске; 45 — разломать старые корабли; 46 — использовать дерево от старых кораблей в починку; 47 — оно негодно в починку; 48 — изменить технологию подготовки отдельных материалов; 49а — употреблять другие виды леса, кроме дуба, на корпуса; 49б — возможно, предпринять закупку леса за границей.

Графа 5. «Факторы, влияющие на качество кораблей». 53 — лес в самой общей форме; 52 — низкое само по себе качество русского дуба; 53 — использование сырого леса; 54 — лес рублен не вовремя. 55 — недостаток леса на строительство русских кораблей; 56 — высокая стоимость транспортировки леса; 57 — плохая технология заготовления отдельных материалов; 58 — плохое хранение леса на верфях; 59 — долгое нахождение корабля на стапеле; 59а — балласт на корабле; 59б — море, фарватеры и погодные условия; 54а — использование старого леса.

Графа 6. «Корабельный лес». (Позволяет охарактеризовать: 1) обеспеченность России корабельным лесом; 2) качество леса; 3) состояние лесоохраны и лесной службы; 4) недостатки в заготовлении и транспортировке лесов). Главная проблема — дубовый лес на корабельные корпуса.

61 — недостаток корабельного леса в России; 62 — истощение запасов леса; 63 — плохое качество русского дуба вообще; 64 — необходимо улучшение лесоохраны и лесной службы; 65 — возможно рассмотреть закупку леса за границей; 66 — необходимо рубить лес вовремя; 67 — не использовать в кораблестроении сырой лес; 67а — наблюдается особенно сильный недостаток в лесу для строения крупных судов; 67б — используется старый и переросший лес; 67в — необходимо уже сразу рубить лес на определенные части и определенное количество кораблей; 67г — необходимо заранее поставлять рубщикам информацию о необходимых сортах леса; 68 — необходим сев леса. 68б — необходима частичная обработка леса на месте; 69 — вырублены леса близко к рекам; 69а — необходимо сократить расходы на транспортировку. 69в — необходимо хранить лес на верфях под крышей и по сортам.

Графа 7. «Личный состав флота». 71 — возможно сократить личный состав флота; 72 — возможен частичный переход на мирный штат; 73а — офицерский, 73б — рядовой; 74 — невозможен мирный штат рядовых из-за отсутствия в России обученных матросов. 75 — в России излишнее число офицеров вообще; 75а — можно сократить количество офицеров высших рангов; 75б — сократить количество офицеров низших рангов; 76а — сократить офицерский корпус за счет нежелающих служить (знатного шляхетства); 76б — за счет увеличения отпусков в мирное время; 76в — за счет количества кандидатов в офицеры из гардемарinov, мичманов и штурманов; 77 — заменить сухопутных офицеров при морских подразделениях морскими; 78 — убавить интендантов. 79 — сохранить в основном петровский штат; 79а — прибавит плотников на судах; 79б — перераспределить количество офицеров по рангам; 79в — увеличение личного состава флота.

Графа 8. «Управление флотом». 81 — разделить Адмиралтейскую коллегию, ведающую флотом, и техническую часть — Адмиралтейство. 82 — разделить руководство флотом, кораблестроение и снабжение. 83 — ввести непременно членов в Адмиралтейской коллегии; 84 — упорядочить хранение и выдачу корабельных припасов; 85 — упорядочить финансовую отчетность; 86 — ввести постоянный офицерский состав в технических службах флота; 87 — разделить сам боевой флот на постоянные структурные единицы — эскадры.

Графа 9. «Порты и базы флота». 91 — строить Рогервик как основной порт на Балтике; 92 — как можно скорее строить доки в Кронштадте; 93 — отложить строительство в Кронштадте каменной гавани; 94 — прибавить рабочей силы на строительстве; 95 — убавить число стапелей для строительства судов.

Графа 10. «Финансирование флота». 101 — финансировать флот из центральной государственной кассы; 102 — другие возможные варианты.

Графа 11. «Обучение личного состава». 111 — налицо плохое обучение офицеров; 112 — вообще плохое состояние офицеров; 113 — учредить Морской кадетский корпус; 114 — организовать особые учебные плаванья на нескольких судах; 115 — ежегодно снаряжать эскадру в плавание на 2–3 месяца; 116 — ежегодно снаряжать эскадру в плавание на 3–4 месяца.

Графа 12. «Основные структурные единицы во флоте». 121 — ликвидировать морской батальон; 122 — ликвидировать Ревельскую эскадру;

123 — учредить эскадру в Архангельске; 124 — учредить эскадры с постоянным составом как структурные единицы флота.

Графа 13. «Галерный флот». 131 — увеличить число галер. 132 — сохранить прежнее число галер и мирный штат; 133 — ликвидировать отдельные виды галер; 134 — изменить соотношение между видами галер; 135 — изменить личный состав галерного флота; 136 — изменить офицерский состав галерного флота; 136 — употреблять для строительства галер другие виды леса.

Графа 14. «Факторы, определяющие необходимость того или иного состава флота для России». 141 — необходим в первую очередь корабельный флот; 142 — состояние флота вероятного противника. 143 — крупные линейные корабли не играют во флоте решающей роли. 144 — характеристики Балтийского моря и портов России; 145 — лес; 146 — галерный флот имеет самостоятельное и иногда более важное, чем корабельный, значение.

Приложение 9

Таблица 17

Штатный численный состав русского флота на конец 1731 г. и жалование ему

Флотские подразделения	Количество людей	% к общему составу	Жалование	% к общему по флоту
1. Корабельный и галерный флот	15 626	58,3%	353 182	58,8%
2. Гардемаринская рота	169	0,6%	4402	0,7%
3. Адмиралтейский батальон	599	2,2%	8279	1,45%
4. Госпитали, назначенные к отставке	289	1,1%	8969*	1,50%
5. Мастерские и административные служители в 6 портах	8288	30,9%	170 771	28,4%
6. Персонал и работающие на задельном жалованье на адмиралт. заводах	922	3,7%	10 234	1,7%
7. Служители в контролах	433	1,6%	32 032	5,33%
8. Галерные 3 роты	413	1,6%	5475	0,9%
ИТОГО:	26 809	100,0%	593 344	98,78% ***
9. Канцелярские чины коллегии	41		3900	
10. Служащие Вальдмейстерской конторы	53		639**	

Таблица составлена по ведомостям о сумме на флот (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 5–54 об.). На л. 45 помещена сводная ведомость, которая не учитывает почему-то в составе флота численность канцелярских служителей и Вальдмейстерской конторы, а называет общий состав флота в 26 809 чел. (поэтому и нами они не включены в 100%); в ней же общая сумма жалования на флот оказывается почему-то больше, чем если суммировать жалование всем подразделениям и чинам при коллегии и Вальдмейстерской конторе, а именно 600 699 р.

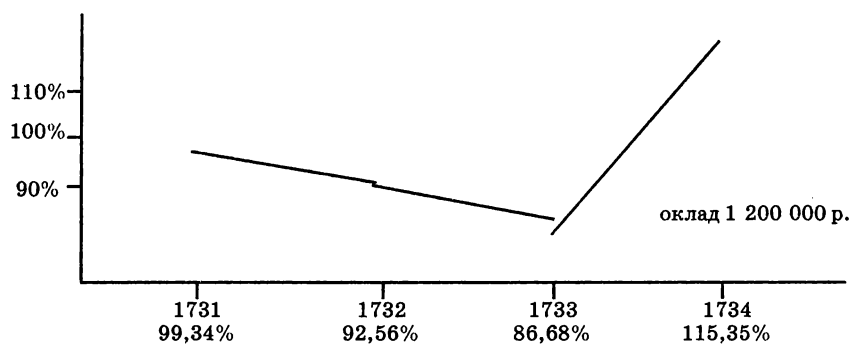
* — В сумму входят 300 р. жалования церковным причетникам, число которых не указано.

** — Жалование они получали из штрафных за незаконные порубки, не входивших во флотский оклад.

*** — Проценты определены к общей сумме жалования (600 699 р.), указанной в сводной ведомости.

График 1

Динамика расходов на флот в 1731–1734 гг.

Приложение 10

Таблица 18

Строительство судов Балтфлота за 1710–1762 гг.

Ранги Темп стр-ва и за- кладки	1708–1722		1723–1730		1731–1740		1741–1762	
	колич- во	средний срок стр-ва	колич- во	средний срок стр-ва	колич- во	средний срок стр-ва	колич- во	средний срок стр-ва
1. 50–60 пуш.	18	1 г. 9,6 м.	4	4 г. 5,5 м.	9	1 г. 3,3 м.	6	1 г. 1 м.
2. 64–74 пуш.	11	3 г. 7,2 м.	1	8 л. 3 м.	9	1 г. 5 м.	23	1 г. 2,3 м.
3. 80–100 пуш.	7	4 г. 2 м.	1	4 г.	1	4 г. 1 м.	10	2 г. 3,4 м.
4. Всего судов построено	36	2 г. 9,7 м.	6	5 л. 2 м.	19	1 г. 5,9 м.	39	1 г. 4,5 м.
5. Всего судов заложено	40		2		24		33	
6. Построено в среднем в год	2,25		1,2		1,6		1,86	
7. Заложено в среднем в год	2,35		0,4		2		1,57	

Комментарии:

1. Если учесть, что кораблестроительная программа Анны Иоанновны начала разворачиваться только с 1733 г., когда вступали в действие первые суда, заложенные в 1732 г., то в среднем в год строилось 2,11 судна.

2. Средняя продолжительность строительства судна по кораблестроительным периодам, читающимся на графике 1 приложения 10:

1) 1708–1714 — до начала строительства тяжелых кораблей.

2) 1715–1722 — период строительства основного ядра флота, характеризующийся преимущественно строительством тяжелых кораблей.

3) 1723–1730 — в основном достройка немногих кораблей, начатых в царствование Петра I, самый бедный относительно заложенных кораблей.

4) 1731–1741 — период строительства при Анне Иоанновне и Иоанне Антоновиче с двумя всплесками в закладке судов.

5) 1742–1751 — первый цикл строительства кораблей при Елизавете.

6) 1752–1761 — второй кораблестроительный период при Елизавете, характеризующийся увеличением строительства 90-пушечных кораблей. Все периоды выделены по заложенным кораблям.

1) 1708–1714 — 2 г. 8 мес.

2) 1715–1722 — 3 г. 9 мес.

3) 1723–1730 — 4 г. 4 мес.

4) 1731–1741 — 1 г. 6 мес.

5) 1742–1751 — 1 г. 4 мес.

6) 1752–1762 — 1 г. 7 мес.

График 1

Динамика закладки, постройки и покупки линейных кораблей в 1708—1762 гг.

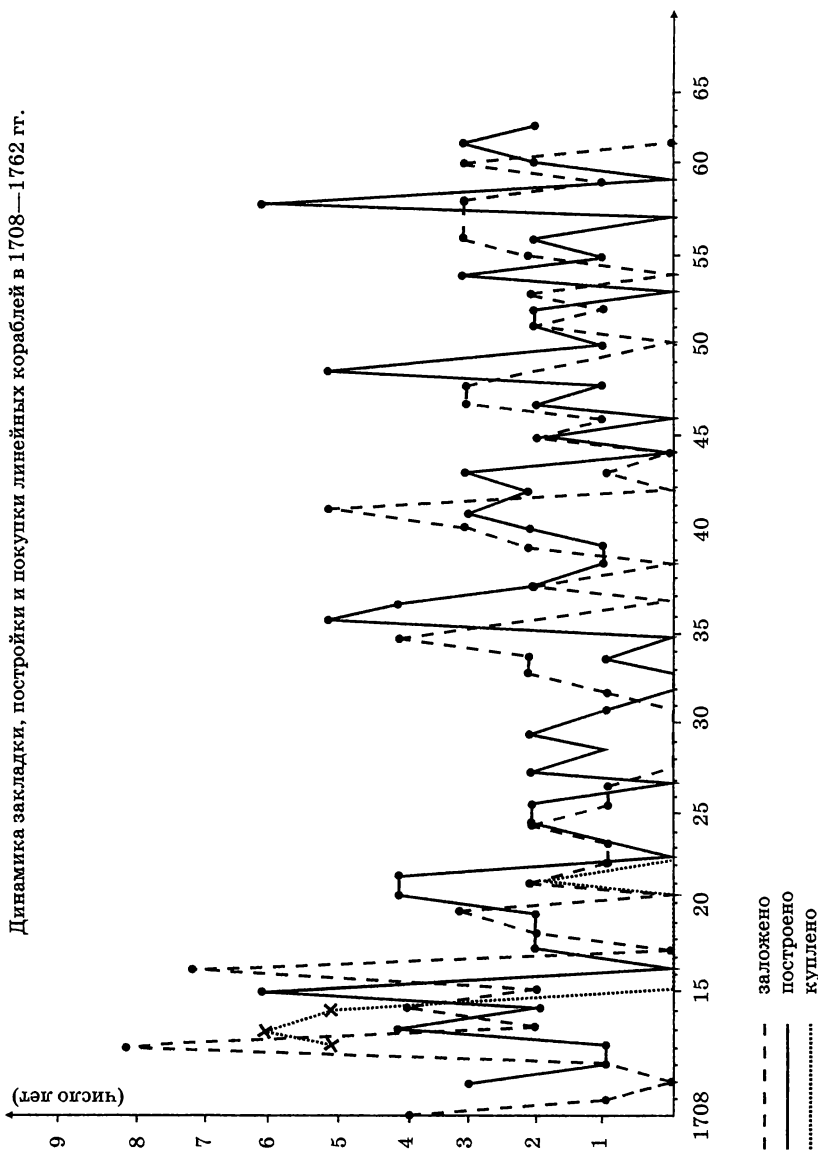
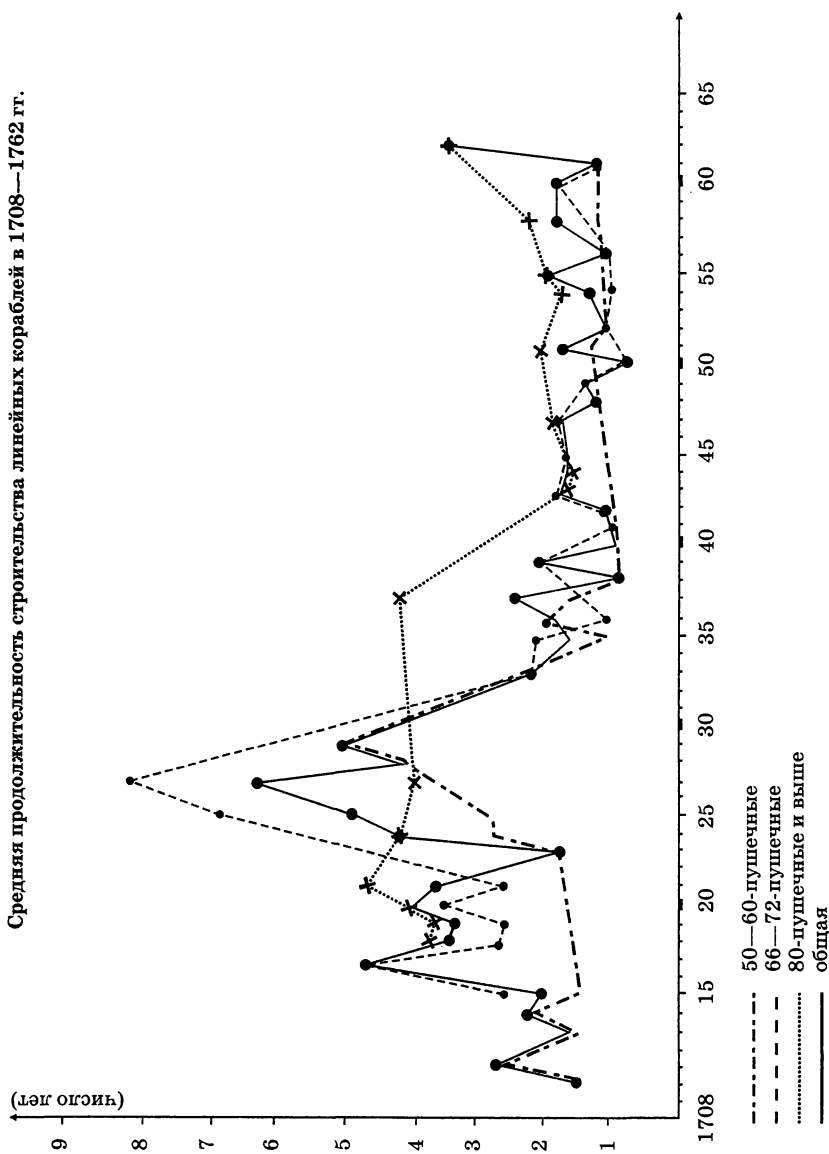

График 2

Средняя продолжительность строительства линейных кораблей в 1708—1762 гг.

Приложение 11

Таблица 19

Изменения в структуре и численном составе армии по проекту 1740 г.

	Штаты 1730-х гг.		Планируемые изменения					
	кол-во полков	кол-во людей	кол-во полков	изменения в кол-ве частей	изменения в численности в военн. вр.	% к штату	изменения в численности в мирн. вр.	% к штату
1. Полевая армия	70	98 196	70	0	-22 917	-23,34%	-40 206	-40,95%
2. Гарнизонные части	54	67 364	62	+8	+10 397*	+15,43%	+10 397*	+15,43%
3. Ландмилиция	24	27 161	31	+7	+8 736	+32,16%	+8 736	+32,16%
Итого	148	192 721*	163 (+1 б.)	+15 п. 1 б.	-3784*	-1,96%	-21 073*	-10,93%
С учетом внештатных частей (16 п. + 1 бат.; 24 173 чел.)	164 (+1 б.)	216 894	163 (+1 б.)	-1	-21 957	-12,89%	-45 248	-20,86%

Источники таблицы: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1167 об.-1169.

* Общая численность, вычисленная нами, совпадает для штата 1730-х гг. с итоговыми вычислениями проекта, но другие подсчеты, отмеченные (*), разнятся (в проекте: +10 602); различается и общая численность — 188 943 в военн. вр. (наш подсчет — 188 937); 171 654 (наш — 171 648).

Таблица 20

Сокращение расходов на армию по проекту 1740 г.

	Штаты 1730-х гг. расходы (в руб.)	военное время			мирное время		
		планируемые расходы	сокращение расходов	% сокращения	планируемые расходы	сокращение расходов	% сокращения
1. Полевая армия	2 765 291	2 433 477	331 814	12%	1 736 237	1 029 054	37,21%
2. Гарнизонные части и обер-коменданты	901 709	887 694	14 014	1,55%	887 694	14 014	1,55%

Окончание табл. 20

	Штаты 1780-х гг. расходы (в руб.)	военное время			мирное время		
		планируемые расходы	сокращение расходов	% сокращения	планируемые расходы	сокращение расходов	% сокращения
3. Ландмилиция	336 350	393 709	+57 360	+17,05%	218 480	117 870	35,04%
4. Низовой корпус	423 720	181 850	241 870	57,08%	181 850	241 870	57,08%
5. Прочие части	86 980	86 980	0	0	77 441	9539	10,96%
Итого	4 514 050	3 983 711	530 338	11,74	3 101 702	1 412 347	31,28%

Источники таблицы: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1169–1169 об.

Таблица 21

Сокращение расходов на армию в мирное время

1. Полевая армия	331 814	62,6%
2. Гарнизонные части	13 744	2,59%
3. Ландмилиция	+57 360	+10,82%
4. Низовой корпус	241 870	45,63%
5. Прочие части	0	0
Итого	530 068	100%

Диаграмма 2

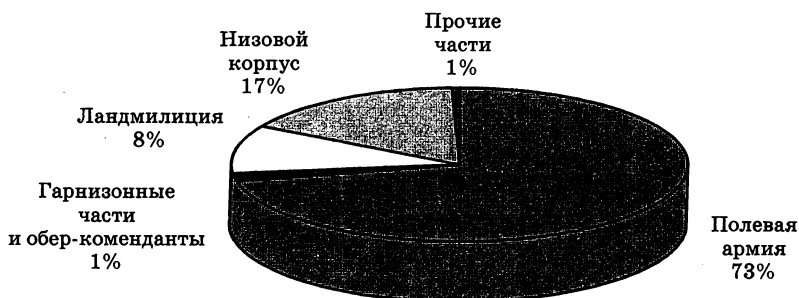
Сокращение расходов на армию в мирное время
по ее основным подразделениям

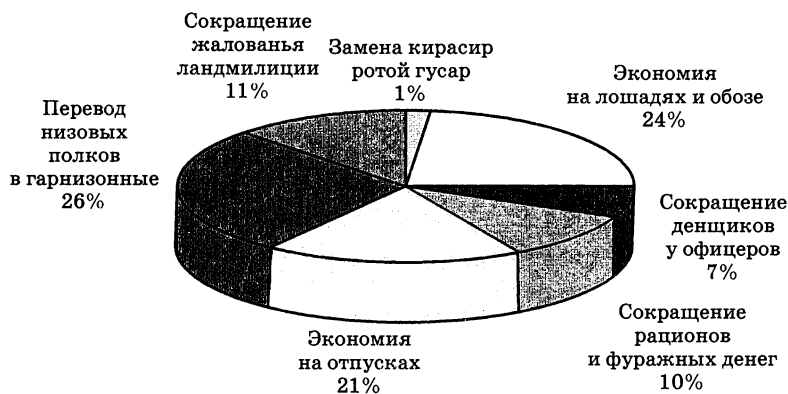
Таблица 22

Сокращение армейских расходов в мирное время (по отдельным статьям)

1. Замена части кирасир ротами гусар	11 300
2. Экономия на лошадях, извозчиках и обозе	239 049
3. Сокращение денщиков у офицеров	67 175
4. Сокращение рационов и фуражных денег	94 550
5. Экономия на отпусках	211 454
6. Перевод низовых полков в гарнизонные	263 389
7. Сокращение жалования ландмилиции	105 270
Итого	992 187

Диаграмма 3

Сокращение армейских расходов в мирное время

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИСТОЧНИКИ

Архивные:

1. РГАДА. Ф. 248 (Сенат) — Кн. 1899, 1900, 1901, 1902, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910; Кн. 1988–2034 (выборочно) — журналы и протоколы Сената.
2. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1091, 1092, 1083, 1089, 1108, 1109, 1121, 1137, 1147, 1163, 1175, 1181, 1182 — дела Сената по Кабинету министров.
3. РГАДА. Ф. 248. Кн. 386, 387, 389, 390, 392, 394, 477, 478, 493, 495, 555 — дела Сената по Военной коллегии.
4. РГАДА. Ф. 248. Кн. 542, 544 — дела Сената по Адмиралтейской коллегии.
5. РГАДА. Ф. 248. Кн. 161, 164, 527, 529, 618, 619, 624, 839, 840, 843, 846, 853 — дела Сената по Сибирскому приказу, Камер-коллегии и Штатс-конторе.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 48, 215 — дела по Секретной экспедиции Сената.
7. РГАДА. Ф. 177. (Кабинет министров.) Оп. 1. 1731 г. Д. 3; 1733. Д. 4, 5; 1735 г. Д. 77; 1736 г. Д. 100-в; 1737 г. Д. 7, 17а; 1739 г. Д. 17; 1740 г. Д. 11, 101, 102, 117.
8. РГАДА. Ф. 16. («Внутреннее управление».) Д. 32, 33, 77, 99, 100, 104, 156, 163, 183, 185, 340.
9. РГАДА. Ф. 19 («Финансы».) Д. 11, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 70, 134, 141, 142, 215, 244.
10. РГАДА. Ф. 20 («Дела военные».)
11. РГАДА. Ф. 9 («Кабинет Петра 1».) Отд. 1. Кн. 33.
12. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 335; Оп. 6. Д. 7, 14; Оп. 12. Д. 4.
13. РГАДА. Ф. 342 («Новоуложенные комиссии».) Д. 9. Ч. 1; Д. 10. Ч. 1; Д. 27, 35, 36; Д. 34. Ч. 1–2.
14. РГАДА. Ф. 24. Д. 38; Ф. 11 («Переписка разных лиц».) Д. 257, 258, 372, 373, 344, 392, 393, 582, 597, 619.
15. РГАДА. Ф. 3. Д. 4, 5, 6; Ф. 6. Д. 164, 170, 180, 189, 195, 196, 199, 219 — следственные дела по государственным преступлениям.
16. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 468, 1250, 1300.
17. РГА ВМФ. Ф. 146. Д. 1–6, 13, 26, 34, 40, 46, 58.
18. РГВ. Отдел рукоп. Ф. 64. Д. 25, 32, 34.

Опубликованные источники

1. Бирон Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста Иоганна Бирена, герцога Курляндского // Хмыров М. Д. Исторические статьи. — СПб., 1873. — С. 313–318.
2. Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны // Сб. РИО. — Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. — Юрьев, 1898–1915.
3. Волинский А. П. «Мнение» 1735 г. // Отеч. зап. — 1860. — № 6. — С. 593–605.
4. Голицын Н. В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. — СПб., 1907. — № 4. — С. 519–543.
5. Данилов М. В. Записки артиллерии майора елисаветинских времен М. В. Данилова // Русский архив. — М., 1883. — № 3. — С. 1–67.
6. Депенш Вестфалена, датского посланника // Русская старина. — СПб., 1909. — № 1. — С. 193–211; № 2. — С. 279–298; № 3. — С. 537–554.
7. Де-Лириа. Записки дюка Лирийского // РА. — 1909. — Кн. 1. — С. 337–429.
8. Де-Лириа. Письма о России в Испанию дюка де-Лириа // Осьмнадцатый век. — Кн. 2. — М., 1869. — С. 1–214; Кн. 3. — С. 27–132.
9. Донесения английских послов и посланников при русском дворе // Сб. РИО. — Т. 66. — СПб. 1889; Т. 76. — СПб., 1891; Т. 80. — СПб., 1892.
10. Донесения саксонского посланника Лефорта // Сб. РИО. — Т. 5. — С. 295–479.

11. Донесения французского поверенного в делах Маньяна // Сб. РИО. — Т. 75. — СПб., 1891; Т. 81. — СПб., 1892.
12. Журналы, протоколы и указы Верховного Тайного совета. 1726–1730 // Сб. РИО. — СПб., 1886–1898. Т. 55–56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.
13. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. — М., 1910–1911. — Ч. 1–2.
14. Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. — Кн. II. — С. 135–170.
15. Записка для памяти А. И. Остермана, об управлении Россиею // Архив князя Воронцова. — М., 1880. — Т. 24. — С. 1–5.
16. Записка Меншикова, Остермана, Макарова от 18 ноября 1726 г. // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. — СПб., 1911. Приложение 10. С. 45–58.
17. Императрица Анна Иоанновна и ее современники (Пояснения и примечания к письмам леди Рондо) // Русская старина. — 1878. — № 2. — С. 325–516.
18. Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. — СПб., 1875.
19. Материалы для истории русского флота. — СПб., 1879–1882. Т. VII–IX.
20. Миних Б. Х. Записки фельдмаршала Миниха. — СПб., 1874.
21. Миних Э. И. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания графа Эрнста Миниха. — СПб., 1891.
22. Нащокин В. А. Записки В. А. Нащокина, генерала времен Елисаветинских // РА. — 1888. — № 4. — С. 241–351.
23. О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести. Доклад Сената 6 октября 1725 г. // ЧОИДР. — 1897. — Ч. 4. — С. 29–52.
24. Остерман А. И. Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне. 1740 // Памятники новой русской истории: в 3 т. — СПб., 1873. — Т. 3. — С. 256–277.
25. Представление об утеснениях народа от подушного сбора. 1733 // ЧОИДР. — 1907. — Кн. 2. — С. 29–33.
26. Прелаты ачинских времен // Памятники новой русской истории. — СПб., 1873. — Т. 3. — С. 278–287.
27. Рондо К. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны. — СПб., 1874.
28. Сенатский архив. — СПб., 1889. — Т. 2.
29. Соймонов Ф. И. Из записок Ф. И. Соймонова // Морской сборник. — 1899. — № 9. — С. 94–132; № 10. — С. 85–103.
30. Татищев В. Н. Избранные произведения. — М.; Л.: Наука, 1989.
31. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. — М., 1950.
32. Татищев В. Н. История Российская. — М.; Л., 1962–68. — Т. I–VII.
33. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750. — М.: Наука, 1990.
34. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // ЖМНП. — СПб., 1897. — № 2. — С. 274–291.
35. Шаховской Я. П. Записки князя Я. П. Шаховского. 1705–1777. — СПб., 1872.
36. Ягужинский П. И. Записка П. И. Ягужинского о состоянии России // ЧОИДР. — 1860. — Кн. IV. — Отд. V. — С. 269–273.

2. ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М.: Наука, 1976.
2. Александров Е. В. Краткий исторический очерк развития инженерных войск в русской армии. — М., 1959.
3. Алексеев А. С. Легенда об олигархических тенденциях Верховного Тайного совета в царствование Екатерины I. — М., 1896.
4. Алексеев А. С. Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. — М., 1898.
5. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в 30-х — 50-х гг. XVIII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.

6. Алефиренко П.К. Социально-политические воззрения В.Н.Татищева // ВИ. — М., 1951. № 10.
7. Алефиренко П.К. Экономические взгляды В.Н.Татищева // ВИ. — 1948. — № 12.
8. Анисимов Е.В. Внутренняя политика Верховного Тайного совета. (1726–1730). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1974.
9. Анисимов Е.В. Материалы комиссии Д.М.Голицына о подати // Ист. зап. — М., 1973. — Т. 91. — С. 338–352.
10. Анисимов Е.В. Проект Артемия Вольнского // Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т.: Сб. студ. работ. — Л., 1971. — С. 47–57.
11. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. — Л.: Наука, 1982.
12. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра. — М.: Мысль, 1986.
13. Анисимов Е.В. Анна Ивановна // ВИ. — 1993. — № 4. — С. 19–33.
14. Анисимов Е.В. Россия без Петра. — СПб.: Лениздат, 1994.
15. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997.
16. Анненков И.В. История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848: В 3 ч. — СПб., 1849. Ч. 1–3.
17. Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 3. СПб., 1909.
18. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны: Война России с Турцией в 1736–1739 гг.: В 2 т. — СПб., 1906. — Т. 1–2.
19. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. — СПб., 1840–1841.
20. Бак И.С. Экономические воззрения В.Н.Татищева // Ист. зап. — М., 1956. — Т. 54. — С. 362–381.
21. Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике. Г.Ф.Миллер и А.Ф.Бюшинг. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988.
22. Берх В.Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота: В 4 ч. — СПб., 1831–1836. — Ч. 1–4.
23. Берх В.Н. Первое морское путешествие, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727, 1728 и 1729 под начальством флота капитана 1 ранга Витуса Беринга. — СПб., 1823.
24. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. — М.: Воениздат, 1958.
25. Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. — Пг., 1918.
26. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. — М., 1902.
27. Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоановны. — М., 1913.
28. Буканова Р.Г. Города-крепости Юго-Востока России в XVIII в. — Уфа: Китап, 1997.
29. Введенский Р.М. Соляная регалия и учреждение вольной продажи соли в России // История СССР. — М., 1986. — № 1. — С. 171–181.
30. Ведерникова Т.И. Аграрное освоение и формирование населения Самарского Заволжья в сер. XVIII — сер. XIX в. // Классы и сословия в период абсолютизма. — Куйбышев, 1989. — С. 19–32.
31. Верховский П.В. Вопрос о церковных имениях в 20-х гг. XVIII столетия. — СПб., 1907.
32. Верховский П.В. Вопрос о церковных имениях в царствование Анны Иоановны (1730–1740). — СПб., 1908.
33. Верховский П.В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и канцелярия экономического правления. (15 июля 1726 — 12 мая 1763). — СПб., 1909.
34. Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. — СПб., 1893. — Вып. 1–2.
35. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872.
36. Висковатов А.В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1850. — СПб., 1850.
37. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения русских войск: В 19 т. — СПб., 1899–1902. — Т. II–III.

38. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII в. — М.: Наука, 1977.
39. *Вознесенский С.В.* Дворянская реакция после смерти Петра Великого. Из эпохи дворцовых переворотов // Русское прошлое. — Пг., 1923. — Кн. 2. — С. 22–54.
40. *Волков М.Я.* Отмена внутренних таможен в России // История СССР. — 1957. — № 2. — С. 78–95.
41. *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России. Винокурение. 2-я пол. XVII — 1-я пол. XVIII в. — М.: Наука, 1979.
42. *Вяземский Б.Л.* Верховный Тайный совет. — СПб., 1909.
43. *Галем Г.А.* Жизнь императорского генерал-фельдмаршала Миниха: Пер. с нем: В 2 ч. — М., 1806. — Ч. 1–2.
44. *Георгий Михайлович*, вел. кн. Монеты царствования Анны Иоанновны и Иоанна III. — СПб., 1903. — Вып. 8.
45. *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. — 1907. — № 2. — С. 78–95.
46. *Гольденберг Л.А.* Федор Иванович Соймонов (1692–1780). — М., 1966.
47. *Гольденберг Л.А.* Каторжанин — сибирский губернатор. — Магадан, 1974.
48. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В 2 т. — М., 1913. — Т. 1; М., 1943. — Т. 2.
49. *Готье Ю.В.* «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волянского // Дела и дни. — Пг., 1922. — Кн. III. — С. 1–31.
50. *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. — СПб., 1866.
51. *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII — XVIII вв. — М., 1964. — С. 206–243.
52. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: Пер. с нем.: В 7 т. — М., 1938. — Т. 4. — Новое время.
53. 200-летие Кабинета его Императорского величества. 1704–1904. — СПб., 1911.
54. *Дэн В.Э.* Податные элементы среди духовенства России в XVIII в. // Известия Российской Академии наук. — Пг., 1918. — Вып. 5. — С. 267–293; Вып. 6. — С. 413–445; Вып. 7. — С. 679–708; Вып. 13. С. 1357–1359.
55. *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. — СПб.: Историческая иллюстрация, 1999.
56. *Елчанинов А.Г.* История военного искусства с древних времен до Бонапарта. — СПб., 1908.
57. *Журавский Д.П.* Статистическое обозрение расходов на военные потребности. — СПб., 1859.
58. *Знаменский П.В.* Законодательство Петра Великого относительно православного духовенства // Православный сборник. — Казань, 1863. — № 7; № 9. — С. 45–77; № 10. — С. 125–158; № 12. — С. 372–405.
59. *Знаменский П.В.* Об отношении гражданской власти к русскому духовенству в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник. — Казань, 1885. — № 4. — С. 290–302.
60. *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. — СПб., 1882.
61. *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. — Рига, 1946.
62. История отечественного судостроения. — Т. 1., СПб., Судостроение, 1994.
63. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
64. *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // Отеч. зап. — 1872. — № 1–2.
65. *Карнович Е.П.* Значение бирюзовщины в русской истории // Отеч. зап. — 1873. — № 10. — С. 541–583.
66. *Кауфман И.И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XVIII в. // Записки / Нумизмат. отд. Рус. археолог. об-ва. — СПб., 1910. — Т. II. — Вып. 1–2.
67. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. — М.: 1903.
68. *Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. статей. — Л., 1960. — С. 182–216.

69. Козлова Н. В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестн. МГУ. — 1987. — № 6. — С. 47–55.
70. Козлова Н. В. Побег крестьян в России в 1-й трети XVIII в. — М.: Изд-во МГУ, 1983.
71. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. — М.: Археографический центр, 1999.
72. Корсаков Д. А. А. П. Волынский. Биографический очерк // Древняя и новая Россия. — СПб., 1876. — Кн. 1; 1877. — Кн. 1–3.
73. Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. — Казань, 1880.
74. Крепостная мануфактура в России. Ч. 4. Социальный состав рабочих первой половины XVIII в. — Л.; Изд-во АН СССР, 1934.
75. Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1987.
76. Кротов П. А. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Ист. зап. — М.: 1988. — Т. 116. — С. 313–331.
77. Кузьмин А. Г. Татищев. — М.: 1982.
78. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: В 3 ч. — СПб., 1865. — Ч. 3.
79. Лебедев В. В. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Учен. зап. / Моск. гос. ун-т. Каф. истории СССР. — М.: 1954. — Вып. 167. — С. 121–133.
80. Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. — СПб., 1886.
81. Маньков А. Г. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. // Дворянство и крепостной строй в России в XVIII в. — М.: 1975. — С. 159–180.
82. Маньков А. Г. Проект Уложения Российского государства 1720–1725 гг. // Проблемы истории феодальной России. — Л.; 1971. — С. 157–166.
83. Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времени императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. — М.: 1983.
84. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) / — Л.: Наука, 1985.
85. Милюков П. Н. Верховники и шляхетство. — Ростов-н/Д.: Донская речь, 1905.
86. Милюков П. Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. — СПб., 1892.
87. Михнева Р. А. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1735–1756). — М.: Наука, 1985.
88. Михневич Н. П. Основы русского военного искусства в России и в Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. — СПб., 1898.
89. Мурзанов В. П. Правительствующий Сенат. (Господа Сенат). 22 февраля 1711 — 22 февраля 1911 г.: Список сенаторов. — СПб., 1911.
90. Некрасов Г. А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. — М.: Наука, 1984.
91. Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. — М.: 1969. — С. 238–251.
92. Некрасов Г. А. Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715–1725 гг. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. — М.: 1961.
93. Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739 гг. — М.: Наука, 1976.
94. Нелипович С. Г. Позиция Б. Х. фон Миниха в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. — М., 1990. — № 8. — С. 3–7.
95. Ничик В. М. Феофан Прокопович. — М., 1972.
96. Носков Н. Д. Попытки ограничения самодержавия в XVIII и XIX в. — СПб., 1906.
97. Огородников С. Ф. История Архангельского порта. — СПб., 1875.
98. Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. — М.; Л., 1925.

99. Очерки русской культуры XVIII в.: В 3 ч. — М.: 1985–1988. Ч. 1–3.
100. Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России в XVII — XVIII вв.: Сб. ст. — М.: 1964. — С. 389–427.
101. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводоуправления. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
102. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. — М.: 1953.
103. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. — М.: Мысль, 1988.
104. Павленко Н. И. Торгово-промышленная политика России в первой четверти XVIII в. // История СССР. — 1978. — № 3. — С. 49–69.
105. Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве // Зап. Императорской Академии Наук. — СПб., 1864. — Т. Приложение IV. — С. 1–66.
106. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Ч. 3 // Плеханов Г. В. Соч. В 24 т. — М.: Л., 1925. Т. XXI.
107. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: В 4 т.: 8-е изд. — М.: 1933. — Т. 2.
108. Попов Н. А. Татищев и его время. — М., 1861.
109. Протасов Г. А. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 г. // Источниковедческие работы. — Тамбов, 1970. — Вып. 1. — С. 65–103.
110. Протасов Г. А. Дворянские проекты 1730 г. // Источниковедческие работы. — Тамбов, 1971. — Вып. 2.
111. Протасов Г. А. Дворянские прошения 1730 г. // Источниковедческие работы. — Тамбов, 1975. — Вып. 4.
112. Протасов Г. А. Записка В. Н. Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 11. — С. 237–265.
113. Протасов Г. А. Кондиции 1730 г. и их продолжение // Учен. зап. / Тамбовский пед. ин-т. — Тамбов, 1957. — Вып. 15. — С. 215–241.
114. Протасов Г. А. Существовал ли политический план Д. М. Голицына? // Источниковед. работы. — Тамбов, 1973. — Вып. 3. — С. 90–107.
115. Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. — СПб., 1889.
116. Репин Н. Н. Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в пер. пол. XVIII в. // Промышленность и торговля России в XVII — XVIII вв.: Сб. ст. — М., 1978. — С. 174–192.
117. Романович-Славятинский А. Д. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. — СПб., 1870.
118. Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях // Труды комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. — СПб., 1862. — С. 1–212.
119. Русская военная мысль (конец XIX — начало XX века). — М., 1982.
120. Русский флот и его управление в царствование Анны Иоанновны. (Исторические наброски) // Морской сборник. — СПб., 1882. — № 8.
121. Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700–1895). — Ростов-н/Д.: Донская речь, 1905.
122. Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 г. в России // ВИ. — 1998. — № 7. — С. 47–63.
123. Семин И. Н. Бироновщина // Ист. журнал. — М.: 1938. — № 4. — С. 25–39.
124. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823: В 2 ч. — Одесса, 1836. — Ч. 1.
125. Смирнов Ю. Н. Русская гвардия в XVIII в.: Учебное пособие. — Куйбышев, 1989.
126. Смирнов Ю. Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. — Куйбышев, 1989. — С. 87–107.
127. Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Зап. Волжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. — Самара, 1997.
128. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1963. — Кн. X.
129. Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет Министров: В 2 ч. — М., 1909. — Ч. 1; М., 1913 — Ч. 2.

130. *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. — Вильна, 1905.
131. *Троицкий С. М.* Дворянские проекты укрепления государственных финансов в середине XVIII века // *ВИ.* — 1958. — № 2. — С. 60–75.
132. *Троицкий С. М.* Историография «дворцовых переворотов» в России в XVIII в. // *ВИ.* — 1966. — № 2. — С. 38–53.
133. *Троицкий С. М.* Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // *История СССР.* — 1957. — № 3. — С. 176–198.
134. *Россия в XVIII в.: Сб. статей.* — М.: Наука, 1982.
135. *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. — М.: Наука, 1974.
136. *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. — М.: Наука, 1966.
137. *Филиппов А. Н.* История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. — Юрьев, 1895. — Ч. 1.
138. *Филиппов А. Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках. (1711–1741) — СПб., 1911. То же: История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911. — СПб., 1911. — Т. 1.
139. *Фельдпехмейстерство графа Миниха (1729–1735) // Записки фельдмаршала графа Миниха.* — СПб., 1874. — Прил. 2. — С. 217–387.
140. *Хмыров М. Д.* Исторические статьи. — М., 1873.
141. *Чеботарев Б. В.* Борьба за Приазовье в первой половине XVIII в. и первые шаги по пути его хозяйственного освоения // *Вопросы экономической истории и советского права.* — Ростов-н/Д. 1970. — Вып. 3. — С. 154–170.
142. *Черникова Т. В.* «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // *История СССР.* — 1989. — № 5. — С. 155–163.
143. *Черникова Т. В.* Политические процессы 30-х гг. XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1989.
144. *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины I. — СПб., 1906.
145. *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. — СПб., 1868.
146. *Чубинский В.* Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. — СПб., 1869.
147. *Шишкин И. П.* А. П. Волынский. Биографический очерк // *Отч. зап.* — 1860. — Т. 130. — С. 89–118; 537–606.
148. *Шубинский С. Н.* Граф Андрей Иванович Остерман: Биографический очерк. — СПб., 1863.
149. *Шульман Е. Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // *Балк. ист. сб.* — Кишинев, 1973. — Вып. 3. — С. 5–61.
150. *Шульман Е. Б.* Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1963.
151. *Щапов А. П.* Состояние русского духовенства в XVIII столетии // *Православный собеседник.* — Казань, 1862. — № 5. — С. 160–240; № 6. — С. 173–206.
152. *Щебальский П. К.* Вступление на престол императрицы Анны // *Русский вестник.* — М., 1859. — Кн. 1.
153. *Юхт А. И.* В. Н. Татищев в Москве. / К истории денежного обращения в России в 20-х — 30-х гг. XVIII в. // *Ист. зап.* — М., 1978. — Т. 101. — С. 271–343.
154. *Юхт А. И.* В. Н. Татищев и экономическое развитие России в первой половине XVIII в. // *История СССР.* — 1986. — № 3. — С. 81–98.
155. *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. — М.: Наука, 1985.
156. *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. — М.: Финансы и статистика, 1994.
157. *Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. — Paris, 1976.
158. *Maurineau M.* Budgets de l'état et gestions des finances royales en France du dix-huitième siècle // *Revue historique.* — 1980. — № 536.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5

Глава 1. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

1. Борьба группировок при дворе в 1730–1732 гг.	37
2. Внутриполитическая программа начала царствования Анны Иоанновны, ее развитие и попытки реализации	66
2.1. Внутриполитический курс в Сенате весной 1730 г.	66
2.2. Внутриполитическая программа 1 июня 1730 г.	69
2.3. Дополнение и дальнейшие этапы обсуждения внутриполитической программы в 1730–1735 гг.	78
2.4. Реализация внутриполитической программы начала царствования Анны Иоанновны.	90
3. Сенат и Кабинет министров в 1731–1735 гг.	95

Глава 2. ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРМИИ В 1730–1731 гг.

1. Состав и структура русских вооруженных сил.	103
2. Создание Измайловского и Конногвардейского полков. Образование Кадетского корпуса	110
3. Расширение контингента ландмилицких полков в 1731 г. ...	120
4. Строительство новых укрепленных пограничных линий.	128
5. Армейские соединения с особыми источниками финансирования. Низовой корпус и артиллерия.	131

Глава 3. ВОИНСКАЯ СУХОПУТНАЯ КОМИССИЯ 1730–1732 гг. И ОБЩИЕ ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 1730–1740 г.

1. Деятельность Военской сухопутной комиссии 1730–1732 гг. .	141
2. Реализация решений Военской сухопутной комиссии 1730–1732 гг.	166
3. Реформа управления армией	171
4. Общие итоги правительственной политики в отношении сухопутной армии в период 1730–1735 гг.	179

5. Планы комплектования русской армии в контексте истории европейских армий	185
6. Военная политика второй половины царствования (1736–1740)	194

Глава 4. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФЛОТУ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОИНСКОЙ МОРСКОЙ КОМИССИИ (1732–1738)

1. Вопросы финансирования флота в царствование Анны Иоанновны.	213
2. Образование Воинской морской комиссии 1732–1738 гг.	222
3. Работа Воинской морской комиссии	245
4. Некоторые итоги развития кораблестроения в царствование Анны Иоанновны и реализация планов Воинской морской комиссии 1732–1738 гг.	272
5. Проблемы развития флота в конце царствования Анны Иоанновны.	282

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	299

ПРИЛОЖЕНИЯ	304

БИБЛИОГРАФИЯ.	343

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Дизайн обложки:

А. В. Самойлова

Верстка:

А. Н. Соколова

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 17.01.2001. Подписано в печать 12.04.2001.

Формат 60 × 88/16. 22 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3980

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

